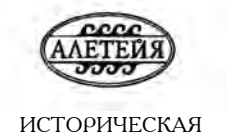
Ассоциация исследователей российского общества
(АИРО-XXI)

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

Международный совет научных проектов
и издательских программ АИРО

Геннадий БОРДЮГОВ	Руководитель
Андрей МАКАРОВ	Генеральный директор
Сергей ЩЕРБИНА	Арт-директор
Карл АЙМЕРМАХЕР	Рурский университет в Бохуме
Дмитрий АНДРЕЕВ	МГУ им. М.В. Ломоносова
Дитрих БАЙРАУ	Тюбингенский университет
Дьердь БЕБЕШИ	Печский университет
Владимир БЕРЕЛОВИЧ	Высшая школа по социальным наукам, Париж
Бернд БОНВЕЧ	Рурский университет в Бохуме
Ричард БУРГЕР	INTAS, Брюссель
Харуки ВАДА	Фонд японских историков
Людмила ГАТАГОВА	Институт российской истории РАН
Пол ГОБЛ	Фонд Потомак
Габриэла ГОРЦКА	Центр «Восток–Запад» Кассельского университета
Андреа ГРАЦИОЗИ	Университет Неаполя
Никита ДЕДКОВ	Московская школа экономики МГУ
Ричард ДЭВИС	Бирмингемский университет
Стивен КОЭН	Принстонский, Нью-йоркский университеты
Алан КАСАЕВ	МГЛУ
Джон МОРИСОН	Лидский университет
Василий МОЛОДЯКОВ	Университет Такусеку, Токио
Игорь НАРСКИЙ	Южно-Уральский государственный университет
Норман НЕЙМАРК	Стэнфордский университет
Дональд РЕЙЛИ	Университет Северной Каролины, Чапел Хилл
Борис СОКОЛОВ	Русский Пен-центр
Такеси ТОМИТА	Сейкей университет, Токио
Татьяна ФИЛИППОВА	Российский исторический журнал «Родина»
Ютта ШЕРРЕР	Высшая школа по социальным наукам, Париж

РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ

В 6-ти томах

Под редакцией
Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева

Предисловие
А.М. Рыбакова

Издание осуществлено благодаря партнерству
с Торгово-промышленной палатой РФ,
Департаментом по работе
с территориальными палатами

при содействии

торгово-промышленной палаты
Республики Башкортостан,

Брянской торгово-промышленной палаты,

Волгоградской торгово-промышленной палаты,

торгово-промышленной палаты
Воронежской области,

Липецкой торгово-промышленной палаты

З.С. Бочарова

Том 3

РУССКИЙ МИР 1930-х ГОДОВ: ОТ РАСЦВЕТА К УВЯДАНИЮ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

Москва
2014

Координатор проекта – *И.В. Зубков*

Дизайн и вёрстка – *Сергей Щербина*

Бочарова З.С.
Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России. Том 3 // Русский мир в XX веке. В 6-ти томах. Под редакцией Г.А. Бордюгова и А.Ч. Касаева. Предисловие А.М. Рыбакова. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Алетейя, 2014. – 336 с. + илл. – ISBN 978-5-91022-240-7.

В монографии на большом фактическом материале проанализирована трансформация феномена Зарубежной России в 1930-е гг.: эволюция правовой системы в отношении русских беженцев, церковный раскол, идейно-политические противоречия, вытеснение эмиграции из сфер, где прежде она играла самостоятельную роль, сокращение востребованности русских учебных заведений, русского языка, уходившего из повседневного общения, малоуспешные попытки поддержания русской среды, несмотря на значительную творческо-созидательную деятельность и приоритет задачи сохранения «исторической памяти». Показано, что Россия за рубежом претерпевала не только качественные, но и количественные изменения в силу натурализации изгнанников.

Исследование базируется на широкой источниковой базе, материалах центральных архивов РФ, вводит в научный оборот новые документы.

Книга предназначена для историков, социологов, юристов, всех, кто интересуется Зарубежьем, русской эмиграцией, миграциями, Русским миром.

ISBN 978-5-91022-240-7

© Бочарова З.С., 2014
© АИРО-XXI, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 8

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ» 10

ВВЕДЕНИЕ 13

Глава 1
ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКИХ
БЕЖЕНЦЕВ 19

Глава 2
АДАПТАЦИЯ РУССКОГО МИРА
В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ
1930-х годов 45

Глава 3
«ЕВЛОГИАНЕ» И «КАРЛОВЧАНЕ»:
РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ
ЭМИГРАЦИЯ 116

Глава 4
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ
1920-х – 1930-е гг. 148

Глава 5
ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ: ЕДИНСТВО
И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ 186

Глава 6
МАЯКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 208

Глава 7
МИР ДЕТСТВА ЗАРУБЕЖЬЯ 247

Глава 8
РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗАРУБЕЖНОЙ
РОССИИ 264

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 284

БИБЛИОГРАФИЯ 290

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 325

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский мир, российское зарубежье существуют на протяжении почти 150 лет и являются примером не только межкультурного взаимодействия, но и важным элементом лучшего понимания истории самой России, ее современного потенциала в экономике, науке и образовании. Соотечественники в разных странах мира, их жизнь и заботы – одно из основных направлений внешней политики Российской Федерации. За сравнительно короткое время в свыше 40 странах мира открыто 90 центров «Русского мира». Практически каждое федеральное министерство и ведомство имеет сегодня нормативно-правовые документы и ежегодные планы по конкретным направлениям поддержки выходцев из России, а стержневым в течение 15 лет является Федеральный закон «О государственной политике в отношении соотечественников за рубежом».

В свою очередь, исторической миссией многомиллионной диаспоры стала причастность к проблемам нашей страны, её ценностям и традициям. На Ассамблеи Русского мира, проводимые с 2007 года и традиционно приуроченные к празднованию Дня народного единства, ежегодно собираются тысячи представителей различных общественных, некоммерческих, волонтерских организаций из 80 стран мира. Со многими из них поддерживает связи Торгово-промышленная палата РФ, которая активно содействует интегрированию отечественной экономики в мировую хозяйственную систему. Неслучайно, как сможет убедиться читатель, в представляемом издании прослеживается и такой аспект Русского мира, как эмигрантское предпринимательство. Его основу в начале прошлого века составляли наследники крупных состояний (к примеру, Елисеевы, Путиловы), а позднее – «новая» элита, сколотившая капитал на русской экзотике или благодаря торговле с Россией. И в наши дни современные российские бизнесмены за рубежом пусть и не находятся в истеблишменте, но занимают прочные позиции в бизнес-сообществах многих стран.

Торгово-промышленная палата в течение десяти лет поддерживает различные инициативы Ассоциации исследователей российского общества (АИРО-XXI), но данный проект является, пожалуй, самым значительным и масштабным. Представляемое издание в шести томах посвящено истории Русского мира в XX веке. Однако хочется выразить уверенность, оно не станет для читателя лишь воспоминанием о прошлом, а будет стимулировать к лучшему будущему, к миру со всем миром.

А.М. Рыбаков
Вице-президент
Торгово-промышленной
палаты РФ,
кандидат исторических наук

О ПРОЕКТЕ «РУССКИЙ МИР В XX ВЕКЕ»

Понятие *Русский мир* и проблематика Русского мира ворвались в общественный и научный лексикон буквально за одно последнее десятилетие. До этого Русский мир имел скорее религиозное либо художественное наполнение: «живущие в единстве веры, обрядов и обычаев» (Александр Островский), «первобытный русский мир», когда «вся Русь говорила одним и тем же языком» (Пантелеймон Кулиш) и др. Теперь же Русский мир имеет довольно основательное концептуальное и категориальное оснащение, обосновывается как международное «трансгосударственное и трансконтинентальное сообщество, объединённое причастностью к России и лояльностью к русскому языку и культуре» (В.А. Тишков), обозначается также как «цивилизационное, социокультурное и наднациональное пространство, охватывающее около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире» (О.Н. Батанова). Разработаны геополитическая и геоэкономическая трактовки Русского мира (В.Л. Цымбурский и П.Г. Щедровицкий), выделены его главные опоры: православие; русская культура и русский язык; общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие (Г.В. Друзенко).

Созданный в 2007 году Фонд «Русский мир» также довольно отчетливо сформулировал исходные идеологические постулаты своей разнообразной деятельности. Русский мир – это не только русские, не только россияне, не только наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты, выходцы из России и их потомки, но и иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, все те, кто искренне интересуется Россией, кого волнует её будущее. Все пласты Русского мира – полиэтнического, многоконфессионального, социально и идеологи-

чески неоднородного, мульти-культурного, географически сегментированного – объединяются через осознание причастности к России. Формируя Русский мир как глобальный проект, Россия обретает новую идентичность, новые возможности эффективного сотрудничества с остальным миром и дополнительные импульсы собственного развития.

Историки имеют все возможности внести свой вклад в осмысление природы Русского мира и перспектив его бытования. Современное историческое знание, обращаясь на протяжении многих десятилетий к таким темам, как Русское зарубежье (зарубежная Россия, Россия в изгнании), Российская эмиграция и Российская диаспора, имеет колоссальный документальный и исследовательский потенциал, без которого крайне сложно понять и структурировать Русский мир во всех его социально-экономических, политических, культурных и коммуникационных аспектах.

Наше издание в шести томах завершает проект, важнейшим этапом которого стало составление в 2008–2009 гг. уникальной и доступной всем Базы Данных[*]. Её авторы стремились раскрыть смысл и основные факторы единства или разъединения Русского мира, включая отношение к Российской империи, СССР, РФ и их восприятия на протяжении всего XX века. Учитывались различные проявления изменений – привязанность к государству или нации, исторической памяти, культуре вообще или религии, рассмотрение влияния русского сегмента современных коммуникаций, русской музыки и литературы, других «эмоциональных факторов». Для этого понадобилось новое прочтение корпуса известной научной, мемуарной и художественной литературы о русском зарубежье и эмиграции под углом зрения главной цели проекта. В Базу вошли также опубликованные документальные источники, а также хранящиеся в центральных архивах, в частности, Государственном архиве РФ (ГА РФ), включая «Пражский архив», Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), Российском архиве социально-политической истории (РГАСПИ), материалы массовой и специализированной

[*] См.: http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html; http://www.airo-xxi.ru/-xx-

эмигрантской прессы – «День», «Социалистический вестник», «Новое русское слово». «Русская мысль», «Новый журнал», «Континент», «Политический дневник» и др. Каждый раздел Базы посвящен определённому периоду XX века: конец XIX в. – начало XX в.; 1917–1927; 1928–1938; 1939–1953; 1953–1985; 1986–2000.

Эта хронология легла и в основу настоящего шеститомного издания, канву которого в той или иной мере составляют следующие сюжеты: общая оценка периода, включая характеристику понятия Русский мир для каждого периода; отношение России к эмигрантам и эмиграции, юридическое оформление явления и разных его проявлений; география размещения эмигрантов по миру, примерная численность, сфера занятий; законы и нормы, определяющие статус эмигрантов в разных странах и их права; степень связанности представителей Русского мира в разных странах – общественные организации, центры, клубы, печать, праздники, акции и т. д.; меры по поддержанию русского языка, образования, развитию русской культуры и приобщения к ней; роль Русской православной церкви в объединении эмигрантов; роль посольств России / СССР; отношение представителей Русского мира к России / СССР, событиям, происходившим на родине, организации акций помощи и др.

Авторы выражают благодарность Фонду «Русский мир», поддержавшего первый этап проекта, и особенно В.А. Никонову. Благодарим также заместителя председателя Российского комитета по делам ЮНЕСКО А.С. Дзасохова. Незаменимое содействие в публикации результатов наших исследований оказала нам Торгово-промышленная палата РФ, Департамент по работе с территориальными палатами и лично С.Н. Катырин, А.М. Рыбаков и И.В. Зубков, которым мы выражаем искреннюю признательность.

Г.А. Бордюгов *А.Ч. Касаев*

ВВЕДЕНИЕ

Зарубежная Россия на протяжении 1920-х гг. формировала свое лицо, оригинальную сущность и характерные черты. Однако к новому десятилетию ее образ стал размываться, а инфраструктура распадаться. Тот спектр жизни Зарубежья, который определял его как особое явление и отличал от типологических свойств диаспоры, уходил в прошлое. «Симфоническая», интегративная личность творца этого феномена дряхлела и вытеснялась с исторической арены. С конца 1920-х гг. Русский мир стал меняться.

В значительной степени эти изменения обуславливались укреплением советской власти в СССР. С разрухой и голодом было покончено, «полоса непризнания» осталась позади. Осознание стабильности советской власти и, соответственно, невозможности возвращения на родину, определение своей социальной ниши за границей усилили настроения значимости не политической, а культурной работы эмиграции. Идеологическая и политическая борьба для многих отодвинулась на второй план, мимикрировали, трансформировали свои программные установки политические группы. Изменились векторы идейных поисков: с одной стороны, форсировалась подрывная подпольная работа и стремление разоблачить сталинскую антинародную политику; с другой – наблюдалось формирование новых течений, учитывавших сложившуюся социально-экономическую и политическую ситуацию на родине (неоспоримые достижения в развитии промышленности при жестком режиме). В эмиграции встало на ноги поколение, имевшее смутное представление о дореволюционной России. Споры об историческом пути страны уходили на второй план, приоритетные позиции заняла проблема государственного переустройства России. Можно сказать, что послереволюционные течения, аккумулировавшие лучшие интеллектуальные силы эмиграции: младороссы, сторонники журнала «Новый путь»,

Народно-трудового союза и другие, – несли в себе больший позитивный потенциал.

Условия для поддержки соотечественников создавали русские общественные организации, выступившие в качестве компенсационных институтов, заполнивших ниши и пробелы в правовом поле, а также в сфере социальной защиты международного и правительственного уровня. Критериями успешности адаптации русского мира выступили характер социальной мобильности, степень независимости жизнеобеспечения, самореализации эмигранта. С одной стороны, постепенно развивался процесс формирования мировым сообществом, государствами–реципиентами условий адаптации иностранцев, находившихся в специфическом положении, к новой среде, с другой – шло согласование притязаний самих эмигрантов с жизненными реалиями, создание ими собственных институтов приспособления, самоорганизации. Т.е. не только эмигрантское сообщество пыталось вписаться в новые условия жизни, но и государства-реципиенты вынуждены были считаться с «раздвоением» России, учитывать особость юридического положения граждан страны, которая исчезла с политической карты мира, т. к. они не признавали новую государственность, образовавшуюся на развалинах Российской империи, формально становясь лицами без гражданства.

Уникальность Зарубежной России, связанная с длительностью пребывания и сохранением при этом национального менталитета проявилась в стремлении не утратить духовной связи с родной почвой, зафиксировать собственный накопленный потенциал, активно изучать события, происходившие на родине, строить научные и политические прогнозы, анализируя место страны в мировом пространстве и в определении исключительной исторической миссии «русского мира». Возможность формирования и длительного существования русского Зарубежья обуславливалась способностью воспринимать и усваивать явления иной культуры, приспосабливаться к новой бытовой обстановке. Российская эмиграция смогла создать произведения, отражавшие национальный колорит и, вместе с тем, ставшие неотъемлемой частью культуры других стран. Писатель В.П. Аксенов отмечал, что без российского творчества и интеллектуального потенциала Запад почувствовал бы себя обделенным.

Изменилась и международная обстановка вокруг беженского вопроса. Лига Наций перенесла центр тяжести в его решении на урегулирование юридического статуса изгнанников, помощь в социальной сфере. Учет, расселение и, тем более, репатриация потеряли актуальность.

Женевские межправительственные соглашения стали реакцией на запросы, выдвинутые жизненными обстоятельствами, реальной исторической ситуацией. Логичным завершением процесса признания бывших граждан Российской империи, не принявших советскую власть, лицами, оставшимися без попечения государства своего происхождения, стало принятие сначала соглашения 1928 г., а затем Конвенции о правовом статусе русских беженцев 30 июня 1933 г. Данный результат стал возможен благодаря упорному сопротивлению ассимиляции, стремлению сохранить элементы и признаки российской государственности, заявить мировому сообществу и убедить его в особости своего положения.

Анализ международного юридического творчества в отношении русских беженцев раскрывает сложность и неоднозначность принимаемых решений, влиявших на судьбу тысяч людей, борьбу двух противоположных тенденций – гуманитарной заботы о беженцах, с одной стороны, и, с другой – невмешательство во внутренние дела государств-реципиентов. Беженцы как особая категория иностранцев выделялись по национальному признаку или территории, которую они покинули, а также в связи с отсутствием дипломатической защиты со стороны государства своего происхождения. Женевские определения понятия «русский беженец» 1922 г. («русского происхождения, не принявший никакого другого подданства») и 1926 г. («всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства») требовали дополнений и разъяснений. Нечеткие и недостаточно юридически выверенные, они позволяли правительствам ограничивать доступ в эту группу рядом условий (по времени, по месту выезда за границу и пр.). Между тем, от трактовки этого понятия зависела практика выдачи нансеновских паспортов, предоставления льгот российским беженцам как наиболее благоприятствуемым иностранцам.

Благодаря русским эмигрантам, прежде всего юристам, на рубеже 1920–1930-х гг. появились документы, которыми долж-

ны были руководствоваться во всем объеме страны-члены Лиги Наций при урегулировании прав беженцев. Именно русский мир 1920–1930-х гг. положил начало развитию международного режима по делам беженцев и соответствующей отрасли международного права. В условиях, когда за эмигрантами не стояло государство, защищавшее бы их интересы, юридический вакуум начал постепенно заполняться. К началу 1930-х гг. сформировались принципиальные положения международных правовых норм, регулировавших жизнедеятельность бывших подданных Российской империи.

Составители Конвенции 1933 г. о юридическом статусе русских беженцев попытались учесть нормы, выработанные практикой, обычаями, законодательствами отдельных государств, найти равнодействующую между требованиями беженцев, интересами правительств разных стран и гуманитарными принципами складывавшегося международного права под эгидой Лиги Наций. Разрабатываемые с конца 1920-х – в 1930-е гг. международные соглашения влияли на правовые нормы, действовавшие в странах-реципиентах (например, условия легализации беженцев, трудоустройства, создания союзов, въезда и выезда из страны, степень свободы выбора местожительства, передвижений и др.). Именно от них зависела успешность адаптации российской эмиграции в процессе взаимодействия с новой средой.

В Зарубежье подчас раздавались голоса об излишней замкнутости русского мира, о том, что эмиграция «почти не делает попыток ощутить биение жизни новой Европы, узнать и понять искание мысли, чувства и общественного строительства, которые напряженно волнуют современный Запад», «интересуются лишь тем, что имеет косвенное отношение к России, да и то, довольствуясь газетными крохами и случайными сведениями»[1].

Необходимость интеграции все ярче обнаруживала себя. В ходе адаптации сокращалась дистанция между Зарубежьем и средой страны-реципиента. Причины тому были как экономического, так и политического плана, а также инокультурное и иноязычное окружение, выстраивание правовых отношений между беженцем и принимающим обществом, а, следовательно, угасание феномена – России № 2.

Изменилась тематика и характер гуманитарных публикаций, в них все чаще и явственнее звучит тревога за судьбу

русских детей, русского языка, образа жизни и национального самосознания. Продвинутая адаптация россиян, их положительная социальная мобильность была невозможна без слияния с принимающим обществом. Российское Зарубежье, выполнив свою функцию, стало терять одну позицию за другой. Однако специфичность российской эмиграции 1920–1930-х гг. внесла свою лепту в логику адаптационных процессов, взаимоотношений диаспоры и принимающей среды.

С конца 1930-х гг. русский вопрос на уровне Лиги Наций перестал существовать. Был положен конец деятельности Нансеновского офиса по защите интересов русских беженцев. Это произошло в значительной степени под давлением Советского Союза. Влияние нового верховного комиссара, который теперь не мог действовать от имени Лиги Наций, на политику правительств в отношении все увеличивающегося притока беженцев из разных стран практически стало равно нулю.

Определение понятия «беженец» 1920-х гг. потеряло свою национальную составляющую. Акцента на *русских* уже сделано не было.

Зарубежный «русский мир» престал быть одной из самых острых проблем в международных отношениях.

Несмотря на то, что эмигрантам не пришлось добиться массового повышения социального статуса, они активно воздействовали на новую сферу жизнедеятельности, в которую включились. Русская интеллектуальная мысль оплодотворила мировую науку, а многие сферы культурной деятельности можно отнести к мировым культурным достижениям. Потенциал иммигрантов, интегрирующихся в инонациональное общество, стал ценнейшим капиталом, какой только можно инвестировать в страну пребывания, стал социально-демографическим, духовным и культурным ресурсом, выполнявшим гуманитарные задачи.

К концу 1930-х гг. организационная работа в российском зарубежье пришла в упадок. К этому вела, с одной стороны, утрата мотивации, осознание того, что, по крайней мере, в обозримом будущем вряд ли представится возможность вернуться в Россию, где утвердился советский режим. С другой стороны, СССР, занимавший позицию нетерпимости по отношению к соотечественникам, добивался от иностранных правительств свертывания помощи российским эмигрантам. Русские благотворитель-

ные и общественные организации исчерпали финансовые, материальные средства и возможности. В связи с чем резко усилились тенденции к интеграции.

Как отмечал кадет, в то время член исполнительного комитета Земско-городского комитета (Земгора) в Париже П.П. Юренев, посетив Прагу в начале 1930 г., русский быт, воспоминания, уклад еще по инерции сохранялись, но все больше затягивала «новая жизнь: днем служба в обществе чешских коллег, вечером – кафе для холостых, домашний уют для женатых со всей обстановкой собственной квартиры, с детской коляской и семейными заботами. …они не перестают быть, может быть, русскими, но перестают быть русскими беженцами»[2]. Тем самым повседневность эмигрантов переставала ориентироваться на воспроизводство привычных русских образцов и все более и более определялась местными национальными культурами и традициями, что предопределяло постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляцию значительной части русских беженцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по: *Николаев Д.Д.* Н.А. Тэффи и русские периодические издания в Чехословакии // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века. – М., 1999. С. 128.

[2] Бюллетень № 56 Российского Земско-Городского комитета. – Париж, 1930. 15 янв. С. 11.

1

ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ

В первой половине 1920-х гг. международное сообщество решало проблемы расселения и, соответственно, урегулирования передвижений русских беженцев из страны в страну, в связи с чем были введены удостоверения личности (нансеновские паспорта) и создан специальный оборотный фонд для помощи переселения в страны Латинской Америки. Но проблемы правовой адаптации беженцев этим не исчерпывались. Чем дальше, тем больше ощущалась необходимость упорядочения личного правового статуса беженцев. За первые шесть лет своего существования верховный комиссариат по делам русских беженцев добился только введения нансеновского паспорта, а к вопросу о статусе беженца подошел лишь в конце 1920-х гг. Прежде он решался постольку, поскольку имел значение для основной задачи, которую ставила перед собой Лига Наций: учет и расселение беженцев по странам и их трудоустройство.

В связи с подготовкой документа о правовом статусе парижская Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев во главе с Б.Э. Нольде[1] разослала анкеты со 110 вопросами для выяснения реальной правовой ситуации. Ответы должны были придти к 15 января 1927 г. На их основе предполагалось выработать общие универсальные рекомендации[2].

Очередная Ассамблея Лиги Наций на основании отчетов верховного комиссара и Международного бюро труда (МБТ) на заседании 26 сентября 1927 г. приняла резолюцию о необходимости созыва международной конференции по вопросам дальнейшего регулирования статуса беженцев. В соответствии

с этой резолюцией 31 января 1928 г. верховный комиссар разослал всем заинтересованным правительствам анкетный лист о правовом положении беженцев[3], ответы на который ожидались к 31 марта 1928 г. Ответы были обсуждены специальной технической комиссией по изучению юридического положения российских и армянских беженцев под председательством Я.Л. Рубинштейна. После чего комиссия выработала ряд рекомендаций[4]. Намечаемые меры были, по сути, обобщением и развитием того режима, который сложился в некоторых странах.

Рекомендации в основном были учтены межправительственной «Конференцией о правовом статусе беженцев», состоявшейся по постановлению VШ сессии Ассамблеи Лиги Наций с 28 по 30 июня 1928 г. под эгидой МБТ. В ней приняли участие представители 15 заинтересованных стран[5], российские и армянский юристы-эксперты[6], а также помощник верховного комиссара Т. Джонсон и помощник директора МБТ Б.Г. Батлер. Присутствовали делегаты беженской секции с мест[7], представители русских организаций Я.Л. Тейтель, И.М. Брушвит. Всем участникам раздали объемистый томик ответов на предварительно разосланный опросный лист. Открыл конференцию Б.Г. Батлер. Председателем был избран швейцарский делегат, заведующий отделом в федеральном департаменте юстиции Швейцарии Делаки, присутствовавший на всех конференциях с 1921 г. Директор МБТ и Ф. Нансен в силу обстоятельств отсутствовали.

Программа конференции охватила всю совокупность правовых условий существования беженцев. К концу работы первого дня основные пункты заключения меморандума были в принципе приняты. В ходе обсуждения сложились два блока стран. Одни страны («французский блок») высказались за принятие конвенции, что неизбежно привело бы к трудностям формального характера, проведению ряда новых норм законодательного характера в отдельных странах. «Германский блок» предлагал подписать соглашение, отстаивал букву закона и административных распоряжений, уже принятых в странах, поэтому делал оговорки по ряду пунктов.

30 июня 1928 г. было подписано межправительственное соглашение о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Оно состояло из двух частей. Первая часть (1 ст.) касалась представительств верховного комиссара в различных

странах, которые должны были выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах. Порядок их назначения был аналогичен порядку назначения иностранных консулов. Таким образом, вводился совершенно новый институт, не имевший прецедентов в мировой практике. Во второй части (2–9 ст.) оговаривались личные права эмигрантов[8]. Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Франция, Литва приняли соглашение полностью; представители Польши, Румынии, КСХС и Швейцарии не приняли его первую часть; Греции и Эстонии – частично и с большими ограничениями; Египет, Финляндия и Чехословакия подписать соглашение отказались.

Нансеновский офис в странах-реципиентах должен был осуществлять следующие функции: удостоверять личность и звание беженцев, их семейное положение и гражданское состояние на основании актов, совершенных в России, или фактов, имевших там место (прибегая к помощи свидетелей); удостоверять подписи эмигрантов, копии и переводы их документов, составленных на русском языке, на иностранный язык; удостоверять перед местными властями репутацию, хорошее поведение беженца, прежнюю службу, профессиональную квалификацию, университетские и академические звания.

Порядок назначения представителей Нансена был аналогичен порядку назначения иностранных консулов. Они могли выдавать удостоверения, заменявшие утерянные или оставшиеся в России аттестаты и дипломы об окончании различных учебных заведений, о производственном стаже, принадлежности к сословию присяжных поверенных, к практикующим врачам, к ремесленникам того или иного цеха и пр.; рекомендовать беженца компетентным властям, в частности, по вопросам виз, разрешений на жительство, допуска в школы, библиотеки и т. д. Их деятельность не могла носить политического характера и не допускала вмешательства в функции местных властей.

Определенные разногласия на конференции 28–30 июня 1928 г. вызвал вопрос о признании документов, выдаваемых представителями верховного комиссара, официальными и о разграничении функций нансеновских офисов, местных органов власти, эмигрантских учреждений и советских представительств. В результате дискуссий было решено предоставить государствам возможность самостоятельно определять при-

оритетность либо нансеновских офисов, либо местных органов власти, либо эмигрантских учреждений, либо советских представительств в решении беженских проблем.

Так, в Югославии за Делегацией по защите интересов русской эмиграции сохранялось право выдавать документы, касавшиеся актов и событий, совершенных *до* Октября 1917 г., и предназначенные для Югославии или государств, не признавших СССР. В то время как делегат верховного комиссара выдавал удостоверения и свидетельства для представления властям в СССР или в государствах его признавших, а также касавшиеся актов и фактов, имевших место в России *после* Октября 1917 г. Эстония отказалась признать официальное положение за представителем верховного комиссара и его документами. Чехословакия оставила за собой право взять назад свое согласие на применение статьи 1 Соглашения, ограничив сферу деятельности представителя верховного комиссара беженцами, потерявшими российское (советское) подданство до 1 января 1923 г. Германия, не сделав при подписании соглашения формальной оговорки, в ходе конференции заявляла, что функции представителя верховного комиссара будут находиться в противоречии с германским законодательством о консулах. Польша мотивировала свой отказ от статьи 1 Соглашения тем, что признание официального положения представителя верховного комиссара было бы нарушением Рижского мирного договора 1921 г.[9] Однако в основе подобных заявлений лежали не столько юридические, сколько политические причины.

Не просто обстояли дела и с личными правами эмигрантов. Их статус обычно регулировался нормами международного права, местным законодательством, в отдельных случаях применялись отечественные законы иностранцев, что для лиц, не имевших гражданства, влекло осложнения. Неопределенность и двусмысленность положения российских эмигрантов была налицо из-за непризнания ими законов Советской России и потери значения дореволюционных российских законов. Эмигранты отдавали себе отчет в том, что дореволюционное русское право после окончания гражданской войны стало неприменимо, «ибо право умирает вместе с государством»[10]. Соглашение устанавливало, как правило, применение местного права, но некоторые статьи допускали отступление в пользу законов

добольшевистского периода. Например, Франция считала возможным до признания Советского Союза в октябре 1924 г. применять в надлежащих случаях к эмигрантам старые русские законы. Законодательство в Германии делало исключение для русских эмигрантов, применяя к ним германские законы (обычно к иностранцам применялись законы страны, из которой они выехали) согласно ст. 4 закона о германо-советских договорах от 14 января 1926 г.[11]

В целом в Соглашении 1928 г. прослеживалась тенденция уравнивания в правах эмигрантов с подданными стран-реципиентов. Так, ст. 6 рекомендовала не применять к апатридам во всей строгости ограничительных мер, относящихся к иностранным рабочим, при этом учитывалось, что эмигранты не могли возвратиться на родину. Ст. 7 предписывала недопустимость высылки без въездной визы соседнего государства или другой страны. Ст. 8 касалась уравнивания эмигрантов с подданными страны их пребывания в отношении взимания налогов. Ст. 9 рекомендовала облегчить формальности, связанные с визированием иностранных и продолжением срока внутренних паспортов, а также устранять ограничения при передвижениях эмигрантов внутри страны пребывания. В паспорте беженца предлагалось заменить формулировку: «этот паспорт не имеет силы для возвращения», словами: «этот паспорт имеет силу для возвращения в страну, его выдавшую, в течение срока его действия». Но при пересечении границы СССР терялся не только статус беженца, но и действие обратной визы. Выполнение данной статьи являлось важным для эмигранта, поскольку обеспечивало относительную свободу передвижений и гарантировало возможность возвращения в страну постоянного проживания, где была работа, квартира, семья[12].

Преимущество соглашения заключалось в том, что законы, которым были подчинены личные права российских эмигрантов, становились более устойчивыми, «следовавшими за ними при передвижениях» из страны в страну, т. е. при переездах эмигрант уже не попадал каждый раз под новое право. Не отрицалось принципиально и старое российское право.

Предоставление таких широких прав российским беженцам, официальное узаконение консульских функций за представителями верховного комиссара вызвали обеспокоенность

советского правительства. Претензии «в связи с получением белогвардейцами, согласно некоторых статей соглашения, бóльших привилегий по сравнению с советскими гражданами, проживающими за границей», были направлены М.М. Литвиновым Ф. Нансену 7 ноября 1928 г. В том же письме высказывались опасения, что белоэмигрантские организации под прикрытием нансеновских представительств усилят свою враждебную деятельность, «что неизбежно приведет к конфликтам с правительствами». М.М. Литвинов остановился также на статье 7, ограничивавшей возможности высылки эмигрантов, что должно было, по его мнению, привести «к развитию и поощрению антисоветской деятельности в пограничных с СССР странах»[13]. Ф. Нансену пришлось объяснять, что его представители имелись уже в различных странах, и они не являются консульскими чинами, возможность назначения белоэмигрантов для выполнения функций представителей исключена согласно принятой резолюции, а новая организация представительств установит контроль Лиги Наций над деятельностью белоэмигрантских организаций, что «бóльшие права и преимущества по сравнению с советскими гражданами предоставлены беженцам благодаря отсутствию условий взаимности, а также ввиду предоставления возможности добыть средства к существованию»[14].

Поскольку заключительный акт конференции был, как и решения конференций 1922 и 1926 гг., рекомендательным, а отнюдь не обязательным[15], X сессия Лиги Наций 21 сентября 1929 г. приняла постановление, в котором содержалась просьба к правительствам «принять и применять межправительственные соглашения от 5 июля 1922 г., 31 мая 1924 г. (о нансеновских удостоверениях) и 30 июня 1928 г. (о юридическом статусе беженцев)» и высказано «пожелание о все большем распространении нансеновских марок»[16].

20 сентября 1928 г. на сессии Лиги Наций был одобрен план реорганизации дела помощи беженцам, предложенный верховным комиссаром и директором МБТ. МБТ прекращало свое участие в устройстве беженства. Всю работу должен был сосредоточить в своих руках верховный комиссариат с особой состоявшей при нем совещательной комиссией. Большинство стран стремилось подчеркнуть, что проблема беженцев – временная, преходящая. Кроме того, отмечалось, что, будучи по

сути гуманитарным, беженский вопрос время от времени приобретает политический характер. В резолюции, принятой IX сессией, было закреплено, что полное разрешение проблемы возможно лишь путем возвращения беженцев на родину или ассимиляции в странах пребывания, в связи с чем было постановлено облегчить беженцам возможность принятия подданства. Однако репатриация исчерпала себя, натурализация, «так близкая англичанам», по словам Ф. Нансена, – оставалась, скорее, платоническим пожеланием. Поэтому предлагались меры по формированию основ экономической самостоятельности беженцев[17].

X сессия Лиги Наций (сентябрь 1929 г.) постановила, «чтобы часть фонда, образуемого от продажи нансеновских марок, была использована для пополнения фондов, учрежденных для оказания помощи беженцам, заслуживающих вспомоществования»[18]. Так, во Франции половина нансеновского сбора шла в Лигу Наций, а другая половина поступала в распоряжение Распределительного комитета в Париже, который входил в состав образованного в 1924 г. Эмигрантского комитета[19] во главе с В.А. Маклаковым. Распределительный комитет состоял из председателя – В.Н. Коковцова и двух членов – Н.Д. Авксентьева и Н.В. Савича. Избирался он один раз в три года Эмигрантским комитетом и утверждался МИД Франции. Средства, полученные от нансеновского сбора, Распределительный комитет направлял в адрес русских благотворительных организаций во Франции[20]. В 1939 г. «Возрождение» писало, что все собранные деньги во Франции принадлежат эмиграции. Но в распределении денег принимал участие уже не только Распределительный комитет, но и координационный комитет русских благотворительных учреждений во Франции, и это вносило, по мнению газеты, много непонятного в область материальной помощи[21]. Но в ряде стран эти деньги целиком шли в Женеву.

Новый этап международной помощи российским беженцам начался с утверждения при верховном комиссаре 14 декабря 1928 г. советом Лиги Наций межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев для рассмотрения правовых и организационных вопросов.

Активное участие в реорганизации деятельности верховного комиссариата принял совещательный комитет частных ор-

ганизаций, образованный еще в сентябре 1921 г. В его состав к 1935 г. входили 38 организаций, из них русских насчитывалось 12: Совет послов, Земгор, Российское общество Красного Креста, ЦК попечения о студентах, Союз инвалидов, Центральная юридическая комиссия, пражский и белградский Земгоры, Союз земледельческих колоний в Праге, Русский попечительный комитет в Польше, Педагогическое бюро в Праге и др.[22] Эмигрантские общественные организации из разных стран стремились стать членами совещательного комитета «в целях получения возможности с большим успехом отстаивать интересы русской эмиграции»[23]. Возникла угроза превращения комитета «в многочисленный парламент с вредным, порою, для скромной работы направлением, в особенности после допущения в него» организаций, преследующих больше политические, чем гуманитарные цели[24]. Чтобы комитет не потерял деловой характер, К.Н. Гулькевич предложил образовать особую приемочную подкомиссию, которой давалось шесть месяцев на рассмотрение каждого из ходатайств кандидатов. Совещательный комитет рекомендовал отбирать центральные организации, цели коих не дублировали бы деятельность уже вошедших в комитет. Так, в мае 1931 г. Особый комитет по делам русских в Финляндии начал ходатайствовать о принятии его с состав совещательного комитета. Переписка продолжалась более 2,5 лет. В результате К.Н. Гулькевич в письме от 30 января 1933 г. оповестил Комитет, что его просьба отклонена на заседании 15 декабря 1932 г., «т. к. членами совещательного комитета могут быть только самостоятельные организации. Ваша же получила… два года сряду по 3 тыс. шв. фр. пособий на административные расходы»[25].

Совещательный комитет частных организаций на заседании 15 февраля 1929 г. рассмотрел вопросы по реорганизации верховного комиссариата. Он поддержал положение меморандумов центральных организаций русских и армянских беженцев от 5 февраля и британских организаций от 11 февраля о том, что «ни репатриация, ни натурализация не могут быть признаны общим практическим решением проблемы беженцев», и выразил убеждение, что «преждевременная ликвидация верховного комиссариата была бы губительная для беженцев и только усложнит проблему»[26]. Представители русских организаций также настаивали на использовании части оборотных

средств фонда, формировавшегося из доходов от продажи нансеновских марок, в благотворительных целях (на больницы, школы и т. п.)[27]. Комитет поддержал идею создания межправительственной совещательной комиссии и предложил ввести в ее состав своих технических консультантов[28].

В результате в совещательную комиссию вошли представители 14 правительств и 8 экспертов (в том числе три юриста-эмигранта (К.Н. Гулькевич, Я.Л. Рубинштейн, Б.Э. Нольде) с правом совещательного голоса). Председателем комиссии был назначен французский делегат юрист Л. Навай (de Navailles). Ее первая сессия состоялась 16–18 мая 1929 г.[29] Я.Л. Рубинштейн на примерах показал важность сочетания международного покровительства беженцам с мерами, принимаемыми отдельными правительствами. Совещательная комиссия разделила эту точку зрения и также подчеркнула необходимость признания за беженцами особого статута[30]. Аппарат верховного комиссара в виде эксперимента на один год решено было подчинить административной власти генерального секретаря Лиги Наций, образовав временный отдел[31]. 4 сентября 1929 г. совещательный комитет частных организаций рассмотрел отчет о деятельности межправительственной совещательной комиссии и заключил, «что совместные усилия верховного комиссариата и заинтересованных правительств могут заменить отсутствие национальной защиты и обеспечить беженцам легальный статус, чтобы создать необходимые условия для равноправного существования беженцев в странах, предоставивших им убежище»[32]. Не случайно через год междуправительственная совещательная комиссия констатировала, что некоторые страны нашли возможным уравнять русских военных инвалидов-беженцев со своими собственными инвалидами. В одних странах подобное уравнение допускалось законом, в других – закон был соответственно изменен. Комиссия посчитала целесообразным обратить внимание стран, кои не могли принять подобные решения, на желательность пойти по этому пути[33].

2–5 сентября 1930 г. состоялась вторая сессия междуправительственной совещательной комиссии при верховном комиссаре по делам беженцев в Женеве. Активно обсуждался вопрос «об организации на будущее время дела помощи беженцам»[34]. Были представлены доклад генерального секре-

таря Лиги Наций собранию Лиги Наций, подготовленный согласно резолюции собрания 1929 г., мемуар, представленный Лоджем от имени Ф. Нансена, пожелания частных организаций беженцев. Выявились две позиции: учреждение единого офиса, наделенного функциями как политико-правового покровительства беженцам, так и гуманитарными, либо разделение этих функций. Альтернатива разрешилась в пользу второго варианта.

Именно он обсуждался на XI сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1930 г., где были установлены основные положения реорганизации международного обслуживания беженцев.

Должность верховного комиссара, ставшая вакантной после смерти Ф. Нансена, последовавшей в мае 1930 г., была упразднена. Беженская секция – расформирована. 30 сентября была принята резолюция об учреждении автономной организации с 1 апреля 1931 г.: Международного офиса по делам беженцев имени Ф. Нансена[35] во главе с М. Губером, профессором Цюрихского университета, членом Постоянной палаты международного суда в Гааге, выдающимся юристом, председателем МККК. В резолюции говорилось: «Собрание Лиги Наций 1) обращаясь мыслью к тому, что было сделано для беженцев д-ром Нансеном, и, памятуя его деятельность, направленную на то, чтобы объединить народы в служении миру, – торжественно изъявляет свою признательность памяти лучшего слуги Лиги Наций, <…> 3) постановляет возложить на ординарные органы Лиги Наций политико-правовое покровительство беженцев <…>, 6) ассигнует Международному офису 333800 зол. фр. на 1931 год, 7) обращает внимание правительств на желательность распространения системы марки Нансена, 8) поручает офису принять решение во вопросу об обращении к частной благотворительности для оказания помощи беженским детям, <…> 11) высказывает пожелание, чтобы Международный офис по возможности использовал опыт наличного состава беженской секции»[36]. Пленум Лиги Наций «принял также предложение лорда Роберта Сесиля о присвоении вновь учреждаемому Офису имени доктора Нансена»[37].

Во главе Международного офиса стоял Административный совет. Таким образом, «единоличное ведение беженцами в лице верховного комиссара» было преобразовано «в управление

коллегиальное»[38]. Исполнительным органом являлось правление. В состав Административного совета входили, согласно предложениям русских экспертов, председатель и три члена межправительственной совещательной комиссии по делам беженцев, три члена от совещательного комитета частных организаций, по одному представителю от МККК, Лиги Красных Крестов, Комитета международного союза помощи, представитель директора МБТ, представитель генерального секретаря Лиги Наций[39].

На ближайшие три года был избран следующий состав Административного совета: председатель – М. Губер, представитель генерального секретаря Лиги Наций – Ж. Авеноль, заместитель – Крно, представитель директора МБТ – А. Тома, заместитель – Л. Чайльдс, председатель межправительственной комиссии – Л. Навай, от той же комиссии члены Фелькерс (германский генеральный консул), Фирлингер (посланник Чехословакии), Рафаэль (представитель Греции при Лиге Наций), заместители – Шуменкович (сербский посланник), Антониаде (румынский посланник), Фолькманс (Латвийский посланник) и Гвяздовский (советник польской делегации при Лиге Наций); от совещательного комитета частных организаций – К.Н. Гулькевич, заместитель Я.Л. Рубинштейн, Пашалаян, заместитель Генемиан (армяне) и Гольден, заместитель Меккензи (англичане); от международных организаций помощи – Чираоло (итальянец, Международный комитет помощи) и полковник Бикнель (американец, Лига Красных Крестов), их заместители: Франсуа (бельгиец, Международный комитет помощи) и Вернер (швейцарец, МККК). Правление офиса: председатель М. Губер, члены – Л. Навай (Франция) и К.Н. Гулькевич (русский), заместители – Рафаэль и Пашалаян[40]. Следующий состав Административного совета: председатель – не назначен, вице-председатель – Антониаде (с июня 1935 г.); от секретариата Лиги Наций – Авеноль, от МБТ – Батлер; председатель межправительственной комиссии – Рафаэль (с октября 1935 г.), члены комиссии – Реффи (Франция, с марта 1935 г.), Антониаде, Субботич (Югославия, с октября 1935 г.), заместители Фолькманс, Романелли (Италия), Антонов (Болгария, с марта 1935 г.), Эдмонт (Англия, с марта 1935 г.), члены от беженских организаций – Гольден (Объединенный британский комитет), Гулькевич (до июля 1935 г.), Пашалаян (ЦК армянских

беженцев), члены от организаций помощи – Свифт, Чираоло. Офису было предоставлено право назначать представителей в отдельных странах, непосредственно сноситься с правительствами стран, как состоявших членами Лиги Наций, так и не входивших в ее состав. Его агенты наделялись дипломатическим иммунитетом. Деятельность этой организации предполагалось закончить к 31 декабря 1939 г. Однако, как отмечал В.А. Маклаков, Международный офис был создан только для благотворительной и гуманитарной помощи, а правовая помощь оставалась в ведении секретариата Лиги Наций без всякого ограничения срока[41].

Политико-правовое покровительство беженцам возлагалось на генерального секретаря Лиги Наций, которому поручалось: а) следить за эволюцией беженской проблемы, б) обеспечивать, упорядочивать и следить за применением существующих Соглашений, в) в случае надобности брать на себя почин пересмотра существующих Соглашений и заключение новых.

Подготовка проекта Устава Офиса была поручена М. Губеру. 19 января 1931 г. документ утвердил совет Лиги Наций. В основу Устава были положены предложения, сделанные в совещательной комиссии российскими экспертами К.Н. Гулькевичем и Я.Л. Рубинштейном.

Действуя как автономный орган, Международный Офис непосредственно подчинялся Лиге Наций, которая назначала его председателя, ассигновала средства на его содержание, проверяла через своих ревизоров его отчетность, ежегодно рассматривала его доклад. § 3 Устава определял следующие задачи: Офис 1. «собирает и объединяет сведения о материальном и моральном положении беженцев, способствует размещению и устройству их, собирая сведения о рынках труда в странах иммиграции, 2. согласует деятельность и дает директивы организациям помощи, 3. собирает и распределяет при содействии всех, кто может быть в этом полезен, в частности, при содействии совещательного комитета частных организаций, средства для улучшения существования беженцев, в том числе суммы, выручаемые от продажи нансеновских марок, 4. в пределах своей компетенции облегчает применение к частным случаям соглашений, заключенных в интересах беженцев»[42]. Таким образом, Офис мог выполнять правозащитные функции.

Первая сессия Административного совета состоялась 10–12 марта 1931 г. Генеральным секретарем Офиса был назначен бывший заместитель верховного комиссара майор Т. Джонсон. Совет постановил учредить особый Фонд памяти Нансена.

В конце апреля вторая сессия Административного Совета приняла бюджет на 1932 г. Все прежние представительства верховного комиссариата сохранялись. Совет уточнил их роль – представительство интересов беженцев перед местными властями в отдельных частных случаях (визы, право занятия промыслами и трудом, вопрос о праве проживания в стране и т. д.). Тогда же заместителем делегата Офиса в Германии был назначен Е.А. Фальковский. Одновременно он, после того как при Обществе помощи русским гражданам в Берлине была закрыта юридическая консультация в 1928 г., возглавил русскую юридическую консультацию при Берлинском представительстве Лиги Наций, по соглашению с Союзом русской присяжной адвокатуры[43].

Сохранялся прежний порядок подачи ходатайств, в том числе о пособиях: их рассматривала финансовая подкомиссия совещательного комитета частных организаций (Гулькевич, Клузо (Швейцария), Пашалаян). Были назначены заместители председателя Правления Офиса – Рафаэль, Навай и Гулькевич. Впервые представители беженцев были привлечены к непосредственному участию в международной организации.

Третья сессия Административного совета (июль 1931 г.) была посвящена рассмотрению плана ликвидации Офиса к 31 декабря 1939 г. 21 июня 1932 г. Н.И. Астров с обеспокоенностью писал К.Н. Гулькевичу по этому поводу: «Говорят, что вообще Офис дышит на ладан и что вопрос о ликвидации всего дела помощи русским беженцам стал на очередь в более реальной форме, чем это было раньше. У этого дела нет его прежних защитников – Ф. Нансена и А. Тома»[44].

В связи с предстоявшей ликвидацией Офиса межправительственная совещательная комиссия по делам беженцев стала готовить вопрос о заключении правительствами-участниками конференции 28–30 июня 1928 г. конвенции о юридическом положении русских и армянских беженцев, являющейся для них обязательной. 30 сентября того же года XII сессия Лиги Наций приняла резолюцию, коей «Административному Совету Международного офиса Ф. Нансена, сообща с межправитель-

ственной совещательной комиссией, поручено изучить вопрос о целесообразности выработки конвенции, имеющей целью обеспечить покровительство беженцев по ликвидации Офиса»[45].

В октябре 1931 г. Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена разослал членам своего Административного совета, совещательного комитета, частным организациям, своим делегатам на местах анкетный лист о положении эмигрантов в разных странах[46]. Составление проекта конвенции было поручено председателю межправительственной совещательной комиссии Л. Навайю.

Следующим шагом стало его обсуждение и принятие на конференции, состоявшейся 26–28 октября 1933 г. в Женеве. В ней приняли участие 15 государств[47]. Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев была подписана представителями 12 государств 28 октября 1933 г. Положения этого документа носили уже не рекомендательный, а обязательный характер. Но 23 статья предоставляла каждому государству, желавшему примкнуть к конвенции, право сделать оговорки относительно любого пункта (за исключением общей части IX главы). Поэтому единообразного статуса беженцев во всех государствах ожидать было нельзя. Тем не менее, беженец мог чувствовать себя более защищенным.

Из 23 статей конвенции 15 касались непосредственно вопросов юридического положения, остальные содержали постановления общего порядка (об условиях подписания, ратификации, денонсирования и т. д.). Статья 2 подтверждала, что нансеновские паспорта выдаются на срок не менее года, действительны не только на выезд, но и на въезд в страну без особого на то разрешения, если срок действия паспорта истекал во время пребывания за пределами государства, выдавшего его, то он мог быть продлен консулом на срок до 6 месяцев, цена паспортов и виз должна устанавливаться по самому низкому тарифу, установленному для визы иностранных паспортов, для неимущих – бесплатно. Высылка из страны допускалась, но не в страны происхождения беженцев (СССР и Турцию). Сохранение этой меры стало компромиссом и диктовалось соображениями национальной безопасности и общественного порядка. Однако было опущено правило, присутствовавшее в соглашении 1928 г., не отбирать при высылке документов, без которых бесправное положение высылаемого усугубляется.

Конвенция расширяла соглашение 1928 г., включая несколько пунктов о социальном обеспечении (о льготах относительно вознаграждения рабочих за несчастные случаи, о пособиях больным, безработным и детям, о стипендиях и освобождении от платы за обучение в школах, об устройстве Обществ взаимного вспомоществования и участии в них). Что касается права на труд, то подчеркивалось, что законы по защите национального рынка труда не должны ограничивать беженцев, проживавших не менее трех лет в стране; женатых на подданных данной страны; имевших детей-подданных страны; бывших участников первой мировой войны. По вопросам образования, организации обществ взаимопомощи, налогового режима и т. д. русские беженцы приравнивались к местным гражданам или к наиболее привилегированным иностранцам.

По вопросу о личном статусе устанавливался применявшийся почти повсеместно к бесподданным принцип подчинения законам места жительства (domicile), а за неимением его – законом местопребывания (residence). Акты, совершенные духовным начальством беженцев признавались во всех странах, примкнувших к конвенции[48]. В отношении расторжения брака оговорено, что беженцы подчиняются законам местожительства или места пребывания, т. е. в странах, требовавших гражданского развода, нельзя было ограничиваться церковным разводом. Статья 6 гарантировала право беженцам свободного доступа в суды (утраченное после прекращения договоров, заключенных с Российской империей). Льготы, предоставляемые иностранцам на началах взаимности, распространялись и на беженцев. Конвенция предусматривала организацию комитетов для беженцев, которым присваивались функции местных представителей Лиги Наций[49], намечавшихся соглашением 1928 г.[50]

Однако конвенция вступала в силу лишь при условии ратификации ее определенным числом государств, могла быть денонсирована каждым участником через 5 лет. Страны-реципиенты не торопились ни ратифицировать[51] ее, ни привести в соответствие с ней свои законы. Поэтому в ряде случаев принцип равенства нансеновских паспортов с национальными не соблюдался[52]. Несмотря на это российские эмигранты высоко ценили принятие Конвенции 1933 г. и были обеспокоены предстоявшей реорганизацией международных беженских учреждений, предусмотренной § 15 конвенции[53].

1935 г. принес печальные для всей русской эмиграции известия: умер К.Н. Гулькевич[54]. Преемником его был избран Я.Л. Рубинштейн[55]. В отношении этого кандидата эмиграция раскололась. Особенное неудовольствие выказывали правые круги. Е.Д. Кускова 21 декабря 1935 г. писала С.П. Постникову: «Хотелось бы знать, какого Вы мнения держитесь в вопросе о злополучных выборах Я.Л. Рубинштейна. Я стою на той точке зрения, что он должен свой пост оставить, бросив в лицо подлым антисемитам соответствующее письмо в редакции газет. На этом посту мог стоять лишь человек, пользующийся широкими симпатиями (К.Н. Гулькевич!). Выборы эти – вообще не выборы. Значит, нужна персональная влиятельность, чего у Рубинштейна, к сожалению, нет»[56]. Но жизнь продолжалась, продолжалась и работа по оптимизации работы помощи беженцам.

XVI сессия Лиги Наций (сентябрь 1935 г.) приняла решение о создании комитета экспертов из лиц, «стоящих вне беженских дел», для выработки проекта плана реорганизации женевского центра помощи беженцам. В комитет вошли: М. Ханссон, норвежец, бывший судья в смешанных судах Египта и Франции, кандидат на пост председателя Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена; Сенкелис, представитель Италии, бывший верховный комиссар по эмиграции; Осусский, посланник ЧСР в Париже, председатель контрольной комиссии Лиги Наций; Г. Рамбольд, бывший посол Великобритании в Константинополе; Р. Марсель, француз, бывший страсбургский префект, проводивший реформу Института интеллектуальной кооперации при Лиге Наций[57]. Проект вызвал серьезную оппозицию в Лиге Наций, особенно в VI комиссии, высказавшейся против предоставления каких бы то ни было новых кредитов на эти цели[58]. План реорганизации был предложен также норвежским правительством и предусматривал расширение деятельности Офиса: Лига Наций должна была взять на себя заботу о *всех* беженцах, «без различия их происхождения, расы, политических убеждений». К концу 1935 г. Офис им. Ф. Нансена обслуживал 737 тыс. русских беженцев, 225 тыс. армян[59], 7 тыс. ассирийцев, ассиро-халдейцев, 3 тыс. саарцев[60].

28 ноября 1935 г. состоялась сессия комитета экспертов для выработки проекта реорганизации Офиса. К 7 декабря ко-

митет экспертов подготовил доклад для представления совету Лиги Наций. На суд экспертов был представлен доклад, подготовленный В.Б. Ельяшевичем по поручению Русского комитета объединенных организаций в Париже, который обратился к особой комиссии с просьбой заняться вопросом реорганизации русской фракции в совещательном комитете. Комиссия предложила включить в совещательный комитет центральные гуманитарные организации, беженские офисы (во Франции, Германии, Югославии, Румынии) и представителей, избранных от каждой страны специальными объединениями действующих в них гуманитарных организаций[61].

Советские представители В.П. Потемкин и Б.Е. Штейн на XVI сессии Лиги Наций приняли участие в прениях, но «единственно для того, чтобы настоять на сохранении в силе принятого решения»[62] собрания Лиги Наций 1929 г. о ликвидации Офиса им. Ф. Нансена в 1939 г.

СССР вступил в Лигу Наций в 1934 г. Дела, касавшиеся участия СССР в Лиге Наций, велись при главном секретариате НКИД под непосредственным политическим руководством народного комиссара. Генеральный секретарь НКИД ведал на правах заведующего отделом организационной частью этой работы. Работы по вопросам, касавшимся Лиги Наций, возлагались на ответственного консультанта НКИД Г.Н. Лашкевича, на правах заместителя заведующего отделом старшего консультанта НКИД В. Егорьева, на правах помощника заведующего отделом I ответственного референта Ривлину и одного технического секретаря. Секретариат работал в тесном сотрудничестве с правовым отделом и экономической частью НКИД. Входящая переписка и материалы Лиги Наций и ее органов поступали в Консультацию, которая, в случае необходимости, направляла их в другие учреждения или отделы НКИД. Консультация хранила подлинную переписку с Лигой Наций. Доклады наркому, важнейшая переписка по НКИД, связанная с участием СССР в Лиге Наций, должна была согласовываться отделами НКИД с консультацией и сообщаться ей в копиях. Письма, направляемые в Лигу Наций, посылались также через консультацию. Такую структуру утвердил М.М. Литвинов 16 октября 1934 г.

СССР, став членом Лиги Наций и членом Совета Лиги Наций, выступал против участия русских эмигрантов в учреждениях,

причастных к работе Лиги Наций, и против помощи беженцам из России. Советская сторона указывала на «недопустимость существования при Бюро Нансена таких представителей беженских организаций, как представители Совета бывших русских послов Гулькевич и Нольде», настоятельно требовали вывести из состава Межправительственной комиссии по делам беженцев Б.Э. Нольде и В.А. Маклакова и «воспрепятствовать тому, чтобы при комиссии, которая считается органом Лиги Наций, имелись представители организаций, носящих вызывающие названия, или лица, занимавшие в прошлом антисоветские политические посты»[63].

В ноябре 1935 г. НКИД предпринял попытки воздействовать на работу комитета экспертов и направить ее «в желательном направлении»[64]. М.М. Литвинов информировал по этому поводу полномочного представителя во Франции В.П. Потемкина: «В состав указанного комитета входят Осусский и от Франции Ролан Марсель. Нужно установить с кем-либо из них неофициальный контакт, чтобы держать НКИД в курсе работ комитета…». И далее следовала целая программа преобразования Офиса: «1. Никаких дополнительных ассигнований Лиги Наций на Бюро Нансена, кроме предусмотренных планом его ликвидации и кроме расходов, которые могут быть вызваны помощью саарским беженцам, не должно производиться. 2. Бюро Нансена должно быть ликвидировано в положенный срок (1939 г.). 3. Никакого органа Лиги Наций не должно создаваться, будь то в форме реорганизации Бюро Нансена или в виде специального нового учреждения. Самый вопрос о русских беженцах должен быть исключен из программы работ Лиги Наций после ликвидации Бюро Нансена. Таким образом, доклад, который будет составлен комитетом, собирающимся 28 ноября, не должен строиться в расчете на какую-либо дальнейшую поддержку русских беженцев Лигой Наций. 4. Количество саарских беженцев так невелико, что нужно постараться, чтобы они были устроены ко времени ликвидации Бюро Нансена. Во всяком случае, если бы Лиге Наций пришлось заниматься ими после 1939 г., желательно, чтобы для них действовал особый порядок. 5. Поскольку германские беженцы, о которых в настоящее время заботится Лондонское Бюро[65], получают средства не от Лиги Наций, вопрос о денежной помощи им не возникает. Против придания Лондонскому Бюро харак-

тера органа Лиги Наций или организации под ее покровительством, мы, конечно, возражений не имеем. Слияние же Лондонского Бюро и Бюро Нансена нам крайне нежелательно и по существу дела недопустимо, т. к. первое занимается жертвами фашистского режима, а второе – главным образом, русскими белогвардейцами»[66].

С 1936 г. Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена возглавил норвежский юрист М. Ханссон. Ему, в соответствии с решением семнадцатой Ассамблеи Лиги Наций (октябрь 1936 г.), было поручено подготовить план ликвидации Офиса и разослать его правительствам стран мира с целью обсуждения на очередной сессии в сентябре 1937 г.[67] Как говорил в своем докладе Совету общественных организаций в Париже Я.Л. Рубинштейн, во время сессии возникла оппозиция советского правительства.

Прения по беженскому вопросу на XVIII сессии Лиги Наций (сентябрь–октябрь 1937 г.) заняли гораздо более значительное место, чем в предыдущие годы. М. Ханссон отмечал, что проблема не может быть разрешена, как намечалось, к концу 1938 г. Когда устанавливались эти сроки, предполагалось, что эмигранты к этому времени либо вернутся на родину, либо ассимилируются. Но на попечении Офиса оставались еще около 600 тыс. беженцев, число которых сократилось за 1936 г. лишь на 100 тыс. преимущественно за счет натурализации армян. Уменьшение числа других категорий беженцев путем натурализации (за 1936 г. 1812 человек) компенсировалось естественным приростом.

Не убывала и работа Офиса по выдаче нансеновских сертификатов, виз, свидетельствованию разного рода актов, ходатайствам об отмене высылок, о праве на труд, о материальной помощи, о принятии в госпитали, санатории, приюты и т. д.[68] Фонд помощи пополнялся за счет нансеновского марочного сбора лишь более чем наполовину. Во многих выступлениях звучала мысль, что ликвидация организации не будет равносильна ликвидации самой беженской проблемы. Поэтому были приняты решения по налаживанию координации в Лиге Наций всей деятельности по покровительству беженцев, намечены принципы реорганизации такого центра. Было высказано предложение об объединении Офиса и верховного комиссариата по защите беженцев из Германии. Намечались

следующие направления работы: и далее отказываться от непосредственных субсидий беженцам; содействовать распространению почтовой марки им. Нансена; возвратить авансы, добиваться ратификации конвенции от 28 октября 1933 г.[69], стремиться к дальнейшему улучшению статуса, приравнивая беженца не к гражданину страны убежища, а лишь к наиболее благоприятствуемому иностранцу и др.[70]

С 1931 г. в Лиге Наций стал обсуждаться вопрос о дальнейшем существовании в различных странах представительств нансеновского бюро[71]. Сокращение финансирования неминуемо вело к их ликвидации. Предполагалось постепенно (до 1937 г.) ввести для связи с властями и покровительства эмигрантов особые комитеты из представителей нансеновского бюро, беженских, правительственных, краснокрестных организаций стран-реципиентов[72]. По этому поводу была разослана отдельным правительствам анкета.

Представитель СССР Б.Е. Штейн настаивал на выполнении резолюции 1931 г. об уменьшении расходов на нансеновское бюро. Он заметил, что расходы должны идти не на устройство беженцев, а лишь на административные нужды. Все попытки заставить СССР отказаться от идеи исключения категории русских беженцев из числа опекаемых Лигой Наций заканчивались неудачей. Делегаты готовы были объединить всех беженцев в одном центре, не принимать в будущую организацию ни беженцев, ни бывших беженцев, но Б.Е. Штейн считал неприемлемым «какое бы то ни было предложение, имеющее целью продолжение деятельности в защиту русских беженцев»[73]. Только относительно немецких беженцев голосование прошло единогласно. 13 ноября 1935 г. НКИД СССР сообщил генеральному секретарю Лиги Наций, что «правительство СССР не признало и не будет признавать впредь нансеновские паспорта, выданные русским контрреволюционерам, и что лицам, имеющим на руках эти паспорта, въезд в Союз запрещен»[74].

Еще в январе 1937 г. совет Лиги Наций назначил комитет из представителей Великобритании (Крэнборн), Франции (Грумбах), Боливии (Коста-дю-Рельс), который, наряду с решением других вопросов, нашел компромисс с советским представительством. Были получены обещания перестать чинить препятствия созданию при Лиге Наций органа, в задачи которого входило бы оказание помощи не только немецким,

но и русским беженцам. Было очевидно, что «помощь русским спасти можно, только связав ее с помощью другим» беженцам[75]. По сведениям начальника управления по делам российских эмигрантов в Югославии В.Н. Штрандтмана, из названия реорганизованного учреждения должно было исчезнуть не только «упоминание имени Нансена, одиозного для большевиков, но и упоминание о *защите русских беженцев* (выделено мной – *З.Б.*), против чего большевики в Женеве постоянно» протестовали[76]. Было ясно, что влияние российских эмигрантов на решение беженских вопросов значительно уменьшится[77]. Компромисс, по мнению Я.Л. Рубинштейна, не обошелся без жертв. В новом органе не могли больше принимать участие ни на самостоятельных постах, ни в качестве служащих беженцы или бывшие беженцы. Новый орган не мог больше пользоваться услугами «таких полезных и преданных делу выдающихся работников как Б.С. Серафимов – представитель нансеновского офиса в Болгарии, А.А. Котельников – представитель в Греции и др.»[78]. Представители Международного офиса по делам беженцев им. Ф. Нансена сворачивали свою работу. Функции самого Я.Л. Рубинштейна как представителя русской эмиграции в Женеве закончились одновременно с ликвидацией нансеновского офиса[79].

Новый орган был лишен, в отличие от прежней организации, функции непосредственного оказания гуманитарной помощи. С 1 января 1939 г. вместо нансеновского офиса при Лиге Наций центром международной помощи беженцам стал верховный комиссариат в Лондоне, который возглавил Г. Эмерсон, бывший губернатор Пенджаба, и его помощник Г.Г. Кульман.

Накануне своего закрытия Международный офис по делам беженцев им. Ф. Нансена получил Нобелевскую премию мира (1938 г.). Выступая при вручении награды, представитель Норвежского нобелевского комитета Фредрик Станг сказал: «Работа, выполненная Нансеновской организацией за годы активной деятельности, велика. Нетрудно видеть, что огромное влияние на него оказали традиции времен Фритьофа Нансена. Характеризуют его два качества, которые редко встречаются вместе, но в лице Нансена счастливо объединялись: высочайший идеализм и практические способности»[80].

На заседании административного совета офиса было решено, что фонд должен пойти исключительно на нужды тех бе-

женцев, которыми он занимался. Распределению фонда 14 декабря 1938 г. было посвящено специальное заседание Административного совета в Женеве. Было решено часть фонда, в 164 тыс. швейц. фр., распределить между группами и организациями беженцев, остальную часть передать новому верховному комиссару Г. Эмерсону.

К концу 1938 г. около 100 000 фр. фр. было передано в распоряжение Русского распределительного комитета в Париже[81]. Как писало «Возрождение» «так называемая “беженская проблема” вступила в новую стадию»[82]. Верховному комиссару было поручено лишь установить контакт с беженскими организациями «в формах, которые он найдет целесообразными»[83]. Для этого Г. Эмерсон вместе с Г.Г. Кульманом предприняли поездку на Балканы (в Югославию и Болгарию), затем во Францию. Однако реальных рычагов для решения проблемы новая организация была лишена. Долго выстраиваемая система защиты беженцев осталась только в руках держав, их приютивших.

Международные действия в защиту беженцев, начавшись с решения русского вопроса, к концу 1930-х гг. переросли его.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Центральная юридическая комиссия по изучению положения русских беженцев в Париже была создана в 1921 г. при совещании послов из представителей Юридической комиссии Российского Эмигрантского комитета, Бюро Совета съездов русских юристов за границей, Юридической комиссии при совещании послов под председательством Б.Э. Нольде, в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленки, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна.

[2] Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сб. документов и материалов / сост. З.С. Бочарова. – М., 2004. С. 248–253; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 57–60; Ф. 5908. Оп. 1. Д. 7. Л. 32–36.

[3] *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. С. 6; Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 44; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 98.

[4] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 363. Л. 1–5; Ф. 6094. Оп. 1. Д. 11. Л. 102–106; Русские беженцы. С. 255–258.

[5] Югославия, ЧСР, Швейцария, Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Египет, Эстония, Латвия, Финляндия, Франция, Греция, Польша, Румыния.

[6] К.Н. Гулькевич, Б.Э. Нольде, Я.Л. Рубинштейн, А.А. Гольденвейзер, Пашалаян.

[7] От Польши – Галлати, Болгарии – Б.С. Серафимов, Югославии – С.В. Юрьев.

[8] См.: *Таубер Л.Я.* Указ. соч. Приложение 1. С. 29–30; Последние новости. 1928. 10 июля.

[9] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 20–21.

[10] ГА РФ. Ф. 5908. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

[11] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 21.

[12] Там же. С. 29–30; Последние новости. 1928. 10 июля.

[13] Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. 415. Оп. 5. П. 44. Д. 64. Л. 1.

[14] Там же.

[15] Лишь во Франции Женевское соглашение было в известной мере введено в действие декретом президента республики от 11 января 1930 г. См.: Закон и суд. – Рига, 1930. № 8. Ст. 187.

[16] Бюллетень № 55 РЗГК. – Париж, 1929. 15 дек. С. 14.

[17] Последние новости. 1928. 26 сент.

[18] Бюллетень № 55 РЗГК. – Париж, 1929. 15 дек. С. 14.

[19] Эмигрантский комитет начал свою работу 16.12.1924. Его создание было обусловлено признанием французским правительством СССР, что повлекло бы за собой потерю значения бывших российских консульских учреждений и посольства. Члены комитета избирались двумя группами российских организаций: 6 чел. от Комитета объединенных организаций, в котором были представлены 175 организаций, 3 – от Совета общественных организаций. Эмигрантский комитет выполнял посреднические функции между полуофициальным Офисом по защите интересов российских беженцев (эмигрантского учреждения, ставшего преемником русского генерального консульства в Париже), французским правительством и русской колонией. Ввиду его значимости комитет распространял свою деятельность далеко за пределами Франции, в том числе был представлен в международных организациях.

[20] Русские во Франции. Справочник / ред. В.Ф. Зеелер. – Париж, 1937. С. 3.

[21] Возрождение. – Париж, 1939. 29 дек.

[22] Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. В 2 кн. – М., 1998. Кн. 1. С. 343; Последние новости. 1935. 3 ноября.

[23] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 13. Л. 11, 11об., 16об., 20–25, 37, 40 и др.

[24] Имеется в виду деятельность четырех украинских организаций в эмиграции. Там же. Л. 33.

[25] Там же. Л. 20–25. 4 февраля 1933 г. Глава Особого комитета Б.Н. Гревениц в ответном письме К.Н. Гулькевичу писал: «Полагаю, что об отказе Комитет получит официальное извещение и, таким образом, будет иметь возможность опровергнуть те данные, на основании которых его признали организацией несостоятельной: верно, что Комитет

получил в прошлом году 3000 фр., назначенные ему Административным советом Офиса Нансена, но не верно, что эти средства были отпущены на покрытие административных расходов Комитета; наоборот, в письме майора Джонсона было подчеркнуто, что эти деньги ни в коем случае не могут быть употреблены на покрытие таких расходов и должны быть использованы непосредственно на оказание помощи беженцам, что и было выполнено, и в подтверждение чего позволяю себе приложить в копии письмо Председателя Комитета майору Джонсону от 19 декабря 1931 г.» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 60–60 об.

[26] Там же. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 88. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

[27] Там же. Л. 71. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

[28] Там же. Л. 86. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

[29] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 28; Русский альманах. С. 55.

[30] Закон и суд. – Рига, 1929. № 3. Ст. 91–94.

[31] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 18–19.

[32] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 138. Пер. с фр. яз. Л.В. Руснак.

[33] Закон и суд. – Рига, 1931. № 17. Ст. 551.

[34] Доклад межправительственной совещательной комиссии при верховном комиссаре по делам беженцев см.: Закон и суд. – Рига, 1930. № 14/15. Ст. 477–479.

[35] *Таубер Л.Я.* Указ. соч. С. 17; Закон и суд. – Рига, 1931. № 17. Ст. 552; Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 42.

[36] Закон и суд. – Рига, 1931. № 17. Ст. 552.

[37] Там же.

[38] Альманах. Русская эмиграция. 1920–1931 гг. Вып. II-й. – Белград, 1931. С. 14.

[39] АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 299.

[40] Закон и суд. – Рига, 1931. № 20. Ст. 644.

[41] Альманах. Русская эмиграция. 1920–1931 гг. Вып. II-й. – Белград, 1931. С. 44.

[42] Закон и суд. – Рига, 1931. № 20. Ст. 643; АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 15–16; Ф. 05. Оп. 16. П. 105. Д. 8. Л. 297–298. Секретная справка о Бюро Нансена от 17 ноября 1935 г.

[43] Русская адвокатура в Германии: Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). – Берлин, 1930. С. 5–6.

[44] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.

[45] Там же. Д. 11. Л. 166.

[46] Там же. Л. 171–176.

[47] Австрия, Бельгия, Болгария, Китай, Египет, Эстония, Финляндия, Франция, Греция, Латвия, Польша, Румыния, Швейцария, ЧСР, Югославия.

[48] Так, например, карловацкий развод племянника В.А. Маклакова, осуществленный до 1933 г., во Франции не признавался // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 18.

[49] Офис им. Ф. Нансена имел своих уполномоченных во Франции, Бельгии, ЧСР, Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Китае, Сирии //

АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 16; Ф. 415. Оп. 6. П. 50. Д. 76. Л. 1–2, 10–10об., 14.

[50] Convention relative au statut international des Réfugiés du 28 octobre 1933. Paris, 1937 // РГВА. Ф. 121к. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–9; Д. 4. Л. 167–169об.; ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 347. Л. 5–7.

[51] К 1938 г. Конвенцию ратифицировали: Болгария (19 декабря 1934 г.), ЧСР (14 мая 1935 г.), Норвегия (26 июня 1935 г.), Дания (21 декабря 1935 г.), Италия (16 января 1936 г.), Великобритания и Ирландия (28 октября 1936 г.), Франция (3 ноября 1936 г.), Бельгия (4 августа 1937 г.) // РГВА. Ф. 121к. Оп. 1. Д. 5. Л. 155.

[52] В своем письме В.А. Маклакову от 9 января 1934 г. С.Д. Боткин подробно описал ситуации, когда права нансенистов в Германии урезались. См.: «Крайне неприятные ограничения, установленные в Германии для нансеновских паспортов». Письмо С.Д. Боткина В.А. Маклакову. 1934 г. / публ., коммент. З.С. Бочарова // Исторический архив. – М., 2005. № 5. С. 53–64.

[53] Чему свидетели мы были… Кн. 2. С. 44.

[54] Подробнее см.: *Витмих К.* Константин Николаевич Гулькевич – биографические заметки // Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 127–128.

[55] В воспоминаниях И. Гессена «Годы изгнания. Жизненный отчет» (Париж, 1979. С. 69) ошибочно указан 1930 г. Подробности избрания Я.Л. Рубинштейна см.: Ст-й А. Как был в действительности выбран Я.Л. Рубинштейн // Последние новости. 1935. 3 ноября.

[56] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 77. Л. 21.

[57] Последние новости. 1935. 1 ноября.

[58] Последние новости. 1935. 1 ноября; АВПРФ. Ф. 05. Оп. 16. П. 116. Д. 13. Л. 314–315. Из справки о XVI собрании Лиги Наций.

[59] Продолжавшийся армяно-турецкий кризис потребовал от нансеновской организации провести до конца 1935 г. переселение около 50 тыс. человек – из них более 40 тыс. армян в Сирию и Ливан, а еще 10 тыс. армян в Ереван.

[60] В 1935 г. организация помогла переезду в Парагвай около 4 тыс. человек, бежавших из Саара после того, как эта земля, граничащая с Францией и Люксембургом, была передана Германии. Однако на новом месте беженцы продолжали испытывать трудности из-за настороженного отношения, и они фактически исключались из экономической жизни. В этих условиях Нансеновская организация продолжала выплачивать нуждающимся пособия уже на новом месте. Эти деньги в основном поступали из фонда в 250 тыс. норвежских крон, которые передал Ф. Нансен после получения Нобелевской премии мира.

[61] Последние новости. 1935. 17 ноября.

[62] АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 20.

[63] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 7. П. 55. Д. 55. Л. 9.

[64] АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 17.

[65] В 1933 г. Лига Наций учредила комиссию по делам беженцев из Германии, которая специально занималась проблемой исхода еврейского

населения. В 1935 г. действительно были предприняты шаги по объединению комиссии по делам беженцев из Германии и Нансеновской организации.

[66] АВПРФ. Ф. 0415. Оп. 12. П. 9. Д. 17. Л. 17–18.

[67] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.

[68] С июня 1935 г. по июнь 1936 г. отмечено было 113839 случаев вмешательства нансеновского бюро по защите интересов беженцев // Закон и суд. – Рига, 1937. № 3. Ст. 3549.

[69] До 1937 г. конвенцию ратифицировали только 8 государств.

[70] Закон и суд. – Рига, 1938. № 2. Ст. 3899–3902.

[71] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 22. Письмо А.А. Гольденвейзера К.Н. Гулькевичу от 17 августа 1931 г.

[72] См.: Наш век. 1932. 12 июня.

[73] Закон и суд. – Рига, 1938. № 3. Ст. 3936.

[74] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 7. П. 55. Д. 55. Л. 20. Служебная записка в Консультацию по делам Лиги Наций Г.Н. Лашкевичу от 9 апреля 1936 г. заведующего правовым отделом А.В. Сабанина.

[75] Чему свидетели мы были… Кн. 1. С. 51.

[76] Там же. С. 79. Письмо В.Н. Штрандтмана В.А. Маклакову от 17 апреля 1938 г.

[77] Там же. С. 50–51. Письмо В.А. Маклакова Б.С. Серафимову от 28 марта 1938 г.

[78] Последние новости. 1938. 27 декабря.

[79] См.: Возрождение. 1939. 28 июля.

[80] http://n-t.ru/nl/mr/nior.htm; см. также: Лауреаты Нобелевской премии: Энциклопедия / пер. с англ. яз. – М., 1992.

[81] Там же.

[82] Там же.

[83] Последние новости. 1938. 27 дек.

2

АДАПТАЦИЯ РУССКОГО МИРА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1930-х ГОДОВ

Динамичная перекройка карты рассеяния, интенсивное формирование Зарубежной России, изменение ее численности по странам, характерные для первой половины 1920-х гг., к концу десятилетия сменились новыми тенденциями в жизни эмиграции. В целом география расселения русского мира определилась, хотя и уточнялась. Увеличились потоки эмиграции из Европы через океан, в Новый свет[1], т. к. европейский рынок труда был исчерпан. Перемещению способствовало также изменение международной ситуации, смена политических режимов в странах-реципиентах и т. п., что влияло на положение (юридическое, экономическое) изгнанников. Наблюдалось несколько волн возвращения на родину, вызванных укреплением советской власти, мировым кризисом 1929–1933 гг. В целом «беженецко-кочевническая психология уступила место психологии прикрепления к местам»[2].

Эмиграция из СССР становилась уже не массовой, а капельной. Приток новых мигрантов был относительно незначительным: лица, выехавшие с разрешения советских властей, высланные, беглецы из советских концлагерей, невозвращенцы, лица, пытавшиеся избежать репрессий, недовольные социально-экономической политикой СССР, прежде всего, коллективизацией, а также покидавшие страну по идеологическим мотивам.

В 1930-е гг. практически во всех странах наблюдалось сокращение числа так называемых «нансенистов», т. е. тех, кто находился на попечении Лиги Наций, имел нансеновский паспорт. Но особенно резко доля эмигрантов снизилась в приграа-

ничных странах, которые захлестнула первая волна изгнанников накануне и в начале 1920-х гг.

В Финляндии численность бывших российских подданных (включая лиц, проживавших здесь до 1917 г.) уменьшилась с 15 тыс. в 1926 г.[3] до 6815 к 1936 г.[4], что стало следствием целенаправленной политики сдерживания роста числа эмигрантов. Специфической группой эмигрантов стали соловчане – беглецы из советских концлагерей, расположенных в Карелии и находившихся в подчинении Управления Соловецкими лагерями особого назначения, а позже – Управления Соловецких и Карело-Мурманских исправительно-трудовых лагерей. В Финляндии их оказались, как считает А.Н. Чистиков, несколько десятков, причем с 1929 по 1931 г., период массового бегства, – не менее 49 бывших советских заключенных. В связи с коллективизацией количество заключенных в северных лагерях возросло, увеличилось и число побегов.

К концу 1920-х гг. Финляндия уже накопила опыт работы с иностранными подданными. Очередной закон об иностранцах, принятый 7 февраля 1930 г., требовал наличия у иностранца национального паспорта, который должен быть в полном порядке. Беженцев, имевших просроченные советские паспорта, продолжали считать в течение пяти лет состоявшими в советском гражданстве. Бывали случаи, что административная власть отказывалась возобновлять таким лицам разрешение на жительство[5], требуя, чтобы они привели в порядок свой национальный паспорт. Между тем эти лица считали себя эмигрантами, и только вследствие неосуществимости требования властей к паспортам не могли формально порвать с большевиками[6]. Лицам, нелегально пересекшим границу, административная власть, если беглецам все-таки разрешали оставаться в Финляндии, выдавала документы, в которых они значились советскими гражданами.

Закон об иностранцах впервые обозначил право на убежище: если нелегал ищет убежища или если воспрепятствование его въезду в страну причинит ему непоправимый ущерб, его нельзя стало просто отправить обратно. В этом случае судьбу беженца определяло министерство иностранных дел. Закон же дозволял таким беженцам получить разрешение на работу на неограниченный срок, заняться любой (не запрещенной) профессиональной деятельностью на всей территории страны[7].

По предыдущему закону 1926 г. правом на постоянное жительство в Финляндии обладал иностранец, как правило, имевший здесь либо родственников, либо собственность. Но на кратковременное пребывание в сравнительно приличных условиях, исходя из законов 1926 и 1930 гг., он мог рассчитывать.

Однако «положения закона и повседневная жизнь редко пересекались»[8]. Часть эмигрировавших сразу попадала в финляндские тюрьмы, хотя такая практика противоречила нормам международного и местного права. Власти боялись появления на территории страны агентов ОГПУ или уголовников. Представителей финноязычных народов (например, восточные карелы) поселяли в финские общины, других беглецов пытались устроить за пределами Финляндии, используя национальные организации (украинские, польские и др.) за рубежом. Начальник Центральной сыскной полиции Э. Риекки даже направил в конце 1929 г. письмо в редакцию газеты «Украинский голос», располагавшуюся в Перемышле (Польша). Сообщая о десяти бежавших крестьянах украинцах, Э. Риекки писал: «Если бы редакция смогла помочь им перебраться из Финляндии в другую страну, беженцы приняли бы эту помощь с благодарностью»[9]. Представитель Лиги Наций в Финляндии, генеральный секретарь Финляндского Красного Креста М. Грипенберг по просьбе Центральной сыскной полиции вел переговоры о переезде десяти беглецов, изъявивших желание работать во Франции. Через Международное бюро труда в конце 1930 г. часть бывших соловчан удалось отправить в Бразилию[10].

Глава Особого комитета по делам русских беженцев в Финляндии Б.Н. Гревениц неоднократно обращался к К.Н. Гулькевичу с просьбами добиться ясности в вопросе трудоустройства беженцев (как «новых», так и «старых»). 14 апреля 1931 г. он писал: «…согласно просьбе здешнего представителя по делам беженцев от Лиги Наций майора М. Грипенберга Особый комитет по делам русских в Финляндии довел до сведения эмиграции, что желающие могут быть отправлены при содействии Лиги Наций на сельскохозяйственные работы во Францию. Это было года полтора тому назад, и с тех пор было отправлено (если не считать подозрительный элемент, прибывший из Соловков и отправленный без нашего участия) год тому назад около 20 человек. А всех записавшихся – около 150. Особый

комитет несколько раз обращался к майору Грипенбергу с просьбой выяснить в Женеве, как обстоит этот вопрос в дальнейшем, но определенного ответа получить не удается. / В виду сего я позволяю просить Вас, не могли бы Вы выяснить этот вопрос в Международном Управлении по делам беженцев имени Нансена? Дело в том, что с углублением экономического кризиса число безработных растет в Финляндии с каждым годом, причем, естественно, безработица в первую очередь отзывается на иностранцах, а, следовательно, и на беженцах. Нам желательно было бы получить не менее 100 контрактов на работы. И в том случае, если надежды на получение контрактов больше нет, то следует предупредить записавшихся, чтобы они оставили надежду на возможность получить заработок за границей»[11].

Более того, по просьбе Особого комитета по делам русских беженцев в Финляндии М. Грипенберг обращался в Секретариат по делам беженцев при Лиге Наций с ходатайством об отпуске в его распоряжение денег на оказание помощи вновь прибывающим из России беженцам. Б.Н. Гревениц писал К.Н. Гулькевичу 24 ноября 1930 г.: «Будучи крайне заинтересованным в благоприятном разрешении этого вопроса я позволяю себе обратиться к Вам с покорнейшею просьбою не отказать со своей стороны поддержать это ходатайство перед майором Джонсоном. Как Вы, вероятно, заметили из газет, приток нелегально прибывающих из СССР в последнее время несколько усилился, среди них имеются партии, бежавшие из Соловков. Все эти беженцы прибывают в ужасном виде и во всех отношениях нуждаются в безотлагательной помощи, между тем наше материальное положение таково, что мы не в состоянии этого сделать»[12].

Субсидии со стороны Лиги Наций помогали поддержать не только новую, но и стареющую, становящуюся немощной часть русской эмиграции. Прекращение отпуска средств вело к печальным последствиям. 4 февраля 1933 г. Глава Особого комитета Б.Н. Гревениц в письме К.Н. Гулькевичу сетовал, что практика 1932 г. направления в распоряжение майора М. Грипенберга суммы в 3000 фр. «с тем, чтобы она была использована для увеличения числа призреваемых в убежище Комитета для старых, неспособных к труду беженцев», и дававшая возможность увеличить число призреваемых на 10 человек,

доведя общее число до 55, к сожалению, в 1933 г. Офисом Нансена не была поддержана. Поэтому «Комитет поставлен в очень тяжелое положение: не выбрасывать же вновь принятых стариков из убежища?» Однако, «согласно сообщению майора М. Грипенберга, Особый комитет получил и на 1933 г. 3000 фр. из остатков сметы Офиса Нансена 1932 г., но опять-таки только для расходов непосредственно на благотворительность. Пока Комитет этих средств не получал»[13].

Еще в 1929 г. Особый комитет по делам русских в Финляндии, в ответ на ходатайства о материальной поддержке со стороны Лиги Наций[14] получил от последней предложение обратиться к правительству Финляндии с тем, чтобы оно обязало проживавших в стране русских беженцев обзавестись нансеновскими паспортами. Лига Наций готова была уступить половину причитающегося ей сбора от паспортов для поддержки Комитета. Однако такая постановка вопроса не встретила сочувствия министерства иностранных дел, которое считало нежелательным привлечение эмигрантов к участию в общих расходах Лиги Наций на беженцев, тем более что находившиеся здесь беженцы были обложены уже особым сбором при выдаче им разрешений на проживание в стране. Финляндское правительство могло бы пойти на такой шаг, «если не было бы надобности половину сбора от нансеновских паспортов отсылать в Женеву, и он полностью мог бы быть использован на нужды беженцев в Финляндии»[15].

В соответствии с межправительственным соглашением от 30 июня 1928 г. беженцам предоставлялись некоторые льготы по сравнению с другими иностранцами, поскольку на юридическом языке они считались иностранцами, пользующимися правом приюта. Из этой категории исключались: 1) русские, проживавшие в Финляндии до ее независимости, 2) беженцы, находившиеся некоторое время в Финляндии, уехавшие за границу и затем снова возвратившиеся в страну, но по истечении срока, предоставленного им права жительства, 3) беженцы, прибывшие в Финляндию не непосредственно из СССР, а через какое-либо другое государство. Между тем по документам, выдаваемым им финляндскими властями, они значились как русские по происхождению, не принявшие никакого другого гражданства[16].

В справке о русской эмиграции, составленной в 1926 г. для финской секретной полиции говорилось, что из 15 тыс. –

8,5 тыс. русских, в основном «интеллиогентных профессий», а остальные – карелы, ингерманландцы, и «после почти поголовной реэмиграции кронштадтских беженцев, элемента для государства нежелательного, оставшиеся эмигранты не причиняют властям особых хлопот»[17]. К 1930-м гг. положение российских беженцев в стране стабилизировалось. Как отметил В.Ю. Черняев, «корректная политика Финляндии в отношении русских изгнанников» была прервана вторжением советских войск во время Зимней войны 1939–1940 гг.[18]

В Эстонии к 1934 г. число русских почти не увеличилось: по данным переписи их было 92 656 человек (8,2 %)[19]. Тот факт, что количество русских в республике не росло, несмотря на высокую рождаемость, объясняется отъездом этой категории населения за границу. Причем уезжали, скорее всего, не граждане Эстонии, образованные, молодые, не находившие себе применения в стране. Перепись 1934 г. выявила 7 832 лица без гражданства (большую часть которых, по-видимому, составляли русские). Они были существенно ограничены в правах сравнительно с гражданами Эстонской республики. Русские принадлежали к числу самой бедной части населения Эстонии[20].

Если прежде, не имея специалистов-эстонцев, власти использовали русских в строительстве государства и культуры, то в 1930-е гг. началась кампания по эстонизации имен и фамилий, русских топонимов. 79 385 семей переменили фамилии. Известно 4 458 случаев эстонизации типично русских фамилий. Несмотря на добровольность проводившейся кампании, на практике лицу с русской фамилией можно было лишиться работы[21]. Такой оголтелый натиск на все русское рождал даже просоветские настроения[22].

Конституция 1937 г., сохраняя принцип равенства всех национальностей перед законом, существенно изменила подход к национальному вопросу: общие положения сменили более узкие трактовки на право определения национальности и обеспечения национально-культурной автономии[23].

В пределах Латвии в 1935 г. проживало 12 % русских (233 366 чел.), и почти все были полноправными гражданами. В 1921 г. насчитывалось 120 тыс. русских, большую часть которых (95 тыс.) составляли «латвийские подданные русской национальности»[24]. Фактически русский язык до 1932 г. поль-

зовался такими же гражданскими правами, как и латышский, но не на формально-правовом уровне, а бытовом.

В Польше из огромной массы россиян к концу 1932 г. в стране осталось 15–20 тыс. беженцев[25], т. е. их численность сократилась примерно в 10 раз. Приграничное положение, обусловившее огромный наплыв мигрантов с советской стороны, требовало своеобразного подхода к каждой группе.

Польские власти активно пользовались высылкой как средством избавления от неугодных иностранцев. Поскольку получить визу для высылаемых в другие государства было почти невозможно, тех из беженцев, кто не выполнял предписание о выезде, ссылали в маленькие города, а затем стали угрожать высылкой в СССР[26].

§ 46 распоряжения МВД от 7 ноября 1929 г. о передвижении иностранцев устанавливал, что иностранец, который оказывался в Польской Республике без надлежащего разрешения на пребывание вследствие обстоятельств от него независящих должен немедленно явиться к уездным общеадминистративным властям, которые в случае представления им доводов, оправдывающих его появление в Польше, выдавали административную визу на пребывание и определяли срок выезда в зависимости от обстоятельств данного случая. В административной визе значилось следующее: «Удостоверяю, что г._____, гражданин _____, оказался в границах Польской Республики вследствие обстоятельств от него независимых, а потому разрешаю_____ пребывание до _____ 193_г, по истечении какового срока обязан он оставить границы Республики через любой пограничный пункт в _____. Действительно до _____ 193__ г. включительно. Староста _____[27]».

С 6 апреля 1931 г. к русским эмигрантам стали применяться ограничения, предусмотренные законом от 4 июня 1927 г. «Об охране рынка труда» для лиц, не имевших польского гражданства и поселившихся в Польше после 1 января 1921 г. Они могли быть приняты на работу только при условии разрешения воевод (в Варшаве – правительственного комиссара)[28]. Лучшим выходом было трудоустройство в Бельгии, Франции, Америке. В феврале 1929 г. бывший глава дипломатической миссии В.М. Горлов запрашивал К.Н. Гулькевича, представителя совета послов при Лиге Наций, об отправке беженцев в страны Южной Америки. Дело в том, что в Польше «особый

синдикат получил на весьма льготных условиях крупную земельную концессию в Перу и должен был получить такую же концессию в Боливии». Для освоения земель требовались земледельцы, а получение 30 га земли в плодородной местности казалось делом привлекательным[29].

Правительство пошло на учреждение нансеновского представительства, финансирующего переезд эмигрантов в другие государства и правовую помощь. Представителями нансеновской организации в Польше были Глоор (он же представитель МККК), А. Бердез, Шарпантье, Арну, с начала 1927 г. Галлати. В конце 1920-х гг. нависла угроза закрытия представительства Лиги Наций. Русские организации заявляли, что передача кому-либо функций делегата Лиги Наций, есть «наихудшее решение вопроса»[30]. Однако 16 февраля 1934 г. в Русском Доме в Варшаве состоялось прощальное чествование Галлати в связи с его уходом с поста представителя Офиса[31]. Сотни человек были спасены им от высылки из Польши, Эстонии, Латвии, получили рабочие контракты и визы во Францию. Он многое сделал благодаря ходатайствам перед польским правительством для улучшения правового положения российских беженцев. После ликвидации делегации международного офиса им. Нансена оказанием помощи российским эмигрантам ведал Польский Красный Крест[32].

Вехой, с правовой точки зрения, в жизни эмиграции стал выход циркуляра № 254 МВД Польши от 16 ноября 1929 г. В соответствии с ним «лица, не имеющие определенного государственного подданства» могли вместо «карт азиля», «карт побыта» и других документов получать нансеновские паспорта сроком не менее чем на 2 года, которые прежде выдавались только в случае выезда за границу, а теперь стали служить документом и для проживания в Польше. За них взимался гербовый сбор в размере 3 злотых[33]. Вновь въезжавшим в страну эмигрантам карты азиля перестали выдавать, равно как и нансеновские паспорта. Такие лица получали только разрешение на кратковременное пребывание в Польше (1–2 месяца) с угрозой высылки обратно в СССР, если не покинут страну в течение указанного времени[34]. Если срок действия нансеновского паспорта истекал во время пребывания его обладателя за пределами Польши, то польские консулы не имели права продлить такой паспорт. Оставался только один выход – ходатай-

ствовать перед властями государства, где находился эмигрант, о выдаче ему нового нансеновского паспорта. Но в таком случае подстерегала новая трудность – получение въездной визы в Польшу[35].

Нансеновские паспорта, выдававшиеся в Польше после 1928 г., вопреки межправительственному соглашению, продолжали сохранять оговорку, что они не дают права на возвращение в Польшу без особого разрешения. Нансеновские марки Польша не вводила[36].

Следующим рубежом стал 1935 г. Согласно циркуляру МВД Польши № 30 от 29 сентября все русские беженцы, проживавшие в Польше, обязывались обменять имевшиеся у них на руках документы на нансеновский паспорт или паспорт иностранца. При этом паспорт Нансена мог быть получен по желанию от польских властей только теми, кто уехал из России до 5 июля 1922 г. (т. е. до принятия межправительственного соглашения о введении нансеновских паспортов), не получили другого гражданства до мировой войны или лишились российского до 5 июля 1922 г. Все остальные получали паспорт для иностранцев, введенный 14 июня 1932 г.[37]

В соответствии с частью 1, статьей 1 межправительственного соглашения о юридическом статусе русских и армянских беженцев от 30 июня 1928 г. Польша могла юридически закрепить представительства верховного комиссара Лиги Наций, который должен был выполнять для эмигрантов функции, лежащие обычно на консульствах. Но эту часть она не приняла, боясь осложнения отношений с СССР. Признание официального положения представителя верховного комиссара было бы нарушением Рижского мирного договора 1920 г.[38] Т.е. в основе такого решения лежали не столько юридические, сколько политические причины. Во второй части соглашения (2–9 ст.) оговаривались личные права эмигрантов, которые Польша обязалась предоставлять. Конвенция 1933 г. Польшу также в полной мере не устраивала из-за вопроса о высылках и о праве эмигрантов на труд.

Польские власти пытались выработать взвешенную политику, неоднократно заявляли, что им не безразличны судьбы русских эмигрантов, и они готовы предоставить поддержку и всевозможную протекцию[39]. Эти поиски сопровождались явной борьбой двух тенденций: 1. обеспечение национальных

интересов и национальной безопасности и 2. соблюдение принципов гуманности и гуманитарное вмешательство в дела государств с целью защиты интересов наиболее уязвимой части населения. В качестве еще одного фактора выступало лавирование между жесткими требованиями советской стороны, направленными на изгнание эмигрантов из Польши, и необходимостью предоставления убежища россиянам в соответствии с международным правом. Относительного баланса удалось достигнуть, когда беженская масса стабилизировалась (оптимальная численность, более или менее постоянное место жительства). Но особые условия для деятельности эмиграции и проявления относительной самостоятельности, как в других странах, что позволило бы говорить о включении ее в Зарубежную Россию, так и не сложились.

В конце 1920-х гг. оплотом русской эмиграции в Европе стали Балканские страны, дольше всех не признававшие СССР. И это несмотря на общее сокращение ее численности в этом регионе. Исключение, пожалуй, составила Греция, где к середине 1930-х гг. активность эмигрантской жизни угасла.

В Югославии число эмиграции к 1930 г. снизилось до 25 тыс. и продолжало уменьшаться[40]. Лишь в Белграде и его окрестностях, где к 1930 г. сосредоточилось до 10 тыс. русских, эта тенденция имела обратный вектор. Население же самой Югославии составляло всего 14,5 млн. человек[41].

С 1927 г. благоприятные для братьев русских условия пребывания в стране стали по объективным причинам ухудшаться. Урезание госбюджета, сокращение низших служащих, среди которых находилось большое количество русских эмигрантов (по некоторым сведениям 50–60 % должностей дневничар занимали русские[42]), все это больно ударило по благосостоянию беженства. Возглавлявшему Делегацию по защите интересов русских беженцев в Югославии, преобразованную в 1925 г. из формально ликвидированного российского посольства, В.Н. Штрандтману стали активно поступать просьбы о пособиях тем, кто лишился заработка или находился под угрозой увольнения. Он вынужден был обратиться 12 марта 1927 г. к председателю Совета министров Н. Узуновичу с просьбой не сокращать 3,5-миллионный ежемесячный кредит для русских, ибо они находились в более тяжелой ситуации, чем местные жители, имевшие имущество, родственников, какие-то накоп-

ления и т. д. Подобная просьба была повторена в 1928 г. в связи с очередным сокращением бюджета. Глава Русской миссии также призывал министра иностранных дел по возможности «изъять русских из числа увольняемых служащих»[43].

На трудоустройство влияли не только экономические, но и политические факторы. Надеяться на помощь русских организаций могли только те из беженцев, кому были чужды сепаратистские настроения, кто соотносил себя с бывшей Российской империей, с Русским Зарубежьем. Так, В.Н. Штрандтман на запрос председателя Правления русской колонии в Крагуевце К.Г. Алексинского от 7 августа 1937 г. отвечал, что «самостийные казаки, т. е. не признававшие себя принадлежавшими к русской национальности, не могут рассчитывать на содействие русской колонии в получении ими рабочих карт». Те из самостийников, кто действительно вышел из состава этой организации и желал бы воспользоваться содействием Правления колонии, должны были приложить к своим прошениям официальные удостоверения представителей Кубанского, Донского и Терского казачьего войска в Белграде о том, что они снова приняты на учет в этих войсках после отказа от своего сепаратизма[44].

Положение в какой-то мере спасало сохранение определенных социальных гарантий: учет при назначении пенсии службы в России, стажа государственной службы, участия в первой мировой войне, уравнение в правах русских инвалидов с сербскими и получение ими постоянной пенсии[45]. По сведениям Державной комиссии к 1 января 1926 г. число нетрудоспособных русских беженцев достигало 2032 человек[46]. Однако закон о пенсии 1929 г. предписывал засчитывать стаж государственной службы лишь в том случае, если он составлял не менее 10 лет.

Со второй половины 1920-х гг., когда ряды интеллигенции стали пополняться местными кадрами, рынок труда для русских сужался. К концу 1930-х гг. учителям стали отказывать в работе из-за того, что не состояли в югославском подданстве. Лишь натурализация могла помочь удержаться на государственной службе или продолжить свою практику врачам, юристам, профессуре. Поэтому многие русские, желая упрочить свое положение и надеясь на повышение по службе, переходили в сербское подданство. Даже при готовности натурали-

зоваться не всегда удавалось сохранить рабочее место. В таком случае беженцы обращались за содействием в Русскую миссию. По мнению некоторых членов русской колонии, и «принявшие подданство вряд ли выиграли, потому что к ним применили § 2 Закона о чинах»[47].

Доступ иностранцев в войска к началу 1930-х гг. был практически прекращен. Служба в сербской армии стала возможна лишь после натурализации. В.Н. Штрандтману не раз приходилось давать разъяснения по этому вопросу. Так, М. Трубецкому из Кламара (Франция), имевшему три инженерных диплома, В.Н. Штрандтман разъяснял, что принять сербское подданство возможно только проживая на территории КСХС, и если бы тот имел возможность приехать в Белград, прожить за свой счет около года, то за это время, возможно, удалось бы побороть трудности с переходом в югославское подданство и ознакомиться с языком[48].

В 1931 г. состоялся последний прием в Белградское юнкерское училище юношей старшего возраста после сдачи конкурсного испытания. Несмотря на высокий конкурс (1800 заявлений на 300 мест) и то, что экзамен проводился на сербском языке (изложение), русские пытались поступать и добиться протекции главы Русской миссии. Однако протекции во внимание не принимались. К В.Н. Штрандтману, как человеку авторитетному в белградском обществе, обращались за такой поддержкой выпускники Донского кадетского корпуса в Гаражде, получившие аттестат зрелости («велика матура»), дававший право выбора дальнейшего высшего образования[49].

Большая численность бывших военных чинов в российской беженской среде обусловила особенности их требований в отношении улучшения правового положения. К 25-летию со дня объявления Великой, т. е. первой мировой войны, начальник Крагуевацкого отдела Общества русских офицеров генерал К.К. Эггер 26 июня 1939 г. писал А.П. Архангельскому, председателю РОВСа в Брюссель, что следует напомнить властям Югославии о роли русских в утверждении новой югославской государственности. Он считал, что «необходимо возбудить вопрос о справедливом даровании разных льгот русским беженцам, кои заслужили благодаря трудам в течение 19 лет в их стране». Далее К.К. Эггер выставлял целую программу реформирования: «1) Признать годы войны 1914–1918 гг. всем

служащим на государственной службе в звании чиновников, конрактуальных чинов, званичников, дневничаров и наднича-ров, для зачета на пенсию всех видов, т. е. их Государственного казначейства, подпорного фонда и др. учреждений. 2) Понизить возрастной ценз с 65 до 60 лет, а для больных и неспособных к труду до 55 лет, на получение пенсии участникам Великой войны, прослужившим 10 лет в государственных учреждениях Югославии. Самый размер пенсии, для всех одинаковый в 900 динар, повысить для семейных. 3) Упрочить положение контрактуальных чиновников тем, что в контракте не обозначать срока, а лишь означить право обоюдного отказа, с предупреждением за 2 месяца, до истечения срока. (Фактически контракт со стороны государства и теперь может быть нарушен в любой срок. 4) Облегчить формальности, желающим принять югославское подданство, восстановить в силе п. 2 § 56 и п. 6 § 53 "Закона о гражданстве". В настоящее время желающие принять подданство ожидают бесконечно долго свершения всех формальностей, и стоимость разных налогов доведена до 3 тыс. динаров, а между тем, при всяком приеме на службу, первое условие – быть подданным, чего ранее не было. 5) Принимать на службу русских без различия, приняли они подданство или нет, т. е. в смысле приема на службу не применять к нам законов об иностранцах. 6) Увеличить количество домов призрения для стариков, число которых с каждым годом возрастает»[50].

В конце 1930-х гг. особую остроту приобрел вопрос о натурализации. Устроиться или удержаться на работе без перехода в югославское подданство стало невозможно.

По закону о подданстве от 21 сентября 1928 г. (§ 53) льготные условия для принятия подданства КСХС были предоставлены лицам, которые находились на державной службе более двух лет при условии пребывания в Королевстве более 5 лет (§ 53, п. 5). Лицами, находившимися на государственной службе, считались надничары, устанавливался срок подачи прошений – до 1 ноября 1929 г. Однако уже после 1 мая МВД прекратило принимать прошения от служащих-надничар, ссылаясь на толкование понятия государственного служащего по акту № 6 от 5 января 1929 г., изданного МВД, в соответствии с которым служба надничар не считалась государственной[51]. В 1934 г., чтобы перейти в югославское подданство нужно

было 10-летнее пребывание в стране. В виде исключения – только с высочайшего благоизъявления.

28 марта 1938 г. В.Н. Штрандтману пришло письмо от родителей, сын которых, Д.А. Пограничный, окончил курс архитектурного отделения технического факультета Загребского университета. Ни работать по специальности, ни занять место в правительственных учреждениях по специальности, не имея местного подданства, он не мог. «Тщетно вот уже почти два года подает он “мольбы” о принятии его в подданство, – говорилось в письме, – но все эти “мольбы” кончаются отказом без объяснения причин». В финансовом отношении и отец, и мать были зависимы от сына, т. к. существовали только на небольшое пособие в 150 динар в месяц от Державной комиссии. В.Н. Штрандтман навел справки в русской Загребской колонии о молодом человеке и послал благоприятный отзыв в министерство внутренних дел[52].

Делегация по делам русских беженцев на основании сведений, предоставляемых начальниками русских колоний предоставляла заключение о соискателе югославского подданства. В соответствии с «Положением о русских колониях», миссия (или Делегация) располагала сетью учреждений, благодаря которым (§ 16 «Инструкции») имела возможность дать точные сведении о русских, проживавших в том или ином пункте. Правления колоний, в свою очередь, обязаны были подробно осведомлять Делегацию в ответ на ее запрос о ком-либо из русских, проживавших в их районе[53].

Бумаги относительно принятия в югославское подданство направлялись в местное полицейское управление, где наводили справки о ходатайствующем, некоторые документы заставляли перевести на местный язык и приложить копии, и затем отправлялись в министерство внутренних дел с соответствующим отзывом. Свои ходатайства о натурализации беженцы старались подкрепить рекомендациями со стороны Делегации или авторитетных лиц. Так, К.В. Шевелев заручился поддержкой не только В.Н. Штрандтмана, но и известного ученого Е.В. Спекторского, возглавлявшего Русский академический союз, Вильфана, председателя съездов меньшинств. Спустя 8 месяцев после подачи документов К.В. Шевелев прислал В.Н. Штрандтману письмо с известием о принятии его в югославское подданство и благодарностью за содействие[54].

В случае опоздания принятия решения о гражданстве или в случае отказа ходатайствующий мог лишиться места работы. Редуцированному контр-наставнику державной гражданской школы в Трубишном Поле полковнику Н.В. Дашкевич-Горбацкому 28 августа 1937 г. было отказано в работе из-за того, что он не состоял в югославском подданстве, хотя документы о натурализации подал. Вначале он обратился с ходатайством к своему местному срескому начальнику, который направил его прошение далее по инстанции. Но прошение вернулось с требованием 100 динар, оплаты копий и предоставления оригиналов документов. После получения разрешения на принятие в подданство с Н.В. Дашкевича-Горбацкого потребовали еще 1 тыс. динар. Таких денег не нашлось, и контр-наставник оказался выброшенным на улицу со старой и больной супругой, оставшись без средств к существованию[55].

В целом Югославия создала благоприятные правовые условия для адаптации русских беженцев. Хотя бывшие подданные Российской империи и рассматривались как иностранцы, но для них предусматривался целый ряд исключений, льгот, тем самым устанавливался особый статус. При лояльном государственном подходе к разрешению беженских проблем, реализация политики на местном административном уровне подчас носила слишком формализованный характер. Кроме того, под давлением обстоятельств преференции сокращались, и в 1930-е гг. на русских беженцев в полной мере легли все тяготы изгнанничества.

Установление дипломатических отношений с СССР последовало в июле 1940 г., поэтому этот фактор не повлиял на политику правительства к российским беженцам в рассматриваемый период.

В Болгарии правительственная политика по отношению к российским эмигрантам прошла три качественно различных этапа: с 1919 по 9 июня 1923 г.; следующий – по 19 мая 1934 г. и третий – по 9 сентября 1944 г. Начало третьему периоду (1934–1944 гг.) положило установление болгарско-советских дипломатических отношений. Правительственная политика переориентировалась на ликвидацию эмигрантских учреждений, русской самобытности. (1 марта 1941 г. Болгария присоединилась к Тройственному пакту. Хотя связи с СССР были нарушены, прежняя политика притеснения эмигрантов была продолжена.)

Число эмигрантов с конца 1920-х гг. снижалось, в том числе за счет натурализации, составив в 1932 г. 17 797 человек[56]. В 1928 г. в связи с политикой защиты национального рынка труда в болгарской прессе стали появляться статьи в защиту российских беженцев. Подчеркивалось, что проблема увольнений затрагивает не только вопрос трудоустройства, но включает и моральную сторону, поскольку беженцы являлись «невольными политическими изгнанниками», лишенными всего[57]. В отношении права на труд циркуляром Министерства труда от 10 июня 1926 г. за № 7634 российские беженцы приравнивались к болгарским подданным. В 1929 г. Народное собрание приняло специальное решение о защите труда русских врачей и допускало частную медицинскую практику. Закон был принят при поддержке почти всех депутатов, за исключением крайне левых[58].

Несмотря на принятые либеральные законы в отношении русских, возможности трудоустройства расширялись с переходом в болгарское гражданство. Особенно к натурализации подталкивало поступление на государственную службу. 22 марта 1929 г. Народное собрание приняло дополнения к Закону о гражданстве. Речь шла о принятии русскими беженцами болгарского подданства на льготных основаниях. Для них была снижена плата за прошение о натурализации с 5 тыс. до 500 левов, на канцелярские расходы, и без установления всяких сроков, определявших бы стаж на государственной службе в Болгарии, как условия принятия в гражданство. Требовалось единственное – российский беженец должен был прибыть в страну до 1 января 1929 г. министр юстиции Т. Кулев при этом заявил: «Это с нашей стороны выражение признательности нашим освободителям»[59]. Если в 1928 г. ходатайства о натурализации возбудили 145 человек[60], то за последнее полугодие 1932 г. – уже около 3 тыс.[61]

Нансеновские паспорта для беженцев вводились решением совета министров от 15 августа 1926 г. с 5 октября и выдавались в обязательном порядке сроком на один год. Дирекция полиции заявила, что станет продлевать сроки пребывания в Болгарии только тем эмигрантам, которые обладали такими удостоверениями личности[62]. Однако дороговизна этих документов (175 левов за паспорт, 140 – за нансеновскую марку, 10 – паспортные расходы; для бедных – 20 левов[63]) вызывала

ЦАРСТВО БЪЛГАРИЯ

МИНИСТЕРСТВО НА ВЪТРЕШНИТЕ РАБОТИ И НАРОДНОТО ЗДРАВЕ
ДИРЕКЦИЯ НА ПОЛИЦИЯТА

НАНСЕНОВЪ ПАСПОРТЪ

УДОСТОВЪРЕНИЕ ЗА САМОЛИЧНОСТ

ВАЖИ И ЗА ВЪТРЕШНИЯ СЛЕДЪ КАТО СЕ ПОЛУЧИ ВИЗА ОТЪ БЪЛГАРСКАТА ЛЕГАЦИЯ ИЛИ КОНСУЛСТВО ВЪВ СЪОТВЕТНАТА ДЪРЖАВА

Име: собствено Михаилъ, бащино Алексѣевичъ, водително Чемобровъ

Дата на рождението 7. I. 1901

Мѣсторождение Русия, Екатеринодаръ

Фамилно име на бащата Чемобровъ

Фамилно име на майката Чернишева

Отъ руски произходъ не принадлежи никой друга национальность

Професия Фризьоръ

Бивше мѣстожителство въ Екатеринодаръ

Настоящо мѣстопребиваване Нова Загора

— 2 —

Отличителни черти:

1. Възрастъ 32
2. Тѣлосложение нормал.
3. Ръстъ сред.
4. Лице овал
5. Цвѣтъ на кожата бял
6. Очи кафяви
7. Мустаци —
8. Брада —
9. Носъ обикнов.
10. Устна —
11. Коса черна
12. Особени белези —

Занятие фризьоръ

Мѣстожителство: гр. или село Н. Загора, околия —, окржие Ст. Загора

Подпись на предявителя

Паспортъ е издаденъ въ София

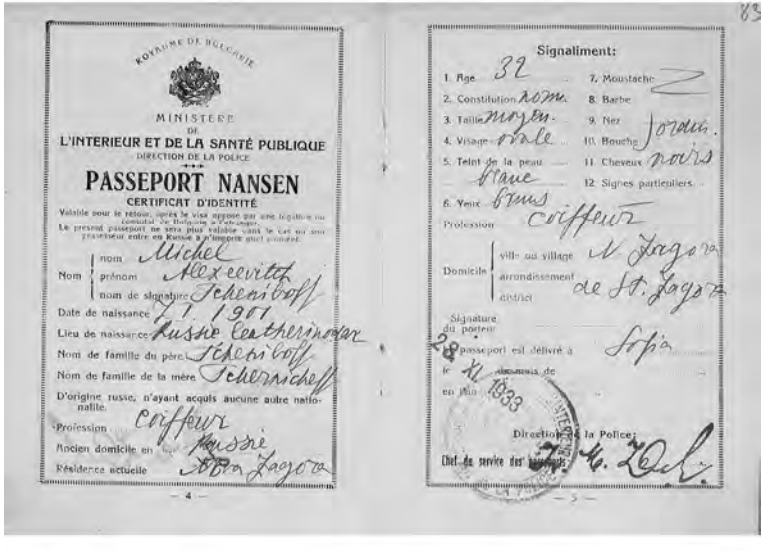
на 7 мѣсецъ I день

19 01 рождение

Дирекция на полицията

Нѣ паспорта служащъ

— 3 —

ROYAUME DE BULGARIE

MINISTERE DE L'INTERIEUR ET DE LA SANTÉ PUBLIQUE
DIRECTION DE LA POLICE

PASSEPORT NANSEN

CERTIFICAT D'IDENTITÉ

Valable pour le retour, après le visa apposé par une légation ou consulat de Bulgarie à l'étranger.
Le présent passeport ne sera plus valable dans le cas où son possesseur entre en Russie sans autorisation spéciale préalable.

Nom: nom Michel, prénom Alexeevitch, nom de signature Tchernibroff

Date de naissance 7. I. 1901

Lieu de naissance Russie Ecatherinodar

Nom de famille du père Tchernibroff

Nom de famille de la mère Tchernischeff

D'origine russe, n'ayant acquis aucune autre nationalité.

Profession coiffeur

Ancien domicile en Russie

Résidence actuelle Nova Zagora

— 4 —

Signaliment:

1. Age 32
2. Constitution norm.
3. Taille moyen
4. Visage ovale
5. Teint de la peau blanc
6. Yeux bleus
7. Moustache —
8. Barbe —
9. Nez ordin.
10. Bouche —
11. Cheveux noirs
12. Signes particuliers —

Profession coiffeur

Domicile: ville ou village N. Zagora, arrondissement —, district de St. Zagora

Signature du porteur

Le passeport est délivré à Sofia

le 28 XI 1933

en mairie de —

Direction de la Police:

Chef de service des passeports

— 5 —

Нансеновский паспорт (на болгарском и французском языках)

неудовольствие в среде беженцев, тем более что их возобновление требовало ежегодной уплаты всех сборов. В Комитет по делам русских беженцев, представителю Ф. Нансена Б.С. Серафимову приходили письма с жалобами на мнимые преимущества нансеновских паспортов и на то, что «выборка паспорта ложится бременем на бюджет каждого»[64]. За первый год хождения этих документов в Болгарии они «с полной очевидностью выявили всю свою несостоятельность». В одной из жалоб отмечалось: «Как общебеженский документ нансеновский паспорт возложенных на него надежд не оправдал: ни нашего правового положения не улучшил, ни нашему материальному положению не помог. Как личное удостоверение нансеновский паспорт еще в большей степени оказался бесполезным; при всем своем желании где-либо и как-либо его использовать, никому из нашей колонии эта попытка не удалась. С нансеновским паспортом не считаются ни полицейские, ни гражданские, ни железнодорожные власти. …Та единственная привилегия нансеновского паспорта, в силу которой он при переезде из одного государства в другое заменяет заграничный паспорт, совершенно не оправдывает производимые на его приобретение затраты»[65].

В 1930 г. выборка паспорта для состоятельного беженца стоила (считая и фотокарточки) 540 левов, а для несостоятельных, коими считались лица, получавшие менее 2000 левов в месяц, – 83 (их называли льготными, «бесплатными»). В соответствии с циркулярным сообщением Комитета по делам русских беженцев от 20 ноября 1928 г. льготник должен был взять в канцелярии Комитета особую анкету о бедности и заверить ее в полицейском участке по месту жительства. Потеря времени и волокита (полиция проверяла данные, наводя справки на местах) для многих вели к утрате заработка из-за вынужденно пропущенных рабочих дней. Помимо того, что выдавали русским такие свидетельства неохотно, практика полицейских начальников была неодинакова, зависела от личного усмотрения. Удостоверения о размере заработка, выдававшиеся с мест службы или работы, Комитет по делам русских беженцев, за редкими исключениями, не принимал[66].

Союз русских инвалидов в Болгарии[67] в конце 1931 г. переживал самые сложные времена. К наступившим холодам инвалиды не смогли запастись топливом, теплым бельем, одеждой.

Жить приходилось в мансардах или подвалах. Почти поголовная безработица сократила финансовую подпитку со стороны местного правительства. Экономический кризис не способствовал притоку средств из-за границы. Лишь благодаря поддержке Нансеновского офиса удалось спасти замерзающих инвалидов и их детей, организовать выдачу бесплатных обедов, поддержать туберкулезных больных[68]. Поскольку нансеновский сбор целиком уходил в Лигу Наций, а главными его плательщиками были военные чины, это давало «моральное основание просить» Нансеновский офис о выдаче ссуды[69].

Поляризация «русского мира» в Болгарии проявилась как в повседневной жизни, так и в работе общественных организаций. В частности, раскол проявился в инициативе Б.С. Серафимова создать Трудовой союз в противовес отделу Русского общевоинского союза (РОВСа). В результате оппозиционные ему силы создали Объединение русских общественных организаций и союзов в Болгарии, которое не признавало за Б.С. Серафимовым право «представительства русского имени». Противостояние проявилось даже в разном видении содержания образования детей. Близкие к военным кругам русские настаивали на большем удельном весе в учебном процессе предметов и форм преподавания, которые воспитывали бы национальные черты, русское самосознание, патриотизм, прививали дисциплину.

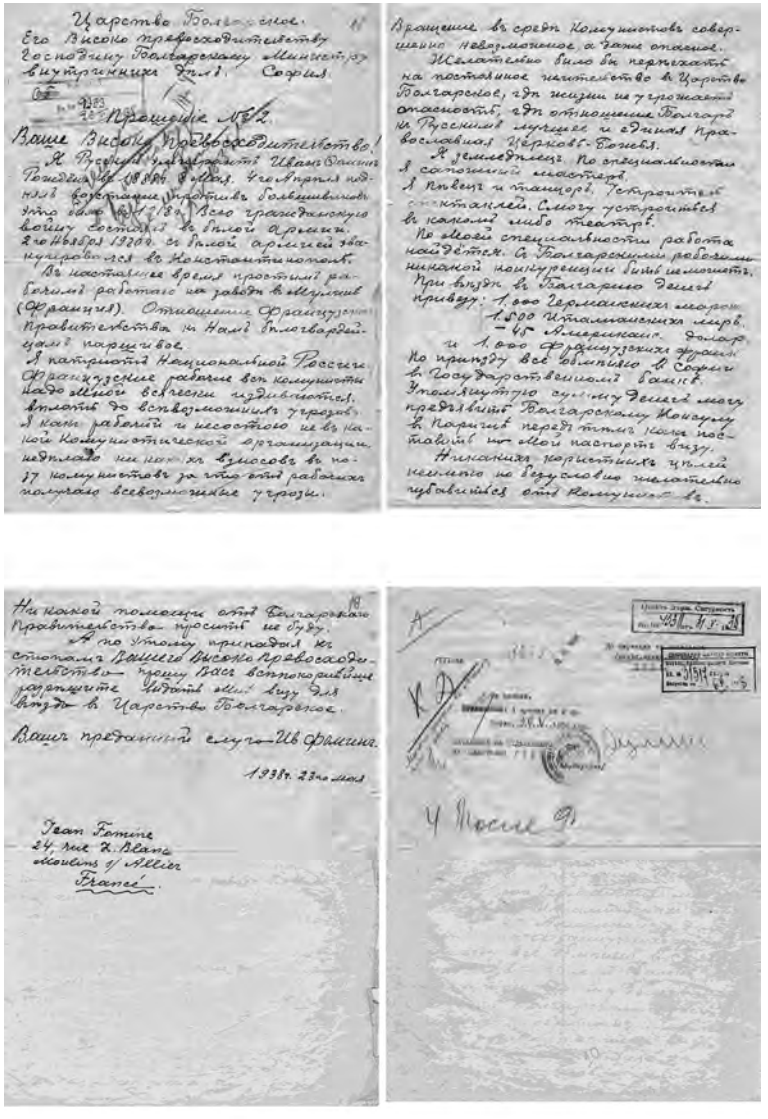
Политические, социальные и межличностные противоречия призван был решить третейский суд. Еще в начале 1922 г. по инициативе проф. К.Н. Соколова обсуждалось предложение о создании в Софии особого третейского суда для русских, который имел бы право не только разбирать столкновения между эмигрантами, но и привлекать к ответственности тех из них, чья деятельность могла бы опозорить русское имя. Предполагалось, что деятельность третейского суда поднимет престиж и авторитет соотечественников. Тем более что действующие в других странах такие суды благотворно влияли на жизнь русской эмиграции. Однако после разгрома редакции газеты «Свободная Речь» и высылки К.Н. Соколова о его инициативе говорить перестали.

Лишь в 1928 г. вновь был поднят вопрос о третейском суде. Поводом стало опубликование газетой «Русь» писем со взаимными обвинениями в неблаговидных поступках княгини

Лобановой-Ростовской и Повало-Швейковской, работавших в одной общественной организации. Этот конфликт присоединился к череде других. В качестве примера можно привести «оскорбление действием князя Лобанова-Ростовского в посольской церкви, клеветнические листовки, выпущенные против глубокочтимого большинством русской эмиграции протопресвитера о. Г.И. Шавельского, избиение в трамвае присяжного поверенного Н.Н. Алексеева и другие печальные факты, позорящие русское имя»[70]. Подобные случаи давали основания местному обществу, плохо разбирающемуся в межэмигрантских взаимоотношениях, «делать выводы, чрезвычайно обидные для нашего национального самолюбия в государствах, не питающих симпатий к России» и печатать «статьи самого обидного характера для русской эмиграции и для русских вообще»[71]. Поскольку пострадавшие, как правило, не обращались в болгарский суд, «чтобы еще больше не раздувать печальных фактов и не давать пищи неблагожелательно настроенной к русским прессе»[72], третейский суд мог бы разрушить иллюзию безнаказанности виновных.

Фонд полиции ЦГА Болгарии хранит служебную переписку, заявления русских беженцев с просьбами о разрешении поселиться на постоянное местожительство в Болгарии. Они отражают место и роль этой страны в географии расселения изгнанников, иллюстрируют факт массового переезда во Францию русских беженцев для трудоустройства, указывают на зависимость выбора места жительства от политической конъюнктуры, а также процедуру принятия решений. Так, бывший военнослужащий белой армии донской казак И.А. Фомин проживал в Болгарии с 1922 по 1923 гг., затем переехал на работу во Францию. Он дважды – в мае 1936 г. и в 1938 г. – обращался с прошениями в дирекцию полиции о разрешении вернуться на постоянное место жительства в Болгарию. Мотивом переезда стали угрозы со стороны рабочих Франции, поскольку И.А. Фомин оставался «патриотом национальной России» и не платил взносов ни в одну коммунистическую организацию. Комитет по делам русских беженцев в Болгарии, подтверждал политическую благонадежность И.А. Фомина. Однако беспрепятственно вернуться в Болгарию не удалось.

Таким образом, во время пребывания российских эмигрантов в Болгарии правительство жестко придерживалось курса

Царство Болгарское.
Его Высоко Превосходительству
Господину Болгарскому Министру
Внутренних Дел
г. София

Прошение №2.

Ваше Высоко Превосходительство!

Я, Фомин Иван Ефимович, Тамбовской губ. 1884 г. рождения, с начала 1918 г. вступил в ряды Добровольческой армии против большевиков и до 1920 г. Всю гражданскую войну состоял в Белой армии. В ноябре 1920 г. с Белой армией эвакуировался в Константинополь.

В настоящее время проживаю в Болгарии работаю на заводе в Шумене (Франция). Отношение Французского Правительства и Нашей Белогвардейской партии.

Я патриот Национальной России. Французские рабочие все коммунисты надо мной все смеются издеваются. Стали до всевозможных угроз. Я как рабочий и несогласен ни в какой Коммунистической организации. Недавно на нас в Совете в 17 коммунистов за что этот рабочий получал всевозможные угрозы.

Вращение в среде Коммунистов совершенно невозможное, а даже опасное.

Желательно было бы переехать на постоянное жительство в Царство Болгарское, где нет угрожающей опасности, где отношение Болгар к Русским мирное и единая Православная Церковь-Божья.

Я земледелец. По специальности я столярный мастер.

Я плотник и такелаж. Устроиться в кинематограф. Смогу устроиться в какой либо театр.

По моей специальности работа найдётся. А Болгарским рабочим никакой конкуренции быть не может.

При въезде в Болгарию Денег привезу: 1.000 Германских марок
1.500 Итальянских лир.
45 Американ. долар
и 1.000 Французских франк.

Но приезду все обратно в Софии в Государственный банк.

Упомянутую сумму Денег могу предъявить Болгарскому Консулу в Париже перед тем, как поставить на мой паспорт визу.

Никаких пользований чьей-нибудь не безусловно желательно убавиться от Коммунистов.

Никакой помощи от Болгарского Правительства просить не буду.

А по этому прилагаю к стопам Вашего Высоко Превосходительства — прошу Вас встокровище разрешить мне выдать мне визу для въезда в Царство Болгарское.

Ваш преданный слуга Ив Фомин.

1938 г. 23 го мая

Jean Fomine
24 rue d. Blanc
Moulins s/ Allier
France

Прошение И.А. Фомина о возвращении в Болгарию (из Франции) и резолюция болгарских властей с отказом. Центральный государственный архив (Болгария)

на подчинение иностранцев местным законам и не позволило создать национального органа на основе российской дипломатической миссии, который претендовал бы на автономию. Можно сказать, что буфером для смягчения адаптации русских в чужой стране стала благосклонная политика по отношению к беженцам, конфессиональная близость, сходство культур, языков и даже законов Российской империи и Болгарии.

Но и в тех государствах, где бывшее российское дипломатическое представительство активно использовалось правительством и наделено было консульскими полномочиями, ситуация менялась. Консульские обязанности передавались представительствам верховного комиссара по делам беженцев. А на поддержание деятельности этих представительств средств, как правило, не хватало.

Например, такое положение характерно для Германии, где делегат Нансена играл активную роль, а нансенамт[73] уже в конце 1933 г. стал ликвидироваться. Во главе представительства (Vertretung des Völkerbundes für Russische Flüchtlings-Angelegenheiten) с 1922 г. по 1931 г. находился М. Шлезингер, затем Стоббе (1931–1933), а заместителями были эмигранты – дипломат А.И. Щербатский, с апреля 1931 г. – юрист Е.А. Фальковский.

В связи с обсуждением в 1931 г. вопроса о судьбе представительств Нансеновского комитета в странах рассеяния была разослана анкета правительствам. Ответ германских властей носил двусмысленный характер: представительство полезно, но, в сущности, и без него можно обойтись, т. к. немецкие чиновники и сами прекрасно все могут исполнить. Это насторожило российскую эмиграцию. Тяжелое хозяйственное и политическое положение страны не способствовало поддержке иностранцев и порождало убежденность, что с иностранцами церемониться не будут. «Беженцы легко могут оказаться в роли козлов отпущения, – писал А.А. Гольденвейзер К.Н. Гулькевичу 17 августа 1931 г. – …При таких условиях особенно важно, чтобы сохранилось учреждение, которое стояло бы на страже интересов беженцев и защищало хотя бы ту крупицу прав, которая им предоставлена… Представительство очень добросовестно и доброжелательно исполняло свои обязанности, и если ему не всегда удавалось добиться успеха, то в этом не его вина. Во всяком случае, без представительств было бы

нам несравненно хуже. Поэтому возможность ликвидации или даже сокращения компетенции представительства чрезвычайно нас пугает»[74].

А.А. Гольденвейзер составил докладную записку и подал ее главе нансеновского офиса Стоббе за подписями представителей важнейших берлинских беженских организаций (А.А. Гольденвейзер от Союза русских евреев в Германии, И.В. Гессен от Союза русских журналистов и писателей, В.В. Гольденберг от Союза русской присяжной адвокатуры, А. Риттенберг от Союза поддержки русских граждан в Берлине, В.И. Ясинский от Русской академической группы в Германии). В записке шла речь о том, что деятельность представительства никоим образом не подменяет постоянные немецкие учреждения, и нельзя от последних ждать и требовать, чтобы они знали о сложных правовых отношениях, в которых живут бесподданные беженцы. Еще меньше от немецких ведомств можно требовать знания русского языка, старого и нового русского права. Далее говорилось, что полным объемом информации и опытом может обладать только учреждение, специально занимающееся проблемами беженцев. Совершенно незаменимой была деятельность представительства международного нансенамта при установлении беженского состояния, при выдаче эрзацдокументов (например, свидетельств о рождении для женитьбы и т. д.); при установлении состояния семьи беженцев, их академического образования, по вопросам виз, работы и т. д. Особенно важной представлялась защита представительства от полицейских и других учреждений в провинции, т. к. там правовое положение беженцев и международные соглашения были, как правило, неизвестны[75].

Председатель Союза русской присяжной адвокатуры в Германии Б.Л. Гершун поддержал инициативу других русских организаций выступить против ликвидации представительства нансенамта: «Трудно было бы выбрать более неподходящий момент для сокращения работы по защите беженцев в Германии, чем настоящий. Кризис, безработица, безденежье создают конфликты в выплате пособий, сыпятся в изобилии высылки, паспортные строгости растут. <…> Положение беженцев с годами не стало упорядоченнее, но, напротив того, значительно ухудшилось. Беженцу особенно теперь нужно покровительство Нансеновского комитета. Оно нужно в большей степени,

чем прежде; тогда можно будет ссылаться на общий принцип “убежища”, теперь надо в каждом отдельном случае тщательной ссылкой на закон защищать беженца против каждого нарушения отдельного права. Деятельность местного представительства, особенно с преобразования его в Нансеновский комитет и переменами в его личном составе (с апреля–мая 1931 г.), и сводится к этой постоянной и упорной борьбе за права беженцев <…> При сокращении состава сотрудников, цифровые величины работы, количество входящих и исходящих бумаг, число ежедневных посетителей возросло чуть ли не вдвое. Особенно ценно наличие Представительства для той большой и совершенно беспомощной части беженцев (бывших военнопленных), которая рассеяна по деревням в качестве сельскохозяйственных батраков. Эта категория беженцев, лишенная языка и всяких сведений, обречена на любое умаление своих прав местной властью, если бы не энергичные письменные вмешательства Представительства. Особенно большое значение мы придаем присутствию в Представительстве нашего товарища присяжного поверенного Е.А. Фальковского. Приглашенный с апреля 1931 г. на постоянную работу в Представительстве, Фальковский оказался там более чем на месте»[76].

В 1933 г., когда вновь зашла речь о сокращении финансирования, реорганизации либо ликвидации работы нансенамта, Е.А. Фальковский писал: «При шаткости положения беженцев, неписанности их прав, деловой беспомощности большей их части надо было по каждому делу взваливать на себя функции адвоката: сверх соответственного свидетельства писать, просить, напоминать, настаивать, идти в высокие инстанции»[77].

Русские организации, в случае ликвидации нансенамта, желали поставить под свой контроль новое учреждение, предполагая заменить Стоббе С.Д. Боткиным и слить две организации (нансенамт и Vertrauensstelle, преобразованный из Русской делегации) в целях экономии и ликвидации дублирования деятельности. Союз русских присяжных адвокатов в Германии в лице Б.Л. Гершуна ходатайствовал о сохранении Е.А. Фальковского в качестве заместителя, т. к. им «заведены в административных учреждениях Германии связи, выработано множество умело составленных формуляров и т. д.». 7 марта 1932 г. Б.Л. Гершун писал К.Н. Гулькевичу, представителю Совещания послов при Лиге Наций, что без Е.А. Фальковского «полу-

грамотные, докучные жалобы, частью изложенные в форме русских писем», не были бы Стоббе ни до конца выслушаны, ни хорошо поняты. «Бесконечное технически-правовое разнообразие беженских обид и способов их удовлетворения, – продолжал он, – требует и находит в нем всесторонне сведущего и опытного заступника жертв этих обид. Знание иностранных языков: французского, английского для Женевы, немецкого для местных властей, русского и польского для беженцев, – в значительной степени содействуют успешному исполнению возложенной на него работы»[78]. Нансенамт в лице Е.А. Фальковского постоянно публиковал разъяснения по всем беженским вопросам на столбцах русских газет.

С ростом национализма в Германии, усилением паспортных строгостей в отношении права жительства и высылок вызывало новые затруднения в жизни беженцев как юридического, так и особенно хозяйственного. Б.Л. Гершун высказывал озабоченность тем, что нансенамт, столь полезный и столь нужный, будет закрыт или сокращен: «Мы в особенности опасаемся, как бы Е.А. Фальковский не стал жертвой такого сокращения. Он пользуется большим уважением в эмигрантских кругах; его осведомленность во всех вопросах беженского права совершенно исключительная; его личные качества делают его особенно желательным и незаменимым на том посту, который он теперь занимает. Нансенамт совершенно немыслим без его постоянного, упорного, тактичного и компетентного сотрудничества»[79].

С.Д. Боткин, который, предполагалось, возглавит новый комитет, скептически оценивал деятельность Е.А. Фальковского[80]. В случае возглавления им нансеновского представительства он как председатель Vertrauensstelle предпочитал привести за собой своих сотрудников. 9 января 1934 г. С.Д. Боткин писал В.А. Маклакову, возглавившему Совещание послов после смерти М.Н. Гирса: «Фальковский не еврей, но может быть еврейского происхождения. Во всяком случае, политически он, насколько мне известно, был народным социалистом, а теперь принадлежит к левому крылу РДО [Республиканско-демократического объединения – *З.Б.*], которое он в Берлине и возглавлял. Само собою, подозрения на еврейство и левая ориентация мало-мало подходят к теперешнему настроению в Германии, о чем мне уже и намекали недавно

в Имперском министерстве внутренних дел, указав, что за крамольностью теперешнего представителя Лиги Наций, всем орудует Фальковский»[81]. Поэтому С.Д. Боткин заявлял, что мог бы принять к себе на службу Е.А. Фальковского, лишь переговорив с соответствующими немецкими властями[82].

С.Д. Боткин был убежден, что представитель нансенамта работал совершенно планомерно в интересах большевиков и против возглавляемого им Vertrauensstelle, и стремился добиться контроля над его деятельностью. М. Шлезингер заявлял, что все прежние функции Русской делегации, которая стала называться Vertrauensstelle или Организация защиты интересов русских беженцев, с изменением наименования упразднены, и только он, как представитель Лиги Наций, может оказывать русским как материальную, так и правовую защиту[83]. Важнейшей задачей представительства Лиги Наций М. Шлезингер называл, в первую очередь, служение бесподданным русским беженцам в качестве организации правовой помощи как консульства. При содействии полицейских органов и учреждений он должен был снабдить их легитимационными документами и разрешениями на жительство. Считалось, что лево ориентированные эмигранты обращались к представителю Нансена в Германии М. Шлезингеру (с 1931 г. – к Стоббе), а более правые шли к начальнику Vertrauensstelle С.Д. Боткину.

Тем не менее, работы хватало на всех. 7 апреля 1933 г. С.Д. Боткин писал К.Н. Гулькевичу: «Не далее как вчера Е.А. Фальковский сказал мне, что они завалены работой, и ежедневная посещаемость в среднем 35 человек, едва справляются при составе в 3 лица. Стоббе весьма внимательно относится ко всем посещающим представительство просителям (это относится не только к местным вопросам, но и лицам и учреждениям, надеющимся на помощь Женевы)»[84].

В декабре 1933 г. Стоббе получил отставку. Е.А. Фальковский неофициально осуществлял функции секретаря представительства до 1938 г. В условиях свертывания работы нансенамта и угрозы его закрытия Е.А. Фальковский жаловался К.Н. Гулькевичу в письме от 14 ноября 1933 г.: «Куда денется весь драгоценный документальный материал многолетней работы? В папках представительства [Лиги Наций] зафиксированы сведения о большей части беженцев в Германии, это многие тысячи семейств. При том явлении, что у беженца рус-

ские бумаги отсутствуют или исчезли, а заграничные также с неизбежностью исчезают»[85]. Прекращение, по крайней мере, справочной работы было бы для многих катастрофой. «Очень уж жалко думать, что так шибко развернутая работа – Вы помните по отчетам: около 5 тыс. бумаг в год, и еще около 3 тыс. живых “пациентов”! – оборвется без всякой дальнейшей пользы», – писал юрист[86]. К счастью, и в 1934 г., и позже деятельность нансенамта, хоть и перестроенная, продолжалась, что Е.А. Фальковский отнес «почти что к чудесам»[87]. Нансенамт был ликвидирован согласно предписанию 30 июля 1938 г. На ликвидацию давалось 2 месяца. 26 июля 1939 г. Е.А. Фальковский обратился к М. Ханссону, главе Международного бюро по делам беженцев им. Ф. Нансена, с просьбой от имени группы бывших служащих нансеновского офиса о выдаче вознаграждения в размере 6-месячного оклада. Согласие М. Ханссона было получено[88].

С лета 1932 г. вместо персональусвайсов вводился паспорт для иностранцев, фремденпасс (Fremdenpass) «в виде паспортной книжки в пестрой обложке»[89]. Полицейские органы при продлении нансеновских паспортов стали выдавать именно их, хотя в силе оставались все постановления о «зеленых» нансеновских паспортах. И тот, и другой паспорт выдавались на год, затем ежегодно продлевались, в общем до 5 лет. Паспортные сборы были также одинаковы. В случае выезда оба документа обеспечивали возможность возвращения при наличии обратной визы. Однако нансеновский паспорт свидетельствовал о бесподданном состоянии его обладателя, в то время как во фремденпассах подданство отмечено «unbekannt» (неизвестно) или «ungeklärt» (неясно). Вместе с тем, по мнению Е.А. Фальковского, «зеленый» нансеновский паспорт, который «прочно сросся в Германии с понятием первосортного беженского документа», давал ряд преимуществ. Эти преимущества он разъяснял в прессе. Во-первых, из отметок в нем было ясно, что владелец происходит из России (во фремденпассе обозначалось место рождения, а не страна); во-вторых, из этого следовало, что он эмигрант, «бежавший из России и не могущий или не желающий вернуться туда из политических соображений»; в-третьих, видно, что он – бесподданный. Подтверждение бесподданства необходимо было для получения благотворительного пособия, при наследовании,

вступлении в брак и т. д. Обладателям паспортов для иностранцев пособий не предполагалось. В то же время наличие «зеленого» паспорта доказывало непрерывное проживание его хозяина в Германии в течение более 10 лет (т. к. право на нансеновский паспорт имели беженцы, которые родились на территории СССР или в Латвии, Эстонии, Литве, но не в Польше, Финляндии, Бессарабии, и проживали в Германии непрерывно с 1 ноября 1923 г.), с чем был связан ряд привилегий в вопросах права жительства (более низкая оплата за это право), права на работу.

Глава Организации защиты русских беженцев (Vertrauensstelle) С.Д. Боткин в частной переписке с В.А. Маклаковым подчеркивал преимущества фремденпасса, т. к. его обладатель пользовался льготами наравне с немцами[90]. «Я обратил внимание германского МИД, – писал С.Д. Боткин, – на вышеизложенное положение вещей и просил приравнять нансеновские аусвайсы к паспортам, каковыми они на самом деле являются во всех отношениях. Однако я боюсь, что МИД, который, вероятно, отнесется к моей просьбе благожелательно, не встретит сочувствия министерства финансов, который будет ссылаться на букву постановлений и не пожелает признать, что аусвайс не есть паспорт. Очень досадно и не могу припомнить, почему нансеновскому паспорту не было дано наименование паспорта, а сертификата. В пределах Германии это наименование “аусвайс” всегда давало ему характер какого-то неравноправия в виду чего многие наши соотечественники с введением германского паспорта (паспортная книжка), предпочитают брать его, что почему-то поощряется немецкими властями»[91]. В своем письме В.А. Маклакову от 9 января 1934 г. С.Д. Боткин подробно описал ситуации, когда права нансенистов урезались[92].

Осложняла положение беженца высылка. Она могла последовать из-за нарушения паспортного режима, неуплаты штрафа и т. д. В фонде А.А. Гольденвейзера сохранились документы, иллюстрирующие подобные случаи. Например, полицайпрезидиум Хемница в 1932 г. вынес постановление о высылке на основании пропуска срока продления нансеновского паспорта, несмотря на наличие бессрочного («bis auf weiteres») разрешения на жительство, выданного саксонским министерством внутренних дел в 1923 г. Представителю нансенамта, Стоббе,

пришлось вмешаться и ходатайствовать против несправедливо жестокого наказания[93].

Изменить свое правовое положение путем натурализации русский беженец практически не мог из-за 20-летнего ценза оседлости и в силу других требований.

С приходом к власти Гитлера положение иностранцев в Германии ухудшилось. Например, уже в начале 1933 г. в Германии был издан закон, по которому дети иностранцев-евреев не допускались в школы. При этом делалась ссылка на правила о взаимности. А.А. Гольденвейзер в письме К.Н. Гулькевичу от 26 апреля 1933 г. указывал, что «это вопрос капитальнейшей важности», и что представительство нансеновского офиса – «и только оно – может сыграть громадную роль в вопросе о применении этого закона к русским беженцам»[94].

Характерную для Германии модель адаптации в условиях изменившейся политической ситуации, утвердившегося нацистского режима, изложил бывший лицеист А. Кочубей в обширном, на нескольких листах, письме (Берлин, 15 января 1937 г.), адресованном А.Н. Яхонтову, члену правления Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея на Юге Франции (г. Ницца). Из представленного письма видно, как проявил себя новый порядок, как относились эмигранты к власти, какая атмосфера складывалась в эмигрантской среде. Интерес представляют и бытовые детали. Сетуя на здешний климат, «почти без солнца», А. Кочубей жалел о том, что, когда была возможность остаться в Ницце, не сделал этого. «А теперь, даже больше десяти марок вывозить запрещено, – писал он. – Вот и думаем, как вырваться отсюда куда-либо, где легче живется. С нашими Нансеновскими паспортами это очень трудно. Теперь я по большей части живу в Берлине, но и с Гамбургом не порываю, да и порвать не могу, пока живу в Германии; не только мы, но и немцы, на основании новых законов, привязаны к местам своего постоянного жительства; конечно, мы не лишены свободы передвижений, но числиться должны в определенном месте. По месту жительства получаем право на работу, т. е. годовую карточку, без которой нигде никакой работы получить нельзя; карточки на масло и жир. Получить какую-либо работу нашему брату эмигранту чрезвычайно трудно, почти невозможно. Здесь все строжайше регулировано; даже если иметь деньги,

не будешь знать, что с ними делать; захочется открыть табачную лавочку или содержать меблированные комнаты – нельзя. Нужно зачислиться в соответствующий Союз (вопрос, примут ли еще), сдать соответствующее испытание, получить концессию, что крайне трудно, и т. д. Большинство россиян живет здесь на маленькие средства общественной благотворительной помощи. На что большие связи у меня были, и есть у владельцев различных крупных предприятий, но дать мне хотя бы самое маленькое место они не могут; партийный надзор меня сразу снимет с работы, да и еще мне будут неприятности. Что здесь хорошо, это – порядок и тишина, а коммунизму не только отрезали голову, но главное идеологически перевоспитали [неразборчиво].

Когда произошла национальная революция, то в числе других русских (из лицеистов, правда, я один) пострадал в общей каше и я, конечно, из-за доносов наших же русских; не думал никогда попасть в тюрьму. Но пришлось ознакомиться и с ней; <…> меня допросили и освободили, сказав, что во времена революции возможны ошибки. Длилось все это удовольствие 2 ½ недели, но эти недели сильно подорвали мое здоровье, а главное нервную систему. Правда, сравнительно с другими мне повезло; нынешний Глава Русской эмиграции (состоит на немецкой службе, получает жалованье и квартиру) генерал Бискупский отсидел три месяца; генерал Лампе тоже три, даже знаменитый кн. Авалов и тот сидел три месяца; о других и говорить не стоит. Конечно, теперь все это урегулировалось, но последствия этого казуса пришлось долго чувствовать. Ныне с учреждением Главного Управления по делам русских беженцев стало значительно лучше, ибо, конечно, Бискупский лучше разбирается в русских делах, нежели немецкая тайная полиция. Заместитель Бискупского Таборицкий, адъютант Шабельский-Борк; оба очень милые люди (в свое время они стреляли в Милюкова и, к сожалению, не убили его, а нечаянно убили Набокова) <…>. Пишу Вам обо всем этом для того, чтобы Вам была ясна наша жизнь здесь.

К сожалению, свою энергию никуда приложить не могу, и сижу почти без работы, хотя пока еще пожаловаться не могу, ибо общественной поддержкой не пользуюсь. Вот и не знаю, куда ее, эту энергию приложить, пока еще силы и возможности есть. Чтобы куда-либо приложить энергию, хотел ехать

к генералу Франко, но и это для нашего брата не так просто. Красным – легко, ну, а белым, как всегда, – нельзя»[95].

С приходом Гитлера к власти, свертыванием деятельности нансенамта влияние эмиграции на государственную политику по урегулированию правового положения беженцев стало невозможно. Включенность эмиграции в процесс урегулирования ее положения, правительственная политика, направленная на поиск равнодействующей для сохранения стабильности в обществе, возможности русских вести обособленный образ жизни постепенно истощались. В прошлое уходили времена, о которых писал В.В. Набоков, выехавший из страны в 1937 г.: «Американские мои друзья явно не верят мне, когда я рассказываю, что за пятнадцать лет жизни в Германии не познакомился близко ни с одним немцем, не прочел ни одной немецкой газеты или книги и никогда не чувствовал ни малейшего неудобства от незнания немецкого языка»[96]. Экономическая ситуация и политическая жизнь Германии активно повлияли на адаптацию изгнанников и их исход с насиженных мест.

Прибежищем для вторичной эмиграции изгнанников стала Франция. Их численность после роста в 1920-е гг. в следующее десятилетие оставалась относительно стабильной, и лишь оккупация Франции немцами в 1940 г. привела к отливу русских из страны. По замечанию В.Ф. Зеелера, выпустившего в 1937 г. справочник «Русские во Франции», несмотря на отсутствие точного учета количества прибывающих сюда русских и на разнообразие указаний на их число даже в официальных сведениях тех или иных ведомств во Франции и в Лиге Наций, более или менее близка к действительности (в особенности благодаря подсчету министерства труда) цифра – до ста тысяч человек. Главная масса русских сосредоточилась в Париже и в департаменте Сены. Объяснение тому находилось в возможностях получения какой бы то ни было работы[97].

Правовое положение выходцев из Российской империи, как и в большинстве государств, регулировалось межправительственными соглашениями относительно беженцев, законодательными, судебными и административными мерами, и не было неизменным на протяжении 1920–1930-х гг. Важным рубежом стало введение в законную силу с 1 февраля 1930 г. постановления о правовом положении русских и армянских беженцев в связи с межправительственным соглашением, принятым

30 июня 1928 г. (ратифицировано французским правительством 11 января 1930 г.).

Этим декретом регламентировалась деятельность центрального (в Париже, во главе с В.А. Маклаковым) и местных (в Марселе, Ницце и Лионе) офисов по делам русских беженцев[98]. При центральном офисе была учреждена должность представителя Ф. Нансена, на которую был назначен М. Пан[99]. В ходе ратификации 11 января 1930 г. межправительственного соглашения 1928 г. статью 1 заменили специальным договором о функционировании служб верховного комиссариата[100]. Назначение представителя верховного комиссариата ставилось в зависимость от согласия министра иностранных дел Франции. Верховный комиссар имел право свидетельствовать и легализовать документы офисов по желанию беженца для придания им силы официальных. Таким образом, вступление в силу соглашения не отразилось на работе российских офисов, они сохранили независимость, по-прежнему ведали выдачей официальных актов. Лишь в тех случаях, когда закон предъявлял к документам особо повышенные требования, на выданных ими документах ставилась подпись и печать представителя верховного комиссариата. Это заменяло прежнее сложное и утомительное прохождение бумаг через целый ряд инстанций, иногда включительно до высших чинов министерств[101].

Тем не менее, отмечал В.Ф. Зеелер в справочнике о русских во Франции, еще многое в правовом положении эмигранта русского оставалось «и неясным, и неудовлетворительным, но статут настолько расширил и главное уяснил и уточнил наше положение во Франции, что признание его надлежит считать явлением, несомненно, значительным и важным, и положительным»[102]. Теперь беженцы-апатриды имели ряд преимуществ перед другими иностранцами, за которыми стояло государство гражданской принадлежности, и чьи права регулировались на основе принципа взаимности.

Установилось единообразие судебной практики по русским делам. Пожелания Лиги Наций были согласованы с основными законами Французской Республики. Работа кодификационного характера была проведена во французских отдельных министерствах. Изменений в законодательном порядке потребовали вопросы о правоспособности русских эмигрантов, вступивших в брак за границей, и об освобождении русских на

суде от представления залога, требуемого на общем основании от них как от иностранцев. Для введения в действие некоторых правил (о труде, высылках, визах, признании за беженцами преимуществ, обусловленных началами взаимности, и т. д.) потребовались изменения лишь административного характера.

Пункт 7 соглашения 1928 г. рекомендовал относиться к высылаемым благожелательно, считаясь с невозможностью скорого выезда. Высылке подлежали лица, рискнувшие приехать в страну без разрешения или в обход закона. Преступность в беженской среде была низкая, но даже условно осужденные иностранцы должны были покинуть Францию. Для того чтобы выехать из страны, требовалась виза. Европейские страны давали визы крайне неохотно. Возникала тупиковая ситуация. Французские власти чуть ли не контрабандой провозили нарушителей закона через свою границу, но их таким же порядком переправляли назад. Так, русского рабочего с фабрики Рено, получившего условно двухмесячный срок за драку в баре, депортировали к ближайшей границе – с Бельгией, здесь его арестовали за нелегальный переход и выслали обратно. Во Франции его задерживали за неисполнение приговора суда и вновь депортировали – и так без конца. В Россию русский не мог быть выслан. Зачастую беженцы подвергались высылке без особых на то причин[103].

Оказавшись в безвыходном положении, когда подчас даже на устройство дел не давалось время, высылаемому приходилось искать защиты не только Эмигрантского комитета, но и Лиги защиты прав человека и гражданина.

21 ноября 1934 г. Союз русских адвокатов во Франции обратился к министру юстиции с письмом по поводу высылки русских из Франции. Российские юристы обратили внимание министра на несоответствие, которое существовало между законом 1849 г., предусматривавшим высылку иностранцев, и наличием группы иностранцев без отечества. В письме, в частности, говорилось: «Неподчинение русских беженцев распоряжению о высылке не есть акт неповиновения или нарушения закона, а невозможность, фактическая и юридическая, перейти границу соседнего государства без визы. Несмотря на наличие непреодолимой силы, суды выносят обвинительные приговоры, считаясь с вопросом формально и не входя в обсуждение мотивов неисполнения административного распо-

ряжения». Поскольку готовился закон об усилении наказания за неподчинение распоряжению о высылке, Союз русских адвокатов при поддержке французского политического деятеля сенатора Г. Готро просил содействия в применении пункта 7 декрета президента от 11 января 1930 г., рекомендующего не прибегать к высылке русских беженцев, и конвенции 1933 г.[104]

В октябре 1935 г. вышли новые нормы наказания иностранцев, не подчинившихся приказу о высылке. Прежний закон от 3 декабря 1849 г. устанавливал, что «всякий иностранец, высланный из Франции и возвратившийся на ее территорию без разрешения правительства, предается суду и подлежит заключению в тюрьме сроком от 1 до 6 месяцев». Увеличение числа иностранцев во Франции, международное экономическое и политическое положение, легкость передвижения и т. д. затрудняли административный контроль. Закон 1935 г. увеличил срок наказания – от 6 месяцев до 2 лет. Условия его применения по отношению к апатридам специально оговаривались инструкцией министра внутренних дел[105].

В практике применения трудовых норм одним из самых больных мест являлся закон от 1 августа 1926 г., по которому запрещалось работать по найму без разрешения власти. Рабочую карточку нельзя было получить без «благоприятного отзыва» министерства труда [106]. Для рабочих-иностранцев вводилась 20 %-ная норма (4 француза – 1 иностранец). В 1932 г. во Франции вышел другой закон о процентной норме иностранцев в отношении права на труд. Непреложность этого закона французский делегат оговорил при подписании конвенции 1933 г. Тем самым закон ограждал национальный труд от конкуренции иностранцев.

Рабочая сила в промышленности Франции распределялась крайне неравномерно. Отрасли, в которые стремились российские беженцы, были обеспечены собственными кадрами[107]. Для занятия отдельными видами труда требовался минимум (5 лет) проживания во Франции и т. д.[108] Так, устроиться шофером такси можно было после 5-летнего пребывания в стране или при наличии родившегося во Франции ребенка. Почти невозможен был переход из числа сельскохозяйственных рабочих в фабрично-заводские. После 1935 г. торговлю вразнос запретили тем иностранцам, которые прожили в стране менее 5 лет. Нарушение этого правила вело к штрафу от 5 до 15 фр.

или аресту сроком 1–5 дней[109]. Массовой безработице, которая коснулась, в первую очередь, иностранцев способствовал технический прогресс, в частности, «американизация» автомобильных заводов. Переход к звуковому кино повлек за собой отказ от статистов, развитие электрических граммофонов и радио вытеснило механическую музыку из кафе и синема – все это сужало возможности трудоустройства для беженцев. На попечении благотворительных организаций, ранее оказывавших помощь только детям, инвалидам, старикам, нетрудоспособным, оказались молодые и физически здоровые люди, не имевшие заработка.

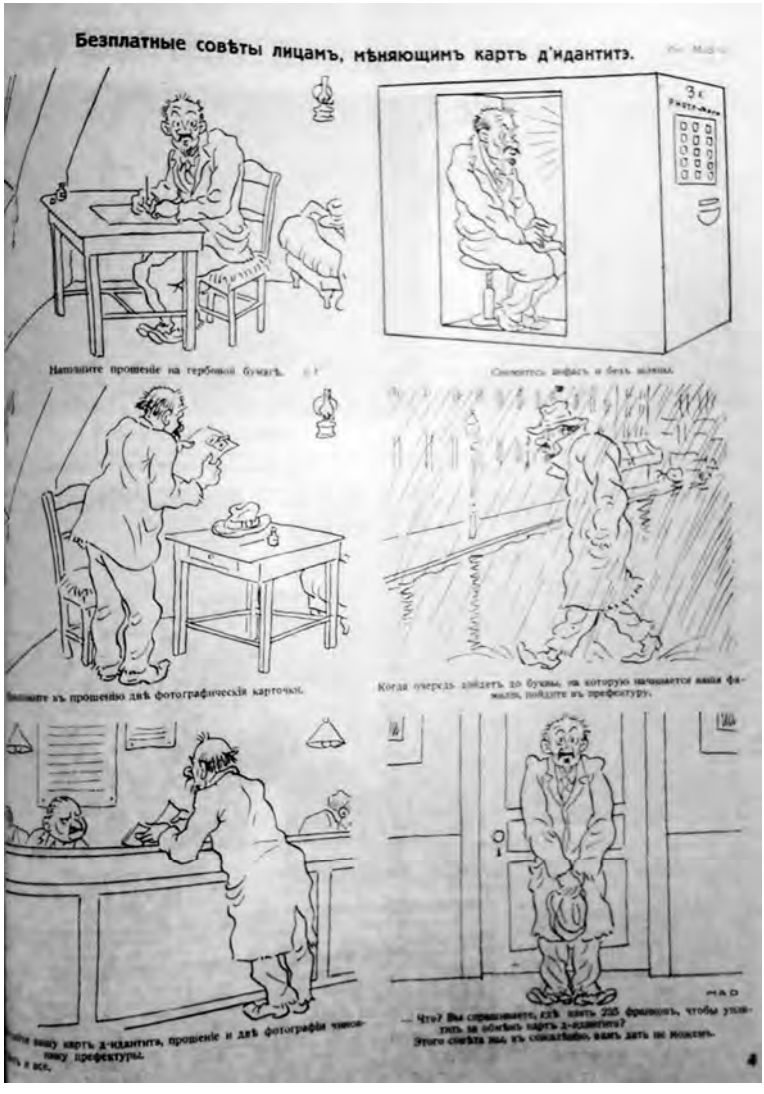
Наличие рабочей карточки важно было для обретения карт д'идантите (carte d'identité), удостоверения личности, которое должны были выбирать иностранцы, если желали остановиться в стране более двух месяцев. С министерским разрешением на работу можно было идти в префектуру, получать рессеписе (временный документ) или новую карт д'идантите. Отказ в разрешении на работу был равносилен отказу в возможности заниматься тем или иным трудом и обречению на голодное существование. Этот порядок кратковременно был отменен в 1930 г., но восстановлен с января 1931. Для возобновления рабочей карты потерявший работу беженец должен был вновь обратиться в министерство труда, представив карт д'идантите, паспорт, с которым прибыл во Францию, доказательства пребывания во Франции и рабочее свидетельство в 2 экз.[110]

Для проживания во Франции лиц старше 15 лет карт д'идантите была обязательна. Такое свидетельство давало право на повсеместное жительство, поступление на работу, пользование французскими лечебными учреждениями. Выдавала его французская полиция. Беженцы получали эту карту на основании национального паспорта. В конце года в эмигрантских газетах появлялись объявления об обмене карт д'идантите. Так, 25 декабря 1938 г. «Последние новости» писали, если сертификаты не будут обменены до 31 декабря 1938 г., то после этого срока будет взиматься штраф: с рабочих карт по 20 фр. в месяц, с нерабочих – по 100.

Так, окончивший в свое время императорский Александровский лицей лицеист 62-го курса Б.В. Балашев, проживавший с 1923 г. в Ницце, 1 июня 1938 г. в письме В.Н. Коковцову, главе Объединения бывших воспитанников императорского

Александровского лицея, обратился с просьбой о финансовой помощи, изложив суть своего вопроса следующим образом: «Не имея постоянной работы вот уже несколько лет я нахожусь в более чем стесненном материалом положении. С момента увеличения платы за carte d'identité, я уже не имел возможности ее возобновлять, ввиду чего на меня нарос штраф за 11 лет. В настоящее время при новом суровом законе об иностранцах дальше оставаться без документов было невозможно, и я начал хлопотать по этому делу. Выяснилось, что мне придется заплатить штраф, хотя и в уменьшенном размере, но все-таки это выразится в сумме не менее 500 франков. Достать эти деньги я совершенно не могу, так как при моих заработках веду полуголодную жизнь. Это могут подтвердить мои товарищи по Лицею, находящиеся в Ницце. / Эти обстоятельства заставляют меня беспокоить Ваше Сиятельство покорнейшей просьбой – не найдете ли Вы возможным выдать мне из Парижской Лицейской кассы эту сумму. В Ниццской кассе денег нет. Что касается возвращения этих денег, то, т. к. я время от времени работаю, то частями могу их вернуть. / Эта просьба к Вам – единственная моя надежда…»[111]. Просьбу Б.В. Балашева поддержал казначей Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея на Юге Франции Ф. Кичч. Он информировал, что однокашники собрали для бедствующего деньги, на которые удалось получить временное свидетельство о личности, рессеписе[112], но далеко не полную сумму (500 франков – штраф и нансеновский сбор). Дополнительно Ф. Кичч разъяснял, что рабочую карту получить Б.В. Балашеву не удавалось[113]. Свое письмо он заключил так: «Мы сделали все, что было в наших силах, и, так как Вы, глубокоуважаемый граф Владимир Николаевич, выразили готовность помочь Балашеву в равной с нами сумме, то мы очень просим Ваше Сиятельство это сделать до Вашего отъезда из Парижа, так как в виду притеснений полиции положение Балашева становится безвыходным»[114].

Для выезда из Франции и получения соответствующих виз требовался нансеновский паспорт, наличие которого при выезде за границу гарантировало право обратного возвращения. Постановление 11 января 1930 г. вносило некоторые изменения, ограничивавшие право россиян на получение нансеновского паспорта. В.А. Маклаков разъяснял в газете «Последние

Эмигрантская карикатура: получение карт д'идантите

новости»: «В Эмигрантский комитет часто обращаются лица, приехавшие во Францию с советскими паспортами, за путями, по которым они могли бы освободиться от советского подданства и перейти в разряд “апатридов”. Всех более настаивают те, кто должен выезжать за границу и нуждаются не только в carte d’idantite, достаточного для проживания во Франции, но и в паспорте, в то время как их паспорта просрочены и не могли быть возобновлены. Не говоря о других правовых преимуществах беженцев (ибо к ним советские законы неприменимы).

Просьбы участились с тех пор как декретом Президента Республики от 11 января 1930 г. было утверждено «Соглашение», по которому представителю верховного комиссара по делам беженцев было предоставлено право выдавать “удостоверение личности для беженцев” <…>

Начиная с 1926 г. беженские организации возбуждали ходатайства о распространении нансеновского паспорта на тех, кто совершенно порвал с советской властью и не может и не хочет обращаться к ее представителям.

<…> В соответствии с этим некоторое время нансеновские паспорта с особого разрешения министерства иностранных дел в исключительных случаях стали выдаваться и тем, кто приехал во Францию с советским паспортом. Такой порядок практиковался до 11 января 1930 г.

Но гораздо раньше этого декрета Французское правительство свою политику изменило и стало на другую точку зрения, с которой не отступает.

Оно не отказывается считать и носителей советских паспортов политическими эмигрантами (рефюжье), давать им привилегии эмигрантов, право убежища, не выдавать их по требованию Советских властей и т. д., если они действительно порвали с советской властью; но оно все-таки не считает их апатридами, потерявшими всякое подданство. Если такие лица желают свое подданство переменить, у них остается обычный путь – натурализация. Но в состояние бесподданства, в котором находимся мы, французское правительство не позволяет переходить добровольно. Бесподданство, по его мнению, есть анормальное положение, которое возникло только в силу анормальных декретов советской власти о лишении гражданства и которое распространительному толкованию не подлежит. Нансеновские паспорта, как говорит самый их текст, предна-

значены для бесподданных <…>. Потому лица после признания большевиков приехавшие во Францию с советскими паспортами, права на нансеновский паспорт не имеют. Французское правительство проводит эту политику так последовательно и беспощадно, что отбирает нансеновские паспорта у тех, кому они уже были даны в тот промежуток времени, когда эта новая точка зрения не была усвоена и формулирована.

Чтобы облегчить передвижения по Европе тем советским подданным, которые с советской властью порвали, и продлить свои советские паспорта не могли и не хотели, Французское правительство применяет другие приемы: в зависимости от обстоятельств оно либо разрешает ставить визы в просроченных паспортах, либо дает carte d'idantite или, наконец, предоставляет тот особый паспорт, который называется passport international.

В виду этой практики, пока она не отменена, <…> бесполезно возлагать надежду на представителя верховного комиссара и требовать помощь от офисов. Представитель верховного комиссара имеет формальное право удостоверить состояние беженства, и его удостоверение в силу декрета 11 января 1930 г. имеет легальную силу: но ему не дано право определять по-своему понятие апатридства. Офисы тоже могут помогать тем, кто приехал с советским паспортом, но у них нет власти превращать нового беженца в апатрида и достать ему нансеновский паспорт»[115].

Власти после ратификации межправительственного соглашения 1928 г. о статусе русских беженцев (декретом от 11 января 1930 г.), не отказываясь считать носителей советских паспортов политическими эмигрантами (рефюжье), давать им право убежища, не выдавать их по требованию советских властей и т. д., посчитали невозможным признавать их апатридами, потерявшими всякое подданство.

В 1936 г. в связи с обсуждением проекта закона о статуте иностранцев во Франции парижские «Последние новости» анализировали обилие законодательных предложений. Газета приходила к выводу, что Франция теперь не представляет политическим эмигрантам и апатридам никаких гарантий. Под предлогом насыщения рынка труда администрация отказывалась легализовать политического иностранца, не имеющего средств к существованию[116].

Власти полагали, если граждане СССР желают переменить свое подданство, у них остается обычный путь – натурализация. Законы о защите национального рынка труда также стимулировали натурализацию.

После 1927 г. беженцы могли подать прошение, прожив беспрерывно на территории Франции уже не 10, а всего 3 года[117]. Прошение заполнялось на гербовой бумаге (3 фр. 60 сантимов) на имя министра юстиции, подавалось префекту департамента лично. Если иностранцу было менее 21 года, прошение должно было быть подписано не только им, но и его отцом или опекуном, или прилагалось письменное согласие семейного совета. Для натурализации требовались также национальный паспорт (или нансеновский), с которым прибыл ходатайствующий, доказательства 3-летнего пребывания во Франции (сертификат де домисиль, заверенный комиссаром, квитанции об уплате квартирной платы), квитанции об уплате налогов, документ об отбытии воинской повинности, карт д'идантите, метрическое свидетельство о рождении или выданный мировым судьей документ, его заменявший, рабочее свидетельство, заверенное комиссаром полиции. Российские эмигранты должны были представить еще свидетельство о национальности, выданное организацией беженцев[118]. Перевод документов на французский язык должен был сделать присяжный переводчик. Процесс натурализации занимал примерно 1 год. Льготы имели лица, женатые на француженках (могли натурализоваться по истечении 1 года со дня прибытия во Францию), окончившие высшие учебные заведения во Франции, и оказавшие стране особые услуги. У безработных не было шансов на удовлетворительное решение[119].

12 ноября 1938 г. во Франции вышли новые правила натурализации. Закон устанавливал для иностранцев различия между понятиями «résidence» (временное проживание) и «domicile» (постоянное проживание). Мировой судья производил дознание с целью установления моральных качеств кандидата, его лояльности при условии, что лицу, возбудившему ходатайство, более 15 лет. Если прежде иностранка, выходившая замуж во Франции за француза, автоматически приобретала права французской гражданки, то теперь автоматически она гражданства не приобретала, но имела право об этом ходатайствовать. Для этого она должна была заполнить специальный

формуляр, который передавался далее в министерство юстиции, а власти уже производили дознание с целью выяснения моральных качеств и лояльности кандидата и могли отказать. Француженка, выходившая замуж за иностранца на французской территории, сохраняла свое гражданство[120].

С 1926 по 1936 гг. число натурализовавшихся русских возросло более чем в два раза, т. е. с 8 % в 1926, 13 % в 1931, до почти 18 % в 1936 г. от общего числа российских эмигрантов в стране[121].

Министр юстиции Марк Рюкар в 1936 г. во время беседы с корреспондентом «Последних новостей» сказал, что число подавших прошение о натурализации с каждым годом возрастает, особенно после ограничений для иностранного труда (1926 г., 1932 г.). К середине 1930-х гг. число лиц, желавших натурализоваться, доходило до 100 тыс. в год. Персонал бюро по натурализации не справлялся с таким потоком (численность чиновников была – 100 человек, из-за экономии стала 66). Министр отмечал, что беспрепятственно во французское гражданство принимали отцов семейств. Дети, родившиеся и получившие образование во Франции, становились французскими гражданами. 50 % молодых людей, признанных годными к военной службе, – дети натурализованных. Правительство не намерено было создавать во Франции национальные меньшинства. И основную задачу видело в том, чтобы влить эмигрантов, которые приносят пользу нации, в местную среду. Причем ходатайства, поданные женщинами, как правило, не удовлетворялись. Женщины, желавшие стать француженками, могли легко это сделать, выйдя замуж за француза. Ходатайства мужчин-холостяков, особенно старше возраста, допускаемого для отбывания воинской повинности, также не приветствовались. Критерием для положительного решения являлись качественные признаки: поощрялась натурализация здоровых и достойных элементов. Главная масса натурализуемых – рабочие Бельгии и Италии, которым охотно предоставляли это право, и лишь в виде исключения – поляки[122].

В декабре 1938 г. префект Сены Виллэ говорил, что 99 % сыновей иностранцев, родившихся во Франции и тем самым имевших право выбора гражданства в момент достижения ими совершеннолетия, желали остаться французами, отбывали воинскую повинность.

Чехословацкая республика (ЧСР) стала для российских изгнанников страной вторичной эмиграции. Формирование русской диаспоры шло не стихийно, а благодаря целенаправленной правительственной политике. Даже проникшим в страну нелегально лицам предоставлялась возможность найти работу, после чего они получали право проживания на один год. Небольшому числу беженцев удалось использовать старые связи с чехословацкими деятелями. К концу 1920-х гг. в результате сокращения «русской акции»[123] в 1927 г. стала разъезжаться российская эмиграция из ЧСР. С начала 1920-х по конец 1930-х гг. ее численность сократилась с 25–30 тыс. человек до 10 тыс.[124] Миграции беженцев внутри страны сменились выездом за ее пределы. Не способствовал притоку эмигрантов и неблагоприятный визовый режим, что стало поводом для обсуждения при встрече эмигрантов с заместителем верховного комиссара по делам беженцев при Лиге Наций Т. Джонсоном в конце 1927 г. в «Русском очаге». Русская колония поставила «трагичный» для нее вопрос – «визы, и все эти безобразия, беззакония и отягощения, которые с ними претерпевают русские»[125].

Эмигрантская газета «Новости» писала: «…большинство из нас не пришло назойливо искать только пристанища и укрытия. Нас пригласили сюда, кого кончать образование, кого для культурной работы. Мы прибыли сюда легально и по приглашению, и это приглашение было продиктовано не только гуманностью и сожалением к несчастным беженцам, но и иными, более глубокими и далекими целями и расчетами. Расчетами на возрождение национальной России, целью создать живой мост для сближения и сношения с нею в будущем»[126].

31 января 1922 г. «Последние новости» сообщили об опубликовании чешским правительством распоряжения, предписывавшего всем русским и украинским подданным, проживавшим на территории ЧСР, получить в Русском отделе МИД особые виды на жительство в стране – пруказы[127]. В январе 1930 г. МИД ЧСР распространил циркуляр о замене пруказов нансеновскими паспортами, на которые наклеивались марки (от уплаты 5-франкового налога освобождались учащиеся, неимущие, инвалиды). С получением новых документов эмигранты теряли ряд преимуществ. Правление Совещания русских

эмигрантских организаций в ЧСР даже обращалось в МИД страны с прошениями не лишать российских эмигрантов чехословацких удостоверений личности[128]. Его просьбы были удовлетворены, факультативность нансеновских паспортов удалось отстоять. Проживание в Праге с сертификатом Лиги Наций, выданным за пределами ЧСР, было запрещено.

Циркуляр МВД от 11 декабря 1929 г. № 66540 специально оговаривал, что принципы международных соглашений будут применяться только к тем беженцам, которые имели российское или турецкое (для армян) подданство и утратили его до 1 января 1923 г., не приобретя нового[129]. Так, В.Ф. Булгаков, директор Русского культурно-исторического музея в ЧСР, прибывший в страну в апреле 1923 г., уже не смог получить нансеновский паспорт вместо советского и формально оставался советским гражданином[130].

Определенные стеснения российским беженцам приходилось терпеть при устройстве на работу в ЧСР. Лучше всего устраивались землемеры, инженеры-строители, инженеры-механики. Для остальных специалистов местный рынок труда являлся неблагоприятным, особенно для врачей. Перепроизводство интеллигенции отмечал даже президент республики. 13 марта 1928 г. под давлением чехословацкой общественности парламент одобрил закон об охране национального рынка труда. Согласно закону вводились ограничения в приеме на работу иностранцев, прибывших в ЧСР после апреля 1923 г. Хотя нансенисты под действие этого закона не попадали, беженцы, обосновавшиеся в стране позже установленного срока, пострадали. В годы экономического кризиса в первую очередь увольняли иностранцев, в том числе русских. В 1931 г. было объявлено о прекращении выплаты стипендий русским студентам, которых насчитывалось достаточно много, ибо Прагу не случайно называли русским Оксфордом.

Положение могла исправить натурализация. Если с 1921 по 1928 г. было удовлетворено только 295 прошений о принятии в гражданство ЧСР[131], то к середине 1930-х гг. замечается активизация натурализации, особенно лиц интеллигентных профессий (до 30 %)[132].

В связи с резким сокращением «русской акции» эмигрантские общественные организации обратились с особым меморандумом о положении русских к чехословацкому правительству

и видным политическим и общественным деятелям. Для координации и активизации работы различных эмигрантских организаций постановили Совещание представителей русских организаций в ЧСР превратить в постоянно действующую структуру (1927 г.). В 1931 г. его преобразовали в Объединение русских эмигрантских организаций (ОРЭО) в Чехословацкой республике[133]. Объединение выполняло многие функции, способствовавшие обеспечению жизнедеятельности эмигрантов.

Н.И. Астров извещал К.Н. Гулькевича 21 июня 1932 г.: «Существовавшее много лет в Праге Совещание русских эмигрантских организаций теперь легально и имеет утвержденный устав. Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР не является политическим объединением. Задача его – согласование действий всех гуманитарных и профессиональных русских организаций в ЧСР и развитие помощи русским эмигрантам. В объединение входят все русские организации (конечно, наиболее крупные и деятельные), за исключением Земгора и части незначительных казачьих организаций, которые сами не пожелали войти»[134].

Сокращалось число чисто русских учреждений в ЧСР, т. к. их передавали в ведение государства: РЗИА – министерству иностранных дел (1928 г.), русские школы – министерству просвещения, Экономический кабинет – Славянскому институту и т. д. Ограничение исключительно русской деятельности в области науки и культуры сопровождалось расцветом чешско-русского сотрудничества. Так, например, возник Пражский лингвистический кружок (1926 г.), куда входили чехословацкие филологи В. Матезиус, организатор и глава кружка, Б. Гавранек и другие, а также А.В. Исаченко, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, С.О. Карцевский. Его наибольший творческий подъем пришелся на 1930-е гг.

С 1934 г. после установления дипломатических отношений Чехословакии с СССР официальные контакты власти с эмигрантскими организациями ограничились.

Несмотря на помощь чешского правительства, экономическое положение беженцев нельзя назвать стабильным и обеспеченным. Сокращение «русской акции», юридическое признание ЧСР Советского Союза обусловили их отъезд из страны. Большинство россиян, закончивших здесь высшие учебные заведения, стремились переехать главным образом во

Францию и в Южную Америку. Вдохновитель «Русского очага» С.В. Панина писала в мае 1928 г., что «возможности существования в Праге иссякли»[135], а в июле 1931 г. о том, что «общие дела всей нашей колонии очень плохи»[136]. Годом позже Н.И. Астров как бы подводил итоги эмигрантского существования в Чехословакии: «Положение у нас стало тягостным. Из земли обетованной Чехия стала страной, отказывающей даже в праве на труд для людей, приехавших туда позднее мая 1923 г. Так называемая "русская акция" приводится к концу. Чешский Красный Крест перестает оказывать помощь больным русским. Мы, чешские организации, напрягаем все усилия, чтобы помочь нужде. Но нищие мало могут помочь»[137].

С.В. Панину в Праге задержала болезнь супруга и последовавший его уход из жизни. Е.Д. Кускова писала П.Н. Милюкову 27 августа 1934 г.: «Из Праги мне пишут, что Соф[ья] Вл[адимировна] продолжает быть в совершенно ненормальном состоянии: все забросила и сидит по целым дням на могиле [Н.И. Астрова]. А когда Нат. Фед. Розенберг хотела подойти к ней на кладбище, она отмахнулась, не поздоровалась и бросилась бежать. Боюсь за нее. Ей нечем жить духовно. Очаг[138] погибает, окружена она людьми вовсе не высокими, – чем ей жить? Все думаю, на что бы ее натолкнуть… Я уже говорила с сестрой Шауфус, чтобы она раскачала на что-нибудь Alice'у [Масарик] для С[офьи] В[ладимировны]. Но она занята сейчас отцом: очень он плох. Был тромб в ноге, негласно приводили его совсем парализованного сюда, в Ioachimsthal, – для радия. Говорят, теперь ему немного лучше, но все же – не до наших дел им! Нахожу, что очень сжившимся старикам надо уходить вместе».

Письма эмигрантов (С.В. Паниной, Е.Д. Кусковой) конца 1920-х – 1930-х гг. насыщены информацией об «уходе» эмиграции, исчезновении «русского мира», ибо болезни и смерти преследовали многих. 9 мая 1928 г. С.В. Панина известила К.Н. Гулькевича: «Вот уже 2 месяца как у нас тяжко, я думаю, безнадежно, болен Иван Ильич [Петрункевич]: грипп, воспаление легких, а теперь сдало сердце»[139]. 14 июня он скончался.

«Последние новости» 22 декабря 1938 г. писали уже о сугубо пролетарском составе русской эмиграции в ЧСР: «Русские или служат на небольших должностях в разных учреждениях и предприятиях, или работают как простые рабочие, или,

в лучшем случае, принадлежат к свободным профессиям (главным образом врачи). Всевозможные сокращения… создают для русской эмиграции все новые трудности. Русский эмигрантский комитет озабочен созданием общего для всех “нансенистов” (т. е. русских и украинцев) органа, который представлял бы эту эмиграцию перед имеющим заменить Нансеновский офис будущим лондонским комитетом. Массе русских эмигрантов уехать невозможно: некуда и не на что. И все же разъезд начался: уезжают немногие, но, в большинстве видные и активные члены русской колонии. Большую утрату русская колония понесла с отъездом в Америку графини С.В. Паниной, стоявшей во главе Русского очага, Русского благотворительного общества, а также и ряда других организаций». Стимулировали отъезд и политические факторы, в том числе очень сильное «давление общефашистской атмосферы»[140].

Пожалуй, в наибольшей степени изменение внутриполитической и международной ситуации влияло на положение эмиграции в Китае. Основными центрами средоточия оставались Маньчжурия с центром в Харбине, Шанхай и Синьцзян[141].

В 1928 г. установился гоминьдановский режим, формально страна объединилась. Советско-китайский конфликт на КВЖД 1929 г. привел к значительным потерям беженского населения приграничных районов и к массовой миграции из зоны военных действий в Шанхай, Харбин.

Период 1932–1937 гг. характеризовался крутым поворотом в судьбе крупнейшей из русских эмигрантских колоний – маньчжурской. Это – время японской оккупации региона и создания марионеточного государства Маньчжоу-Го. Оккупация вызвала новую массовую миграцию русского населения из Маньчжурии в районы, остававшиеся вне зоны японского влияния, главным образом в Шанхай, в меньшей степени – в Северный Китай.

С июля 1937 г. по 1941 г. происходило расширение японской экспансии в Китае, что обусловило очередную волну массовой миграции русского населения. Эмигрантская колония Шанхая достигла пика своего количественного роста за счет мигрантов из зон японского влияния. В Северном Китае оккупационные власти предприняли попытку консолидации русского населения путем официального признания Русского

антикоммунистического комитета руководящим эмигрантским центром. Очагами спасения русских, не проявивших лояльности к японским властям, являлись иностранные концессии, огражденные от оккупантов правами экстерриториальности[142].

К началу 1930-х гг. в Китае проживало около 125 тыс. россиян, в том числе 110 тыс. в Маньчжурии, из которых около 60 тыс. имели статус беженца[143], до 50 тыс. являлись гражданами СССР[144]. К 1932 г. в Харбине насчитывалось около 7 тыс. «китподданных»[145]. У тех же эмигрантов, кто отказался принять какое-либо гражданство, в графе «подданство» китайского вида на жительство (паспорта) значилось «русский эмигрант». Нансеновские паспорта в Маньчжурии, в отличие от стран Европы, не получили широкого распространения[146].

Крупнейшим анклавом оставался Особый район восточных провинций (ОРВП) с центром в Харбине (45 тыс. человек). Четверть русского населения прозябали без работы, смертность превышала рождаемость более чем в два раза[147]. Новые китайские граждане никаких прав и обязанностей не получали и ничем не отличались от эмигрантов. Тем не менее почти вся железнодорожная полиция на КВЖД, а также городская полиция Харбина состояла из русских эмигрантов-«китподданных». Они же занимали места в канцеляриях практически всех китайских административных учреждений, где работали делопроизводителями, столоначальниками, паспортистами, советниками в китайских судах, инспекторами отдела народного образования.

В 1931–1932 гг. Маньчжурию оккупировала Япония. В начале 1932 г. японские войска овладели Харбином. Вот как описывает ход событий Н.В. Устрялов в письме к Г.Н. Дикому 12 февраля 1932 г.: «Было несколько тревожных дней. Китайцы стянули под Харбин большие солдатские массы, – говорят, около 25 тысяч человек (некоторые называют даже до 50 000). <…> Было смешно и жалко видеть эти первобытные серые толпы, выступающие против современной армии! Как англичане “побеждали” некогда чернокожих Африки и испанцы [южно-]американских индейцев, так вот и ныне дивизия японского генерала Тамон (местные остряки балагурят: теперь он [уже] не Там-он, а Здесь-он) “блестяще разбила” армию Дынчао. Да, победа полная. Но это было не боем, а бойней. Аэро-

планы, снижаясь, расстреливали [эту] злосчастную толпу туземцев из пулеметов, забрасывали ее бомбами, – удивительно ли, что “операция удалась на славу”? <…> Наш домишко попал в центр “сражения”. Как раз около него стояла китайская батарея, более суток бестолково палившая в пространство. Вокруг него рвались шрапнели и небесные бомбы. Но обошлось счастливо: лишь южная стена его изрешечена извне круглыми картечными пулями, да в детскую залетел, разбив два стекла и исковеркав стул, средней величины осколок. Горячие дни мы провели в гостинице, в полной безопасности»[148].

В 1932 г. возник Русский общественный комитет в Харбине во главе с архиепископом Мелетием. В числе его 11 отделов был юридический, в состав которого вошли А.А. Доброхотов, А.А. Ефимов, А.В. Зуев и др. Первоначальной задачей Комитета являлось урегулирование взаимоотношений домовладельцев и квартиросъемщиков. Муниципальный отдел защищал муниципальные права (в больничном, школьном, благотворительном, налоговом отношении) русских беженцев[149]. Но организации, объединившей бы всю эмиграцию, не сложилось. Разведывательный отдел Японской военной миссии и жандармерия занялись поисками путей объединения эмигрантов[150].

По возможности эмигранты старались покинуть Маньчжурию и найти более пригодное место для жительства. Так, профессор В.В. Ламанский в письме Н.В. Устрялову из Шанхая 26 августа 1933 г. писал: «Я бесконечно рад, что оставил вовремя Харбин и не был свидетелем всего того, что в нем происходило и что отзывалось в нем как эхо из несчастной России. Wacht am Sungari [стража на Сунгари] доживает последние дни, а с ним и тот последний кусок или островок России, где не только старые, но и молодые чувствовали себя дома. Здесь совсем другое. Здесь мы не беженцы, прибежавшие к себе, но эмигранты, причем это последнее слово не паспортный термин, как у нас в Харбине, а полно самого зловещего смысла. Да, здесь идет разложение, но оно захватило главным образом руководящую или хотящую руководить верхушку, рядовая же эмиграция просто хиреет, беднеет, деклассирует, а то и поднимается экономически, но уже очерствелая и безразличная к России»[151].

Повысился интерес иностранных представителей к белой русской эмиграции. В Харбине в разгар японских военных действий в Маньчжурии, местный консульский корпус обсуждал положение русской эмиграции. Японские власти присматривались к эмигрантским организациям, через которые они могли бы контролировать русское население Маньчжурии. В результате была создана в Харбине центральная для всей эмиграции в Манчьжоу-Го организация Бюро по делам российских эмигрантов (БРЭМ)[152]. Все русские эмигранты должны были зарегистрироваться в Бюро и отчислять ежемесячно в его фонды 2 % от доходов. Жизнь эмигрантов целиком была поставлена под контроль Бюро. В этой организации зарегистрировались на 1 октября 1942 г. в Харбине 36 711 человек, в других городах и населенных пунктах – 22 998[153].

Вопросы службы, переезда с места на место, питания находились целиком в ведении БРЭМ, и его руководители вправе были считать, что нет ни одного вопроса как в общественной, так и в частной жизни эмигрантов, который бы не зависел от соответствующего органа БРЭМ. «Харбинское время»[154] писало в июле 1935 г.: «Эмигрантское бюро по своему положению и авторитетности является для местного эмигрантства как бы русским консульством, по своему значению стоящему на равной ступени с консульствами самых сильных держав. Представители местных авторитетных кругов заявляют, что власти, высоко ценя работу бюро, будут принимать самые суровые меры по отношению лицам, которые словом или делом будут вредить эмиграции. Всем русским надо помнить, что бюро является их центральным органом, кто выступает против, – будут рассматриваться наравне с коммунистическими вредителями и понесут суровое наказание»[155] и рекомендовало «по важным принципиальным вопросам предварительно советоваться с эмигрантским бюро»[156].

После капитуляции Японии в 1945 г. БРЭМ ликвидировали.

С середины 1930-х гг. наметился отлив русской эмиграции из Китая. В марте 1935 г. СССР и Япония договорились о переуступке японской стороне (формально государству Маньчжуго) советских прав на КВЖД. В итоге соглашения подавляющая часть служащих и рабочих дороги – советских граждан – эвакуировалась в Советский Союз. Вернулись и некоторые русские эмигранты. В то же время сильно увеличился отъезд из Харбина на юг Китая и за его пределы.

Волна «китайских» и «харбинских» русских в середине 1930-х гг. пополнила ряды эмигрантов в Австралии[157], и в меньшей степени – в Латинской Америке.

В Австралии в годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. квоты на прием иммигрантов были значительно урезаны, но в целом после Первой мировой войны иммиграционная политика страны активизировалась. В сравнении с Европой и Китаем условия для получения гражданства были здесь более благоприятными. В отличие от Китая, для Австралийского Союза была характерна политическая стабильность. Власти не препятствовали интеграции в социальную и экономическую жизнь страны, но и не втягивали во внутриполитическую борьбу. На адаптацию влияли такие факторы как оторванность от родины и отсутствие дипломатических отношений с СССР.

Пятый континент оставался включенным в политическую и культурную жизнь Зарубежной России, несмотря на удаленность от основных эмигрантских центров. Здесь существовали отделение Русского общевоинского союза, Русская монархическая группа в Сиднее, Национальный союз нового поколения (НСНП) в Квинсленде, Австралийский отдел Российского императорского союза в Брисбене. Правда, численность их была невелика. Русская жизнь кипела вокруг церкви, а также русских клубов или «домов». Но ни единой организации, хотя такие попытки предпринимались, ни общеавстралийской русской газеты создано не было[158].

Самые массовые миграционные потоки россиян в 1930-е гг. направлялись на американский континент.

Наибольший поток русских переселенцев в Латинскую Америку[159] пришелся на 1920-е гг., когда в формировании миграционных потоков активное участие принимали верховный комиссариат по делам русских беженцев, Международное бюро труда, эмигрантские общественные и частные организации. Но главное – можно было воспользоваться особым оборотным фондом, создававшимся Лигой Наций специально для предоставления возвратных ссуд на нужды переселения и обустройство эмигрантов на местах. Некоторые страны предоставляли МБТ свои средства. В этом случае непосредственное обращение к этой международной организации было излишне, и следовало просить о выдаче ссуды у местного представителя МБТ. Так, Германия в 1928 г. выделила МБТ 100 тыс. марок[160].

Со свертыванием в 1930-е гг. финансирования проекта Лиги Наций приток русской эмиграции из Европы снизился, хотя потенциально его рост стимулировал экономический кризис. Несколько активизировались потоки с Дальнего Востока, с территории оккупированного Японией Китая. Коллективизация и раскулачивание в СССР также подталкивали на крайний и решительный шаг: среди эмигрантов появились выселенные крестьяне, которые на свой страх и риск добирались в Латинскую Америку, в частности, в Бразилию, через Среднюю Азию, Индию и Дальний Восток. Выбор Южной Америки в качестве нового места жительства русских беженцев был обусловлен отсутствием в них каких-либо серьезных иммиграционных ограничений, наличием достаточного количества свободных для заселения земель и их относительно невысокой стоимостью, а также перспективами использования профессионального опыта и знаний русских специалистов для развития национальных экономик[161].

Страны латиноамериканского континента отдавали предпочтение земледельцам. Легче всего было получить аргентинскую визу, труднее – в Бразилию и другие южно-американские республики, где, как, например, в Парагвае, требовалось предъявить наличность или получить обязательный вызов родственников. Парагвай активизировал свою иммиграционную политику после завершения боливийско-парагвайской войны (1932–1935 гг.)[162]. В 1935 г. правительство приняло новый закон об иммиграции, который закреплял льготные условия, предоставляемые иммигрантам–земледельцам, но которые были обязаны подтвердить свою квалификацию земледельца соответствующей отметкой в паспорте либо отдельным документом. В случае если иммигрант, нарушив взятые на себя обязательства, обосновывался в городе, то он обязан был вернуть департаменту стоимость льгот, полученных им при въезде в страну[163].

Вместе с тем, иммиграционная политика латиноамериканских стран приобретала все более ограничительный характер: снижение процентной нормы для въезда иностранцев, ограничение права выбора местожительства, труда и т. д., представление иммигрантами свидетельства о несудимости за последние пять лет, которое выдавалось властями страны происхождения, не допущение детей до 16 лет без родителей, одиноких

женщин с детьми до 15 лет[164], а также всех тех, кто мог оказаться бременем для общества и государства, включая инвалидов, душевнобольных, нищих, цыган, а также «колонистов, которые через месяц по прибытии могли провозгласить советскую республику» (т. е. допускались «не только нравственно благонадежные, но и политически безопасные»), сведения о себе кандидат в колонисты обязан был подкрепить «ссылкою на рекомендации вполне благонадежных лиц»[165] (Бразилия и Аргентина); сокращение квот для еврейской иммиграции, кроме евреев-земледельцев, запрет иностранцам на получение работы в государственных учреждениях (Уругвай, 1939 г.). То обстоятельство, что русские часто воспринимали Аргентину как транзит на пути в Северную Америку, также способствовало ограничению иммигрантских масс с Украины, из Польши, России. Мексика делала все возможное, чтобы затруднить прибытие в страну так называемых «русос бланкос» («белых русских»). Эта политика лишь частично ослабла после разрыва дипломатических отношений Мексики с СССР в 1930 г., когда вновь появились сообщения о планах по переселению нескольких тысяч русских землепашцев в Мексику[166].

К. Парчевский в книге «В Парагвай и Аргентину» отмечал, что к началу 1930-х гг. в аргентинской столице проживало около 500 русских белых эмигрантов, в Монтевидео – около 400, в Сан-Пауло – более 2 тыс. человек. В.Д. Поремский (руководитель Национально–трудового союза), опиравшийся на достаточно репрезентативные, хотя и выборочные подсчеты Дж. Симпсона, приводя данные по «внеевропейским странам», отмечал, в частности, что к 1937 г. в Аргентине проживали 1 тыс. человек, в Бразилии – 2 тыс., Уругвае – 500, Парагвае на 1937 г. – 500 человек[167].

Когда верховный комиссариат по делам беженцев отошел от идеи переселения в Южную Америку, помощь по переезду вплоть до 1939 г. практически полностью осуществлялась через колонизационные общества и непосредственно иммиграционных агентов в Европе. Условием вступления в такие общества, как правило, являлся отказ от политической борьбы и способность к физическому труду[168]. В процесс включились и отдельные международные учреждения.

Так, в Париже действовали Комитет по содействию русским иммигрантам в Парагвае, созданный И.Т. и Н.Т. Беляе-

выми и парагвайским консулом Х. Лапьеро в 1933 г. (председатель Донской атаман А.П. Богаевский)[169], Колонизационный центр по организации иммиграции в Парагвай, Инициативная группа «Станицы имени генерала Беляева»; в ЧСР – Пражское колонизационное общество (Русская земледельческая колония) во главе с князем П.Д. Долгоруковым и секретарем С.В. Маракуевым, Общество русских эмигрантов по переселению в Южную Америку, осуществлявшее сбор паевых взносов с будущих колонистов; в Лондоне – Русское колонизационное общество. 5 октября 1924 г. министерством внутренних дел Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев был официально утвержден устав Русского колонизационного общества по вопросами переселения в Парагвай. В декабре 1925 г. в Берлине было создано Русское колонизационное товарищество во главе с Б.И. Солодовниковым[170]. В результате переговоров известного эсера В.М. Чернова с мексиканским правительством был создан Американско-Славянский Колонизационный Трест во главе с Ф.С. Мансветовым[171]. В Аргентине вопросами колонизации занималось эмигрантское общество «Новыя земли» (председатель – А.А. Егоров). В Бразилии – бразильская кампания Северной Параны (ее российским представителем являлся Б.Я. Кисверк) и английская компания Brazil Land CATTLE & PACKING Compani, имевшая представительство в г. Сан-Пауло – «Empreza Colonizadora» во главе с Н. Даховым, прибывшим в Бразилию в составе первой группы врангелевцев, в Боливии – Английское общество колонизации[172].

Колонизационные отделы появились при Международном обществе Красного Креста (МОКК), Российском обществе Красного Креста (РОКК), при Земгоре во Франции во главе с князем В.А. Оболенским и В.И. Выборовым, в Финляндии – при Особом Комитете по делам беженцев (Бюро эмиграции под председательством П.А. Краац, которое располагало ценными докладами о южно-американских государствах от лиц, которые провели там много лет). Созданный при Объединении русских, окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ), Переселенческий отдел ходатайствовал перед Секретариатом Лиги Наций о получении займов на отъезд за границу и на оплату виз выезжавшим в заокеанские страны. ОРОВУЗ занимался отправкой людей индивидуально, семьями, а также группами, сформированными из специалистов.

Процесс социально-экономической адаптации русской эмиграции в Латинской Америке легче протекал в таких странах как Аргентина, Бразилия, Уругвай, которые вступили в полосу индустриализации и где в условиях развивающейся промышленности российские иммигранты представляли собой важный источник формирования промышленного пролетариата на фоне общего сокращения земледельческой иммиграции, доля которой, как, например, в Аргентине, снизилась с 55 % в 1881–1890 гг. до 18 % – к 1920 г. При этом если коренные жители страны преобладали в традиционных отраслях – сахарной, спиртовой и др., то иностранцы являлись основной рабочей силой в новых отраслях производства – строительстве железных дорог, портов, судостроении, металлообрабатывающей промышленности и др.

Часть русских эмигрантов, занявшаяся сельским хозяйством, пользовалась преференциями (освобождение от уплаты налогов, особые правовые и некоторые социальные гарантии). Но их жизнь в Бразилии, Парагвае, Уругвае, Перу протекала в непривычных природных условиях, в условиях неразвитой инфраструктуры, со слабой кооперацией, дороговизной железнодорожного транспорта, зависимостью от скупщиков.

Тяжелый ежедневный труд не убил желания эмиграции сохранить русскость. Так, в Парагвае, стране с расшатанной экономикой, русские сыграли большую роль в экономике, научной, культурной жизни. Формирование русского культурного ядра началось с прибытием двенадцати русских специалистов – инженеров, путейцев, конструкторов, геодезистов и т. д. И.Т. Беляева увлекала идея создания сообщества русских, отстраненного от житейских сует, предпочтительно вдали от центров мировой цивилизации, дабы не подвергать колонистов искушающему влиянию политики и материальных благ. Во главу угла ставилось духовное самоусовершенствование ее членов, культивирование исконно русских ценностей (православия, монархических чувств, готовности к самопожертвованию, всестороннего развития основ русской национальной культуры)[173].

Опытом сплочения русского землячества в Парагвае стало культурное общество «Русская библиотека», зарегистрированное 6 февраля 1932 г. Отблеск славы отважных воинов, принесших победу Парагваю в войне с Боливией, осветил

жизнь всех сограждан-иммигрантов. Постепенно ряд кафедр университета Асунсьона возглавили именно русские, при их участии был создан инженерный, физико-математический (первым деканом стал С. Бобровский, здесь работали профессора Г. Шмагайлов, С. Сиспанов, С. Конради, Н. Кривошеин, Н. Шарский) факультеты, Политехнический институт, где впоследствии училось большинство нынешней технократической элиты страны, организованы дорожное хозяйство республики, система электроснабжения, школы хореографии и вокала. Среди представителей русской диаспоры С. Эрьзя – скульптор, В. Никифоров – один из руководящих деятелей Сената, Е. Срывалина – первая в Парагвае женщина-инженер, В. Бутлеров – полковник, правнук великого русского химика. Улицы столицы носят русские имена. Генерал Беляев отмечал, что слово «русский» стало дипломом, а имена на «ов» и «ин» – патентом на высшее благородство[174]. Кроме того, русские стали основоположниками целых направлений в культуре страны: княжна Надин Туманова основала Школу лирического пения, откуда вышли первые профессиональные парагвайские певцы. Аграппина Войтенко открыла Школу классического танца и т. д.

Редактор еженедельной газеты «Русский в Аргентине» Г.И. Толмачева, выступая 18 декабря 1938 г. в Младоросском Доме в Брюсселе с докладом о быте и политической жизни русских в Южной Америке, отмечала, что «русская эмиграция в Южной Америке, как, впрочем, и в Северной, лишь в очень незначительной своей части представлена “белыми”, эвакуировавшимися из России в результате большевистской революции», ибо в огромном большинстве своем состояла из простых людей, малороссов, белорусов и русских поляков. «Но жизнь “белой” эмиграции, – продолжала она, – в основных чертах почти не отличается от русской эмиграции в Брюсселе, Белграде или Берлине». Она подчеркнула также, что «русским долгом» газеты «является поддержать русскость в этих людях»[175].

Не только страны Латинской Америки, но и США с 1917 г. стали проводить ограничительную иммиграционную политику. Причем квоты регулярно сокращались.

По закону 1927 г. ежегодная квота составила 150 тыс. человек иммигрантов из всех стран. Доля каждой страны определялась в зависимости от процентной доли выходцев из этой

страны, среди всего населения США в 1920 г. При этом страна происхождения вычислялась по фамилии, без учета разнообразия национально-этнических групп в государствах, что часто не отражало реальной ситуации. В результате на Южную и Восточную Европу приходилось только 16 % ежегодной квоты. В 1929 г. в связи с экономическим кризисом активно стало применяться еще одно требование (просуществовавшее до 1936 г.) – не допускать лиц, нуждавшихся в социальной помощи. Строго соблюдалась практика поручительств.

Так, Г.В. Вернадский в 1927 г. смог перебраться из Праги в США благодаря поддержке М.И. Ростовцева. Ученый занял кафедру русской истории в Йельском университете, а затем помог переехать семье сестры, Н.В. Толь. В.И. Вернадский записал в своем дневнике: «3 января 1939 г. Ниночка и Танечка выехали из Праги. 4 января приехали в Гамбург. 5 января в 8 ½ часов утра выехали с поездом, шедшим в гавань, где сели на немецкий пароход “Ганза”. В Нью-Йорк они прибыли 13 января в 1 час дня. Их встретил Георгий. В Нью-Хайвен они приехали уже поздно вечером. На следующий же день они подали первое заявление о гражданстве – “фёрст пейперс”. Подданство может быть получено через 5 лет. Танечка поступила в школу. Благодаря Александру Ивановичу Петрункевичу Ниночка получила разрешение слушать лекции в университете и участвовать на практических занятиях. Адрес квартиры Георгия – 440, Эджуд Авеню. 8 апреля Н.П. Толь получил, наконец, визу и приехал в Нью-Хайвен 26 апреля»[176]. Н.П. Толю для отъезда из ЧСР требовалась квота на иммиграцию в США по спискам граждан Польши, поскольку он родился в одной из губерний бывшего Царства Польского Российской империи. В связи с этими хлопотами в феврале 1939 г. он был вынужден уехать в Белград. 27 апреля приехал в Нью-Йорк, 3 мая – в Нью-Хэйвен[177]. В феврале Нина писала отцу в Москву, что наконец-то покинули ненавистную Европу и приехали в «настоящую страну», а также своему крестному, историку П.А. Остроухову, в Прагу о своей замечательной, просторной квартире, культурных удобствах, несравнимых с Европой, и природе, такой же, как в России. «Люди простые и приветливые, и я себя с первого дня чувствую как дома. Уже почти 20 лет не испытанное чувство… Живем страшно уютно и дружно», – заканчивала она письмо[178]. Отъезд Нины Владимировны

стал возможен благодаря финансовой поддержке С.В. Паниной, которая дала взаймы на 1,5 года. 8 декабря 1938 г. дочь сообщала В.И. Вернадскому: «Жутковато ломать жизнь в 40 лет, но нет иного пути, надо строить крепкую жизнь Танечке»[179]. Разрешение держать экзамены на право практики Вернадская-Толь получила лишь в августе 1940 г., а в октябре получила службу – доктором в детском саду и яслях[180].

США еще 8 июня 1934 г. приняли закон, по которому были легализованы все русские беженцы, нелегально прибывшие в страну до 1 января 1933 г. Таковых оказалось 600 человек, из которых 150 проживали в Калифорнии[181]. Безусловно, включение в правовое поле сыграло позитивную роль в жизни иммигрантов, но не нивелировало их положение и предполагало многовариантность адаптационных процессов.

Одну из моделей адаптации русской эмиграции в США иллюстрирует судьба Н.С. Полушкина, выпускника императорского Александровского лицея. В этой связи позволим себе привести объемную цитату из письма однокашнику А.Н. Яхонтову в Ниццу от 1 июля 1932 г. как пример нисходящей социальной мобильности. «Стою я шестой год на посту швейцара отеля, должность еще года два назад, оплачивавшаяся очень неплохо, чем и искупались все ее тягости, а сейчас из рук вон скверно. Встаю я одну неделю в пять утра, т. е. фактически в четыре, из-за передвинутой стрелки на летнее время. До семи я должен быть уже на месте, где простаиваю до трех дня. Казалось бы, не так уже много, но, возвращаясь домой около четырех, я чувствую в течение часа-полтора полнейшее изнеможение настолько, что даже чтение газеты и то мне в тягость, затем несколько отхожу, но в девять вечера полагалось бы уже идти ко сну, если правильно соблюдать восьмичасовой отдых. Много ли тут остается? [На работе] … дается мне четверть часа на прием пищи, надо бежать, буквально бежать, из-за краткости времени, в соседний ресторанчик, причем расстояние в два конца с полверсты, следовательно, на самую еду остается минут девять, – много ли тут успеешь. И эти четверть часа все, что полагается в смысле отдыха и вообще отлучки. Конечно, в “крайних” случаях можно удалиться и в другое время, но насколько эти случаи именно “крайние”, можно усмотреть из того, хотя бы, что я по утрам, т. е. в шестом часу, не пью дома ни кофе, ни чая, ни молока, ни вообще… жидкого,

а ограничиваюсь сухоядением бисквитов и чернослива, чтобы, став в семь часов на свой “пост”, не злоупотреблять крайними случаями, т. е. не отпрашиваться на 2–3 минуты отлучки… И вот в таких американских условиях, лучше, а то и похуже, пребывают здесь очень и очень многие, и генералы, и прочие “бывшие” люди. <…> При всем том я, как видишь, духом не падаю пока что и не только борюсь за существование свое и двух дочек, с ними тоже сейчас осложнение, старшую хотят отобрать американцы, у которых она проживает, и мне придется чуть что не судиться, но в скудные часы досуга своего отдаю дань и другим нематериальным интересам»[182].

США поощряли натурализацию, что способствовало, по мнению Э.Л. Нитобурга, сравнительно успешной социальной мобильности российских иммигрантов. Нежелание терять российское подданство в начале 1920-х гг. уступило стремлению изменить свой социальный статус, путем принятия американского гражданства. Среди прибывших в 1927 г. русских 20,6 % решили в первый же год пребывания оформлять свои «первые бумаги», чтобы быстрее завершился 5-летний срок, необходимый для получения гражданства США[183]. Усилившаяся в годы Великой депрессии дискриминация при найме на работу заставила оформить американское гражданство тысячи колебавшихся русских иммигрантов с целью сохранить или получить работу. Уже в 1939 г. говорили, что в США «проблемы русских беженцев не существует», т. е. они быстро абсорбируются и, по большей части, уже американизировались[184].

Подводя итоги, следует отметить многовариантность решения беженской проблемы в различных государствах: от вытеснения из страны путем расселения, высылки до натурализации. Юридически российские беженцы являлись иностранцами. Но положение их имело ряд особенностей, с чем приходилось считаться в той или иной степени странам-реципиентам. Большая часть эмигрантов составила категорию лиц без гражданства. Юридический статус российских беженцев стал регулироваться соглашением 1928 г., а затем Конвенцией 1933 г. Национальные паспорта русских (как признак принадлежности к государству, «символ русской государственности») практически потеряли свое значение. Нансеновские паспорта, хоть и решали ряд проблем с передвижением эмигрантов, но

обезличивали их, и «не все русские эмигранты, кротко соглашались быть изгоями и привидениями»[185]. К 1930-м гг. победила тенденция отрицания национального права за российскими эмигрантами и признание права местожительства. Это право могло быть как обязательным, так и субсидиарным источником определения правового положения иностранцев. Для русских бесподданных, как иностранцев особого рода (sui generis), право местожительства заменяло отсутствовавшее национальное право.

В целом государства-реципиенты относились к беженцам как обузе и стремились соблюсти исключительно собственные интересы, стояли на позициях национальной безопасности. А получение виз для русских с нансеновскими паспортами было делом крайне затруднительным. Наилучшим выходом для эмигранта оставалась одна перспектива – натурализация. Именно этот путь мог обеспечить трудоустройство, успешную социальную мобильность, достойную адаптацию к инонациональной среде.

Общие адаптационные тенденции стимулировали создание объединений в масштабах всей Зарубежной России (Федерация русских адвокатских организаций за границей, 1929 г.; Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения (ОРОВУЗ), Париж, 1930 г. и др.).

Эмигранты из СССР 1930-х гг., как правило, в Зарубежную Россию не вливались. Легальных оснований для эмиграции практически не оставалось. Как и в царской России, покинуть родину, не возвратиться по требованию властей считалось преступлением. Два небольших ручейка за рубеж – высылка и невозвращенчество – связаны были с боязнью репрессий, отсутствием свободы волеизъявления. Выражение «невозвращенец» возникло в 1929 г. в связи с принятием Постановления ЦИК СССР «Об объявлении вне закона должностных лиц – граждан СССР за границей, перебежавших в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства и отказывающихся вернуться в Союз ССР». 21 ноября 1929 г. статья о невозвращенцах была внесена в уголовное законодательство СССР («Закон о невозвращенцах»)[186].

Летом 1928 г. численность невозвращенцев достигла 123 человек, за последующие полтора года увеличилась более чем вдвое и составила 277 человек (в Германии – 90 человек,

Франции – 31, Персии – 21, Англии – 14, Турции и Китае – по 6, Латвии – 5, Италии – 4, Америке и Финляндии – по 3, Польше – 2, Эстонии, Чехословакии и Швеции – по 1). По сведениям ОГПУ, 113 невозвращенцев (в том числе 10 коммунистов) были «изобличенными взяточниками», 35 (5) – «шпионами» и 75 (14) – «связанными с белыми, меньшевиками, растратчики и проч.»[187]. На вторую половину 1930-х гг. пришелся новый пик невозвращенчества. Причины крылись, в первую очередь, в сталинских репрессиях.

В ряду невозвращенцев оказались дипломаты и сотрудники спецслужб Г.З. Беседовский (1929), С.В. Дмитриевский (1930), Г.С. Агабеков (1930), А.Г. Бармин (1937), ученые Г.А. Гамов (1933), В.Н. Ипатьев и А.Е. Чичибабин (1936), исключенные из АН СССР и лишенные гражданства, Н.В. Тимофеев-Ресовский (1937), деятели культуры, например, А.Л. Толстая и другие.

В июне 1937 г. А.А. фон Лампе, комментируя уничтожение ленинской гвардии, в письме заместителю председателя РОВС П.А. Кусонскому писал: «В СССР жертвами теперь являются те, кого мы и сами без колебаний повесили бы»[188]. Эмигрантская пресса злорадствовала: «Невозвращенчество принимает характер эпидемии. Почти не проходит дня, чтобы ряды “третьей эмиграции” не увеличивались новыми пришельцами. Бегут не только заподозренные в “уклонах” и “разложении”, но и… стопроцентные коммунисты!»[189]. Ссылаясь на политический разрыв все возрастающей части коммунистов «с идеями социального утопизма и террористической диктатуры», Ф.И. Дан замечал, что «возвращенчество» русских эмигрантов в нэповскую Россию «рассеялось, как дым», и, наоборот, невозвращенчество стало настоящим «знамением времени», когда сотни тысяч жителей СССР, этих своеобразных «сменовеховцев наизнанку», с удовольствием и немедленно ринулись бы сейчас за границу, «если бы имели к тому хоть какую-либо физическую, материальную и полицейскую возможность!»[190].

Супруга писателя М.А. Осоргина в одном из писем 1937 г. делилась с сотрудником Русского заграничного исторического архива С.П. Постниковым: «В Россию сейчас собираемся меньше, чем когда-либо, и не совсем понимаем, почему Вы решили именно теперь ехать туда? Последний наш визит к консулу нас вообще расхолодил, несмотря на невероятную предупредительность, что-то пока не хочется. Там интересная

жизнь, но вот как Вы, наши с Вами одинаковые традиции… приспособите к этой новой жизни, я не очень понимаю»[191].

Пропасть между Зарубежьем и родиной увеличивалась, их пути все больше расходились.

Русский мир преимущественно локализовался по странам, объединяющих структур становилось все меньше. Даже РПЦ становилась уже не столько элементом единения, сколько раскола.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Потоки на американский континент активизировались после решений Лиги Наций 1926 г. о поддержке переезда в страны Латинской Америки и создания для этого специального, так называемого, Особого фонда для субсидирования.

[2] ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

[3] Отечественная история. 1993. № 4. С. 194; *Цветнов Н.Н.* Русская эмиграция в Норвегии (1920–1940-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940. Кн. 1. – М., 1994. С. 162. Симпсон приводит данные о 8 тыс. эмигрантов. См.: *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. – London – New York – Toronto, 1939. P. 85.

[4] *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. – London – New York – Toronto, 1939. P. 374.

[5] Вид на жительство иностранному подданному или решение о продлении разрешения на пребывание в стране оплачивалось гербовым сбором в 50 марок // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 38. Устав о гербовом сборе от 28 декабря 1929 г.

[6] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 23. Письмо Б.Н. Гревеница К.Н.Гулькевичу от 13 августа 1932 г., Выборг.

[7] Иностранным подданным, за исключением пользующихся правом приюта в Финляндии,, разрешалось открыть торговлю или контору, или же заниматься фабричным производством или промыслом в городе или уезде. При этом взимался гербовый сбор 3 тыс. марок // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 38. Устав о гербовом сборе от 28 декабря 1929 г.

[8] *Невалайнен П.* Изгои: Российские беженцы в Финляндии (1917–1939). – СПб., 2003. С. 339.

[9] Цит. по: *Чистиков А.Н.* Беглецы из ГУЛАГА в Финляндии // Российское зарубежье в Финляндии между двумя мировыми войнами. Сб. науч. трудов. – СПб., 2004. С. 11.

[10] См.: Там же. С. 7–12.

[11] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–13 об.

[12] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 11.

[13] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 60–60об.

[14] В начале 1929 г. Б.Н. Гревениц писал К.Н. Гулькевичу, что «уже на втором году деятельности Комитета начались материальные затруднения», и «в особенно тяжелое положение поставил Особый комитет генерал Н.Н. Юденич, отказавшись вернуть полученный им на первые расходы по сформированию Северо-Западной армии 1 000 000 ф.м. Средства эти были получены в частном банке в Гельсингфорсе, и долг этот, естественно, должен был быть погашен» // ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

[15] ГАРФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 14–15.

[16] Там же. Л. 22–23. Письмо Б.Н. Гревеница К.Н. Гулькевичу от 13 августа 1932 г., Выборг.

[17] Цит. по: Ч*ерняев В.Ю.* О факторах формирования взаимоотношений русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран // Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 143.

[18] Там же.

[19] *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии: 1914–1940: Историко-культурный очерк. Тарту, 1996. С. 52. А.А. Горцев, присяжный поверенный, член Комитета русских эмигрантов в Эстонии, на съезде русских юристов в октябре 1922 г. говорил о 14 тыс. проживавших там русских // Руль. 1922. 5 октября.

[20] *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии. С. 70; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. С. 52.

[21] Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940). – Тарту – СПб., 2001. С. 40, 43.

[22] Ч*ерняев В.Ю.* О факторах формирования взаимоотношений русских беженцев и изгнанников с властями и населением приютивших стран // Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 143.

[23] Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940). – Тарту – СПб., 2001. С. 40.

[24] Бюллетень № 7–8 РЗГК. – Париж, 1921. 15 окт. С. 33–34.

[25] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 37.

[26] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 8–10.

[27] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 29.

[28] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 6–7.

[29] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

[30] *Бочарова З.С.* «Польское правительство не безразлично к судьбе русских эмигрантов»: к истории российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. // Духовность. Научный журнал. Сергиев Посад, 2010. № 1. С. 152.

[31] Там же. С. 152–153.

[32] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 145об.

[33] Бюллетень № 56 РЗГК. С. 19.

[34] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 11.

[35] Въездную визу польские консулы выдавали только, получив согласие местных административных властей. Воеводы же такое согласие давали в исключительных случаях // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

[36] См.: *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005. С. 183.

[37] Русские беженцы. С. 350.

[38] См.: *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. Приложение 1. С. 29–30; Последние новости. 1928. 10 июля.

[39] АВПРФ. Ф. 415. Оп. 1. П. 3. Д. 10. Л. 73.

[40] Там же; Бюллетень № 7–8 РЗГК. – Париж, 1921. 15 окт. С. 18. По данным переписи 1923 г. смертность мужчин-беженцев превышала нормальную в 16–18 раз, причем наибольший уровень – среди мужчин 22–45 лет // Накануне. 1923. 2 июня.

[41] Бюллетень № 59–60 РЗГК. – Париж, 1930. 15 мая. С. 18, 20.

[42] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 118.

[43] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 51, 70.

[44] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 59. Л. 68.

[45] Бюллетень № 59–60 РЗГК. – Париж, 1930. 15 мая. С. 20.

[46] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 1 об.

[47] *Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920–1930-е гг.) // Русское Зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / сост. П. Буняк. – Белград, 2013. С. 100.

[48] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Л. 32–32 об.

[49] *Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920–1930-е гг.). С. 103.

[50] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 108. Д. 56. Л. 150–151.

[51] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 98. Л. 112.

[52] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 90, 91 об., 99.

[53] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 93.

[54] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 56. Л. 95, 120, 126, 135.

[55] *Бочарова З.С.* Правовое положение русских беженцев в Югославии (1920–1930-е гг.). С. 105.

[56] *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы. – М., 2008. С. 143.

[57] *Бобчев Н.* Чужденци ли сж за нас руските бежанци (по поводу на един удар върху руско-българските отношения) // Славянский глас. XXV. 1931. № 4. С. 163.

[58] *Кьосева Ц.* Руската емиграция и българската държава (20-те – 50-те години на XX в.) // Бялата емиграция в България. С. 59; Русские в Болгарии. Письмо из Софии // Возрождение. – Париж, 1929. 17 апреля.

[59] *Кьосева Ц.* Руската емиграция и българската държава (20-те – 50-те години на XX в.) // Бялата емиграция в България. С. 59; Возрождение. 1929. 17 апреля.

[60] *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы. С. 126; ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18.

[61] ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 55. Л. 33.

[62] *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы. С. 124.

[63] *Кёсева Ц.* Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы. С. 124.

[64] ГА РФ. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 44. Л. 222. Для жителей из глубинки, вынужденных ездить для оформления всех документов в В. Тырново, Плачковцы, терять рабочие дни, общие расходы по получению нансеновского паспорта составляли 2 649 левов при годовом заработке 18 тыс.

[65] ГА РФ. Ф. 6711. Оп. 1. Д. 44. Л. 223.

[66] Бюллетень № 57–58 РЗГК. – Париж, 1930. 15 марта. С. 18–19.

[67] В Болгарии было сосредоточено большое количество участников Первой мировой войны, среди которых был высокий процент лиц с тяжелыми увечьями.

[68] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 25. Л. 1–1об.

[69] Там же. Л. 12. Письмо Д.А. Абрамовича, председателя Союза инвалидов, К.Н. Гулькевичу от 5 декабря 1934 г. Ц. Кёсева, ссылаясь на «Държавен вестник» (София, 1934, 14 сент., № 135), пишет, что в Болгарии часть сбора предназначалась Комитету по делам русских беженцев // Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция 1920–1950-е годы. С. 124.

[70] ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 79. Л. 1.

[71] Там же.

[72] *Бочарова З.С.* Пути адаптации и самосохранения русского мира в Болгарии (1920-е годы) // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. С. 148.

[73] После учреждения Лигой Наций в конце 1930 г. Международного офиса по делам беженцев им. Нансена, представительство, прежде возглавляемое Шлезингером, стало называться «представительство Международного офиса по делам беженцев им. Нансена при Лиге Наций» (Vertretung des Internationalen Nansenamtes für Flüchtlinge unter dem Protektorat des Völkerbundes), или просто нансенамт.

[74] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 22.

[75] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 24–25.

[76] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 37–38.

[77] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 44. Л. 53–54. Письмо Е.А.Фальковского К.Н.Гулькевичу от 14 ноября 1933 г.

[78] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 38–39. С.Д. Боткин же в письме К.Н. Гулькевичу писал: «Фальковский говорит сносно по-немецки, но не особенно хорошо и, насколько я знаю, не может самостоятельно вести немецкую переписку, следовательно, необходимо еще какое-то лицо для последней, а также для переписывания бумаг» // ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

[79] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 39.

[80] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 9, 10, 13, 19.

[81] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 19.

[82] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 23.

[83] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 23.

[84] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 10.

[85] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 114. Л. 2.

[86] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 114. Л. 5.

[87] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 114. Л. 12.
[88] РГВА. Ф. 121к. Оп. 1. Д. 9. Л. 74–75.
[89] Наш век. – Берлин, 1932. 6 ноября.
[90] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 15.
[91] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31.
[92] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 31. Л. 17–18.
[93] ГА РФ. Ф. 5981. Оп. 1. Д. 15. Л. 21, 26, 30.
[94] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 53. Л. 53.
[95] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV I(1)–5.
[96] *Набоков В.В.* Другие берега // http://www.fidel-kastro.ru/nabokov/beregа.htm (04.04.2012)
[97] Русские во Франции. Справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж, 1937. С. 3.
[98] После признания Францией Советского Союза в октябре 1924 г. вместо российского посольства и консульств были учреждены офисы по делам русских беженцев.
[99] Там же. С. 18.
[100] См.: Закон и суд. 1930. № 8. Приложение.
[101] *Маклаков В.А.* Новые элементы в улучшении положения русских беженцев во Франции // Закон и суд. 1930. № 10. Ст. 336–340; Бюллетень № 56 РЗГК. – Париж, 1930. 15 янв. С. 18–19.
[102] Русские во Франции. Справочник. С. 3–4.
[103] Подробнее см.: *Ипполитов С.С., Недбаевский В.М., Руденцова Ю.И.* Три столицы изгнания. С. 130.
[104] Закон и суд. – Рига, 1935. № 1 (51). Ст. 1833.
[105] Последние новости. – Париж, 1935. 3 ноября.
[106] В министерстве труда следовало получить разрешение на трудоустройство в определенной области. Предприниматель, принявший на работу иностранца, не имевшего рабочей карты, или получившего неблагоприятный отзыв министерства труда, мог быть оштрафован на 500–1000 фр. Иностранный рабочий в таком случае рисковал никогда не получить разрешение на работу и даже быть высланным из Франции. Министерство труда назначало медицинское освидетельствование (за 30 фр.), после чего выдавало avis fovorabl (разрешение на работу, «благоприятный отзыв»). Иностранцы, прожившие во Франции более 5 лет, освобождались от необходимости получения avis fovorabl. Иностранцы, прибывшие в страну после 1 января 1930 г. без рабочих контрактов, заключенных за границей, получить avis fovorabl не могли (по соглашению министерств иностранных дел и труда). К этому времени такие контракты Францией практически не выдавались // Русский альманах. – Париж, 1931. С. 81–85.
[107] Закон и суд. – Рига, 1930. № 10. Ст. 337.
[108] Бюллетень № 57–58 РЗГК. – Париж, 1930. 15 марта. С. 30.
[109] Последние новости. – Париж, 1935. 3 ноября.

[110] Последние новости. – Париж, 1935. 17 ноября.

[111] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV C(1)-1.

[112] Префектура (мэрия или комиссариат в провинции) выдавала иностранцу «рессеписе», которое через 3 месяца обменивалось на карт д'идантите.

[113] Процесс получения рабочей карты был длительным, решавшимся в нескольких инстанциях.

[114] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV C(1)-7.

[115] *Маклаков В.А.* Кто имеет право на нансеновский паспорт. От Эмигрантского комитета // Последние новости. – Париж, 1931. 14 марта.

[116] Последние новости. – Париж, 1936. 14 авг.

[117] *Бойко Ю.В.* О влиянии смешанных браков на процессы социальной адаптации россиян во Франции 1920-х годов // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. С. 112.

[118] Русский альманах. – Париж, 1931. С. 90–92. Образец прошения о натурализации см. С. 92–93.

[119] Последние новости. – Париж, 1935. 17 ноября.

[120] Там же. 1938. 14 дек.

[121] *Бойко Ю.В.* Переписи населения Франции как источник по истории социальной адаптации российских эмигрантов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. – М., 1997. С. 141.

[122] Натурализация иностранцев во Франции. 100 тыс. прошений в год // Последние новости. – Париж, 1936. 9 авг.

[123] Программа содействия российским беженцам в ЧСР получила название «русской акции». Средства для «русской акции» выделялись МИД ЧСР, министерствами народного образования, сельского хозяйства.

[124] ГА РФ. Ф. 5913. Оп. 1. Д. 153. Л. 1. Записка о положении беженцев в Чехословакии.

[125] Письмо С.В. Паниной К.Н. Гулькевичу от 25.12.1927. Цит. по: *Бочарова З.С.* Деятельность правительства ЧСР по урегулированию правового положения русских эмигрантов // Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие. К 90-летию начала Русской акции помощи в Чехословакии. Прага, 2012. С. 14.

[126] Положение русской эмиграции в Чехословакии // Новости. Прага, 1938. 24 дек.

[127] Пруказы выдавались Русским отделом на 3 или 6 месяцев, Полицейским управлением и местными полицейскими органами – на 1 год.

[128] См.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике. С. 39–44.

[129] *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев. – Белград, 1933. С. 20; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике. С. 44; ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 34. Л. 81.

[130] *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. – М., 1993. С. 24.

[131] ГА РФ. Ф. 7067. Оп. 1. Д. 365. Л. 18. Сведения Лиги Наций о натурализации беженцев по странам.

[132] Новости. Прага, 1936. 5 июня.

[133] В начале 1930-х гг. в ЧСР существовало 67 русских общественных организаций, но в ОРЭО входило лишь 28 из них. Самостоятельно действовали научные учреждения (Философское общество, Русский теософический кружок и др.), Комитет русской книги, литературные объединения и кружки, Русский торгово-промышленный комитет и т. д. Роль ОРЭО усилилась во второй половине 1930-х гг. после ликвидации Земгора, когда в его состав входило до 42 организаций // *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике, 20–30 гг. – М., 1995. С. 116.

[134] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 49.

[135] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 44. Письмо С.В.Паниной К.Н.Гулькевичу от 9 мая 1928 г.

[136] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 45 об.

[137] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 46. Письмо Н.И. Астрова К.Н. Гулькевичу от 19 мая 1932 г.

[138] Русский очаг существовал в Праге с ноября 1924 г. По мысли его организаторов, Алисы Масарик и Джона Крейна, он должен был удовлетворить духовные и культурные потребности русской колонии, русской учащейся молодежи в частности. Заведующая Очагом и его непосредственной руководительницей стала графиня С.В. Панина. В ее распоряжении было два больших помещения. В одном находилась бесплатная библиотека-читальня, которая работала ежедневно с 8 часов утра до 19 часов 30 минут вечера. Другое помещение использовалось различными русскими культурными объединениями и обществами для учебных занятий, съездов, выставок, собраний и т. д. Только за два первых года существования в Очаге прошло 367 собраний разных обществ и организаций.

[139] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 44. Письмо С.В. Паниной К.Н. Гулькевичу от 9 мая 1928 г.

[140] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 15. Письмо Е.Д. Кусковой С.П. Постникову от 4 окт. 1938 г.

[141] Подробнее см.: *Кочубей О.И., Печерица В.Ф.* Исход и возвращение (Русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). – Владивосток, 1998; *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). – М., 2005; *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае. – Новосибирск, 2007; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008; *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). – Барнаул, 2010 и др.

[142] *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. С. 240.

[143] За лицами, принявшими советское гражданство, закрепилось прозвище – «совы», китайское – «киты», остальные считались бесподданными, эмигрантами, беженцами. Принявших советское гражданство, но остававшихся нелояльными советской власти, называли «редисками». Явных противников пытались лишить советского паспорта. Подробнее см.: *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 66–83.

[144] Российская эмиграция в Маньчжурии: Военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): сб. док. / сост. Е.Н. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск, 1994. С. 4.

[145] *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 73.

[146] *Аурилене Е.Е.* Региональные особенности правового положения российских эмигрантов в Китае (Маньчжурия, Шанхай, Северный Китай), 1920–1940-е гг. // Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2006. С. 188–196.

[147] *Аурилене Е.Е., Потапова И.В.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». – Хабаровск, 2004. С. 9.

[148] Исторический архив. 1999. № 2. С. 117–119.

[149] Русский общественный комитет. Харбин, б/г. С. 21–22, 33.

[150] *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. С. 41.

[151] http://www.magister.msk.ru/library/philos/ustryalov/ustry009.htm. Дата обращения: 2 февраля 2012 г.

[152] Подробнее см.: *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2003. С. 50–66; *Аурилене Е.Е., Потапова И.В.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство». – Хабаровск, 2004; *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. С. 50–73 и др.

[153] *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. С. 51. По другим сведениям – свыше 44 тыс. эмигрантов.

[154] 3 ноября 1931 г. в Харбине под редакцией Ж. Осава начала выходить большая японская газета на русском языке «Харбинское время», зарегистрированная в японском Генеральном консульстве. Газета была рассчитана на русскую эмиграцию с целью влияния в интересах новой империи. В советской дипломатической переписке газета названа органом японской военной миссии (АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 133).

[155] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 10. Из донесения советского консула в Наркоминдел от 29 июля 1935 г. См. также: *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.). – Хабаровск, 2008. С. 50–51.

[156] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 113.

[157] *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний… Русские в австралийской истории. – М., 1991. С. 137.

[158] См. подробнее: *Каневская Г.И.* Культура Австралии и Новой Зеландии. – Владивосток, 2000.

[159] Документальную базу по истории переселения на Латиноамериканский континент, в частности, см.: «Русский мир» 1928–1938 гг. http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/3_1929–1938/#_Toc242166055

[160] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 27.

[161] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М., 2011. С. 337–338.

[162] До этой войны ни один из русских иммигрантов не имел парагвайского гражданства. С началом военных действий власти предложили им «стать парагвайцами» и предоставили право пойти на военную службу. Лейтенант Канонников возглавил парагвайскую речную флотилию, генерал Беляев – артиллерию, капитан Высоколян к концу войны был уже начальником штаба парагвайской дивизии. Всего русские занимали более 50 командных постов, внеся существенный вклад в победу армии Парагвая. Шесть русских офицеров сложили головы на поле брани. Окончание войны явилось началом новой жизни русской колонии. В конечном итоге война вылилась в соперничество между русскими и немцами: с парагвайской стороны многие военные операции велись под руководством русских генералов и под командой русских офицеров, тогда как в Боливии в главном штабе доминировали немецкие офицеры. Когда в 1957 г. генерал Беляев скончался, благодарный Парагвай объявил день его похорон днем национального траура, а сам Беляев был провозглашен национальным героем. Погребение состоялось в специальном мавзолее, сооруженном на средства парагвайского правительства.

[163] Возрождение. – Париж, 1935. 26 окт. См. также: «Без денег не советую никому ехать сюда». Письма русских эмигрантов-колонистов из Парагвая. 1934–1935 гг. / публ. М.Н. Мосейкиной // Исторический архив. 2005. № 5. С. 37–52.

[164] Данное положение вошло в декрет от 31 декабря 1923 г., который пересматривал аргентинский закон «Об иммиграции и колонизации» (№ 817) от 6 октября 1876 г., известный как «Закон Авельянеды» // *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты». С. 83.

[165] Цит. по: *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960-е гг. Дисс. … д.и.н. – М., 2012. С. 138.

[166] *Дик Е.Н.* Русские в Мексике: эмиграция и адаптация // История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. – М., 1996. С. 164.

[167] *Парчевский К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки по истории Южной Америки… С. 46, 50, 234; *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевицкой эмиграции. Избранные статьи. 1934–1997. – М., 1998. С. 138. В.Д. Поремский опирался на переписи российских эмигрантов, выбо-

рочно проведенные в 1938 г. Дж. Симпсоном по заданию Британского королевского общества иностранных связей (при содействии фонда Рокфеллера) непосредственно в странах рассеяния. Ссылки приведены по: *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. – М., 2011. С. 67.

[168] *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства». Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб., 2005. С. 85. Подробнее о переселении в страны Латинской Америки см. С. 83–89.

[169] В апреле 1934 г. в Южную Америку Комитетом был отправлен пароход с русскими эмигрантами (около 100 человек), осенью – еще пять групп, а к 1935 г. – около 1000 человек. Но парагвайское правительство не смогло выполнить своих обязательств, и многие эмигранты, не получив обещанного, возвратились обратно. Как пишет М.Н. Мосейкина, по инициативе генерала Беляева министерством иностранных дел Парагвая была утверждена система группового паспорта с единой въездной аргентинской и парагвайской визами. От переселенцев при этом требовалось подтверждение диплома об образовании и «факта неучастия в Красной Армии» // *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты». С. 97.

[170] Устав Товарищества и технический план организации колонии (в Бразилии) отложился в ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 108. Л. 7–14.

[171] Социалист-революционер. – Париж, 1931. № 4 (июль). С. 9, 15–16. Переписку об отношении эмиграции к этому предприятию см.: «Русский мир» 1928–1938 гг. http://www.airo-xxi.ru/projects_new/russkij_mir/3_1929-1938/#_Toc242166055

[172] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты». С. 56.

[173] См. подробнее: Русское Зарубежье в Латинской Америке. – М., 1993; *Бенуа Г.А.* Сорок три года в разлуке // Простор. – Алма-Ата, 1967. № 10; *Каратеев М.Д.* По следам конквистадоров. – М., 1991 и др.

[174] *Пилкин А.П.* Парагвай. (Краткий очерк). – Париж, 1934. С. 23.

[175] Русский еженедельник в Бельгии. Брюссель, 1939. 6 янв.

[176] *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. В 2 кн. Кн. 2. 1939–1941. – М., 2008. С. 93–94.

[177] *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. Кн. 2. С. 105. Прим. 20.

[178] ГА РФ. Ф. 9586. Оп. 1. Д. 166. Л. 5.

[179] *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. Кн. 1. 1935–1938. С. 397. Прим. 16.

[180] *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941. Кн. 2. 1939–1941. С. 144.

[181] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 304.

[182] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV I-10.

[183] *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк. – М., 2005. С. 132.

[184] Там же. С. 133–134.

[185] *Набоков В.В.* Другие берега // http://www.fidel-kastro.ru/nabokov/beregа.htm (04.04.2012)

[186] Собрание законов СССР (СЗ). 1929. № 76. Ст. 732. Лица, совершившие это деяние или его попытку, обвинялись в государственной измене. Президиум Верховного совета СССР Указом от 13 апреля 1959 г. признал этот закон утратившим силу.

[187] Подробнее см.: *Генис В.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документ. исслед. В 2 кн. Кн. 2. «Третья эмиграция» (1929–1933). – М., 2012; *Генис В.Л.* Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов. Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46–82.

[188] Цит. по: Режим личной власти Сталина. К истории формирования. – М., 1989. С. 88.

[189] Цит. по: *Генис В.Л.* Невозвращенцы 1920-х – начала 1930-х годов. Вопросы истории. 2000. № 1. С. 46–82. URL: http://historystudies.org/2012/07/genis-v-l-nevozvrashhency-1920-x-nachala-1930-x-godov/

[190] Там же.

[191] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–2об.

3

«ЕВЛОГИАНЕ» И «КАРЛОВЧАНЕ»: РУССКАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЭМИГРАЦИЯ

На рубеже 1920–1930-х гг. окончательно оформились на основе прежде единой Русской Церкви три юрисдикции. В 1927–1928 гг. в качестве самоуправляемой церковной организации выделилась Русская Православная Церковь за границей (РПЦЗ). Руководящий орган РПЦЗ – Архиерейский Синод – находился в г. Сремски Карловцы (Сербия). Возглавлял его митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), а после его смерти 10 августа 1936 г. – митрополит Кишиневский и Хотинский Анастасий (Грибановский). Важную роль в руководстве РПЦЗ имела синодальная канцелярия, первым начальником которой был Е.И. Махароблидзе, а с 1930 г. – граф Г.П. Граббе. При Архиерейском Синоде издавался журнал «Церковные ведомости» (1922–1930), затем – «Церковная жизнь». Кроме того, в Белграде в 1930-е гг. выходили газета «Царский вестник» (ред. Н.П. Рклицкий) и частный журнал «Церковное обозрение» (ред. Е.И. Махароблидзе)[1].

Произошел разрыв с Архиерейским синодом в Сремских Карловцах митрополита Евлогия, главы Западноевропейской епархии, т.к. он не признал канонической власти за Архиерейским собором и Синодом. Претензии карловчан отменить канонические распоряжения патриарха Тихона породили «горестный зарубежный церковный раскол». 13(26) января 1927 г. Синод запретил Евлогия в священнослужении и прервал с ним общение. После декларации о лояльности заместителя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (1(14) июля 1927 г.) Архиерейский синод во главе с митрополитом Киевским и Галицким Антонием (Храповицким) 9 сентября

1927 г. принял декларацию протеста и объявил, что отныне высшим церковным органом, представляющим русских православных эмигрантов, является именно он, т. е. Карловацкий синод. Священнослужителям, которые выразят свою лояльность по отношению к советской власти, будет запрещено чинодействие впредь до покаяния.

9 мая 1928 г. указом московского Синода за № 104 заграничный Архиерейский Собор и Синод были объявлены упраздненными и все их действия отмененными. На практике это распоряжение не могло иметь никакого реального значения. Этот указ, как считали за границей, уже не был свободным волеизъявлением московского Синода, а был написан под диктовку «органов».

Отношения владыки Евлогия и Московской патриархии также стали более напряженными. Присяга о лояльности, принятая Евлогием, означала политическую нейтральность и не более того, что не исключало выступлений с критикой гонений на Церковь в СССР. Летом 1930 г. произошел разрыв между Московской Патриархией и Евлогием. Когда по приглашению архиепископа Кентерберийского митрополит участвовал в Лондоне на однодневном молении о страждущей Русской Церкви, митрополит Сергий расценил этот шаг как протест против СССР. 11 июля Евлогий получил Указ № 1518 об увольнении от управления Русской Церковью в Западной Европе с предписанием передать все епархиальные дела архиепископу Владимиру. Владыка Владимир принять должность отказался и послал в Москву соответствующее заявление. Евлогий просил о предоставлении временной независимой автокефалии, но владыка Сергий наложил прещение на него и все подчиненное ему духовенство. Управление было поручено митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому). Но в его юрисдикцию отошли немногие.

Согласно церковным канонам Евлогий апеллировал к Вселенскому (Константинопольскому) патриарху Фотию II.

В феврале 1931 г. Вселенский патриарх аннулировал запрет в служении, признав прещение Евлогия необоснованным и принял Западноевропейскую епархию в свою юрисдикцию. В своих воспоминаниях митрополит Евлогий писал: «Так благополучно разрешился сложный вопрос о каноническом неопределенном моем положении, создавшемся после разрыва

с Москвой: вместо зыбкости канонического положения – каноническая устойчивость; вместо увольнения – я назначен Экзархом Вселенского Патриарха; я и моя паства не оторвались от Вселенской Церкви, сохранили с ней каноническую связь при соблюдении внутренней русской автономии»[2]. Карловчане обвинили Евлогия в том, что он за свое положение Экзарха заплатил большие деньги.

Перед эмиграцией вновь стала проблема выбора. Размышляли о каноничности происходящего, какой церкви отдать предпочтение. Часть эмиграции одобрила шаги, предпринятые Евлогием. Показательно письмо Н.С. Трубецкого, адресованное П.Н. Савицкому. Он писал, что не случайно Сергий оттягивал время вынесения запрета в отношении Евлогия: «Запрещать можно только подчиненного священнослужителя. Если бы митрополит Сергий действительно хотел запретить Евлогия, то сделал бы это уже давно. Тем, что он выждал, пока Евлогий перешел к вселенскому патриарху и оказался вне юрисдикции московской патриархии, Сергий, по-моему, ясно показал, что запрещать Евлогия по-настоящему не хотел. Ведь с момента принятия Евлогия в юрисдикцию вселенского патриарха никакие запрещения другого патриарха не действительны, – и Сергий не может не знать этого. Запрещая Евлогия, он исполнил предписание правительства но, в то же время (как я думаю сознательно) выбрал для этого такой момент, когда это запрещение уже не может иметь для Евлогия никакой канонической силы. Таким образом, я считаю, что можно без всякого зазрения совести оставаться под Евлогием»[3]. И далее объяснял свой выбор: «Мне кажется, что линия Евлогия – единственная реальная церковная политика эмиграции. <…> раз духа современной Русской Церкви мы при всем желании иметь не можем, – то нахождение под юрисдикцией Сергия сведется к пустой формальности, к тому же связанной с постоянными неприятностями. А раз “зарубежье” не есть особая нация, хранительница каких-то имеющих возродиться заветов, не есть “подлинная Россия”, противопоставляемая какой-то “неподлинной” Совдепии, то не может это “зарубежье” иметь своей автокефальной церкви, являющейся якобы более “подлинной”, чем Церковь советская. А раз так, то и остается нам только примкнуть к одной из Вселенских Церквей, гарантировав себе соблюдение тех обрядов и традиций, к которым мы привыкли»[4].

В результате, тех, кто сохранил связь с Московской Патриархией, митрополит Сергий просил перейти в ведение митрополита Литовского Елевферия, который оставался в московской юрисдикции (помимо литовской епархии, рассеянные приходы в Германии, Франции, США, Церковь в Швеции сохранили близкую связь с Москвой). Связь Московской Патриархии с ее европейскими приходами прервалась, а Парижская и Западноевропейская епархии стали экзархатом Вселенского престола до 1965 г., когда под давлением Москвы патриарх Афинагор односторонне порвал с ней юрисдикционные отношения и потребовал, чтобы она присоединилась к Московской Патриархии.

Схожая ситуация сложилась в Америке при митрополите Платоне. Американская митрополия провозгласила себя «автономной независимой Американской Православной Кафолической Церковью», стремящейся к автокефалии. В 1933 г. последовал запрет митрополита Платона, но он ему не подчинился. Автокефалию своей православной Церкви решительно защищали власти Эстонии, жесткими мерами переводя богослужение в ней на эстонский язык. Однако епископ Иоанн (Печерский) признал в 1936 г. главенство Карловацкого синода. Автокефалии и канонического главенства Константинопольского патриарха добилась Церковь в Латвии.

В написанном архиепископом Анастасием и принятом 23 марта 1933 г. пространном «Окружном послании Собора Русских заграничных архиереев православной русской пастве по поводу послания Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия» отмечалось, что «Советы поставили ее (Православную Церковь в СССР – *З.Б.*) фактически на положение гонимой», а Сергий «связал ее таким союзом с безбожным государством, который лишил ее внутренней свободы и вместе отступил от правды, блюстителем которой должен быть Первоиерарх Русской Церкви»[5].

22 июня 1934 г., после длительной бесплодной переписки с Сербским патриархом Варнавой, которого митрополит Сергий пытался привлечь на свою сторону, московский Синод вынес постановление «О Карловацкой группе» (№ 50): «Карловацкую группу, как ослушников законного священноначалия и учинителей раскола, предать Церковному суду с запрещением в священнослужении впредь до суда или раскаяния».

Это решение было опубликовано в Журнале Московской патриархии. В ответ 10 сентября того же года Архиерейский собор в Карловцах особым постановлением отверг указ митрополита Сергия о запрещении в священнослужении, а в августе 1938 г. решительно осудил Константинопольскую патриархию за захват русских церквей в рассеянии.

С 1934 г. в РПЦ за рубежом нарастала тенденция к преодолению споров и к поиску почвы для ее объединения. В этом духе было сформулировано обращение православных епископов за границей в августе 1934 г. В нем говорилось о неразрывном «единстве русской церкви, независимо от политико-государственных изменений», содержался призыв к объединению вокруг «старейших архипастырей» и подчинению «русскому заграничному собору епископов», т. е. Карловацкому. Обращение подписали 34 епископа, пятеро (в том числе Антоний) – объявили о солидарности с ним, еще пятеро (среди них Евлогий) не подписали.

Инициатором налаживания отношений между евлогианцами и карловчанами выступил патриарх Варнава. Он пригласил главу Западноевропейского экзархата в Карловцы. Шагом к примирению стала отмена Карловацким синодом в сентябре 1934 г. церковного запрета, наложенного им на Евлогия, а ответом – отправленное Евлогием и Серафимом (Лукьяновым), карловацким епископом в Западной Европе, торжественное богослужение в Париже 18 ноября 1934 г. в кафедральном соборе по случаю годовщины белого движения.

В декабре 1934 г. Евлогий отправился в Берлин в надежде найти общий язык с архиепископом Тихоном и достигнуть формального соглашения с нацистскими властями о регулировании вопросов, касающихся православной Церкви в Германии. Однако Тихон принял его холодно, немецкие власти – пренебрежительно и ответили отказом.

В 1935 г. Евлогий предложил проект организации Управления Зарубежной Церковью, оговорившись, что он может войти в жизнь лишь с канонического благословения Вселенского Патриарха и всей Православной Церкви. Это означало, что новоорганизованное Управление должно быть признано всеми автокефальными Церквами. Летом того же года Евлогий получил приглашение прибыть в Карловцы. Варнава собрал у себя в октябре на заседание четырех архиереев, глав

четырех округов: Западной Европы (Евлогия), Балкан (архиепископа Анастасия), Америки (митрополита Феофила) и епископа Хайларского Димитрия (Дальний Восток). Иерархи признали необходимость объединения, приняли «Временное положение». Предполагалось разделение Церкви за рубежом на четыре митрополии: балканско-восточноевропейскую (руководитель митрополит Анастасий, официально признанный преемником Антония), западноевропейскую (Евлогий), американскую (Феофил) и дальневосточную (Димитрий) с их собственными синодами, юрисдикцией и т. д. Над всеми должен был стоять «квадриумвират», состоящий из представителей этих четырех митрополий под главенством сначала Антония, а после него – избранного патриарха. Однако в самом соглашении был заложен зачаток конфликтов, поскольку вводилась двойная зависимость приходов, до этого не подчиненных вновь назначенным территориальным митрополитам. Так, приход, находившийся во Франции и признававший каноническое верховенство Карловаца, должен был перейти в параллельное подчинение Евлогию. Таким образом, «Временное положение» носило декоративный характер и, скорее, могло способствовать обострению розни, чем улаживанию противоречий.

Епархиальное собрание летом 1936 г. не утвердило «Временное положение» как лишающее епархию автономии.

Очередной Собор в Карловцах 1936 г. признал, что новый порядок управления Церковью за рубежом проведен быть не может, потому что отвергнут Евлогием. Но принял свое «Временное положение о Русской Православной Церкви заграницей», которое утвердил Общий Архиерейский собор 9/22 и 11/24 сентября 1936 г.).

В нем говорилось: «I. Русская Православная Церковь заграницей, состоящая из находящихся за пределами России епархий, духовных миссий и церквей, есть неразрывная часть Российской Православной Церкви, временно существующая на автономных началах. Имя Местоблюстителя Всероссийского Патриаршего Престола Митрополита Петра всегда возносится за богослужением во всех заграничных церквах.

II. Высшим органом законодательства, суда и управления для Русской Православной Церкви заграницей является Собор Архиереев, собираемый ежегодно, а его исполнительным органом – Священный Архиерейский Синод.

III. Председателем Архиерейского Собора состоит Председатель Священного Архиерейского Синода, а членами его являются все архиереи, входящие в состав Русской Православной Церкви заграницей. <…>

Дела в Архиерейском Соборе решаются общим согласием всех участвующих в заседании членов или мнением множайших; при равенстве голосов, голос Председателя дает перевес. В круг ведения Архиерейского Собора входят:

1) избрание Председателя Архиерейского Синода;

2) вопросы общецерковного характера по части вероучения, нравоучения, богослужения, церковного управления, церковной дисциплины, а также суда в последней инстанции;

3) дела принципиального свойства, касающиеся: а) защиты прав Русской Церкви перед правительствами и международными организациями, и б) современных лжеучений и расколов;

4) издание посланий от имени всей Русской Православной Церкви заграницей;

5) открытие епископских кафедр, закрытие их и изменение границ их, вне пределов округов;

6) утверждение постановлений Окружных Соборов относительно открытия и закрытия епархий и изменения границ их, а также рассмотрение и решение жалоб по сим делам в апелляционном порядке;

IV. Архиерейский Синод.

1) Священный Архиерейский Синод состоит из четырех членов – представителей от каждой из четырёх церковных областей (Ближне-Восточной, Дальне-Восточной, Северо-Американской и Западно-Европейской) и Председателя избираемого Архиерейским Собором пожизненно. <…>

3) Архиерейский Синод, с благословения Святейшего Патриарха Сербского, имеет пребывание в Сремских Карловцах. <…>

5) Ведению Архиерейского Синода принадлежат следующие дела:

а) назначение временно-управляющих духовными миссиями и епархиями, непосредственно подчинёнными Архиерейскому Синоду;

б) воссоединение с Церковью отпавших епископов и присоединяющихся к святой Церкви из инославных исповеданий, не потерявших апостольского преемства;

в) объединение и направление всех сторон жизни Русской Православной Церкви заграницей в отношении исполнения постановлений предыдущих Соборов и других действующих церковных узаконений;

г) издание книг Священного Писания, богослужебных и учебников по Закону Божию;

д) высшее руководство миссионерской и просветительной деятельностью;

е) назначений ревизий епархий, миссий и монастырей вне Округов, а в Округах по представлению или соглашению с Митрополитом Округа;

ж) бракоразводные дела во второй инстанции;

з) изъятие из правил о месте вчинения бракоразводных исков;

и) утверждение и увольнение членов Епархиальных Советов в епархиях, непосредственно подчинённых Архиерейскому Синоду;

й) дела по церковному усыновлению и узаконению;

к) назначение и увольнение Секретаря Синода, Правителя дел Синодальной Канцелярии и Синодального Казначея;

л) награждение белого и монашествующего духовенства палицею наперсным крестом с украшениями и саном архимандрита;

м) издание Синодального печатного органа.

V. Председатель Архиерейского Синода.

Председатель Архиерейского Синода избирается пожизненно Общим Архиерейским Собором, ежегодно созывает Архиерейские Соборы, сносится с Главами Церквей и разными учреждениями и лицами от имени Собора и Синода, по уполномочию последних обращается с окружными посланиями к пастве Зарубежной Церкви, имеет попечение о внутреннем и внешнем благосостоянии её, даёт братские указания иерархам, как относительно их личной жизни, так и исполнения ими пастырского долга их и управляет церквами, непосредственно Архиерейскому Синоду подчиненными. <…>

12) Впредь до выработки особых правил судопроизводства, последнее регулируется Священным Писанием, Священными Канонами, Уставом Духовных Консисторий, прочими законоположениями и распоряжениями Всероссийской Церковной Власти, а также постановлениями Архиерейского Собора Русской Православной Церкви заграницей.

13) В делах о расторжении браков и признании браков недействительными духовный суд руководствуется определениями Всероссийского Церковного Собора, прочими законоположениями Всероссийской Церковной Власти, а также разъяснениями и дополнениями Архиерейского Собора и Синода Русской Православной Церкви заграницей»[6].

Архиерейское совещание 1937 г. подготовило Собор Русской Зарубежной Церкви. II Всеэмигрантский Собор с участием епископов, клириков и мирян состоялся в августе 1938 г. в Сремских Карловцах. В действительности всеэмигрантским он не был, в нем не участвовала ни та часть эмиграции, которая находилась в послушании Московской Патриархии, ни представители Западноевропейского экзархата Константинопольского Патриарха, за которыми уже закрепилось название евлогиан. Участвовали в Соборе карловчане, бывшие с самого начала в ведении зарубежного Синода, и представители Американского округа во главе с митрополитом Феофилом, в 1935 г. признававшим юрисдикцию Синода. Председательствовал на Соборе митрополит Анастасий.

На нем Евлогий был беспощадно осужден за углубление раскола из-за перехода в юрисдикцию Константинопольского Патриарха, а Константинопольскую Патриархию за захват русских приходов в Западной Европе. Было вынесено особое постановление, в котором указывалось на неканоничность обращения Евлогия к Вселенскому Патриарху. Собор высказался также в защиту православной Церкви в Польше; протестуя против разрушения православных храмов польскими властями, полонизации и украинизации богослужения.

Вместе с тем Собор выразил единодушное мнение о том, что Сремские Карловцы продолжают оставаться духовным центром русской эмиграции.

Таким образом, православные общины российской эмиграции не имели единого управления и принадлежали к трем юрисдикциям, возникшим на основе прежде единой Русской Церкви: Московский Патриархат, Русская Православная Церковь за границей с центром в югославском городе Сремские Карловцы (карловчане) и Временный экзархат Вселенского Патриарха на территории Европы с центром в Париже, который возглавлял митрополит Евлогий (Георгиевский) (евлогиане).

Второй Всезарубежный Собор Русской Православной Церкви заграницей. 1938 г.

К началу Второй мировой войны подавляющая часть священнослужителей и мирян в Центральной и Юго-Восточной Европе (Болгарии, Румынии, Греции, Венгрии, Чехословакии, Югославии) принадлежала к Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Единственная община Московского Патриархата в Берлине существовала с 1931 г. до смерти ее настоятеля прот. Григория Прозорова в 1942 г., насчитывая всего 50 человек. Постановлением Архиерейского Синода РПЦЗ от 1 июля 1926 г. территория Германии была выделена в самостоятельную епархию, и главой ее, епископом Берлинским и Германским назначен Тихон (Лященко).

В 1931 г. в Париже работало 10 православных храмов, находившихся в ведении Епархиального управления православных русских церквей Западной Европы. В остальной Франции – всего 28. К 1935 г. в стране имелось 4 карловацких прихода и 13 евлогианских.

После 1933 г., когда нацисты оказались у власти в Германии, немецкое правительство стало оказывать давление на евлогианские приходы, настаивая на их подчинении епископу Берлинскому Тихону (Лященко), находившемуся в ведении Карловацкого Синода, запретили православным приходам какие-либо контакты с Евлогием, и тем более с Елевферием, представлявшим Московский Патриархат в Европе. В 1938 г.

Митрополит Анастасий (Грибановский Александр Александрович) (1873–1965)

по указу Гитлера евлогианские приходы в Германии перешли к министерству религиозных культов, которое передало управление ими карловчанам, у Евлогия осталось лишь три прихода в Берлине, Дрездене, Восточной Пруссии. Во время Второй мировой войны значительная часть паствы митрополита Евлогия приняла активное участие во французском движении Сопротивления, в то время как карловчане тесно сотрудничали с фашистами. После войны эмигрантский Синод перебрался из Мюнхена в Америку, сохранив свое название – карловацкий.

В 1936 г. скончался митрополит Антоний, который за несколько месяцев до этого стал немощным, дряхлым, слабым как физически, так и умственно. Незадолго до кончины митрополита Антония, в 1935 г. Кишиневский архиепископ Анастасий (Грибановский) был возведен Сербским Патриархом Варнавой в сан митрополита, после кончины митрополита Антония он возглавил зарубежный Синод. По оценке польских спецслужб, это был не богослов, а политик с монархическими взглядами, амбициозный, склонный к «извилистым дорогам» и «самовластию»[7].

Протоиерей В.В. Зеньковский, не раз сталкивавшийся с владыкой Антонием, писал, что видит в нем «образ трагический – и с точки зрения его собственной судьбы, и с точки зрения судеб Русской Церкви. Будучи большим талантом, с глубокой и редкой богословской ученостью, митрополит Антоний являл пример великого и неутомимого церковного деятеля, отдавшего всю свою незаурядную энергию на церковную работу»[8]. Патриарх Сербский Варнава в надгробном слове митрополиту Антонию заметил: «Прощаясь ныне с митрополитом Антонием, стоя у его бездыханного тела, мы все должны навсегда сохранить его священный завет в том, чтобы православная царская Россия была бы восстановлена во что бы то ни стало. В этом спасение всех нас»[9].

В 1938 г. упокоился патриарх Варнава. Отношения Карловацкого Синода с сербским патриархатом, королевским двором и властями Югославии ухудшились.

РПЦ за границей всегда настаивала на каноничности своего существования как неотъемлемой части Московского Патриархата. Поэтому на призыв патриарха Алексия I в 1945 г. вернуться «в ограду» Матери Церкви, глава РПЦ за рубежом митрополит Анастасий ответил, что ее члены «никогда не

считали и не считают себя находящимися вне ограды Православной Русской Церкви, ибо никогда не разрывали канонического молитвенного и духовного единения со своею Матерью Церковью».

17 мая 2007 г. Русская Православная Церковь и Русская Православная Церковь за рубежом подписали в Москве Акт о каноническом общении. Это событие стало логическим завершением длительного периода разделения двух частей русского православия. В настоящее время в Русской Зарубежной Церкви 8 епархий и более 300 приходов в 42 странах.

* * *

Церковь являлась центром сосредоточения повседневной жизни, а также очагом сохранения и восстановления традиций. Во всех странах появление русских православных приходов и храмов способствовало консолидации разрозненных в политическом отношении групп эмигрантов. В 1938 г. русские торжественно отпраздновали 950-летний юбилей Крещения Руси.

На РПЦ продолжали оставаться обязанности, которые Церковь исполняла испокон веков. Но вместе с тем приходилось считаться с тем положением, которое складывалось в странах проживания русского мира. В течение 1920-х гг. в Европе повсеместно утверждался гражданский брак. Но, тем не менее, для русских власти делали некоторые исключения в пользу национального права. Полномочия Церкви не исключались для русских православных. Поскольку границы государств не совпадают с границами церковными, например, за церковным разводом приходилось обращаться в другую страну, беженцам приходилось прибегать к услугам «посредников» (представителям верховного комиссара по делам беженцев, русским миссиям), чтобы доказать законность тех или иных действий. Но, вместе с тем, приоритет права страны проживания доминировал.

Не случайно В.А. Маклаков в письме В.Н. Штрандтману, главе Русской делегации в Югославии, писал (Париж, 7 марта 1933 г.), что «французы вовсе не желают дискредитировать югославянские разводы, они только не желают, чтобы в Сербии разводили людей, проживающих во Франции и подсудных французским судам». «Здесь камнем преткновения есть спор о компетенции», – отметил он. В.А. Маклаков призывал

разграничить полномочия учреждений, в ведении которых оставались интересы беженцев: «…по-моему, было бы правильней, если бы подобного рода удостоверения выдавали Вы [В.Н. Штрандтман], а не Юрьев [представитель верховного комиссара]; если бы Вы могли ссылаться не на переписку югославского правительства с Женевой, а на какой-либо акт югославского правительства, лежащий в основе этой переписки, могли бы, следовательно, удостоверить, что развод Антония сербским законам соответствует, то все остальное прошло бы гладко. Между тем, вот уже более года во всех надписях, которые Вы делаете на разводах, есть, говоря вульгарно, увиливание от основного вопроса: совершен ли развод согласно сербским узаконениям. Юрьев, выступая в роли, ему не предоставленной, т. е. в роли не то эксперта, не то просто литератора, ссылается на переписку с Женевой. А сербский министр иностранных дел, свидетельствуя подпись Юрьева, старательно отмечает, что он “не входит в оценку того, что Юрьев написал”. Речь идет о том, о чем всего компетентнее именно представитель сербской власти; а этот представитель власти прячется в кусты и говорит, что не желает знать, что написал Юрьев. <…> Удостоверения подобного рода, как Ваши, т. е. Югославии, конечно, покажутся французам желанием приобрести капитал и сохранение невинности, даже в тех случаях, когда может быть супруги во Франции *не* проживали. Не думаете ли Вы, что было бы целесообразней установить какую-нибудь определенную формулу и от нее уже не отступать? Иначе карловацкие разводы пошли по дорожке, по которой долго ходили разводы Евлогия, т. е. по дорожке попыток как-либо “втереть очки мэрам”; с этими попытками я боролся три года, вызывая против себя неудовольствие здешней церкви и подвергаясь обвинениям, что я покровительствую карловацам»[10].

Многообразие практик в правилах заключения браков или разводов нивелировала Конвенция 1933 г. о юридическом статусе русских и армянских беженцев. С ее принятием акты, совершенные духовным начальством беженцев, признавались во всех странах, примкнувших к конвенции. В отношении расторжения брака оговаривалось, что беженцы подчиняются законам местожительства или места пребывания, т. е. в странах, требовавших гражданского развода, нельзя было ограничи-

ваться церковным разводом. Так, например, карловацкий развод племянника В.А. Маклакова, осуществленный Архиерейским Синодом, во Франции не признавался[11].

В Югославии русские религиозные суды наделялись компетенцией развода русских беженцев. Сербская церковь, ведению которой по закону подлежали все вопросы о церковных браках и их расторжении, признавала компетенцию Архиерейского Синода, находившегося в Сремских Карловцах, в отношении чад РПЦ, независимо от того, подданными какого государства они являлись. После принятия межправительственного соглашения от 30 июня 1928 г. относительно юридического статуса русских и армянских беженцев и последующего акта МИД Югославии от 5 мая 1930 г. под № 5831/1305 Делегация Лиги Наций по делам беженцев в Югославии стала удостоверять подпись митрополита Антония, возглавлявшего Архиерейский Синод. Более того, в отношении браков, венчанных в России, неоднократно бывали случаи, что на решение русского духовного суда Синодом Сербской церкви направлялись дела даже югославянских подданных. Архиерейский Синод придерживался принципа, когда в отношении церковных браков иностранно-подданных, принадлежавших к Русской церкви он выносил свой суд, не входя в обсуждение гражданских последствий этого акта с точки зрения законов государства, подданным которого состояло данное лицо. В Югославии производили обычно и гражданский, и церковный развод. В тех государствах, где церковные акты не признавались, заинтересованным лицам приходилось расторгать свой брак в гражданских учреждениях, но ни один священник не повенчал бы их на основании одного лишь гражданского акта о разводе[12].

Целиком компетенции церкви был предоставлен развод в Иране. По поводу положения православного религиозного меньшинства в апреле 1936 г. местный представитель писал В.А. Маклакову, что дела личного статуса решаются на основании религиозных обычаев. Правительство, организовав для мусульман государственные нотариаты и по духовным делам, предоставило им дела о браках и разводах. В числе прочих был назначен и русский православный священник для дел православных лиц. Однако, жаловался адвокат Агабеков из Тегерана, «наш здешний священник настолько малограмотен, жалок и труслив, что отказывается даже препровождать про-

шения о разводе в Синод», направляя людей прямо и непосредственно писать в Синод в Сремские Карловцы (Югославия), который не реагировал на такие запросы. По наследственным, семейным делам, по опекам, духовным завещаниям русское население оказывалось совершенно в беспомощном положении. Если армянам удалось образовать Церковный совет, с которым считались и власти, и население, разбиравший подобные дела, помогавший населению, то жалобы русских супругов, детей в полицию, прокурору, в суды на тупиковую ситуацию оставались без ответа. Местные учреждения не знали, куда эти жалобы направлять, чтобы проблемы разрешить. Например, когда жалоба Агабабова была доведена до сведения Архиерейского Синода, управляющий канцелярией Синода Ю.П. Граббе сообщал, что в Тегеране настоятель архимандрит Виталий совершенно прав, не принимая прошений о разводах: «Не всякое прошение может быть принято к производству, и право судить об этом принадлежит Епархиальной власти, а он (архимандрит Виталий – *З.Б.*) не может в этом отношении решать. Но он может и должен свидетельствовать подписи просителей на исковых прошениях. Кто перешлет последние в Синод, не имеет значения»[13].

В ряде государств, например, в Польше, Эстонии, Румынии, в нарушение Конституций, международных договоров, гражданских прав не соблюдались свободы в деле организации религиозной жизни национальных меньшинств. Церковные деятели старались постепенно выправить ситуацию. В Записке, составленной в 1932 г. управляющим синодальной канцелярией гр. Ю.П. Граббе, «О положении церковных дел в Бессарабии» констатировалось: «Уже в течение многих лет русское православное население в Бессарабии подвергается насильственной румынизации, румынизируется и богослужение вопреки обратному заявлению высокопреосвященного митрополита Гурия, в письме его на имя председателя Архиерейского Синода; славянские богослужебные книги систематически отбираются и уничтожаются, дети лишены возможности изучать закон Божий на русском языке; введенный в Румынской церкви григорианский стиль и другие новшества насильственно навязываются русскому православному населению. Празднование церковных праздников по юлианскому календарю запрещено и преследуется румынскими властями; священники,

совершавшие богослужение по этому стилю, арестовывались, население терроризировано»[14]. Ю.П. Граббе призывал румынскую церковную власть обеспечить «русскому населению свободу совершать богослужения по старому стилю и на славянском языке», чем она могла бы внести «значительное успокоение», и русским иерархам не пришлось бы «хлопотать об улучшении участи православного русского населения в Бессарабии». В пример он привел факт сохранения «Польской церковью всех обычаев русской церкви, т. е. свободного богослужения по старому стилю и на славянском языке»[15], что позволяло православным смиренно ждать разрешения других спорных вопросов. Е.В. Федюкина пишет, что в Польше «с довоенных времен за русским языком в какой-то мере сохраняется роль эталонного конфессионального языка, второго после церковнославянского языка православия», что «до Второй мировой войны именно русский язык успешно затушевывал разницу языкового многоголосия местных православных (белорусов, украинцев, лемков), играя универсальную роль, в идеале, всем понятного языка»[16].

Однако в 1938 г. вышел декрет президента Польши о статусе польского языка как официального языка Православной Церкви. Это привело к приостановлению деятельности всех русских издательств, в том числе православных. Репрессии властей против православного населения приняли небывалый размах (поругание святынь, нападение на православных). В 1938–1939 гг. повсеместно в стране было уничтожено более 200 церквей, включая памятники архитектуры XIV–XV вв. Священный Синод Православной Церкви в Польше выступил с письмом протеста, которое было конфисковано, духовные же лица, огласившие его с амвона, подверглись репрессиям[17].

Церковь являлась и регулятором повседневных забот, и стержнем духовной жизни Русского зарубежья. Играя важную роль для сохранения и жизнедеятельности русского мира, православные приходы нуждались в поддержке. В то же время многочисленность эмиграции, создание новых приходов породили проблему нехватки священников, чтобы удовлетворить потребности прихожан. Иерархи за рубежом были озабочены воспроизводством священничества, окормлявшего бы паству, поддерживавшего национальное самосознание на основе православия. В условиях, когда возвращение на родину

откладывалось на неопределенное время, вопрос о подготовке образованных пастырей для Русской Церкви за границей приобретал особое значение.

Не случайно прилагались усилия для продолжения и развития богословского образования. На богословском факультете Белградского университета в 1939 г. преподавало два русских профессора и обучалось 23 русских студента (ранее преподавателями были еще выдающиеся богословы Н.Н. Глубоковский, А.П. Доброклонский и отец Федор Титов). Русские эмигранты преподавали в четырех сербских Духовных семинариях[18]. Образование можно было получить на отделении православной теологии Варшавского университета[19]. Разумеется, что при крайней скудости средств создание духовных учебных заведений было более чем затруднительным. Поэтому учреждение русских богословских факультетов имело особое значение. Кроме того, богословское образование компенсировало отсутствие подобной подготовки на родине после закрытия духовных академий. На образование в странах-реципиентах ставку делать не приходилось.

Поэтому деятельность Православного Богословского института в Париже, основанного в 1925 г., оставалась одной из важнейших церковных задач. Позже, в 1934 г., был открыт Институт св. Владимира (Свято-Владимирский Богословский институт) для русских в Харбине, призванный обеспечить кадрами эмигрантскую «восточную ветвь»[20].

Ректором Православного Богословского института в Париже являлся митрополит Евлогий. Институт св. Владимира находился в подчинении Архиерейского Синода РПЦЗ, и Высоким попечителем являлся митр. Антоний (Храповицкий), что придавало институту всеэмигрантское значение.

К преподаванию в Богословском институте в Париже был привлечен целый ряд профессоров, не прошедших через духовную школу, но посвятивших себя изучению богословских дисциплин (13 человек из числа основных преподавателей), ибо Россию покинуло ничтожное количество профессоров высших духовных учебных заведений и лиц, имевших богословскую ученую степень[21]. Преподавателями в Харбине состояли в разное время 10–15 человек, из них половина были священнослужителями Харбинской епархии: о. Леонид Викторов, епископ Дмитрий, архимандрит Филарет, о. И. Петелин,

И.И. Костючик, Н.В. Никифоров, П.К. Смирнов, Е.Н. Сумароков, И.П. Райский, инженер В.А. Белобродский и др.

Богословский институт в Париже существовал в основном на пожертвования. С 1930-х гг., когда пожертвования сократились, его материальное положение пошатнулось. Свято-Владимирский Богословский институт получал небольшое пособие на свое содержание от Харбинского епархиального совета и некоторый доход[22] от платы за обучение.

В 1935 г. Институт св. Владимира был зарегистрирован министерством народного просвещения Маньчжурской империи как самостоятельное специальное высшее учебное заведение, которое подчинялось непосредственно министру народного просвещения. Японские власти при содействии Бюро по делам русских эмигрантов (БРЭМ) назначили почетного ректора – архиепископа (с 1939 г. митрополита) Харбинского и Маньчжурского Мелетия (Заборовского). Ректором был утвержден проф. М.П. Головачев. Богословский факультет готовил пастырей для служения в Харбинской епархии.

К этому времени Институт св. Владимира оставался единственным в мире высшим учебным заведением университетского типа русской эмиграции[23], т. к. существовавшие ранее аналогичные по форме учреждения в других государствах по различным обстоятельствам прекратили свою деятельность. Обучение длилось 4 года.

За 11 лет существования в Богословском институте в Париже воспитывались 133 студента (46 из Франции, 23 из Болгарии, 11 из Польши, 4 из Финляндии, 1 из Литвы, 10 из Югославии, 10 из Эстонии, 2 из Румынии, 1 из США, 17 из ЧСР, 6 из Латвии, 1 из Германии). В Институте св. Владимира в 1930-е гг. число студентов на четырех курсах не превышало 50 человек, к 1944 г. – 100 студентов, в 1945 г. – 40. В 1935 г. на первом и втором курсе учились лица, окончившие полный курс Духовной семинарии (7 человек), пастырско-богословские курсы (14 человек), духовные училища (3 человека), получившие низшее домашнее образование (8 человек), с высшим образованием (4 человека), со средним светским образованием (14 человек). Состоялось четыре выпуска богословского факультета Института св. Владимира. Первый выпуск был произведен в ноябре 1937 г. в количестве 6 человек: 3 протоиерея, 1 иеромонах, 2 светских лица. Второй – в 1939 г. (3 протоие-

рея, 1 дьякон, 2 светских лица). Окончили факультет всего 13 человек из-за низкой посещаемости по причине материальной необеспеченности большинства студентов. Подавляющая часть из них стала харбинскими священниками.

В 1935 г. при богословском факультете Института св. Владимира было основано Братство св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова.

В эмиграции увеличился спрос на церковно-славянские книги, прежде всего в русских церквях Польши, Сербии, Болгарии, Америки. Отчасти это было продиктовано тем, что большинство их погибло в огне революции и гражданской войны. В 1924 г. архимандрит Виталий (Максименко) в Словакии восстановил в миниатюре Почаевскую типографию. Для налаживания ее нормальной работы нужны были средства. Архимандрит Виталий обращался в нансеновский офис в Праге, затем к К.Н. Гулькевичу с просьбой подать ходатайство в Женеву, в оборотный фонд, о возвратной ссуде в 10 тыс. крон на 3 года без процентов для типографии, «обслуживающей культурно-религиозные нужды главным образом русского рассеяния» подобно Почаевской Лавре, погибшей в бурные годы революции и гражданской войны[24]. 14 марта 1933 г. архимандрит Виталий писал, обосновывая свое ходатайство о займе: «Надежды на получение помощи у того самого местного банка [где брали уже ссуду 30 тыс. крон – *З.Б.*] у нас теперь почти нет никакой. Раньше он велся русскими и дал нам ссуду, а теперь находится в руках аграрной партии поставившей целью ословачивать местное русское население. А во главе банка стоят два местных униатских ксендза. И для аграрной партии, и для униатских водителей усиление нашей деятельности крайне нежелательно. Они, наоборот, предпринимают все меры, чтобы погубить наше дело. <…> Вы стоите вне местной политической и культурной борьбы и оцените дело наше по существу. Да и в порядке вещей, чтобы наша типография, обслуживающая культурно-религиозные нужды главным образом русского рассеяния, получила помощь для расширения своей деятельности из подобного [чешскому – *З.Б.*] интернационального банка, обслуживающего ту же эмиграцию»[25]. Сложная финансовая ситуация постепенно разрешалась. Первую ссуду дала YMCA. Сохранение подобного рода типографии имело огромное религиозно-культурное значение.

Динамично развивалось книгоиздательское русское православное дело в межвоенной Польше. Митрополит Дионисий выхлопотал у властей разрешение на открытие синодального издательства в Варшаве, которое в 1923–1939 г. выпустило сотни печатных произведений[26].

В 1928 г. стала работать собственная монастырская типография монастыря в честь Казанской иконы Божьей матери в Харбине, где печаталась разнообразная религиозная литература. Ежемесячно выходил религиознонравственный журнал «Хлеб небесный»[27].

Православная жизнь сосредотачивалась в приходах, вокруг храмов. Не случайно в 1930-е гг. продолжалось, и даже расширялось, церковное строительство.

Духовным центром русских церквей в Западной Европе оставался Александро-Невский храм на улице Дарю.

21 февраля 1921 г. под председательством настоятеля храма протоиерея Иакова Смирнова при товарище председателя гр. В.Н. Коковцове (бывшем премьер-министре) на общем собрании причта и 210 прихожан было принято решение о создании прихода Александро-Невской церкви в соответствии с приходским уставом, принятым в апреле 1918 г. Поместным Собором РПЦ. Первым старостой храма был избран П.И. Делянов, бывший градоначальник С.-Петербурга. Регистрация прихода была поручена Е.П. Ковалевскому (бывшему депутату Государственной думы и члену Поместного Собора) и завершена 1 июня 1923 г. Записавшихся в приход было более 1,5 тыс. человек. До 1924 г., когда был открыт Свято-Сергиевский храм, Александро-Невский храм оставался единственной русской церковью в Париже, центром русской эмиграции.

Усилиями графа В.Н. Коковцова было упрочено юридическое положение храма, подтверждено право на владение участком, на котором расположен храм, и самой церковью. После кончины протоиерея Иакова Смирнова настоятелем храма 30 июня 1936 г. был назначен протоиерей Николай Сахаров. Членами Приходского совета были бывшие обер-прокуроры Святейшего Синода профессор А.В. Карташев и П.П. Извольский (впоследствии священник) художник и архитектор А.А. Бенуа и др. Созданное митрополитом Евлогием в 1923 г. при Александро-Невской церкви сестричество во главе с В.В. Неклюдовой организовало «четверговую» церковно-приходскую

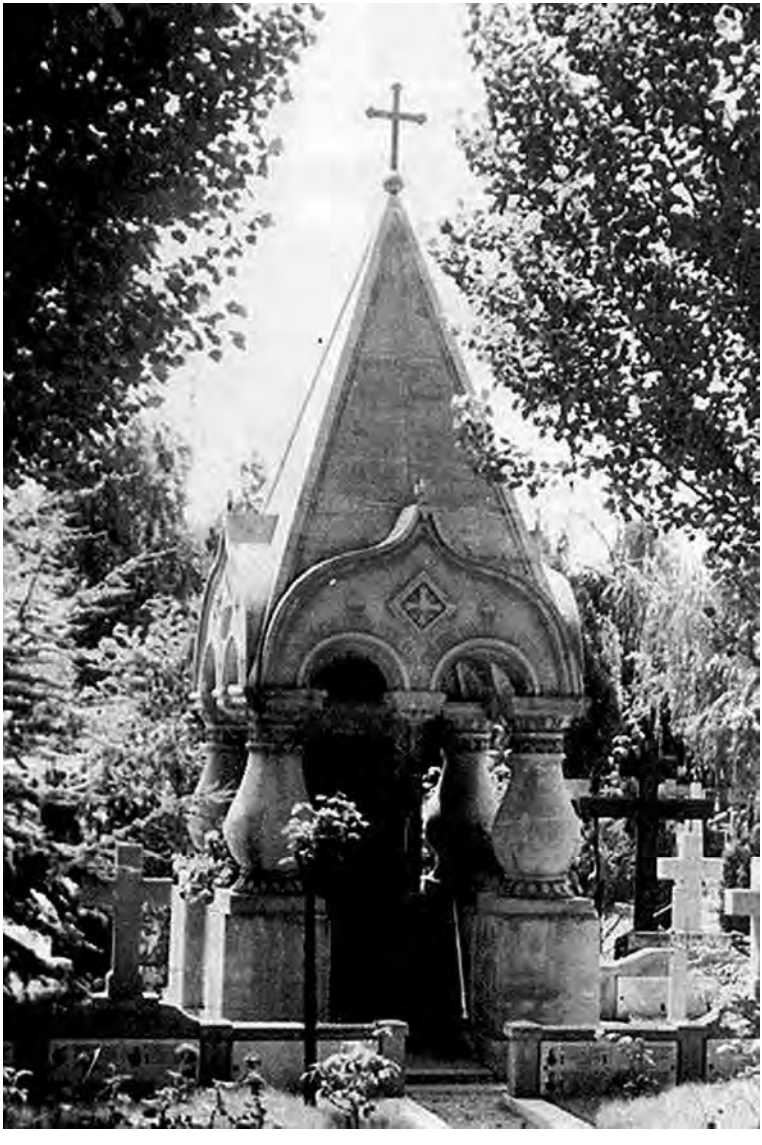
Александро-Невский собор. Париж

школу в здании русской гимназии. Здесь детям преподавали Закон Божий, русский язык, историю и географию России, пение.

После принятия 17 февраля 1931 г. патриархом Константинопольским Фотием II в свою юрисдикцию со статусом экзархата западноевропейских русских церквей и приходов Александро-Невский храм перешел в Константинопольский Патриархат.

Во второй половине 1920-х гг. в Париже были выстроены церковь общества галлиполийцев во имя преподобного Сергия и церковь преподобного Серафима Саровского, храм в Кламаре под Парижем, церкви в Бийанкуре, Медоне, Шавиле, Аньере, Пти-Кламаре, Клиши, Севре, Лилле, Лионе. Жемчужиной храмового строительства стала часовня в Сент-Женевьев де Буа близ Парижа, построенная на русском кладбище при «Русском доме» для престарелых эмигрантов.

Этот приют возник по инициативе кн. Веры Кирилловны Мещерской и на деньги миллионерши мисс Доротеи Педжет. Деньги для храма собрали в основном из двух источников: кн. В.К. Мещерская, имея широкие связи с иностранцами, привлекла их крупные пожертвования, а М.М. Федоров организовал

Часовня в Сент-Женевьев

очень широко сбор средств среди эмиграции. Автором храма стал художник-архитектор Альберт Бенуа. Он спроектировал его в новгородском стиле XV – начала XVI в., что как бы связывало эмигрантов с матерью-Родиной. 9 апреля 1938 г. состоялась закладка храма и в ноябре он был уже вчерне готов. Летом 1939 г. построили звонницу, также в новгородском стиле. Расписал храм сам А.А. Бенуа с женой. Граф Г. Шереметев, поселившийся при храме в смиренном звании псаломщика, при внутренней отделке храма сделал надписи. Прекрасный иконостас был расписан Обществом «Икона», бессменно возглавляемым В.П. Рябушинским. Общество, почетным членом которого состоял митрополит Евлогий, было создано в 1927 г.[28] в Париже, и ставило задачу сохранить традиции русского иконописания. Оно немало усилий положило на строительное дело, содействовало сооружению и украшению церквей: расписало храм-памятник в Бельгии на русском военном кладбище в Мурмелон-ле-Гра, храм праведного Иова Многострадального – памятника императору Николаю II, царской семье и всем русским людям, в смуте убиенным, в Брюсселе (архитектор Н.И. Исцеленнов) и Успенской церкви на Ольшанах в Праге (архитектор В.А. Брандт, 1924–1925), кладбищенский храм в Хельсинки и многие другие.

Освящение Успенской церкви на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа состоялось 1(14) октября 1939 г. Правда, в колокола по случаю военного времени не звонили. Церковь была настолько хороша, что местные власти предлагали его записать в путеводителях по Франции как «monument historique»[29]. Сегодня обособленность кладбища уже нарушена: в целом ряде могил захоронены французы. Умерший во Франции эмигрант «третьей волны» В. Максимов похоронен в месте, которое было куплено Н. Струве.

Рядом с кладбищем до сих пор сохранился дом престарелых, основанный В.К. Мещерской. После постройки нового корпуса, оборудованного как для отдыха, так и для наиболее современных методов ухода за больными, Русский дом продолжает принимать русских пансионеров[30].

Общество «Икона» внесло незаменимый вклад в обустройство многих храмов, и заняло особый сектор в пространстве культуры, созданного русским миром в Зарубежье. Оно объединяло многих художников-иконописцев, архитекторов, уче-

ных и писателей, оказавшихся после революции за пределами России, а свою деятельность направило на сохранение и популяризацию того, что считалось главной ценностью русской жизни. В начале 1930-х гг. при Обществе была создана иконописная артель, куда вошли не только иконописцы, но и резчики, архитекторы, золотошвейки. В «Иконе» появилось два подразделения: одно занималось историко-теоретической деятельностью, второе – производственной. Развитие артели соответствовало интенсивному росту приходов в местах расселения русских во Франции и других европейских странах. По замечанию Г.И. Вздорнова, «храмы возникали во всех городах и поселках, приютивших беженцев. Почти нищие по наполнению утварью и иконами, такие храмы держались исключительно верой и сердечной молитвой прихожан. Со временем, когда произошла концентрация русского населения в столицах, горнозаводских и фабричных городках, число малых церквей уменьшилось, а окрепшие большие общины получили возможность строить более поместительные храмы, заказывать для их украшения иконы, резные кресты, иконостасные рамы, утварь, даже стенные росписи. И Общество “Икона” явилось идеальным посредником между заказчиками и исполнителями таких художественных задач»[31].

Русские иконописцы работали также для католической церкви. Так, Б. Сахаров расписал церковь францисканцев в Монте-Карло, о. Е. Ковалевский создал серию фресок на тему «Акафиста Божией Матери» в аббатстве Лейси[32].

Одним из главных направлений деятельности Общества «Икона» было устройство лекций и выставок икон, на которых старинные иконы соседствовали с вновь написанными. Всего между 1928 и 1968 гг. оно организовало 35 выставок.

Н.И. Исцеленнов писал: «С первых же лет деятельности общества его работа определилась сама собой. В общество вступил ряд начинающих иконописцев, чтобы общими силами овладеть этим искусством, имеющим свою особую технику, приемы композиции и требующим знаний по иконографии, подчиненных каноническим правилам. Многие православные русские в рассеянии не были в курсе возрождения древней иконы и в большинстве случаев стремились иметь иконы в духе Васнецова или академического письма XIX в. Таким образом, Обществу пришлось заниматься пропагандой в защиту древней иконы.

Среди почитателей искусства древней иконы с самого начала его открытия определилось три главных устремления:

1) изучение икон как памятников национального русского творчества и понимания красоты их;

2) богословское и каноническое изучение икон с точки зрения их церковного и литургического содержания;

3) продолжение искусства иконы для церковных целей и для молитвенных надобностей.

Упомянем также попытку создания современного светского искусства, опиравшегося на красоты древней иконы, подобно тому, как русскими композиторами были созданы замечательные музыкальные произведения исходя из народных русских напевов. Все эти устремления были представлены в парижском Обществе “Икона”. К группе ценителей искусства принадлежали П.П. Муратов, С.К. Маковский, А.Н. Грабар и Н.Л. Окунев. К богословско-литургической – В.П. и С.П. Рябушинские, к группе продолжателей искусства иконы – почти все иконописцы, [в частности] Д.С. Стеллецкий и И.Я. Билибин. Архитекторы Н.И. Исцеленнов и Альберт Бенуа были в третьей группе как создатели храмов в старорусском стиле и соответствующих иконостасов»[33].

Довоенное время стало временем расцвета Общества: существовали контакты с известными учеными, проводились многочисленные выставки, устраивались лекции, иконописцы достигали высокого уровня иконописи.

Общество организовало школу иконописи для начинающих иконописцев, создало собственную библиотеку, включавшую в себя важные документы и книги по иконографии. Вело работу по составлению на основании древних иконописных образов иконописного лицевого подлинника в фотографиях; собирало сведения по устройству иконостасов, правильному изображению праздников и малоизвестных святых. Обществом была издана книга И.В. Шнейдера и П.А. Федорова «Техника иконописи».

Еще один центр русской церковной эмиграции сложился в Югославии (находился в юрисдикции РПЦЗ). Здесь эмигранты построили 4 церкви, образовали более 10 приходов, духовные братства (св. Серафима Саровского, в память о. Иоанна Кронштадтского, св. князя Владимира, св. Креста, Святой Руси и др.), церковные сестричества. Монахи из России про-

живали в двух сербских монастырях и, кроме того, образовали еще 2 самостоятельных – мужской в Мильково и женский в Хопово. Около 250 российских пастырей нашли себе приходские места в сербских храмах. Ряд русских архитекторов возводили храмы для сербов по своим проектам (Г.И. Самойлов, В.М. Андросов, В.В. Сташевский, Н.П. Краснов, В.В. Лукомский и др.). Широкую известность в стране приобрели русское иконописание и хоровое искусство[34].

Продолжалось строительство православных русских храмов и в других европейских городах: в Данциге, Льеже, Антверпене, Милане, Осло, Гааге, Цюрихе. В Чехословакии по приглашению епископа Горазда протоиерей Всеволод Коломацкий (позже архимандрит) безвозмездно построил несколько храмов в русском стиле и соорудил для них иконостасы. В 1935 г. удалось приобрести бывший католический храм в Праге, который после приспособления к православному обряду и освящения 28 сентября во имя свв. Кирилла и Мефодия стал кафедральным собором епископа Горазда. Новые церкви были построены в Праге, Прешове, Братиславе, Брно, Вилемове, Иозефове, Опатове, Ржимицах. В 1938 г. был возведен и через год освящен храм во имя свт. Горазда в г. Оломоуце (Моравия). Всего к началу Второй мировой войны в Чехии и Моравии было построено 10 новых православных церквей и 3 часовни. Одиннадцать основных и 7 филиальных общин обслуживал 21 священник. Издавалась ежедневная газета «Вестник Чешской православной епархии» с приложением для юношества[35].

В Китае, в одной только Харбинской епархии, где жило большинство русских, эмигрировавших в Маньчжурию, к 1930 г. было уже 46 храмов, 2 монастыря, богослужение совершали 88 священников. В Австралии появились первые русские православные приходы и храмы в Брисбене (соответственно в 1925 и в 1926 гг.) и Сиднее (в 1932 и в 1942 гг.)[36].

С наплывом русской эмиграции в страны Южной Америки были созданы приходы и построены русские православные храмы в Аргентине, Бразилии, Парагвае, Уругвае. Так, в Буэнос-Айресе, в 1930-е гг., кроме главного храма, было создано несколько приходов, вошедших в Большой Буэнос-Айресский кафедральный собор в северной части города: церковь в районе Кильмес – зоне проживания русских казаков, украинцев,

поляков, литовцев; церковь в Темперлей; церковь Всех святых земли русской в Каселаре и церковь преп. Сергия Радонежского в Вилья-Бальестерс. При приходах были созданы школы, библиотеки, издательства, дома для престарелых. Именно церковь занималась здесь организацией начальной школы, в которой преподавали сами прихожане и где одним из обязательных предметов оставался Закон Божий[37].

В 1937 г. архитектором В.Н. Сахаровым в Рио-де-Жанейро была построена церковь святой мученицы Зинаиды. В Парагвае благодаря генералу И.Т. Беляеву и на средства, отпущенные отцом К.Г. Изразцовым, были выстроены в старопокровском стиле храм Покрова Пресвятой Богородицы в г. Асунсьон (архитектор-инженер Г.Л. Шмагайлов), настоятелем которого был архимандрит Пахомий, церковным старостой и одновременно псаломщиками – генерал Н.Ф. Эрн и инженер Г.А. Бенуа, и храм Святого Михаила Архангела в колонии Уру-Сапукай (настоятель – иеромонах Тихон (Гнатюк), в которой жили 60 русских православных семей с Волыни. При храме была открыта школа для детей, в которую отец К.Г. Изразцов направил буквари и книги Закона Божия[38].

В столице Уругвая, г. Монтевидео, отцом К.Г. Изразцовым также был куплен участок земли, на котором по инициативе созданного здесь церковного Комитета прихожане устроили в дальнейшем небольшую церковь, настоятелем которой был отец Митрофан (Виноградов). При церкви был образован хор, устроен «Христов Садик» для детей и проведения курсов испанского языка для новоприезжающих взрослых с целью одновременно привлечь их к церкви[39].

В Бразилии к началу 1920-х гг. самой большой являлась русская православная колония в г. Сан-Пауло. Основателем первого русского православного прихода здесь стал полковник И.Л. Цокун. В 1927 г. православные получили свой приход в Антиохийской церкви, где службу для русских совершал отец Христофор – сириец, владевший русским языком. 6 августа 1939 г. в Сан-Пауло состоялось освещение Свято-Никольского кафедрального собора, исполненного в старопокровском стиле (автор проекта – археолог К. Трофимов, позднее принявший священный сан), при котором плодотворно работало Братство имени Св. Владимира и сестричество во имя Покрова Пресвятой Богородицы[40].

В 1930 г. в США в Джорданвилле был основан архимандритом Пантелеимоном знаменитый Свято-Троицкий ставропигиальный мужской монастырь, действующий до сего дня. В 1928 г. два монаха из монастыря св. Тихона в Саут-Кейнане (штат Пенсильвания), иеромонах Пантелеимон (Нижник) и псаломщик Иван Колос в поисках бóльшего уединения, приобрели небольшой участок земли вблизи Джорданвилля в Херкимер Каунти. В это время к ним присоединился еще один монах из Тихоновского монастыря – отец Иаков, а позже еще три человека. К весне 1935 г. был окончательно отделан храм в честь Живоначальной Троицы. В Духов день было совершено освящение храма и всего монастыря, возглавленное Епископом Виталием (Максименко).

Русские приходы и церковные общины за рубежом помогали изгнанникам поддерживать друг с другом контакты, сохраняя культурную общность, православную веру.

Таким образом, история Русской Православной Церкви за границей разворачивалась на фоне деятельности русской белой эмиграции и отражала борьбу двух основных тенденций: приверженности традиции, определявшей место православной церкви в общественной жизни России, и стремление к проведению в ней глубоких реформ с тем, чтобы ответить на вызов времени и стать фактором развития нации. В приходах, братствах, синодах шла борьба за влияние и власть между националистически-монархическими и либерально-демократическими кругами эмиграции, между сторонниками политической независимости церкви и проводниками прикрываемого каноническими нормами влияния Московской патриархии. РПЦ также стала за границей участницей очередного этапа старого спора между «вторым и третьим Римом», между Константинопольским и Московским патриархатом.

Сторонники Карловацкой Церкви считали, что только им удалось отстоять свободную Зарубежную Церковь. РПЦЗ, сохранив самостоятельность, сохранила и независимость. Особенно «карловчане» подчеркивали «русскость» РПЦ за рубежом. По словам инокини Вассы (Мюнхен), это прежде всего проявилось в том, что РПЦЗ не вошла ни в одну из заграничных Поместных Церквей, не растворилась в них, не пошла и на создание собственной автокефалии. «Таким образом, – писала она, – “русскость” Русской Зарубежной Церкви – канони-

ческое самоопределение заграничной Церкви, а вместе с тем – феномен, определивший ее исторический путь»[41].

Секретарь Общества «Икона» И.В. Шнейдер так характеризовал подвижничество православных русских: «Рассеянные по всему свету, эти беженцы, беззащитные изгнанники, бедные и несчастные эти люди <…> постепенно становятся светочами православия в тех странах, где им удалось найти приют. Подумайте, что где-то на Африканской земле, в этом господстве ислама впервые ими построены православные храмы где-то в Китае, в Харбине, образовалось общество "Икона", где-то в Австралии, на Новозеландских островах, среди дикарей собираются строить православный монастырь, где-то в Индии, среди язычников работает православный священник… Выброшенные из чудных храмов на родине, святые иконы здесь, на чужбине, не только сохраняются, они творятся, умножаются, они сияют в многочисленных храмах, выстроенных на лепты русских изгнанников, они начинают сиять даже в иноверческих храмах»[42].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Григориевич Б.* Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996. С. 111–113.

[2] *Евлогий,* митрополит. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 574.

[3] Цит. по: Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999. С. 691.

[4] Там же. С. 692.

[5] См.: Русская православная церковь за границей. 1918–1968 / под ред. гр. А.А. Соллогуб. – Нью-Йорк, 1968. Т. 1. С. 208–255; Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999. С. 698–701; URL: http://forum.pravbrat.ru/index.php?topic=180.0;wap2

[6] http://www.synod.com/synod/documents/polozhenie1936.html

[7] *Замойски Я.Е.* Русская Православная Церковь. 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 58.

[8] *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти. Воспоминания. – М., 1995. С. 210.

[9] См.: *Цыпин В.* История Русской Церкви. – М., 1997. Глава 11.

[10] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 18–19.

[11] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 18.

[12] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 23–23об.

[13] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 36об.

[14] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 14.

[15] АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Д. 29. Л. 17.

[16] *Федюкина Е.В.* К вопросу о судьбах русской эмиграции и православной культуры в Польше // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 304.

[17] *Федюкина Е.В.* К вопросу о судьбах русской эмиграции и православной культуры в Польше // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 302–303.

[18] *Шкаровский М.В.* История русской церковной эмиграции. – СПб., 2009. С. 25.

[19] *Федюкина Е.В.* К вопросу о судьбах русской эмиграции и православной культуры в Польше // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 302.

[20] 29 августа 1934 г. архиепископ Харбинский Мелетий (Заборовский) получил от властей Маньчжоу-Ди-Го разрешение на открытие высшего учебного заведения в составе трех факультетов: богословского, восточно-экономического и политехнического. Предполагалось, что он объединит все имевшиеся к тому времени в Харбине русские учебные заведения и станет центром объединения научных сил, ведущим духовно-культурным ядром эмиграции.

[21] Подробнее см.: *Евлогий*, митрополит. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 409–415 и др.

[22] Из-за финансовых трудностей плата преподавателям Института Св. Владимира за чтение лекций была установлена в размере всего 0,5 гоби за час. С 1942 г. в связи с назначением Институту субсидии по завещанию В.Н. Семенова (2 тыс. гоби в год) повысили плату до 3 гоби в час.

[23] Создание Института святого Владимира, торжественное открытие которого состоялось 23 сентября 1934 г., берет начало с существовавших с 1927 г. в Харбине пастырско-богословских курсов, которые были преобразованы в богословский факультет вновь образованного Института. 14 сентября 1934 г. в состав Института вошел восточно-экономический ф-т частного Института ориентально-коммерческих наук (ИОКН), затем создан политехнический ф-т. С 1 октября 1934 г. началось регулярное чтение лекций. В январе 1938 г. по распоряжению властей Маньчжоу-Ди-Го был закрыт политехнический ф-т, в 1940 – восточно-экономический. Политехнический, объединившийся с Северо-Маньчжурским коммерческим институтом Христианского союза молодых людей (ХСМЛ) и 1-й курс восточно-экономического факультета вошли в состав Северо-Маньчжурского университета. Богословский факультет преобразовали в начале 1938 г. в Свято-Владимирский Богословский институт. С приходом в Харбин советских войск в 1947 г. институт был закрыт.

[24] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 53.

[25] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 7. Л. 56–56 об.

[26] *Федюкина Е.В.* К вопросу о судьбах русской эмиграции и православной культуры в Польше // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 301. См. подробнее: *Щавинская Л.Л.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши – Варшавской Синодальной Типографии // Славяноведение. 1998. № 1. С. 77–88.

[27] *Кочубей О.И., Печерица В.Ф.* Из истории русской церковной эмиграции в Китае // Дальний Восток и вопросы истории, культуры и экономики. Вып. 2. – Владивосток, 1997. С. 30. URL: http://rovs-nz.livejournal.com/45645.html

[28] П.Е. Ковалевский указывает год образования «Иконы» – 1925 // *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная. деятельность русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 211.

[29] *Евлогий,* митрополит. Путь моей жизни. – М., 1994. С. 458.

[30] Русская мысль. 30 октября – 5 ноября 1997.

[31] *Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже. В 2-х т. – М.; Париж, 2002. См. также: *Макаренкова Е.М.* Общество «Икона» в Париже как парадигма культурной адаптации в русском зарубежье // Проблемы истории Русского зарубежья. – М., 2008. Вып. 2. С. 235–253; *Николаева А.* Общество «Икона» в Париже // URL: http://www.pravoslavie.ru/jurnal/155.htm; *Волкова Н.* Открытие красоты // URL: http://www.eparhia-saratov.ru/pages/4189_otkritie_krasoti (09.09.2012) и др.

[32] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная. деятельность русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 212.

[33] *Исцеленнов Н.И.* Общество «Икона» в Париже // *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. Доп. выпуск. – Париж, 1973. С. 82–85. URL: http://lib.rin.ru/doc/i/73110p1.html

[34] *Шкаровский М.В.* История русской церковной эмиграции. – СПб., 2009. С. 26.

[35] См.: *Шкаровский М.В.* Взаимодействие чешских и русских православных общин в Чехословакии в 1918–1945 гг. // Нансеновские чтения 2007. – СПб., 2008. С. 176.

[36] *Каневская Г.И.* История русской иммиграции в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в.). Автореф. дисс. … д.и.н. – СПб., 2008. С. 24. URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-istoriya/a488.php

[37] *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты». С. 135–136.

[38] Там же. С. 136.

[39] Там же.

[40] Русская Православная Церковь Заграницей. Т. 2. – Нью-Йорк, 1968. С. 1218.

[41] *Васса (Ларина),* инокиня. «Русскость» Русской Зарубежной Церкви в период 1920–1945 гг. в аспекте церковной икономии // Ежегодная богословская конференция ПСТБИ: Материалы 2004 г. – М., 2004. С. 311–323.

[42] *Вздорнов Г.И., Залесская З.Е., Лелекова О.В.* Общество «Икона» в Париже. С. 546.

4

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.

С унификацией политической жизни в СССР и вытеснением всех партий, кроме правящей, их руководящие центры перемещались за границу. К 1930-м гг. эмигрантские группировки более или менее определили свое место в общественной жизни русского мира, сделав попытки найти союзников, объединиться и выработать тактические и стратегические программы. Но разброс во взглядах и мировоззрении оставался настолько широким, что Зарубежная Россия продолжала представлять поразительную по своей широте и контрастности политическую мозаику. По мнению П.Н. Милюкова, к 1927 г. в эмиграции определилось 16 самостоятельных направлений политической мысли (от крайне левых социалистов-интернационалистов до правых монархистов-легитимистов)[1], сторонники которых соперничали в борьбе за влияние на эмигрантские массы. Раскол, идейная сегментация коснулись всего географического пространства русского мира. Н.С. Полушкин из Нью-Йорка писал, что «между русскими безостановочная грызня, ссоры», и добавлял: «…верх неучтивости мы проявляем везде и всюду, чего стоит один церковный вопрос, – сплошной позор (в Америке), о политике уж не стоит говорить», «на наше русское будущее смотрю пессимистически»[2].

Вместе с тем приходилось считаться со стабилизацией положения СССР на мировой арене и укреплением советской власти. Социально-экономические преобразования и политическая жизнь на родине породили очередную волну раздоров в эмигрантской среде. Возвращение в Россию полагалось уже на иных основах, чем в 1920-е гг.

Активизм как средство борьбы с большевиками в значительной степени был нейтрализован, использовавшие его эмигрантские группировки подчас находились под контролем советских спецслужб. Генерал П.Н. Врангель, возглавлявший Русский общевоинский союз[3], до конца дней стоял на антикоммунистических позициях. Его приказ № 1 от 1\14 января 1928 г. (Брюссель), подписанный за несколько месяцев до смерти, звучал как завещание: «Ушел еще год. Десятый год русского лихолетия. Россию заменила Триэсерия. Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия.

Час падения Советской власти недалек. Наши силы понадобятся Родине. И тем ценнее будут они, чем сплоченнее сохранится наша спайка, чем крепче останется дух.

Не обольщаясь призрачными возможностями, но, не смущаясь горькими испытаниями, помня, что побеждает лишь тот, кто умеет хотеть, дерзать и терпеть, будем выполнять свой долг»[4].

Попытка «выполнить долг» и даже более того – объединить «мировые усилия в одно целое»[5] для борьбы с большевиками была предпринята Лигой Обера[6], составной частью которой в 1927 г. стала Русская секция. Международное антикоммунистическое соглашение по борьбе с III Интернационалом (Entente Internationale Anticommuniste, EIA), больше известное как Международная Лига борьбы с III Интернационалом или Лига Обера, в международном масштабе развернуло борьбу с коммунистической опасностью. В 17 странах, где проживали русские эмигранты, были назначены представители Русской секции Лиги Обера[7]. По признанию Ю.И. Лодыженского, члены организации не смешивали «коммунизм и русскость», а, наоборот, рассматривали русский народ в качестве «первой жертвы большевизма» и поэтому видели в нем своего потенциального союзника и верили «в его освобождение от коммунистического безбожного ига и его духовное возрождение»[8]. Лига Обера и РОВС в своей деятельности поддерживали друг друга.

После смерти П.Н. Врангеля Русский отдел международного Объединения по борьбе с III Интернационалом распространил

листовку в честь его памяти (Брюссель) следующего содержания: «Смерть отца, стражника, начальника и главнокомандующего Русской Армии тяжким эхом отозвалась в душе всего русского народа и особенно его горячо любившей Армии.

К сожалению, далеко не все могли присутствовать на этом последнем душу раздирающем смотре своих верных соратников, долгой вереницей дефилировавших перед гробом покойного вождя и сопровождавших его остатки к месту вечного упокоения.

Учитывая фактическую невозможность и <…> горячее желание всего русского народа, если не присутствовать, то <…> пережить эту беспредельно грустную картину, – союзу удалось заснять на кинематографическую ленту этот последний путь своего горячо любимого и незабвенного вождя»[9]. В заключение Общество предлагало «всем организациям, союзам и частным лицам в местах рассеяния русской эмиграции продемонстрировать у себя этот последний исторический документ его жизни, деятельности и похорон»[10].

Хотя и РОВС, и Русская секция Лиги Обера декларировали непредрешенческие позиции, их монархическая ориентация была очевидна.

Монархизму по-прежнему принадлежал значительный сектор в идейной жизни Зарубежья, который, по словам Д.П. Святополк-Мирского, нелегко было вырвать «из тайников народной психики»[11]. В эмиграции продолжали ходить слухи о «чудесном спасении» кого-либо из бесспорных наследников престола и грядущей в связи с этим консолидации монархического движения. К концу 1920-х гг. своего апогея достиг миф о Лже-Анастасии.

Но разногласия в монархической среде не утихали. Раскол на «кирилловцев» и «николаевцев», казалось, должен потерять остроту в силу естественных причин. Действительно, авторитет Кирилла Владимировича, стал укрепляться после смерти вдовствующей императрицы Марии Федоровны и П.Н. Врангеля в 1928 г. и в. кн. Николая Николаевича 5 января 1929 г. Но поскольку притязаниям в. кн. Кирилла Владимировича на российский престол уже никто не мог противостоять, его имя получало все большую популярность. Так, сторонник в. кн. Николая Николаевича Н.Е. Марков стал оказывать поддержку в. кн. Кириллу Владимировичу и вынужден был покинуть

Великий князь Кирилл Владимирович

Высший монархический совет. Это произошло в 1931 г. на монархическом съезде в Париже, где он председательствовал. Тогда разгорелся конфликт вокруг вопроса о престолонаследии, что привело к расколу Высшего монархического совета. Противостояние большинства делегатов вынудило Н.Е. Маркова покинуть съезд и выйти из числа членов ВМС. Законность претензий в. кн. Кирилла Владимировича на царскую власть была признана также главой Зарубежной церкви митрополитом Антонием.

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. Н.Е. Марков участвовал в работе Русской монархической партии, Комитета призыва к объединению вокруг главы Императорского дома (кирилловцы), Союза «За Веру, Царя и Отечество», общества «Российское Согласие», Российского Имперского союза. Однако его не миновала участь многих монархистов: уже после Зарубежного съезда (1926 г.) правый фланг эмиграции раскололся настолько, что часть его приняла в свои программы «левые» элементы (младороссы, национал-максималисты), а часть увлеклась фашизмом, антисемитизмом, что, по словам А.Ф. Керенского, стало модной этикеткой для искателей русского престола. В 1934 г. Н.Е. Маркова привлек в качестве эксперта защиты для участия в Бернском процессе, организованном рядом еврейских организаций с целью доказать подложность «Протоколов сионских мудрецов», У. Флейшгауэр, знакомый по первым годам эмиграции. Еще в 1919 г. последний основал «Мировую службу» – своего рода «антисемитский интернационал», «международный орган изучения еврейского вопроса», включавший исследовательский центр и издательство «Бодунг». В 1935 г. по приглашению У. Флейшгауэра Н.Е. Марков поступил на работу в русскую секцию «Всемирной службы» и переселился в Эрфурт. С 1936 г. редактировал русские выпуски издававшегося раз в 2 недели на шести (впоследствии – на 11-ти) языках бюллетеня «Мировая служба. Международная корреспонденция по просвещению в еврейском вопросе» («Welt-Dienst. Internationale Korrespondenz zur Aufklärung über die Judenfrage»). В Эрфурте Н.Е. Марков окончательно отстранился от внутриэмигрантской политической борьбы, хотя время от времени продолжал выступать с докладами и лекциями, публиковать статьи в эмигрантской прессе[12].

Идейный сектор эмигрантского монархизма оставался многовекторным, обновлялся вместе с переоценкой жизни в Советской России. Наряду с приверженностью династии Романовых, некоторые группы монархистов считали ошибкой идти к русскому народу под старым девизом православия и самодержавия, идеал российской государственности видели в «русском просвещенном монархизме», соединенном с гражданской свободой всего населения и даже планировали предоставить территориальную автономию одним регионам России или включить в состав государства на федеративных началах – другие. Верхом модернизации можно считать идею о сохранении большинства колхозов с перспективой их трансформации в один из видов производственных кооперативов, и установку на аграрную реформу, цель которой – превращение России в «великую сельскохозяйственную кооперацию»[13].

С уходом из жизни в. кн. Кирилла Владимировича в октябре 1938 г. канула в Лету значительная часть внутримонархических склок. Заявление Членов Российского Императорского Дома гласило: «Мы, Члены Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, собравшись после кончины Главы нашего Дома, Великого Князя КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА, считаем нашим священным долгом торжественно заявить, что права каждого из Членов Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, точно определены Основными Государственными Законами Российской Империи и Учреждением об Императорской Фамилии и всем нам хорошо известны, соблюдать их мы свято все обязаны особой присягой, почему вопрос о порядке наследия престола никогда не возбуждал в нашей среде ни малейших сомнений, а тем более разногласий. Всякое же уклонение от указанного в законе порядка, мы отвергаем, как посягательство на незыблемость наших законов и семейные установления.

В силу указанных выше законов, мы признаем, что наследие Престола принадлежит по праву, в порядке первородства, сперва старшему из Членов Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, Великому Князю ВЛАДИМИРУ КИРИЛЛОВИЧУ, преемственно ныне воспринявшего, после кончины Своего Отца, 29 сентября (12 октября) 1938 года в глубоком сознании лежащего на Нем священного долга, по дошедшему до него

Великий князь Владимир Кириллович с женой и дочерью

Пригласительный билет Г.А. Афросимова на торжественный прием в честь в. кн. Владимира Кирилловича

RÉCEPTION DU 18 DÉCEMBRE

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ПРІЕМЪ
ВЪ ЧЕСТЬ
Его Императорскаго Высочества
Великаго Князя
ВЛАДИМІРА КИРИЛЛОВИЧА
18-го Декабря 1938 года въ 3 часа дня
въ залахъ
HOTEL DE LA ROCHEFOUCAULD D'ESTISSAC
28-bis, rue Saint-Dominique — PARIS (7e)

Афросимову Георгію Александрову
Союз Русских Дворян

№ 554 Безъ права передачи

наследственно Верховному праву Главы Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, все права и обязанности, принадлежащие Ему в силу Основных Государственных Законов Российской Империи и Учреждения об ИМПЕРАТОРСКОЙ Фамилии.

Далее, в порядке престолонаследия, Члены ИМПЕРАТОРСКОГО Дома идут по следующему старшинству, по праву первородства: Великий Князь БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ, Великий Князь АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ, Великий Князь ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ, Великий Князь ВСЕВОЛОД ИОАННОВИЧ, Князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ, Князь ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ, Князь РОМАН ПЕТРОВИЧ, Князь АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Князь ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ, Князь НИКИТА АЛЕКСАНДРОВИЧ, Князь ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Князь РОСТИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ, Князь ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ.

11/ 24 Октября 1938 г.

Борис

Всеволод

Андрей

Дмитрий

Гавриил

(Подписи Великого Князя БОРИСА ВЛАДИМИРОВИЧА, Великого Князя АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА, Великого Князя ДМИТРИЯ ПАВЛОВИЧА, Князя ГАВРИИЛА КОНСТАНТИНОВИЧА, Великого Князя ВСЕВОЛОДА ИОАННОВИЧА – Членов Российского ИМПЕРАТОРСКОГО Дома, присутствовавших на собрании.)».

Императорского титула своего отца в. кн. Кирилл Владимирович не перенял.

Позиция в. кн. Владимира Кирилловича четко прозвучала в самом начале Второй мировой войны. Глава Российского императорского Дома 3 ноября 1939 г. обратился с призывом к русским людям способствовать свержению большевистской власти и освобождению отечества от ига коммунизма. Великий князь предостерегал «против опасного соблазна мнимыми великодержавными успехами советской власти, ибо они влекут за собой не возвеличение и освобождение России, а укрепление в ней власти богоборческого Интернационала». Он отмечал также, что советская власть не имеет ничего общего с русским народом, «ее ненавидящим», что «между современной

советской и подлинной Россией существует столь же глубокое различие, как между тьмой и светом, между палачом и его жертвой»[14].

Лозунг «С кем угодно, только против большевиков» дал основание меньшевистскому журналу «Социалистический вестник» писать о том, что «все монархическое подполье тесными нитями связано с иностранными разведками, причем этим патентованным патриотам безразлично, кому продавать военные тайны России, – только бы хорошо платили полноценной валютой»[15].

Если монархические группы с российской политической арены были вытеснены за пределы страны еще во время революций, то центр социалистической мысли переместился за границу к концу 1920-х гг., а значение эмигрантских социал-демократических групп возросло. Хотя отдельные подпольные группы в России еще какое-то время функционировали, Заграничная делегация РСДРП (ЗД) рассматривала насущные программные вопросы без представителей партийных организаций на родине. В СССР борьба с меньшевизмом в 1930-е гг. приняла жесткие формы. Инсценировка суда над четырнадцатью меньшевиками в Колонном зале Дома Союзов в Москве в марте 1931 г. стала «судилищем над несуществующей партией»[16]. Через 4 года большевистские лидеры решили провести еще один судебный процесс над меньшевиками.

В начале 1933 г. Заграничная делегация перебралась из Берлина, где пришел к власти Гитлер, в Париж, с 1940 г. – в Нью-Йорк.

Замкнутость вела к внутрипартийным разногласиям. Ф.И. Дан пытался бороться против «эмигрантского вырождения, жертвой которого пало уже столько партий, оторванных от родной почвы»[17]. Внепартийные контакты осуждались дановским большинством ЗД. Ф.И. Дан и его сподвижники пытались сохранить видимость самодостаточности партийного организма, выступали против объединенной социалистической партии, хотя социал-демократы за рубежом лишились представительства на родине, были разобщены на партийные клубы и группы сочувствующих[18]. Меньшевики-эмигранты не были едины и в своих воззрениях. Перемены в СССР требовали пересмотра платформы 1924 г. В бесконечных обсуждениях уточнялись ее отдельные положения. В начале октября 1933 г. на расши-

ренном заседании ЗД приняла компромиссный итоговый документ, который учитывал перемены в хозяйственной жизни СССР.

Обновленная платформа меньшевиков наряду с сохранением «преобладающей части промышленности в руках государства», предусматривала применение внутренних частных капиталов и иностранного капитала. Гарантией от эксплуатации государством рабочего класса должны были стать независимые профессиональные, политические и другие организации рабочего класса. По отношению к деревне предусматривалась полная свобода индивидуального крестьянского хозяйства, возможность выхода из колхозов с возмещением внесенного земельного пая, возвращение всех высланных и сосланных. Было исключено положение о необходимости замены капиталистического строя социалистическим[19].

В 1934 г. ЗД рассмотрела вопросы о единстве действий социалистических и коммунистических партий в борьбе с фашизмом и в связи с русской проблемой. В 1935 г. состоялась еще одна попытка пересмотра платформы. Обсуждение экономических, политических и социальных проблем выявило противоположные подходы и оценки.

Ф.И. Дан заявлял, что большевики, строящие социализм, имеют право на свой, пусть тоталитарный и жесткий путь. Не случайно в 1940 г. основанный им журнал назывался «Новый путь». Безоговорочная поддержка сталинской внутренней линии и внешней политики отдалила Дана от части меньшевиков. 18 марта 1942 г. он был смещен с должности председателя ЗД и в знак протеста вместе со своими соратниками порвал с Заграничной делегацией.

Контакты меньшевиков с родиной прекратились. Когда в 1923 г. умер Ю.О. Мартов, Политбюро РКП(б) постановило признать желательным издать книги о нем с его статьями[20]. Кончина П.Б. Аксельрода (1928 г.) и А.Н. Потресова (1934 г.) не нашла отклика в советской прессе. Е.Д. Кускова получив известие о тяжелой болезни последнего, обратилась с призывом о помощи в разные инстанции, к разным людям, в том числе к С.П. Постникову в Прагу. «Получила несколько писем о тяжкой болезни Ал[ександра] Ник[олаевича] Потресова, – писала она. – В том числе от жены. Его положили в госпиталь известного диагноста, prof Tremonll'я. А сегодня я получила

еще два письма – от Валентинова (Юрьевского) и от Португейса. Диагноз поставлен. Он скоро умрет и в страшных мучениях. Но им надо помочь: нищета у них полная… “Записки социал[-демократа]”[21] – не заработок. Жили лишь массажем Ек[атерины] Ник[олаевны] А теперь она парализована. Валентинов пишет, что она шатается, до того истощена.

Я пыталась достать деньги у частного лица, – у инженера, хорошо знавшего Ал[ександра] Ник[олаевича] по Петербургу. Но он как раз сейчас потерял работу (к тому же живет в Берлине…) и сделать ничего не может. Нельзя ли обратиться Вам и Вашим друзьям к здешним социал-демократам? Ведь он всю жизнь служил социал-демократии и служил в благородной не демагогической форме. В Париже социал[истические] партии расщеплены, ругаются и – как пишет Валент[инов] – к ним обращаться тяжело. Америка, куда написал Иванович, – вряд ли откликнется. Нельзя ли тут? Ведь это последняя помощь, – это скоро кончится…»[22].

Работа Заграничной делегации практически завершилась в 1951 г. С уходом лидеров меньшевизм как политическое движение перестал существовать, хотя дискуссии, публикации, выступления меньшевиков продолжались, а «Социалистический вестник» выходил до 1962 г. Некоторые представители РСДРП на рубеже 1930–1940-х гг. сблизились с ПСР.

Прилива молодых сил в когорту социалистов фактически не было. Ни социал-демократы, ни эсеры не смогли увлечь своими идеями тех, чье становление шло вне родины. На Втором заграничном съезде эсеров (29 апреля – 6 мая 1928 г.) 22 делегата представляли 119 членов местных групп. Итоги работы Второго съезда ПСР продемонстрировали фактическое отсутствие за границей единой партийной организации и свидетельствовали об исчезновении эсеровской эмиграции как организованной политической силы.

Так, один из «зубров», вольросовец О.С. Минор (1861–1932) в последние годы жизни остро переживал свою изоляцию. Осознавая, что партия рассыпается, 4 июня 1928 г. писал С.П. Постникову: «Все у нас как-то пошло вразброд: никто ничего не знает, никто не интересуется ничем, кроме своего кутка, своего угла, своих забывают, что мы теперь похожи, мы находимся в состоянии упавшей с высоты капли ртути… Капля разбилась на маленькие шарики, двигающиеся независимо

свободно и капли эти, чтоб слиться в кучку, на что–нибудь годное, должны кем-то быть согнаны к одному пункту. Я – оптимист, думаю, что вот именно О[бластной] К[омитет] должен взяться за эту работу, чтоб всех членов партии заставить слиться ДЛЯ РАБОТЫ»[23]. Однако в ноябре того же года О.С. Минор снова досадовал, что партийная жизнь замерла, «и трудно думать, чтоб скоро произошло оживление коллективное»: «Каждый больше надеется только на свою “могучую” силу, а в итоге – нет ничего». Встречи с «Волеросцами» происходили от случая к случаю. «…а наших “правых” и вовсе не вижу: живу как в монастыре. На старости лет это скучновато»[24], – признавался он.

Чтобы почувствовать себя причастным к общему делу, О.С. Минор поддержал идею В.В. Сухомлина о подготовке истории ПСР, пока не «восхотели и другие эсеры». Эта работа была важна и с точки зрения написания объективной истории партии. О.С. Минор вошел в редакционную тройку вместе с В.В. Сухомлиным и С.П. Постниковым. Необходимость такого труда, обусловлена, по его мнению, как тем, что роль партии извращается историками, непосредственными участниками революции, «которые всякий на свой салтык ее излагает, глядя на события только из своего угла, как это сделал Милюков, Мартов в своей истории Общественных движений, и даже Керенский, не говоря уже о Суханове, Теодоровиче и других», так и тем, что, будучи изложена партийными людьми, позволит наметить ближайшие планы партии, если жизнь вновь вытолкнет ее на арену истории. Вот это последнее соображение делало О.С. Минора энтузиастом написания истории ПСР. Сохранялась также надежда на объединение усилий всех эсеров для «мирной и толковой» жизни и работы[25]. О.С. Минор переживал, что состояние его здоровья не позволяет поехать в Прагу для изучения архива партии, «без чего добросовестная работа невозможна»[26]. «…мое *здоровье* совсем плохо, – писал он С.П. Постникову 7 апреля 1931 г., – дважды за последние месяцы чуть не подох, и строго обозначить, как Вы хотите срок, когда я смогу сдать мою работу – не могу. Но начну я работу немедленно»[27].

Очередную, но неудачную, попытку достичь согласия в эсеровской среде предприняли представители группы «Воля России» в январе – апреле 1931 г. В Праге прошла объедини-

тельная конференция. О.С. Минор признавался, что «вся работа по съезду, напр[имер], не вызывает ни в ком из членов партии, не только энтузиазма, в даже простого добросовестного отношения к делу». Искал причины этого явления. И находил, объясняя равнодушие к партийному делу отсутствием самоотверженности и сменой приоритетов, отличных от идей эсеров «первого призыва». Осип Соломонович жаловался С.П. Постникову на изоляцию и отсутствие поддержки: «Беда моя в том, что нервы истаскались благодаря удивительному хамству моих товарищей и справа и слева: у них полное единодушие в отношении меня. “Единый фронт” сооружен против человека, который ничего дурного не сделал ни тем, ни другим… но я смирён… Наверно, причина во мне, а не в тех других товарищах… Для меня это не весьма утешительно, когда в оценке меня сошлись Сталинский, Слоним, Чернов, Сухомлин, Керенский, Авксентьев, Зензинов и иже с ними… Что делать, таково почти всегда положение стариков: друг другу старики противны, а молодым они не нужны. Пора выходить в тираж. Но и говорить об этом не охота: могут подумать, что доброго, что я впал в манию преследования или самоунижения. Уверяю Вас, что нет ни того, ни другого. Но мне противно вырождение партийного интереса: все только думают – о власти, о славе, о почестях и т. д., но не о судьбе партии. “Партия С.Р.” – осталась лишь пока удобной вывеской и для Чернова, и для Керенского, и для Авксентьева, Сухомлина и иже с ними, и т. д. Но любви, преданности, жертвенности я не вижу…»[28].

Чтобы не быть голословным, О.С. Минор приводил скорбные примеры: «17 марта [1931 г.] мною был созван Об[ластной] К[омитет], после многих попыток… и, по моему предложению, решили… приступить к выработке программы съезда 23 марта. Я разослал повестки… Пришел один Роговский… поговорили, решили созвать вновь на 31 марта… И опять никто не пришел. И только Роговский по телефону справлялся, есть ли кто?.. Но никого не было… А я ждал… и все это несмотря на то, что я в повестке просил уведомить меня, если этот день неудобен и тогда можно будет назначить другой день… Но никто ни слова не написал… Что же это? Хамство? Или нет? Я запросил все группы о планах и желаниях по поводу съезда. От всех я получил, кроме … пражской, парижской, несмотря на многократные просьбы… Но тогда к чему

Об[ластной] К[омитет]? Надо его распустить? Все это меня окончательно доканывает… Наша "молодежь" ("полковничьего" возраста) как-то усвоила большевистскую жесткость, советское хамство… Чл[ены] Об[ластного] К[омитета], например, В.И. Лебедев просто уехал по братушкинским делам и не счел нужным даже уведомить Об[ластной] К[омитет], что он уезжает… А я ему шлю повестки… А это – не хамство?»[29]. Свое длинное письмо О.С. Минор закончил словами: «Ради бога, дорогой Сергей Порфирьевич, простите мою откровенность, но я устал молчать и терпеть грубость, терпеть по неизвестным мне причинам какую-то злобу… Прорвало меня! Не утерпел и пишу Вам, как старому товарищу, и только для Вас»[30].

Группа «Революционной России» В.М. Чернова вышла из Областного комитета заграничной организации (март 1928 г.) еще накануне Второго съезда и основала «Заграничный союз партии социалистов-революционеров»[31]. Но Союз не получил поддержки эсеровской эмиграции в целом (группа насчитывала не более 13 человек), и его влияние было невелико. В руках этой организации оставался журнал «Революционная Россия», и она претендовала на роль единственного представителя партии эсеров за границей. Однако эти претензии не признавались большинством, группировавшимся вокруг журнала «Современные записки» (Н.Д. Авксентьев, В.В. Руднев, И.И. Фондаминский и др.), газеты «Дни» (А.Ф. Керенский, В.М. Зензинов и др.), журналов «Воля России» и «Социалист-революционер» (В.В. Сухомлин, В.И. Лебедев и др.).

Хотя в конце 1920-х – начале 1930-х гг. политическая деятельность эсеровской эмиграции почти полностью замерла, активной оставалась практическая помощь эмигрантам в адаптации, сохранялся интерес к событиям, происходившим на родине и на международной арене. «Воля России» обвиняла «осколки бывших либеральных и правых партий, рассматривавших эмиграцию исключительно как оружие борьбы с советской властью», в том, что они не занимались вопросами защиты русского труда за границей. «Они упрямо не хотят видеть, – писал В. Лебедев, – что жизнь уносит основную массу эмиграции – "их массу" – все дальше и дальше в бурное трудовое миграционное море. Значительная часть интеллигенции и офицерства превращаются условиями эмигрантского и беженского существования в трудовую массу». Поэтому эсеры

считали необходимым установить связи с профессиональными организациями трудящихся всего мира[32] и сделать акцент на гуманитарной деятельности.

Некоторые представители ПСР на рубеже 1930–1940-х гг. сблизились с РСДРП, а после Второй мировой войны этот союз приобрел конкретные очертания. Остатки эсеровских деятелей сосредоточились в США. Смены поколений не произошло. 18 марта 1952 г. четырнадцать российских социалистов (эсеров, меньшевиков и др.) подписали обращение «На пути к единой социалистической партии»[33]. Однако развития оно не получило, если не считать, что В.М. Чернов, В.М. Зензинов, М.В. Вишняк стали завсегдатаями меньшевистского клуба в Нью-Йорке. 15 апреля 1952 г. умер В.М. Чернов, 20 октября 1953 г. – В.М. Зензинов. В 1976 г. умерли М.Л. Слоним, М.В. Вишняк, сотрудничавший с «Социалистическим вестником». Последняя эсеровская эмигрантская группа в Нью-Йорке прекратила свое существование в середине 1960-х гг.

Попытки кадетов оживить деятельность партии, «обновить и переосмыслить» партийную платформу, привлечь стоящих вне партии «разумных людей» окончились ничем. Как отметили публикаторы «Протоколов Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии», эти документы «свидетельствуют о неумолимости законов изгнанничества, обрекавших на умирание оказавшиеся вне родной среды политические партии»[34].

«Классические», или сложившиеся до революции, политические течения не выдержали испытание эмиграцией. Но их идейная эволюция дала почву для развития новых общественно-политических движений.

Зародившееся на заре эмиграции евразийство с конца 1920-х гг. переживало новый период, знаменовавший завершение идейной эволюции учения, для которого характерен синтез различных отраслей знаний и идейное богатство, далеко превосходившее многие другие идейно-политические направления.

Но его не миновала участь многих эмигрантских течений. В 1932–1939 гг. идет угасание движения. Прекращается выпуск евразийских сборников, выходят только два выпуска Хроник, с 1934 по 1938 гг. – шесть выпусков «Евразийских тетрадей», газета «Евразия» (1928–1929, всего 35 номеров).

В.М. Чернов

В этот период сколько-нибудь значительно доктрина евразийства не развивается. Разрабатываются только вопросы идеократии, геополитический и этнический аспекты.

Амбивалентность в развитии евразийства Н.С. Трубецкой выразил в письме к П.П. Сувчинскому от 10 марта 1928 г.: «Мое призвание – наука. Но к публицистике и философствованию у меня никакого призвания нет… Занимаясь писанием всего этого евразийского кошмара, я чувствую, что мог бы все это время и труд с гораздо большей пользой (и для себя, и для других) потратить на науку, что отнимаю время от науки и вместе с тем, что время уходит, что его, может быть, осталось уже не так много… Евразийство для меня тяжелый крест, и притом совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу и не могу не ненавидеть. Оно меня сломило, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него – было бы для меня высшим счастьем…»[35].

Евразийству был присущ, по словам Н.А. Бердяева, «утопический этатизм». Не случайно с конца 1920-х гг. новый импульс получила теория идеократического государства.

Теоретические воззрения на государство, эволюцию политического строя в новых условиях всесторонне разработаны филологом, культурологом Н.С. Трубецким и правоведом Н.Н. Алексеевым[36]. В основу деления политических систем евразийцы положили не форму правления (республика, монархия), а тип отбора правящего слоя. Под правящим слоем имелась в виду совокупность людей, фактически определяющих и направляющих политическую, экономическую, социальную и культурную жизнь государства. Признак отбора – генеалогический, имущественный, аристократический, партийный и т. д. – они считали основным для характеристики того или иного государства. Тип отбора, с одной стороны, определял облик (политический, экономический, культурный, социальный) «общественно-государственного целого», с другой, сам соответствовал его политическому, экономическому, культурному, социальному укладу. В связи с этим евразийцы утверждали, что с одним и тем же типом отбора могут сочетаться различные формы правления.

В пределах мира европейской цивилизации евразийцы выделили следующие основные типы отбора: аристократический

(по генеалогическому признаку, по знатности происхождения) и демократический (по признаку отражения общественного мнения, получения общественного доверия), для которых наиболее естественными формами правления стали соответственно монархия и республика. Характерным для аристократического строя являлись хозяйственная автономность, политическое бесправие всех сословий, кроме аристократического. Демократический строй отличали государственный минимализм, наличие целого ряда специфических политических институтов, особый экономический способ хозяйствования.

Евразийцы показали, что эпоха аристократического отбора закончилась, монархия изжила себя, на пространстве европейской цивилизации господствует демократический строй. Правящий слой в демократическом государстве состоит из людей разных партий, отражающих разные точки зрения, стоящих на разных позициях. Такое государство, не имея единой идеологии, «своих собственных убеждений», не может само руководить культурной и хозяйственной жизнью населения, поэтому вмешивается в нее как можно меньше. Поскольку все стороны национального целого связаны друг с другом и взаимно обусловлены, недостаток усилий государства по организации всех сфер жизни в систему должен компенсироваться иными факторами. Так, роль организатора культуры, экономики предоставляется таким «безответственным факторам», как частный капитал, пресса. Независимость и автономность многих сфер жизни в демократическом государстве призрачны, свобода личности – условна, стабильность в таком государстве основывается исключительно на компромиссе, уступках одних политических сил другим.

В идеократическом государстве права функционально связаны с обязанностями, причем, чем больше права, тем тяжелее связанные с ними обязанности. Члены идеократического правящего слоя несут особенно тяжелое бремя обязанностей, они всецело отдают себя в распоряжение государственно-идеологической организации, не имеют права отказаться ни от какого поручения, живут в состоянии постоянной мобилизованности. Кроме того, характернейшим признаком идеократии является максимально рациональное использование всяких «спецов», хотя и не принадлежащих к этой организации[37].

Учение об идеократическом государстве во многом объясняет отношение евразийцев к государственному устройству Советского Союза. Российская и итальянская революции, считали евразийцы, привели к созданию в этих странах идеократического строя, хотя и очень несовершенного. Единственная и единая партия здесь становится государственным учреждением, официально или неофициально введенным в конституцию, и без нее государственный механизм уже не смог бы действовать. Евразийцы подчеркивали соответствие прихода коммунистической партии к власти положению и условиям России-Евразии.

Но в СССР и Италии – лжеидеократии, т. к. фашизм и коммунизм, по утверждению евразийцев, не являются достойными идеями[38]. Подмена национального (этнического) субстрата государственности классовым – бесплодна, более того, приведет к распаду государства, когда социальные противоречия угаснут. Но еще более губительно отсутствие этого единого субстрата государственности. В условиях широкой областной автономии или федерации существование единого многонационального государства немыслимо.

Евразийцы пытались собственными усилиями создать новую идею, которая «должна быть огромной, всесторонней и положительной, в размахе и упоре соравной и превосходящей историческую идею коммунизма»[39]. По мнению евразийцев, носителем новой идеологии может быть только новая партия особого рода, «правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключающая существование других таких же партий».

Сильная власть должна выражать интересы народа, а они не мыслимы вне идеи Бога. Православие считалось единственной действенной силой, преобразующей мир. По мнению евразийцев, оно обладает способностью легко адаптироваться к любой политической форме в силу глубокой веры в возможность и необходимость преображения бытия через его христианизацию. В то же время православие не видит в государстве единственной эмпирически преобразовательной силы. Оно верует в свою собственную силу и поэтому благожелательно относится к любым формам политической жизни.

В статье «Новый “запад”» П.П. Сувчинский противопоставил «русский» принцип несвободного равенства «западному»

принципу свободного равенства, при котором неравенство прикрывается якобы свободой, а свобода погибает в неравенстве. Существование советской власти, писал он, «поставило, как перед Россией, так и перед всем миром, проблему нового типа государства, которое можно было бы назвать в противоположность нейтральной, безответственной государственности западных демократий государством страховым», выражая социально-этическую ее сторону. Поэтому уже не Запад, а Россия становится страной разрешенных проблем. Отсюда вытекал вывод, что для новых европейских поколений Евразия станет новым Западом, где решаются или ставятся на разрешение проблемы новой государственности[40]. В отличие от «сумрачных и надрывных фанатиков русского героического подполья» в Ленине, «в его бодром и энергичном оптимизме, часто, правда, переходящем в вызывающий цинизм, смогли впервые согласоваться две основные силы русской истории: революция и власть»[41].

Евразийцы же «могут пригодиться большевикам как некий передаточный пункт для сношений с заграницей, пункт, менее одиозный для заграницы, чем сами большевики»[42].

Раскол евразийства на правое (Н.Н. Алексеев, П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, К.А. Чхеидзе и др.) и левое «кламарское»[43] крыло (П.П. Сувчинский, С. Эфрон, Л.П. Карсавин, Д.П. Святополк-Мирский, А.С. Лурье и др.) стал предвестником его ухода с политической арены.

Поводом для раскола стала деятельность газеты «Евразия», выходившей на деньги, полученные П.Н. Малевским-Малевичем от богатого англичанина Г.Н. Сполдинга, мецената, увлеченного идеей сближения западной и восточной цивилизаций. Накануне выхода первого номера газеты П.П. Сувчинский писал Н.В. Устрялову: «Газета будет всецело ориентироваться на Россию и будет лишена какого бы то ни было характера “эмигрантщины”. <…> многие факты этого лета позволяют нам все-таки думать, что потребность в евразийстве в настоящее время есть»[44]. Помимо философских и литературоведческих статей здесь публиковались статьи о ленинизме, социальной природе советской власти, о том, до чего «жива» литература советская и «мертва» эмигрантская и сколь благоприятны политические условия в СССР для развития и процветания талантов. Белградская и пражская группы рекомендовали ред-

коллегии еженедельника «Евразия» более критически относиться к официозной советской информации по всем отраслям «строительства» СССР, чтобы издание «не производило бы впечатления казенного советского органа»[45]. Оппоненты критиковали П.П. Сувчинского за отход от евразийской идеи, апологию советского строя, за уклон к «всеединству» Н.Ф. Федорова[46].

П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой констатировали у П.П. Сувчинского уклон в марксизм. Первый прекратил участие в редактировании газеты «Евразия» уже к моменту выхода ее первого номера, т. е. с 24 октября 1928 г. В январе 1929 г. было принято евразийцами решение публично объявить, что газета «Евразия» не есть евразийский орган. Парижская группа дистанцировалась от этой газеты. Ее поддержали евразийцы Варшавы, Берлина, Балкан, Англии. П.Н. Савицкий назвал сторонников газеты комуноидами, а газету – официозом не евразийцев, но комуноидов, идейный поворот кламарцев – прямой изменой принципам евразийства. В № 7 «Евразии» от 5 января 1929 г. было помещено письмо Н.С. Трубецкого в редакцию газеты, констатировавшее раскол движения, и заявлявшее о выходе автора из газеты и евразийской организации. В Париже П.Н. Савицкий, Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин опубликовали брошюру «О газете “Евразия” (Газета «Евразия» не есть евразийский орган)». К ним присоединился Н.С. Трубецкой.

Кламарцы же ответили в «Евразии» опровержением существования каких-либо других евразийцев, кроме них самих, заявив о себе как о главной парижской группе.

«Правые» евразийцы выпустили сборник «Тридцатые годы», шесть номеров журнала «Евразийские тетради». В 1931 г. в Таллинне выходила ежемесячная евразийская газета «Свой путь». Но былой популярностью евразийство уже не пользовалось.

П.П. Сувчинский в письме от 11 февраля 1930 г. М. Горькому из Парижа сообщал, что эмигрантские деятели, группировавшиеся вокруг газеты «Евразия» (десять человек), окончательно разочаровавшись в евразийском движении, хотели бы служить СССР; эти люди «являются вполне сознательными… идеологами советского дела». В связи с тем, что газета «Евразия» прекратила существование из-за отсутствия средств, он

выразил желание «издавать хотя бы ежемесячный журнал» и советовался с писателем, где найти материальную поддержку для этого издания.

М. Горький немедленно запросил П.П. Сувчинского, «какие – в цифрах – средства необходимы на организацию еженедельника, на издание его в течение года», а машинописную копию письма П.П. Сувчинского от 11 февраля 1930 г. со своей правкой, не дожидаясь ответа последнего, отправил И.В. Сталину. П.П. Сувчинский ответил только 27 февраля: отказавшись из-за «политического положения во Франции» от организации журнала или газеты, он предложил выпускать четыре сборника в год, считая, что каждый из них обойдется в 130 английских фунтов в месяц.

К письму от 7 марта 1930 г. своему секретарю П.П. Крючкову М. Горький приложил написанную им «записку о “евразийцах”» с предложениями П.П. Сувчинского и просил сообщить ее Иосифу Виссарионовичу и Г.Г. (Г.Г. Ягоде, зам. председателя ОГПУ), заключив: «Мое мнение: сборники – оружие недостаточно активно-боевое и поэтому не нужны. “Евразийцев” хорошо бы использовать для журнала “За рубежом”. Хорошо зная быт интеллигенции и мелкой буржуазии, они могут быть полезными осведомителями»[47].

Замысел издания журнала или сборников не был осуществлен. В 1938 г. прекращается издание сборников и умирает один из вождей евразийства Н.С. Трубецкой, а уже в 1939 г. в связи с началом войны евразийство окончательно прекращает свое существование.

1930-е гг. стали периодом расцвета Союза младороссов, появившегося на политической арене еще в 1923 г. Десять лет спустя в сентябре 1934 г. Союз объявил себя «второй советской партией», стоявшей в оппозиции к коммунистической партии в СССР. Лидер младороссов А.Л. Казем-Бек[48] считал, что его организация началась с первых издательских усилий с публикации программного сборника «К Молодой России» (Париж, 1928. – 159 с.)[49]. Собрания младороссов вызывали интерес «всех политических течений эмиграции, всех ее возрастов, всех классов»[50]. В. Варшавский отмечал, что «Казем-Бек умел своими речами вызывать у слушателей то состояние как бы мистического возбуждения и подъема, которое так характерно для культа “вождизма”, и в том, как выстроенные шпалерами

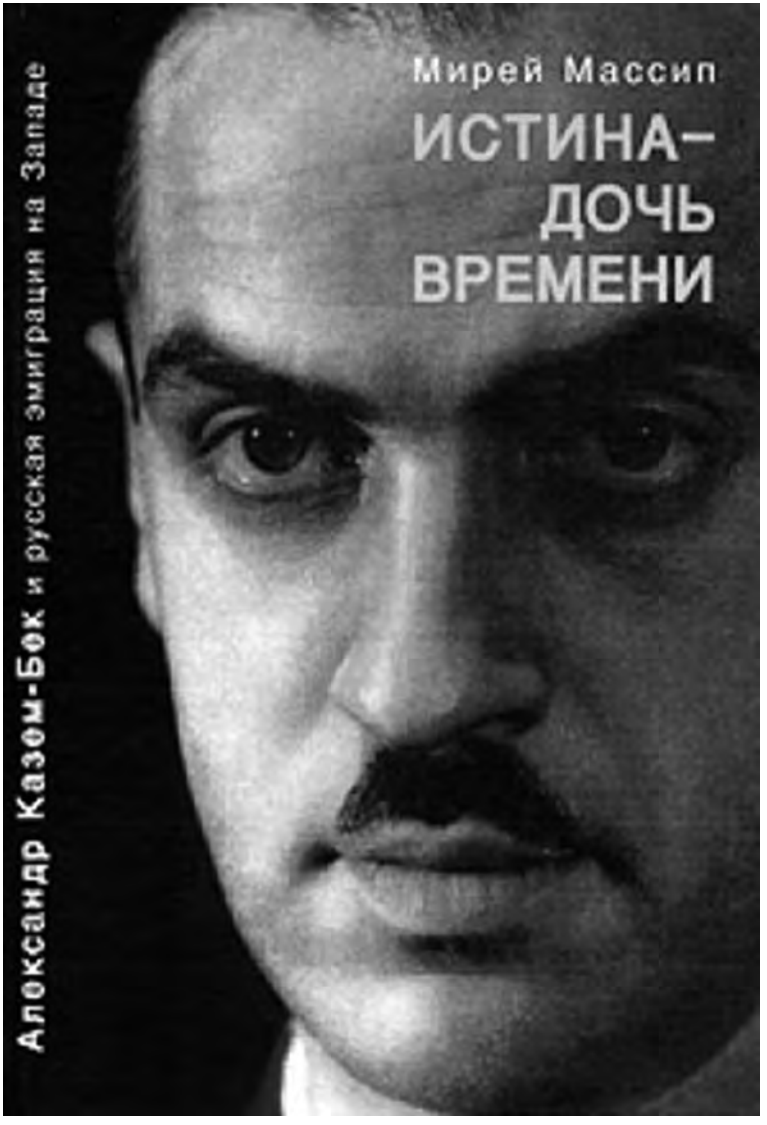
распорядители-младороссы, одетые в синие форменные рубашки, встречали появление Казем-Бека восторженными криками: “глава, глава, глава!”, несомненно сказывалось влияние ритуалов фашизма. …На младоросских собраниях… не веял дух человеконенавистничества, ознаменовавший уже первые выступления гитлеровцев»[51].

Младоросское движение было очень популярно в эмигрантской молодежной среде. Численность младороссов к 1937 г. составляла 1400 человек[52]. Юное поколение «увлекала новая идеология, свободная от “устаревших” революционных классовых подходов и идей и «прогнившей» буржуазности западных партий»[53].

Младороссы являлись сторонниками монархии, которую считали необходимым условием благоденствия России. Отмечая, что молодое поколение воспитывалось на идеях отечественной реакции и западного консерватизма эсер Е. Сталинский в статье «Эмиграция и политика» писал: «Увы, от всех этих “молодых” попыток сильно отдает духом старческой дряблости и на унылом фоне эмиграции они изображают скорее явления своеобразного гротеска»[54]. А.Л. Казем-Бек писал о необходимости «создать монархическую партию для советской среды»[55]. В заявлении союза младороссов от 29 ноября 1929 г. выдвигалось требование свободных советов. Как писал П.Б. Струве, они хотели «шапкой Мономаха увенчать вавилонскую башню большевизма»[56].

В. кн. Кирилл Владимирович являлся для младороссов «олицетворением будущей русской верховной власти». А Дмитрий Павлович согласился принять должность председателя Главного совета младоросской партии. «Младоросская искра» писала 1 ноября 1932 г.: «Придет время, когда Романовы будут в центре национального внимания. Их час пробьет, когда нация ощутит потребность возглавить и защитить себя природной, органической властью».

Младороссы с удовлетворением констатировали, что сталинская власть отказалась от идеи интернационализма и склонялась к советскому патриотизму, что ставка делалась «не на гордость строительством, не на гордость режимом, как прежде, а на любовь к родной земле», на пробуждение в народе национализма[57].

Книга об А.Л. Казем-Беке

А.Л. Казем-Бек сочувствовал идеям А. Гитлера и Б. Муссолини. Однако, после того как стало очевидно, что военный удар Германии и Италии будет направлен против СССР, его отношение к фашизму резко изменилось.

В 1937 г. он подал заявление об отставке с поста главы партии младороссов. Затем начал искать контактов с советскими представителями, вел переговоры с «красным графом» А.А. Игнатьевым, инициировал в конце 1930-х – начале 1940-х гг. создание в Париже так называемых «собеседований круглых столов» антифашистской направленности, за что в 1940 г. был арестован (в Германии за выдачу его властям полагалось вознаграждение в сто тысяч рейхсмарок). Однако А.Л. Казем-Бек успел бежать в США, где в 1942 г. объявил о роспуске партии младороссов, «дабы дать полную возможность каждому из ее членов проявить по своему разумению свой патриотический долг в отношении воюющего Отечества нашего». С началом Второй мировой войны члены организации заняли патриотическую позицию. Члены распущенной «младоросской» партии в большинстве своем пополнили ряды антифашистского сопротивления. Многие сложили головы в борьбе с фашизмом.

Среди огромного философского, социологического и исторического наследия, оставленного эмиграцией, видное место занимает журнал «Новый град», выходивший в Париже с 1931 по 1939 г. (всего 14 номеров). Финансовую поддержку журналу оказывала международная экуменическая организация YMCA, учредившая издательство YMCA-Press. Его создателями и редакторами были христианский богослов и публицист Г.П. Федотов, философ Ф.А. Степун, эсер И.И. Бунаков-Фондаминский. К этому времени они уже имели богатый опыт публицистической и издательской деятельности[58].

В пестрой мозаике журнальных изданий «Новый град» выделялся глубиной анализа, попыткой преодолеть эмигрантский антибольшевистский активизм, начертать будущий облик пореволюционной России. Эмиграция в целом приняла журнал недоброжелательно. Тем не менее «Новый град» привлек крупные интеллектуальные силы. Делая установку на поиск социальной правды в христианском идеале, журнал оставался открытым для всех нехристиан. На страницах журнала печатались Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, М. Скобцева, П.М. Бицилли, Е.Д. Кускова и др.

В первом номере редакция провозгласила своими основными принципами свободу, христианство, новое социальное устройство, связанное с устройством мира в целом на началах врастания наций в сверхнациональное государство. По мнению новоградцев, нации, как и церкви, должны войти в общечеловеческое общение, поступившись долей своей политической и экономической свободы, а в дальнейшем влиться в сверхнациональное государство.

Новоградцы исходили из положения, что старый мир сгнил: он раздираем внутренними противоречиями, жить в нем становится невозможно, он в своем настоящем виде обречен на гибель. Из тупика его может вывести лишь духовное обновление. Нужно строить новый мир – Новый град. Строить его надо на старой тысячелетней культуре, но новыми людьми с пореволюционным мировоззрением, по новому плану, считаясь со всеми завоеваниями революции. Главный вопрос для строительства Нового града – вопрос о новом человеке. В основе строительства должно быть христианство. Мир зашел в тупик, главным образом, из-за отсутствия общего языка, который может быть найден только людьми религиозного духа. Основой для Нового града должна стать свобода личности, свобода духа.

Учение новоградцев являлось глубоко патриотичным в своей основе. Журнал «Новый град» был наполнен статьями о России. Задача эмиграции – взращивание в русской душе и русском сознании образа будущей России. Восстановление капиталистического строя на родине новоградцы считали нецелесообразным. Они защищали целостность, великодержавность Российской империи, которая должна быть федеральна. Возвращение к прошлому после падения большевиков, радикальная ломка всех хозяйственных структур Советской России стало бы, с точки зрения новоградцев, величайшим преступлением. Новую, в муках рожденную при большевиках трудовую жизнь, поравнение богатых и бедных, знатных и простых, духовно утонченных и малограмотных, до неузнаваемости повышенный ее бытовой и хозяйственный уровень нельзя просто отмести и сломать, его нужно удержать. Государственная собственность на землю и кризис индивидуализма должны стать основой перехода к социализму. В основе хозяйственно-экономического возрождения новоградцы видели личный интерес.

Осознание ценности политической демократии новоградцами происходило на фоне стремительной фашизации Италии и Германии, в условиях, когда большая часть российской эмиграции была больна активизмом. Они противостояли как фашизму, так и сталинскому авторитаризму. Идеалом политического устройства новоградцы считали авторитарную демократию. Ф.А. Степун писал о необходимости сочетания свободно выбранных Советов и сильной представительной (президентской) власти. Именно на основе этого сочетания русская идея может быть осуществима. Базой для утверждения в России демократических норм могли стать советы, способные к реформированию.

В этих условиях задача эмиграции – «духовно взорвать те устои, на которых держится советское здание: миллионы душ, верующих в святость коммунистического учения»[59]. Создать новые духовные ценности призван Орден русской интеллигенции, сокрушивший монархию в России.

Новое миросозерцание не должно быть единым, в нем найдут место разные течения. Но объединять их будет противостояние идеологии, господствующей в Советской России.

В 1932 г. Ф.А. Степун выступил в Праге с докладом «“Новый град” и задачи эмиграции», получившим резонанс в эмигрантской печати. Его характеристика «нового человека» (христианский демократ, презирающий мещанство, готовый силой защищать свободу) вызвала бурю критики. Ф.А. Степун, в свою очередь, обвинил оппонентов (нарушив редакционную установку не вступать в полемику с противниками) в отрицании инакомыслия и свободы мнений.

Журнал «Новый град» стал попыткой преодоления разногласий в эмиграции, но не на путях объединения, немедленных совместных действий, а признавая за каждым течением право бороться с большевиками.

К прекращению издания журнала привела Вторая мировая война.

Долгая жизнь была суждена движению «национально мыслящей» молодежи (Национальный союз русской молодежи – Народно-трудовой союз (НТС) – Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП) – Народно-трудовой союз российских солидаристов)[60]. На съезд в Белград в 1930 г. приехали представители 14 молодежных организаций из ЧСР, Франции,

Болгарии, Голландии, Югославии. Съезд избрал председателем Совета герцога С.Н. Лейхтенбергского, председателем Исполнительного Бюро – хорунжего Донского казачьего войска В.М. Байдалакова. В 1933 г. он стал Председателем Совета и оставался им до 1955 г. Исполнительное Бюро с 1932 по 1941 г. фактически вел его секретарь М.А. Георгиевский, профессор древних языков, дипломат.

К концу 1930-х гг. отделы и представительства НТСНП имелись в 17 странах, включая Австралию, Южную Африку и США. Общее число членов оценивается в 1560 человек; картотека с полными данными ради безопасности была уничтожена в годы войны. Программные положения и Устав вышли только в 1938 г. В Союз могли вступать только родившиеся после 1895 г. В 1935 г. в солидаристическое движение НТС вступил сын знаменитого главы Совета министров А.П. Столыпин. Его привлекала замена коммунистической идеи борьбы классов на идею солидарности и моральной ответственности человека; в 1937 г. он стал членом исполнительного бюро НТС.

Издания НТС выходили в Софии, Париже, Варшаве, Брюсселе, Белграде, Харбине.

В «Полном курсе национально-политической подготовки» отмечалось: «До последнего времени немодным считались чувства любви к отечеству и народной гордости. Немодным был национализм. В особенности у нас в России. Русская дореволюционная интеллигенция мучилась проблемами всечеловеческого счастья, забывая о своей Родине. Следствие чего – принесение России в жертву интернациональным утопиям»[61]. Национализм – это то же, что любовь к родине, что естественно и потому законно. III съезд НСНП дал определение нации как объединению людей в неразрывное целое общностью культуры, государственных и экономических интересов, историческим прошлым и общностью устремлений в будущее[62]. Если народ – понятие этнографическое, то нация означает духовное единство. Идеологически солидаристы стремились быть не справа, не слева, а впереди. Основу теоретических положений составила теория национально-трудового солидаризма, ставившая во главу угла не индивидуализм, как на Западе, и не коллективизм, как в СССР, а солидарность, взаимоподдержку индивидов. Солидаризм подчеркивает приоритет личности, ее суверенность, права. Теоретики солида-

ризма отмечали истоки своего учения в трудах С.Л. Франка, считая себя его учениками.

Гитлеру НТСовцы приписывали создание «здорового идеологического мировоззрения» (правда, «специфически немецкого»), отмечая, что тот «не ставит вопросов общечеловеческих, вопросов спасения мира, общесоциальной справедливости и т. д.», что «он ставит себе немецкие задачи, ставит вопрос о немецкой миссии, считает, что объединенная германская нация имеет право на гегемонию». Самого фюрера оценивали как «редкое явление», как «замечательного психолога, постигшего душу толпы». А фашизм называли «авангардом новой националистической идеологии»[63].

С начала 1930-х гг. стали создаваться профашистские эмигрантские организации в Германии, Югославии, Болгарии, США, Китае. Новое течение, объединявшее молодых людей, хотело исправить ошибки старшего поколения, проигравшего большевикам из-за недостаточно решительной борьбы за Россию.

В мае 1931 г. в Харбине состоялся I съезд Русской фашистской партии (РФП, 1931–1934), лидером которой стал К. Родзаевский. По его словам, фашистом мог быть только «монархист, легитимист, бонапартист и т. п.». Ему были близки идеи младороссов. Партия издавала профашистские газеты и журналы. В свои ряды она привлекла сначала около 4 тыс. человек, к 1935 г. – 19,8 тыс.

Параллельно в США создал Русскую фашистскую партию А. Вонсяцкий. В 1933 г. К. Родзаевский выступил с инициативой объединения всех фашистских групп эмиграции в единую организацию, что было поддержано в США А. Вонсяцким. Объединившись в 1934 г., эти две партии провозгласили Единую Всероссийскую фашистскую партию (ВФП, 1934–1937) во главе с председателем (А. Вонсяцким) и генеральным секретарем (К. Родзаевским). Ставились задачи борьбы с большевизмом, пропаганды идей православного русского фашизма. Укреплению позиций движения способствовал состоявшийся в 1935 г. III съезд Всероссийской фашистской партии. На нем были приняты Программа, Устав, «генеральная линия» и «генеральный план» партии. Важнейшим методом работы была определена засылка на территорию СССР агентов с пропагандистской литературой, с целью разведки, террора, диверсий,

организации подпольных групп. Главной целевой установкой фашистов было созидание «Российского национально-трудового государства».

Идейные разногласия (прежде всего несогласие американской партии вести борьбу против евреев) привели к распаду объединения. Организация русских фашистов в США взяла название «Всероссийская национал-революционная партия».

Несмотря на разный характер и природу фашизации «западной» и «восточной» ветвей, в обоих случаях привлекательными для российских эмигрантов оказались идеи, воплощенные в практике фашистского строительства: восстановление могущества и величия государства, неприятие коммунизма, иерархичность, дисциплина движения и др. Многие из них нашли отражение в организационно-политической деятельности различных эмигрантских объединений правого толка. Вместе с тем, внешняя схожесть русского фашизма с германским и итальянским ни в коей мере не может служить основанием для их отождествления.

Фашизму сочувствовал атаман Г. Семенов. Он отстаивал чистоту русской нации, переиначил слово «расизм» в «россизм». В Германии Российское национал-социалистическое движение возглавил В. Бискупский.

В 1933 г. русским немцем А.П. Пельхау-Святозаровым в Германии было создано «Российское освободительное народное движение» (РОНД). В этой организации насчитывалось 200 «штурмовиков» по образцу нацистской партии, имелись свои издания – «Голос РОНДа», «Пробуждение России», «Девятый вал». В 1933 г. РОНДом было опубликовано воззвание к русскому народу «Пора понять! Призыв!», в котором были сформулированы основные идеологические и политические основы созданной организации: «Наш русский национал-социализм (фашизм) в каждом русском!.. В наших собственных руках наше спасение – наш русский фашизм, и это последняя карта русского народа врагами нашими не будет бита!!!». Главными опорными идеями этого программного обращения являлись призывы к национальному возрождению на основе православия, антисемитизма и борьбы с большевизмом. На гербе Российской империи, изображенном на одной из листовок РОНДа, между головами двуглавого российского орла было помещено изображение свастики; в лапах орла были зажа-

ты меч и православный крест, а текст к листовке гласил: «Россия должна быть и будет фашистской в 1933 году!!!». Прекратил свое существование РОНД по решению немецких властей[64].

В 1935 г. возникла новая организация – «Российское национальное и социальное движение» (РНСД) во главе с полковником Н.Д. Скалоном. По идейным установкам это движение мало отличалось от РНСУВ или других, но влияние идеологии немецкого национал-социализма на нее было довольно сильным. «Да, мы преклоняемся перед личностью Вождя Германской нации Адольфа Гитлера и видим в нем, как и в его союзнике Бенито Муссолини, духовного вождя мировых сил света, спасающих человечество от кромешной тьмы большевизма. Не деньгами купил Адольф Гитлер наши сердца, а силой своего духа и правдой своей идеи», – эти славословия прозвучали в докладе представителя РНСД в Берлине барона А.В. Меллер-Закомельского[65].

Отделения РНСД существовали во многих германских городах, а также в ряде стран Европы и Америки. Официальным печатным органом движения являлся «Вестник РНСД». Деятельность РНСД находила поддержку у германских властей, чего нельзя было сказать, например, про «Российский фашистский союз», активно действовавший в Манчжурии и пытавшийся организовать свою работу в Германии: немецкие власти считали, что в стране не должны существовать русские эмигрантские организации, имеющие центры вне Германии[66].

Отношение нацистских властей к возникавшим в Германии русским профашистским организациям было наглядно продемонстрировано в беседе С.Д. Боткина с бароном К. Нойратом, занимавшем в 1932–1938 гг. должность министра иностранных дел Германии. Краткое содержание этой беседы, состоявшейся в конце июня 1934 г., было изложено С.Д. Боткиным в письме В.А. Маклакову: «Наш разговор коснулся также положения русских беженцев и многочисленных партийных направлений среди них. Я нашел полезным *снова указать* (я уже имел ранее случай говорить с ним на эту тему) министру на крайнюю несерьезность целого ряда русских партий, ежедневно возникающих в Германии под различными наименованиями, стремящихся как-то подделаться под немецких нацио-

нал-социалистов… Барон Нойрат мало осведомлен обо всех этих, не имеющих будущности, течениях русской эмиграции, знает лишь, что они враждуют между собой и… занимаются доносами и на старые, более серьезные организации и объединения»[67].

Параллельно с организационным становлением русского фашизма формировалась позиция неприятия его идеологии и практики, объединявшая представителей противоборствовавших политических сил. Социал-демократы, сторонники республиканско-демократического объединения, ряд представителей белого офицерства, несмотря на принципиальное несовпадение политических установок, были едины в критике форм и методов фашистского правления, осуждали территориальные притязания Германии в отношении СССР. Для многих выходцев из России стала очевидной национальная эгоистичность планов западных лидеров в борьбе с русским коммунизмом.

Последовательным защитником территориального единства Советского государства как непреходящей ценности на фоне временных политических перипетий выступал П.Н. Милюков. Эта идея стала лейтмотивом доклада «Русская проблема и международное положение», прочитанного им на собрании Лондонского Королевского института по иностранным делам в конце 1933 г. Глава РДО пророчески предостерег западные демократии от соблазна умиротворения амбиций фашистской Германии за счет восточных земель и территорий России.

«Предчувствие войны», пронизывавшее в начале 1930-х гг. всю эмигрантскую печать и публицистику, с ростом влияния фашизма и общим усилением международной напряженности переросло в сознание неизбежности военной конфронтации. Вполне логичным явилось окончательное оформление позиций русских эмигрантов в отношении идеологических доктрин, возобладавших в общественном сознании. Вопрос о судьбе СССР и его территорий стал водоразделом, расколовшим в очередной раз и без того разобщенное эмигрантское сообщество. Данный признак лег в основу образования двух идейных лагерей, сформировавшихся в среде эмиграции ко второй половине десятилетия, – «оборонцев» и «пораженцев».

Особое место в политическом спектре идеологов эмигрантского активизма занимает основатель штабс-капитанского

движения И.Л. Солоневич, бежавший из России в 1934 г. Летом 1936 г. он начал издавать в Софии газету «Голос России» (1936–1938). Цель издания – объединить национальные круги эмиграции. Восстановление России И.Л. Солоневич мыслил вместе с восстановлением монархии. Однако идеи в. кн. Кирилла Владимировича он не принимал и считал, что младоросская работа вырыла глубокий ров между Династией и национальным зарубежьем[68]. Идеалом монархии он считал «народную монархию» в противовес дореволюционной «помещичьей», т. к. земля должна принадлежать крестьянству.

Советскую власть он характеризовал как «коммунистическое общество, угнездившееся на территории бывшего русского государства, использующее все его ресурсы, его территорию и его людей, – не для собственного благоустройства, а для устройства кабака в мировом масштабе»[69]. Истребление коммунистов и революционеров И.Л. Солоневич не считал жестокостью или зверством «как не есть жестокость и не есть зверство истребление сыпно-тифозных вшей»[70]. Выход из советской революции он предполагал только революционный – или, «выражаясь точнее, катастрофический выход». После падения советской власти в переходный период должна быть установлена диктатура, полагал И.Л. Солоневич. Но со временем его позиция изменилась.

И.Л. Солоневича можно отнести к пораженцам: «…И мужику, и штабс-капитану придется совместно выполнять две с великим трудом совместимые задачи: первая – свернуть шею большевизму и вторая – отстоять русские территории. Первая задача и для штабс-капитана, и для мужика все-таки важнее – отсюда и так называемое пораженчество»[71]. При этом в случае войны с СССР нужно не вставать в ряды его противника, а перебросить наиболее активную часть эмиграции в Россию (условных «десять тысяч»), чтобы возглавить восставший русский народ и «…стать организующим ядром возрождающейся России: ибо в данных условиях – в моменты войны и восстаний и переворотов – это будет единственная более или менее организованная русская сила»[72]. Задача эмиграции – «политически подготовить эти десять тысяч и морально не дать им закиснуть»[73].

В середине 1938 г. «Голос России» был закрыт, И.Л. Солоневич переехал в Германию, организовав выпуск в Софии

«Нашей Газеты». После начала Второй мировой войны И.Л. Солоневич вынужден был прервать выпуск «Нашей Газеты» и возобновил свою публицистическую деятельность лишь в 1948 г., начав издавать в Буэнос-Айресе газету «Наша Страна»[74].

Таким образом, для идейно-политической жизни русского мира 1930-х гг. характерна утрата прежнего авторитета «классических», дореволюционных, партийных группировок, поправение, поляризация и сосуществование многообразия пореволюционных направлений (от фашизма до левого евразийства), очередной виток поисков «третьего пути». Новые политические и философские концепции сочетали в себе социалистические, христианские, монархические и националистические идеологемы. Эмигрантские издания превратились из генератора концепций будущего развития России в центры политической борьбы. Именно в этом прослеживается эволюция русского зарубежья в сторону резкой радикализации. Активистские и даже экстремистские группы были представлены не только Национальным Союзом Нового Поколения (НСНП) (газета «За Россию», София, 1932–1940), Российским народно-монархическим движением «штабс-капитанов» (газета «Голос России», София, 1936–1938), РОВСом (журнал «Часовой», Париж, Брюссель, 1929–1988), но и Русским Национальным Союзом Участников Войны (РНСУВ) (газета «Сигнал», Париж, 1937–1939), Российским Имперским Союзом-Орденом (РИС-О) (газета «Имперский клич», Париж, 1932–1936).

В целом идейная «разноликость» диаспоры и связанная с ней изнурительная внутренняя борьба как концепций, так и амбиций (для некоторых ставшая самоцелью и даже способом выживания на чужбине) явились одной из причин политического краха Зарубежной России[75]. Поэтому можно говорить об угасании «эмигрантской жизни и политической мысли»[76].

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. политическая жизнь русского мира начала претерпевать серьезные идеологические и структурные изменения. Укрепление позиций СССР, происходившее на фоне ухудшения политико-экономической ситуации во многих странах, лишало эмиграцию надежд на падение режима большевиков, его перерождение. Это способ-

ствовало распространению в массе эмигрантов либо примиренческих настроений, либо росту экстремизма, а также более глубокой ассимиляции в странах рассеяния.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Милюков П.Н.* Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. I. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. – Париж, 1927. С. 278.

[2] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV I-10.

[3] Общее руководство РОВС 16 ноября 1924 г. принял на себя в. кн. Николай Николаевич.

[4] ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 38. Л. 11.

[5] Цит. по: *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). Астрахань, 2008. С. 245.

[6] Международная Лига борьбы с III Интернационалом была создана в 1924 г. женевским адвокатом Теодором Обером. В середине 1930-х гг. Русская секция, как и Лига в целом, связала свою судьбу с фашизмом. После создания антикоминтерновского пакта существование общественно-политической всемирной антикоммунистической организации потеряло смысл (*Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). С. 273).

[7] *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.). С. 250–251.

[8] *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М., 2007. С. 304.

[9] ГА РФ. Ф. 9145. Оп. 1. Д. 38. Л. 10.

[10] Там же.

[11] *Святополк-Мирский Д.П.* Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? – Париж, 1926. С. 72.

[12] URL: http://derzava.com/art_desc.php?aid=542#ixzz2fuDwTqE8/ Дата обращения: 2.02.2013.

[13] *Казаков Т.* Россия – великая сельскохозяйственная кооперация // Царский вестник. 1928. № 15. С. 1; О монархизме // Луч. 1932. № 41. 15 окт. С. 3. См.: *Антоненко Н.В.* Идеология русского монархизма в эмиграции // Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. – М., 2009. С. 131.

[14] Русский еженедельник в Бельгии. 1939. 3 ноября.

[15] Социалистический вестник. – Берлин, 1927. № 20–21. 20 окт.

[16] *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 138.

[17] Цит. по: *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 141.

[18] *Ненароков А.П., Савельев П.Ю.* Зарубежные группы и организации российских социал-демократов // Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия. – М., 2009. С. 84.

[19] Социалистический вестник. 1933. № 19 (304). 10 окт. С. 1–2.

[20] *Урилов И.Х.* Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 139.

[21] Журнал «Записки социал-демократа» был основан А.Н. Потресовым в 1931 г. при материальной поддержке русских социал-демократов в Нью-Йорке. Вышло 23 номера.

[22] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 35–37.

[23] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 13 об.

[24] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 2

[25] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 4.

[26] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

[27] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

[28] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 63. Л. 9–9 об.

[29] Там же. Л. 10–10 об.

[30] Там же. Л. 9–10 об.

[31] См.: Меморандум меньшинства Заграничной делегации ПС-Р // Социалист-революционер. 1929. Октябрь. № 2. С. 13–14.

[32] *Лебедев Вл.* Жгучий вопрос эмиграции // Воля России. – Прага, 1926. С. 122.

[33] Социалистический вестник. 1952. № 3. С. 31–33.

[34] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905 – сер. 1930-х гг.: в 6 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М., 1996–1998. Т. 6. С. 9.

[35] Цит. по изданию: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. Составление, подготовка текста и комментарии В.М. Живова. – М., 1995. С. 777.

[36] См.: *Алексеев Н.Н.* На путях к будущей России (советский строй и его геополитические возможности). – Париж, 1927; *Он же.* Теория государства. Теоретическое государствоведение, государственное устройство, государственный идеал. – Париж, 1931; *Он же.* Русский народ и государство // Путь. 1927. № 8; *Он же.* Советский федерализм // Евразийский временник. – Берлин, 1927. Кн. 5; *Он же.* Евразийцы и государство // Евразийская хроника. Вып. 9. – Париж, 1927 и др.; *Трубецкой Н.С.* О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. 8. – Париж, 1927; *Он же.* Общеевразийский национализм // Там же. Вып. 9. – Париж, 1927; *Он же.* Идеократия и армия // Там же. Вып. 10. – Париж, 1928; *Он же.* Об идее-правительнице идеократического государства // Там же. Вып. 11. – Париж, 1935.

[37] *Трубецкой Н.С.* Идеократия и армия // *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. – М., 1995. С. 432, 434.

[38] Евразийство: (Формулировка 1927 г.) // Евразийская хроника. Вып. 9. С. 4.

[39] *Савицкий П.* Подданство идеи // Мир России – Евразия. – М., 1995. С. 215.

[40] Евразия. 1.XII.1928.

[41] *Сувчинский П.П.* Революция и власть // Евразия. 12.I.1929.

[42] *Прокофьев С.* Из Дневника (1925–1930) // *Вишневецкий И.Г.* «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов. С. 419. Запись от августа 1929 г.

[43] «Кламарским» уклоном (расколом) приняло называть левое евразийство постольку, поскольку его лидер П.П. Сувчинский жил в Кламаре под Парижем. Здесь же находились типография и книжный склад движения.

[44] «Давайте попробуем установить некоторое взаимопонимание». Переписка Н.В. Устрялова с П.П. Сувчинским. 1926–1930 гг. / публ. В.К. Романовский // Исторический архив. 2011. № 5. С. 123.

[45] ГА РФ. Ф. 5911. Оп. 1. Д. 102. Л. 4.

[46] Федоров Николай Федорович (1828–1903) – русский религиозный мыслитель, автор 2-томного труда «Философия общего дела» (1906–1913). Позже, уже в 1960-е гг., П.П. Сувчинский называл Н.Ф. Федорова «одним из величайших русских праведников», к которому недаром «ходили, совершая как бы паломничество, Толстой и Достоевский» (из письма П.П. Сувчинского М.В. Юдиной от 17 марта 1960 г. // Петр Сувчинский и его время. С. 333.)

[47] «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина. Публикация, подгот. текста, вст. и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. 1997. № 9. С. 171, 172 (сноска 1 к письму № 4).

[48] См. о нем подробнее: *Массип М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. – М., 2010.

[49] *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.). – СПб., 2008. С. 174.

[50] *Любимов Л.* Доклад главы младороссов // Возрождение. 1935. 29 янв.

[51] *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. – М., 2010. С. 57–58.

[52] См.: *Косик В.И.* Молодая Россия в эмиграции // Славяноведение. 2000. № 4. С. 4.

[53] *Косик В.И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. – М., 2013. С. 43.

[54] *Сталинский Е.* Эмиграция и политика // Воля России. – Прага, 1931. № 5–6. С. 475.

[55] Младоросская искра. – Париж, 1932. 15 янв.

[56] *Струве П.Б.* От Карамзина до младороссов // Россия и славянство. 1932. 2 апр.

[57] См.: Там же. С. 73.

[58] Подробнее см.: *Пашкина Е.Г.* Журнал «Новый Град» в идейно-политической жизни русской эмиграции. Диссертация… к.и.н. – М., 2008. – 267 с.

[59] *Бунаков И.И.* Пути освобождения (доклад) // Новый град. – Париж, 1931. С. 46.

[60] См.: НТС: Мысль и дело 1930–2000. – М., 2000.

[61] РГВА. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 5. Л. 7 об. Конспект VI ст. Идеализм и материализм.

[62] Там же. Л. 10.

[63] Там же. Л. 21–23.

[64] *Недбаевский В.М.* Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии // Новый исторический вестник. 2000. № 2. URL: http://www.nivestnik.ru/2000_2/2.shtml#_ednref3 Дата обращения: 23.03.2013.

[65] Там же.

[66] Там же.

[67] Чему свидетели мы были… Т. 1. С. 177.

[68] *Солоневич И.Л.* Преступление «Голоса России» // Голос России. – София, 1938. 3 мая.

[69] *Солоневич И.Л.* Коммунистическо-интернациональное сообщество // Голос России. – София, 1936. 1 дек.

[70] *Солоневич И.Л.* О жестокости // Голос России. – София, 1936. 8 сент.

[71] *Солоневич И.Л.* Россия, революция и еврейство // Голос России. – София, 1936. 13 окт.

[72] *Солоневич И.Л.* Так что же делать? // Голос России. – София, 1936. 28 июля.

[73] *Солоневич И.Л.* Нюренбергские речи // Голос России. – София, 1936. 22 сент.

[74] *Чистяков К.* Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма». 1918–1939. – М., 2000. С. 41–48.

[75] См.: *Митрохин В.А.* Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность (20–30-е годы XX в.). Автореф. дисс. … д.и.н. – Саратов, 2009. С. 4.

[76] *Белов В.* Белое похмелье. – М.–Пг., 1923. С. 88.

5

ЭМИГРАЦИЯ И РОССИЯ: ЕДИНСТВО И БОРЬБА ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

«Угасание» Зарубежной России в значительной степени обусловлено ростом авторитета советской метрополии. Смысл существования и всей деятельности эмиграции 1920–1930-х гг., формирования самого феномена России вне границ заключался в противостоянии «эсесесерии». Чем тверже становилась на ноги последняя, тем сложнее становилось удерживать свои позиции первой. Но это не означало разрушения всех связей. Сосуществование России территориальной и внетерриториальной носило как мирный характер, так и характер ожесточенной борьбы. Надежды эмиграции на скорый крах большевистской власти сменились анализом изменений в стране. Оставалось неизменным одно – обоюдное увлеченное внимание к противостоявшему Русскому миру. Расколотому и находившемуся по разные стороны рубежа, его разделявшего.

В поле зрения Зарубежья находились практически все сферы советской жизни. С конца 1920-х гг. особое внимание уделялось коренным социально-политическим и экономическим преобразованиям, происходившим в СССР, носившим революционный характер.

Так, в 1931–1932 гг. в берлинском клубе им. Мартова проходили дискуссии о коллективизации и политике Сталина. Под воздействием успехов первой пятилетки, с одной стороны, и национал-социалистического переворота в Германии, с другой, усилились разногласия в среде меньшевиков. Ф.И. Дан настаивал на необходимости защиты революционной страны, т. е. СССР, перед лицом вооружающегося национал-социализма.

Он говорил о страшной цене, заплаченной русским народом за коллективизацию и индустриализацию, в результате которых преобладающим стало государственно-капиталистическое хозяйство на базе усовершенствованной техники. Потому ставилась задача: не разбазаривание государственной промышленности частным предпринимателям, а ликвидация режима террора, что сделало бы народные массы хозяином фабрик и заводов, не роспуск колхозов, а превращение их в свободные сельскохозяйственные коллективы[1].

Эсеров особенно привлекала коллективизация крестьянства. Отношение к ней в эсеровской среде, как показал в своей работе И.В Чубыкин, было разным[2]. Одни ее полностью отвергали, считая, что она не имеет ничего общего с социализацией сельского хозяйства, провозглашавшейся ПСР задолго до большевиков и мыслившейся в качестве «высшей ступени культурнохозяйственного прогресса деревни», при соблюдении условий добровольности, наличии соответствующих экономических предпосылок и социальной подготовки крестьянских масс[3], называли государственной барщиной, новым крепостным правом, видя цель этой «самой заостренной точки “пятилетки”», обусловленной не хозяйственными, а остро политическими интересами, в пролетаризации и закрепощении крестьянства[4]. Другие не соглашались лишь с теми варварскими методами, которыми она проводилась, высказывалось суждение о большевистской коллективизации как фактическом осуществлении, пусть и в «извращенном виде одного из пунктов программы партии эсеров»[5]. К середине 1930-х гг. в эсеровской среде начинают преобладать совершенно негативные оценки советской коллективизации.

В то же время указывалось, что «большевикам удалось “переключить” и заставить на себя работать двигательную силу революции» и «помимо большевиков, наряду с большевиками, несмотря на отсутствие демократии, разбуженная революцией народная энергия искала и ищет творческого проявления в различных областях жизни»[6].

Пятилетка расценивалась как «план политико-экономический, в котором экономика подчинена политике – политике коммунистической партии»[7]. Индустриализацию эсеры считали следствием естественного стремления большевистского руководства в качестве «предпринимательской группы к завоеванию монопольного положения в народном хозяйстве»[8].

В.М. Чернов, по наблюдениям А.П. Новикова, пожалуй, первым в эмигрантской прессе обратил свой взор на возрастающее влияние И.В. Сталина в РКП(б), и одним из первых предпринял попытку обоснования причин сталинского восхождения к вершинам партийной и государственной власти[9], составил собственное видение сталинизма, что нашло выражение в таких работах, как «Сталин-Джугашвили» и «Два Иосифа», написанных в конце 1936 г.[10]

В фокусе внимания эсеров находились внешнеполитические шаги СССР. Эсеровская эмиграция не была единой в вопросах обострявшихся в 1930-х гг. международных отношений. В апреле 1932 г. 4 члена Областного Комитета и 4 члена Заграничной Делегации подписали резолюцию по поводу японской оккупации Маньчжурии. Подвергнув критике политику советского правительства в отношении Китая и отметив возникшую угрозу утери территории в Восточной Сибири, авторы резолюции призвали эсеров в случае вооруженного столкновения между Японией и СССР быть со своим народом и препятствовать попыткам захвата принадлежащих России территорий. Нависшая над СССР угроза войны с Японией и Германией стимулировала у ряда эсеров патриотические настроения, которые с течением времени постепенно стали заглушать критику коммунистической диктатуры и сталинского режима власти в России. Начала складываться группа «оборонцев», отстаивавших защиту России от иностранных врагов, независимо от политического режима.

В январе 1936 г. была создана организационная комиссия «Российское эмигрантское оборонческое движение», которое стало издавать с мая газету «Оборонческое движение». «Оборонцы» отстаивали защиту России от иностранных врагов, независимо от политического режима в стране.

8 января 1936 г. эсеры М.Л. Слоним, Е.А. Сталинский, В.В. Сухомлин, В.И. Лебедев, Ф.Е. Махин подписали заявление «Россия под угрозой войны и эмиграция» о значительном росте японской угрозы, появлении немецкой. Высказывалось убеждение, что в случае нападения на Россию все члены ПСР будут всемерно способствовать защите родной страны. 20 февраля заявление было разослано членам ПСР за границей, но натолкнулось на критику парижской группы. Правые в своем заявлении от 15 февраля 1937 г. решительно отказались

изменить свое отношение к Советской России и осудили «новое оборончество».

Последовал выпуск сборников «Проблемы» (1 – «Угроза войны», 1934; 2 – «Защита страны», 1936; 3 – «Перед грозой», 1936), в которых поддерживалась идея укрепления армии, промышленного потенциала России, способствовавшего вооружению страны, одобрялась новая Конституция 1936 г. и т. п.

ПСР осудила договор о ненападении СССР с Германией 23 августа 1939 г. и оценила как предательство интересов России и мировой демократии. Парижская группа 31 августа 1939 г. заклеймила предательство советского правительства, а 25 сентября осудила оккупацию восточной части Польши Советским Союзом. С приближением войны «оборонческие» настроения все более распространялись в кругах эсеровской эмиграции, несмотря на то, что в «оборонческом» движении были обнаружены агенты НКВД (из-за чего В.И. Лебедев и М.Л. Слоним формально вышли из организации).

Не меньшее внимание внутрироссийским проблемам уделяли кадеты. В своих оценках, как и организационно, они не были единодушны. Более того, газета «Руль», которую прозвали «Вруль» из-за часто публиковавшихся неверных сведений, в 1931 г. прекратила свое существование. Республиканско-демократический союз распался в 1929 г. Дискуссии могли разворачиваться либо в политических клубах, а чаще – на страницах «Последних новостей».

Ярче проявляло себя молодое поколение, среда, из которой рекрутировались последователи пореволюционных течений. Лидеры Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) активно выступали с докладами о положении в СССР. Об одном из таких выступлений в Русском Доме в Белграде В.М. Байдалакова «Иллюзии и действительность» писал «Русский еженедельник»[11]. В докладе председатель НТСНП изложил свой взгляд на проблему «СССР и Зарубежье». Та же газета информировала о публичном собрании на тему «К живой России» в Лувенском отделении. О.Б. Померанцев обрисовал «страшное положение молодежи в СССР». Он подчеркнул, что СССР – страна молодежи, где 62 % населения родилось после 1910 г., а 43 % – после 1917 г. Весь ужас, по мнению докладчика, состоял в том, что они не помнят дореволюционной эпохи, не знают происходящего за пределами

СССР. Он также заметил, что молодые люди «верили в стройку и жертвенно, с энтузиазмом отдавали ей все свои силы», «верили в лучшее, искали его, но теперь осознали обман»[12].

В результате анализа эмигрантской публицистики исследователь Н.М. Михалев делает вывод, что политическая журналистика русского зарубежья иногда оказывала влияние на начало политических судебных процессов 1930-х гг.[13]

Порожденная репрессиями, «новая» эмиграция также выступала с разоблачительными материалами против сталинского режима[14]. Эта литература составляет обширный пласт материалов, вышедших за рубежом в 1920–1930-х гг. Так, Л.Д. Троцкий регулярно публиковал «Бюллетени оппозиции», а также свои работы, в которых содержался анализ ситуации в СССР. «Бюллетень оппозиции» Л.Д. Троцкого не имел последователей среди «белоэмигрантов» и представлял угрозу советскому руководству благодаря своим разоблачительным публикациям.

Размышления о том, что такое СССР и куда развивается, Л.Д. Троцкий изложил в книге «Преданная революция»[15] (1936 г.), которая отличалась от предшествовавших публикаций, посвященных большей частью сталинскому террору. Рождение и укрепление бюрократии он определял как процесс разложения и конца большевистской партии, а в волне массовых арестов и казней увидел способ самосохранения бюрократии. Террор, выполнивший свою революционную миссию, писал Л.Д. Троцкий в 1935 г., превратился в оружие самосохранения узурпаторов, в «абсурд». ВКП(б) для Л.Д. Троцкого с конца 1920-х – начала 1930-х гг. перестала быть коммунистической партией.

Ликвидацию самостоятельности и демократических начал в деятельности советов, партий, общественных организаций Л.Д. Троцкий фиксировал в качестве первых шагов новой власти. Причем, в противоположность официальной советской науке он настаивал на вынужденности подобной политики ограничений, ибо она противоречит духу советской демократии, являясь не принципом, а актом самообороны.

Анализ советской бюрократии, предпринятый Л.Д. Троцким, подвел его к мысли о значении фракции Сталина, «уничтожившей раздвоенность партии и аппарата государства через превращение правящей партийной элиты в государственную»[16].

Л.Д. Троцкий

Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)

4-й год изд. — Декабрь 1932 г. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БЮЛЛЕТЕНЬ ОППОЗИЦИИ

(БОЛЬШЕВИКОВ-ЛЕНИНЦЕВ)

Bulletin der Opposition (Bolschewiki-Leninisten)

№ 32 | Administration u. Redaktion: L. Civilevici, Berlin-Neukölln, Boddinstraße 25 Telefon: Für Redaktionelle Zwecke: Postscheckkonto Berlin 170 36 Erscheint zirka alle 12 Wochen. Preis: Einzelnummer 0,30 | Preis 1 RM. Prix 6 fr.

СОДЕРЖАНИЕ:

«Обними руками» (Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты)
Л. Троцкий. — Немецкий большевизм
Письмо из Шанхая
Л. Троцкий
Крестьянская война в Китае и пролетариат
Стратегия действия, а не спекуляция
А. Троцкий. — Что говорят по поводу единого фронта в Испании?
А. Т. — Дополнительные американские материалы
Предисловие Л. Д. Троцкого:
К вопросу анализа «Третьей волны» американского коммунизма
К иностранным изданиям брошюры «Советская экономика в опасности» (Перед лицом катастрофы)
Письмо из Москвы
Альфа. — Стадии [illegible] Сталина
Из архива.
Ученик Ленина говорит о критике речи Ленина
Кто главный Родионов?
Что же это такое?
«Социал» и «горючее».
Адвокатский и Ленинский
Из лагеря международной мысли
Письмо Л. Троцкого в Социалистическое Рабочее Бюро
Заявление большевиков-ленинцев по поводу письма т. Троцкого. — Ответ Л. Д. Троцкого на вопросы корреспондента. — Открытое письмо т-ну Виллерсхед
Франкфуртская группа
Решение Испанской группы
Греция. — Типографское. — Почта

„ОБЕИМИ РУКАМИ"

Сталинская бюрократия и Соединенные Штаты

Внутреннее положение Советского Союза делает злободневным и все более неотложным новый поворот в политике, более радикальный, чем все предшествующие. Это чувствуют все. Многие это сознают. Сегодня и фокус государственной и недовольства бюрократическое руководство по прежнему упорно молчит. Потому ли, что еще само не знает, какой выбрать путь? Или, может быть, потому, что о выбранном уже им пути предпочитает молчать до тех пор, пока он не станет бесспорным фактом?

Неизменно хитрящая оппортунистическая, умышленно, придушенную партию на путь, которого она не хочет, — такова вообще тактическая метода Сталина. Переход от «теории» системы к «теории» в области открытых разрывов никогда партией не решался: бюрократия вообще питает этимологическую брезгость малодушных капитанов в финансовых делах и таким путем с 4-й перешла страну на 40°. Тот же тактический способ Сталин применяет во всех областях. Тем необходимее зорко следить сейчас за маневрами бюрократии, молчаливо подготовляющей работам массам новый скач-

...ков. Надо внимательно и недоверчиво оценивать и второстепенные симптомы: в системе общей обстановки они могут помогать понимать бюрократических руководителей с поличным задолго до того, как те доходят новый, может быть, катастрофический поворот до «40°».

В качестве технического советника в Советском Союзе работал в течение известного времени крупный американский специалист сельскохозяйственного машиностроения, Томас Кэмбелл. По возвращении в С. Штаты он опубликовал книгу: «Россия — рынок или угроза». Кульминационным местом этой книги, по крайней мере, в политическом отношении, является изложение обширной беседы автора со Сталиным. Всегда есть, не допуская, как увидим, никаких сомнений относительно ее подлинности, заслуживает не только воспроизведения, но и внимательной проверки.

«Как только мне удалось, — повествует Кэмбелл, — я обратил внимание мистера Сталину, через посредство переводчика, что прежде, чем вступить в какие-либо деловые переговоры, я хотел бы побеседовать с ним откровенно, и он обещал это(?). «

Одним из главных направлений деятельности троцкистов до середины 1930-х гг. было распространение нелегальной литературы. Она, по мысли Л.Д. Троцкого, указывала путь борьбы, направляла недовольство по определенному руслу.

Развернувшийся в СССР террор против коммунистов эмиграция, особенно промонархическая, оценивала не без злорадства. В июне 1937 г. А.А. фон Лампе, комментируя уничтожение И.В. Сталиным ленинской гвардии, в письме С.А. Волконской от 13 августа 1937 г. замечал: «Я не согласен с Вами, что-де, мол, “протянули они 20 лет, протянут и еще 20”. Думаю, что не протянут. Да и надо отметить то, что 20 лет они жили и своих не угробливали, а на вторые 20 лет именно с этого-то и начали. А взаимные угробливания и казни в своей среде есть нормальный конец всякой революции… Пусть Сталин проведет черную работу как можно дальше… Пусть он принесет хоть ту пользу, что ликвидирует тех, кто, добравшись к власти, затянет дело надолго. А такими я считаю именно тех, кого сам Сталин, видимо, рассматривает как своих конкурентов, ибо только этим обстоятельством объясняется переселение их из советского рая в потусторонний ад… Все разговоры об “изменах”, “шпионаже в пользу одной державы” – это сплошной вздор»[17].

Русский общевоинский союз (РОВС) после смерти П.Н. Врангеля и назначения главой союза А.П. Кутепова активизировал антисоветскую работу, сбор разведывательных сведений. Усилилось влияние первопоходников и галлиполийцев, с которыми был тесно связан новый председатель союза[18].

СССР, в свою очередь, предпринимал ряд шагов по нейтрализации антисоветских намерений и деяний эмиграции, по ее расколу и размежеванию и создал систему контрмер, которая включала контрпропаганду, внедрение советских проектов в информационное пространство русского зарубежья, использование большевиками ряда идеологических течений для деморализации и политической дезориентации эмигрантов, разрушение организационных структур, репатриацию, дипломатические гарантии против защиты эмиграции.

Большевики систематически изучали эмигрантскую печать, ко второй половине 1920-х гг. поставили работу советского пропагандистского аппарата на качественно иной уровень. Наличие оперативных сводок публичных выступлений лиде-

ров русского Зарубежья позволило руководству СССР следить за настроениями эмиграции, изменениями в расстановке политических сил, а также отвечать на антисоветские выпады в отечественной и зарубежной печати, влияя таким образом на общественное мнение[19].

Так, например, 30 августа 1935 г. советский консул в телеграмме из Харбина докладывал в НКИД, что в пространном интервью атамана Семенова, помещенном в «Харбинском времени», тот пытался доказать, что реформа конституции СССР, введение колхозного устава и другие мероприятия связаны с отрицательным отношением народа к коммунизму и необходимостью «создания отдушины», что СССР «боится войны», ибо «в населении доминируют пораженческие настроения»[20].

27 декабря 1935 г. ответственный референт ПВО Федоренко сообщал в справке об антисоветских радиопередачах через государственную радиовещательную станцию в Харбине и Синьцзине, что в течение октября прозвучали доклады, обращенные к железнодорожникам Советского Союза, крестьянам, студентам, женщинам, к Красной армии и т. д., а 6 октября «под руководством специального дирижера производилось разучивание антисоветских частушек Харбинского правительства, которые колхозникам рекомендовалось исполнять во время вечеринок и гулянок»[21]. Накануне тот же Федоренко в записке «К вопросу о деятельности белогвардейских организаций в Маньчжурии» докладывал, что в радиопередаче 14 июня 1935 г. «профессор [Н.И.] Никифоров обращался с призывом к рабочим разрушать новые фабрики и к колхозникам портить в колхозах инвентарь, намеренно сеять сорняки и проч.»[22].

На протяжении 1920–1930-х гг. формировались списки эмигрантских газет и журналов, наиболее активно ведущих контрреволюционную пропаганду и обязательных для изучения руководством СССР. В регулярно издававшихся с 1927 г. Информационным и Секретным отделами ЦК ВКП(б) «Сводках белоэмигрантской прессы», «Бюллетенях заграничной печати», а также в информационных бюллетенях о работе органов ИККИ и компартий, было опубликовано около 700 номеров эмигрантских газет и журналов[23].

Н.М. Михалев выделяет три целевые аудитории советской контрпропаганды. Распространяя выгодную и нейтрализуя

враждебную информацию, большевики стремились воздействовать на мировое общественное мнение (иностранная аудитория), на русских эмигрантов и на советских граждан. Воздействуя на общественное мнение за рубежом и в СССР, советское руководство преследовало три основные цели: 1) нейтрализация контрреволюционной активности русских эмигрантов; 2) возвращение в Россию специалистов, необходимых для восстановления народного хозяйства, а также потенциально опасных элементов (военные, политики, деятели науки и культуры), обезвредить которых большевики могли беспрепятственно только на своей территории; 3) признание советского государства на международной арене (установление дипломатических и торговых отношений)[24].

К 1928 г. за рубежом был налажен выход просоветских изданий, ориентированных как на русских эмигрантов, так и на иностранцев. Эту пропагандистскую деятельность осуществляли советские идеологические центры. Так, изданием за рубежом прессы, которая освещала все сферы жизни СССР, занималось основанное в апреле 1925 г. Всесоюзное Общество Культурной Связи с заграницей (ВОКС). Пропаганду на местах осуществляли также советские «землячества за границей», которые создавали множество сугубо идеологических организаций (клубы, студии, пионерские и студенческие организации). Агентурная сеть землячеств, деятельность которых носила строго конспиративный характер, в конце 1920-х гг. охватывала 47 стран[25].

Разрушение организационных структур эмиграции как превентивная мера в борьбе с активизмом, дискредитация ее лидеров, заманивание их в СССР стало одним из направлений деятельности секретно-политического отдела ОГПУ-ГУГБ-НКВД СССР, контрразведывательного отдела, иностранного отдела[26]. Хорошо известно о похищениях руководителей РОВС генералов А.П. Кутепова в 1930 г., Е.К. Миллера в 1937 г. Н.С. Полушкин, выпускник императорского Александровского лицея 1 июля 1932 г. писал из Нью-Йорка сокурснику: «Какой ужас это дело с похищением бедного Е.К. Миллера – вероятно и Тебе пришлось больше, чем сочувствовать, а принимать, пожалуй и некоторое участие действенное, ведь Ты так близок к К.К., а через него и к семье его несчастного брата»[27]. Об операции по заманиванию в СССР С.С. Маслова, лидера Кре-

стьянской России – Трудовой крестьянской партии, пишет в своей книге М.В. Соколов[28].

Воздействие на эмиграцию, в том числе на РОВС, шло и через дипломатические каналы. Когда в 1937 г. после похищения Е.К. Миллера обязанности председателя РОВСа стал исполнять Ф.Ф. Абрамов, начальник III (болгарского) отдела Союза, болгарская газета «Дневник» опубликовала скандальную статью, раскрывавшую цели объединения бывших военных: террористическая деятельность против Советского Союза. В связи с этим 5 октября 1937 г. полпред СССР в Болгарии Ф.Ф. Раскольников телеграфировал замнаркома иностранных дел СССР В.П. Потемкину: «Абрамов… намерен перенести в Болгарию центральное управление русского общевойскового союза», – и предложил устроить по этому поводу демарш болгарскому правительству. В инструкции, полученной из Москвы, полпреду предлагалось предупредить болгарские власти, что «разрешение создания такого центра в Болгарии» будет расценено в СССР как «самый опрометчивый и недружественный акт». После советского демарша министерство иностранных дел и вероисповеданий заставило генерала Ф.Ф. Абрамова дать уверения в том, что центр РОВС не будет перемещен в Болгарию, и продекларировать свою лояльность стране[29].

С целью разложения эмиграции Москва вела пропагандистскую работу по репатриации. Если в 1920-е гг. СССР решался на возвращение эшелонов соотечественников хотя бы в показательных, агитационных целях, «для психического воздействия на эмиграцию», «с необходимым шумом вокруг этого дела»[30], то с 1928 г. поток возвращающихся оскудел и не только потому, что массовые возвращения уже осуществились или эмигранты не стремились вернуться в отечество. Эмиграция все чаще интересовала советские спецслужбы в качестве материала для вербовки информаторов[31]. Ужесточились критерии отбора эмигрантов, намеревавшихся вернуться. Могли играть роль и другие факторы. Например, после установления дипломатических отношений с Болгарией советский полпред Ф.Ф. Раскольников встретился в июле 1936 г. с маленькой группой эмигрантов, желавших возвратиться на родину. Вопреки ожиданиям он дал им совет оставаться в Болгарии, уверяя, что в СССР живут еще хуже, чем в здесь, по тому что «не

могут заниматься ни работой по специальности, ни частной торговлей»[32]. Информация была перепечатана болгарской газетой «Празнични вести» и в «Голосе России» Солоневичей, которая, по мнению болгарского исследователя Цветаны Кьосевой, «играла решающую роль в блокировании советской репатриационной политики». Трудно сказать, какие мотивы двигали полпредом, негласным распоряжением о нежелательности реэмиграции или желанием «уберечь от рокового шага» (Ц. Кьосева предполагает, что таким образом Ф.Ф. Раскольников «умело скрывал от эмигрантов политические последствия их возвращения»)[33]. Но сокращение числа репатриантов стало фактом. По некоторым данным из Болгарии с ноября 1934 г. по июнь 1941 г. на родину вернулось только 10 человек (бывшие военнопленные Первой мировой войны)[34].

Вопрос о возвращении на родину с конца 1920-х гг. решался почти исключительно персонально, через ВЦИК.

Так, в 1935 г. советским гражданином становится И.Я. Билибин. Он послал в СССР, директору Всероссийской академии художеств И. Бродскому, письмо, в котором аргументировал свое возвращение: «Я уже несколько лет мечтаю вернуться на родину и работать для нее по моей специальности. …Зная, что Вы стоите во главе Академии художеств, я, как Ваш старый коллега, и прошу Вас о содействии. / Работаю я, пожалуй, энергичнее и больше, чем прежде. Пока здоров. / Напоминаю Вам о своих специальностях: графическое искусство, декоративное, театр, профессура. Я ведь опытный преподаватель. За последние годы я делал много и пейзажей, рисовал немало людей. Чего только не делал! Люблю строгий, настоящий рисунок. / Жить здесь, в погрязшей в кризисе культурной Европе, трудно, главным образом, морально. / Ассимилироваться с другим народом я не могу. / Я никак не мог принять гражданство чужой для меня страны, как это сделали многие из наших коллег. / Вместо того чтобы отдавать все свои силы другой стране, хочется их отдать своей родине»[35]. В 1937 г. возвратился бывший военный атташе Российской империи во Франции граф А.А. Игнатьев, работавший в советском торгпредстве в Париже. Примеры можно продолжать. Но это были единицы. Селективный отбор советских властей с годами ужесточался.

Ходатайства рассматривались в течение долгих месяцев. Разрешения советские власти давали неохотно и не всем, о чем

свидетельствует деятельность Союза возвращения на родину во Франции (СВнР), созданного в 1924 г. после установления дипломатических отношений между Францией и СССР.

В 1930-е гг. приоритеты и содержание основных направлений деятельности СВнР несколько изменились[36]. На смену агитации «в пользу Советской власти и организации возвращенческих групп из числа рабочих и солдат»[37] пришли: «обличение предательской по отношению к русскому народу деятельности ряда эмигрантских групп», пропаганда «необходимости сознательного возвращения в СССР всех тех, кто хочет честно работать на благо своего народа и своей родины», повышение культурного и политического уровня своих членов[38], оказание помощи членам Союза в деле получения советского гражданства (в прежней редакции – «коллективное ходатайство перед представительством СССР о восстановлении в правах гражданства и разрешении въезда в пределы СССР»)[39]. На пропаганду из кассы Совнарода тратилось 64 %, остальное – на пособия, ссуды и пр.[40]

Печатным органом СВнР стала газета, позже – журнал, «Наш союз», выходившая с 1926 г. в Париже. Замышлялся как орган, который должен был конкурировать с милюковскими «Последними новостями», самой издаваемой и читаемой газетой эмиграции. Главной задачей издания было противостоять белоэмигрантской пропаганде. Попытки второго секретаря полпредства Л.Б. Гельфанда, в ведение которого СВнР перешел (после генконсула О.Х. Ауссема), привлечь к сотрудничеству писателей, живущих во Франции, И. Бабеля и И. Эренбурга результата не дали. Поскольку «Наш союз» не имел возможности платить приличный гонорар, а даром работать известные писатели не желали, их статьи в издании так и не появились[41].

С лета 1927 г. работа Союза затормозилась. Иностранный отдел ОГПУ из 2 149 рассмотренных дел отрицательное решение вынес по 861 (41 %). Лишь 1 288 ходатаям разрешен был въезд в СССР[42]. Каждый второй желавший вернуться в Россию, получал отказ из Москвы. Вторичное ходатайство принималось лишь через год (до 1928 г. – через 6 месяцев). К ноябрю 1928 г. через СВнР прошли 4,5 тыс. человек. Менее половины из них вернулись в Россию, часть получила советское гражданство без права какое-то время посещать СССР[43]. «Наш союз» писал, что через Совнарод за 10 лет его деятельности прошли 8 тыс. человек[44].

Еще в 1927 г. журнал «Наш союз» констатировал, что чем позже проявлялось желание возвратиться, тем больше подозрений возникало у советских властей по отношению, например, к солдатам Русского экспедиционного корпуса, не вернувшимся вместе с товарищами в начале 1920-х гг.; к молодым людям, вывезенным из Крыма в 15–17 лет и в течение 1924–1925 гг. не вспоминавшим о военной повинности, теперь же, зная, что в Красную армию перестарков не берут, они стали приходить за помилованием; к воинским чинам, переехавшим из Сербии и Болгарии, не соизволившим стразу вступать в Союз возвращения на родину[45] и писать ходатайства о советском гражданстве. И зачем было допускать домой тех, у кого там не осталось ни кола, ни двора, ни пристанища; тех, кому сразу же придется записываться на биржу труда, т. е. получать помощь от государства? А эмигрант царских времен, желающий вернуться, оторвавшийся от родной действительности, по укладу жизни ставший иностранцем – таким тоже не место в Советской России, нельзя годами жить за границей, потратить там лучшие свои жизненные силы и, измотавши их, вернуться в СССР на социальное обеспечение – приводил аргументацию журнал[46].

В одном из отчетов Л.Б. Гельфанд писал, что наступил фактический конец массовой репатриации. Дальнейшее существование Совнарода при фактическом отсутствии возвращения в СССР могло принести лишь отрицательные плоды. К 1 января 1929 г. Союз возвращения (3975 человек) и Союз русских рабочих (примерно 700 человек) были слиты в Союз советских и советизирующихся граждан во Франции (Союз Совграждан). После майских арестов и высылок руководства нового Союза эти организации вновь продолжили самостоятельное существование. В целом Союз сыграл роль буфера между родиной и эмиграцией, стал источником ознакомления с положением дел на родине и адаптации к предстоящей жизни в новых, советских условиях, а также внес вклад в разложение эмиграции.

Относясь избирательно к допуску в СССР российских эмигрантов, правительство готово было идти на уступки для привлечения из-за границы квалифицированных кадров, необходимых обороне и промышленности. Не случайно советское генконсульство в Париже в 1932 г., констатируя рост безрабо-

тицы во Франции и факт введения 10%-ной нормы по найму иностранцев «и прочих полицейских строгостей»[47], что затрудняло поиски заработка, ставило вопрос об отправке на работу в СССР членов Союза студентов-граждан СССР во Франции. Аргументами в пользу положительного решения этой проблемы было не только желание самих студентов скорее попасть на работу в СССР (а средств на дорогу не было), но и то обстоятельство, что приглашение иностранных специалистов обходилось значительно дороже.

В связи с индустриализацией увеличился поток рабочих в СССР, специалистов, среди которых было много соотечественников. Возник целый ряд юридических вопросов. Во избежание недоразумений была уточнена соответствующая терминология. Иммигрантами именовались лица, являющиеся иностранцами или натурализовавшиеся за границей, репатриантами – эвакуируемые в силу межгосударственных договоров, под реэмигрантами имелись в виду лица, сохранившие или восстановившие российское (советское) гражданство[48].

Промышленные и сельскохозяйственные реэмигранты делились на следующие категории: а) неквалифицированные рабочие, б) квалифицированные рабочие, в) лица высокой трудовой квалификации – инженеры, техники и т. д., г) лица либеральных профессий – врачи, юристы и т. д., д) земледельцы. Последнее слово, с точки зрения экономической целесообразности въезда реэмигрантов, оставалось за Комиссией Совета труда и обороны (КомСТО), которая сообщала НКИД список профессий, необходимых для народного хозяйства России[49]. Лица, не владевшие оговоренными специальностями, не могли рассчитывать на положительный ответ. Однако отказывать ходатайствующим о признании их сохранившими право гражданства и не допускать в СССР только потому, что они подпадали под категорию нежелательных промышленных и сельскохозяйственных реэмигрантов было невозможно, т. к. они признавались сохранившими право гражданства. Им выдавали заграничные виды, но в визе отказывали, не запрашивая центр. Лишь в случаях, когда заявление написано было в адрес ЦИК СССР, его вынуждены были принять. Заявления от земледельцев принимались только при условии представления справки от уездных земельных отделов в том, что у них или членов их семей имеется земельное хозяйство, не разрушенное или поддающееся восстановлению.

В июне 1931 г. на совещании, в котором участвовали представители НКИД, ОГПУ, Моссовета, был выработан проект дополнений к декрету 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей» Предлагалось разъяснить действующий закон в том смысле, что лица, выехавшие до 25 октября 1917 г. и натурализовавшиеся за границей, не могут рассматриваться как советские граждане. В результате 27 мая 1933 г. ЦИК и СНК приняли постановление «О бывших российских подданных, уехавших за границу до 25 октября 1917 г. и принявших иностранное гражданство или подавших заявление о принятии их в иностранное гражданство», в соответствии с которым означенные лица не считались гражданами СССР[50].

Рычагом влияния на беженскую среду оставался институт гражданства, который использовался как для отсечения эмигрантов, так и для предотвращения эмиграции. Известны акты лишения званий действительных членов Академии наук СССР и гражданства академиков А.Е. Чичибабина и В.Н. Ипатьева. Были сделаны попытки лишить гражданства А.Л. Толстую, любимую дочь писателя. В год 100-летнего юбилея отца, Л.Н. Толстого, она изъявила желание посетить Японию, получила приглашение японских друзей и добилась через М.С. Эпштейна, заместителя наркома просвещения А.В. Луначарского (встреча с которым также состоялась), командировки для чтения цикла лекций об отце. Из командировки она не вернулась. Генеральный консул СССР в Токио Б.Г. Подольский пригласил А.Л. Толстую к себе на собеседование «по вопросу, связанному с ее пребыванием за границей». В ответ та направила 4 февраля 1931 г. из Токио в Наркомпрос заявление, в котором указала, что не может работать в учреждениях, распространяющих антитолстовское учение, и потому от возвращения воздерживается[51]. Спустя несколько дней официально сообщила о своем решении корреспондентам японских газет, которые и распространили новость. Ряд американских газет также откликнулись на это сообщение: «Александра Толстая, добивающаяся визы в Канаду, получила распоряжение из Москвы вернуться в СССР. А.Л. Толстая заявила, что приказа не исполнит и в Россию не поедет»[52].

Советские власти обеспокоились поступком «перебежчицы». Был подготовлен проект соответствующих предложений: «Имея в виду поступившее от Толстой заявление с отказом

вернуться в СССР, поручить: 1) Президиуму ЦИК лишить А.Л. Толстую прав гражданства СССР. 2) Наркомпросу освободить А.Л. Толстую от всех занимаемых ею в учреждениях Наркомпроса должностей. 3) Т. Бубнову в специальной статье опубликовать в печати сообщение о культурном и хозяйственном строительстве, проведенном Советской властью в Ясной Поляне, о мероприятиях в связи с увековечением памяти Л.Н. Толстого вместе с оценкой поведения А.Л. Толстой и принятого о ней решения»[53].

Но нарком просвещения А.С. Бубнов, пришедший на смену А.В. Луначарскому, решил, что прежде следует провести переговоры с нарушительницей закона. 11 июля 1931 г. он писал Н.Н. Крестинскому: «Сущность отношения НКП к Толстой, изложена в письме неправильно. НКП не менял установленной по отношению к учреждениям, возглавляемым А.Л. Толстой, линии. Заведующим Ясно-Полянской школой состоял и состоит т. Савчук – беспартийный педагог, приглашенный в свое время по письменной рекомендации самой А.Л. Толстой. Для меня совершенно ясно, что Толстая ищет только повода когда-то нанесенных ей “обид” для того, чтобы оправдать свое невозвращение. В белогвардейской и заграничной буржуазной печати уже появились соответствующие истолкования причин невозвращения в СССР Толстой. / Несмотря на это, я бы считал правильным до того, как принять наше решение по этому вопросу в виде снятия Толстой со всех занимаемых ею постов, лишения гражданства и опубликования обо всем этом в печати, попытаться переговорить с ней, поручив этот разговор достаточно ответственному лицу. / Не сочли бы Вы поэтому возможным поручить нашему послу в Японии связаться с Толстой и попытаться в личном разговоре с ней убедить ее отказаться от своего решения не возвращаться в СССР. / Если в результате разговора с А.Л. Толстой выяснится потребность в снабжении нашего полпреда необходимыми материалами, таковые, разумеется, немедленно будут посланы»[54].

Ответ Н.Н. Крестинского последовал 26 июля 1931 г. Он дипломатично убеждал наркома в неправомерности его выводов в отношении невозвращенки: «Я заранее убежден, что разговор нашего полпреда с Толстой никаких результатов не даст и что в СССР она не вернется. Но нужно ли делать из этого выводы, которые предлагаете Вы. Лишение невозвращенца прав советского гражданства и объявление его вне закона есть

наше право, а не обязанность. Есть немало невозвращенцев, гораздо более злостных, чем А.Л. Толстая, которых мы вне закона не поставили и которых из нашего гражданства не исключили. А ведь мы могли бы делать это по отношению к ним без всякого риска вызвать против себя международную кампанию в печати, ибо лица эти никому не известны и никого не интересуют. / Если мы допускаем подобную мягкость (и правильно) по отношению к многочисленным рядовым безымянным невозвращенцам, то, что обязывает нас непременно начинать дело против А.Л. Толстой. Уехала от нас мало нам нужная старая женщина, которая видит, что жизнь у нас развивается не по-толстовски, что перспектив развития толстовского движения в СССР нет и что гораздо большую и лучшую аудиторию для себя найдет она в буржуазных странах. Возможно, что она ошибется, что и там за ней никто не пойдет. Для нас важно не это. Важно то, что нам она не нужна, что мы с ее отъездом не теряем ни политически, ни в деловом смысле; если же мы объявим ее вне закона или хотя бы опубликуем о лишении ее советского гражданства, если даже мы выступим с полемической против нее статьей, то мы сами придадим этому делу такое значение, которое она не заслуживает, привлечем к нему внимание мировой прессы и подымем против себя кампанию в связи с лишением гражданства дочери, притом любимой дочери, самого Льва Толстого. Политически это нам повредит, и начинать всей этой истории, по-моему, не стоит»[55].

Дабы не привлекать излишнее внимание к этому вопросу, к персоне А.Л. Толстой, советские власти решили не будировать общественное мнение. В то же время А.Л. Толстая после неудачных попыток добиться визы в Канаду перебралась весной 1931 г. в США, где в апреле 1939 г. создала Толстовский Фонд, а в 1941 г. – знаменитую Толстовскую ферму[56].

Эмиграция оказывалась в сфере взаимоотношений СССР с другими государствами. В двусторонних договорах советское руководство, как правило, настаивало на включении статьи, направленной против Зарубежной России. Например, договор о ненападении между СССР и Францией от 29 ноября 1932 г. содержал в ст. 5 следующее: «…каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется… не создавать, не поддерживать, не снабжать, не субсидировать и не допускать на своей территории ни военных организаций, имеющих целью вооруженную борьбу против другой Стороны, ни организа-

ций, присваивающих себе роль правительства или представителя всех или части ее территории».

Установление дипломатических отношений странреципиентов с СССР, как правило, вело к ослаблению влияния русских организаций на жизнь эмигрантов, нивелированию их роли, в том числе в вопросе управления русскими музеями, архивами, школьным делом. Их переподчиняли государственным учреждениям, что вело к обезличению русской эмиграции. Например, в Болгарии, установившей в 1934 г. дипломатические отношения с СССР, финансирование эмигрантов происходило на основании Положения об организации русской вспомогательной акции от 15 августа 1935 г. Положение предусматривало помощь только инвалидам, больным, престарелым, бедным и нетрудоспособным лицам, а также учащимся и студентам в русских учебных заведениях, включая персонал. Через год из-за сокращения финансирования встал страшный по своей сути вопрос выбора: «Кто нужнее эмигрантам – больные и инвалиды или дети?»[57].

Ц. Кьосева пишет о пункте втором протокола об установлении дипломатических отношений между СССР и Болгарией, подписанном 23 июля 1934 г. и запрещавшем обоим государствам допускать в свои дипломатические представительства политических эмигрантов.

Ухудшение положения эмиграции после японской оккупации Северо-Востока Китая советское руководство расценивало как факт положительный, ибо «своей политикой или, точнее, практикой гонений на русских японцы льют воду на нашу мельницу: аресты, обыски эмигрантов, принуждение эмигрантов становиться на сторону Семенова, травля таких маститых эмигрантских деятелей как Гондатти и др., разгром легитимистов, младороссов, закрытие органа общевоинского союза “Русское слово”, разговоры о предстоящем закрытии “Зари” и “Рупора”… – все это способствует указанным выше антияпонским настроениям эмиграции». Дело в том, что эмигранты стали активно подавать ходатайства о приеме в советское гражданство с немедленным выездом из Маньчжоу-Ди-Го, и лишь небольшой процент – без немедленного выезда в СССР. Непримиримые противники советской власти направлялись на юг, в Шанхай. При этом «Харбинское время» публиковало специальные заявления с заверениями, что русским «будет прекрасно житься и что всякие пессимистические разговоры

среди них являются результатом провокационной работы легитимистов и младороссов здесь [в Харбине], а также русских в Шанхае, которые в купе являются ни более ни менее как … агентурой Коминтерна, по указанию которой указанные элементы “сеют смуту” среди эмиграции, направляя ее против Маньчжоуго и бюро эмиграции»[58].

В свою очередь, новые маньчжурские и оккупационные японские власти поддерживали процесс «десоветизации» эмигрантов. И наоборот: всех «подозрительных» лишали эмигрантского статуса[59].

Последние усилия СССР по вытеснению русских беженцев из сферы внимания мирового сообщества связаны с упразднением специального учреждения при Лиге Наций, занимавшегося их защитой – Международного офиса по делам беженцев имени Ф. Нансена[60]. С самого начала, т. е. с момента создания и деятельности верховного комиссариата по делам русских беженцев в 1921 г., Советская Россия неоднократно высказывала протесты против защиты «врагов советской власти». Протесты касались как системы удостоверений личности (нансеновских паспортов, учрежденных в 1922 г.), так и принятия соглашения (1928 г.), позже конвенции (1933 г.) о статусе русских беженцев.

Таким образом, видим, что российская эмиграция стала заложницей политической конъюнктуры. Международные отношения, характер режимов в странах-реципиентах, их внешнеполитическая ориентация влияли на положение и организацию соотечественников за рубежом. Идеология взяла верх над гуманитарными задачами. Укрепление позиций СССР вело к вытеснению эмиграции с международной арены. Сначала беспрецедентные масштабы исхода, напугавшие Запад, были использованы большевистской властью для расширения международных контактов, затем под нажимом советской стороны шло сокращение сферы самодеятельности Зарубежной России, ее «обезличивание».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Дан Ф.* К проблемам социально-экономического развития СССР // Социалистический вестник. 1932. № 6.

[2] См.: *Чубыкин И.В.* Российские социалисты-революционеры в эмиграции (1920-е годы). Автореф. дисс. … к. и. н. – М., 1996. С. 18–19.

[3] *Сталинский Е.* Сталин и деревня (по поводу коллективизации земледелия) // Воля России. 1930. № 1. С. 61–75.

[4] См.: Собрания «Дней». Коллективизация: Политические выводы (Доклад А.Ф. Керенского) // Дни. 1930. № 89. С. 4–7.

[5] Собрания «Дней». Споры вокруг коллективизации. (Выступление О.С. Минора) // Дни. 1930. № 81. С. 6.

[6] *Сухомлин В.В.* На разные темы. Вперед или назад? // Воля России. 1930. № 4. С. 395.

[7] *Сталинский Е.* Кто кого? (Пятилетка и Россия)// Воля России. 1931. № 3–4. С. 342–358.

[8] *Гольдельман С.И.* По России и о России. Капитализм наизнанку // Революционная Россия. 1929. № 75–76. С. 27–32.

[9] *Ненарком* [*Чернов В.М.*]. Вокруг советского «Центра центров» // Революционная Россия. 1924. № 33–34. С. 22–26; *Он же.* За кулисами партийной дискуссии // Там же. С. 26–31; *Он же.* Перетасовка карт // Там же. 1926. № 46. С. 18–23.

[10] См.: «Повелитель тысячи ведомств, которые в России всевластны». В.М. Чернов о И.В. Сталине / публ. подготовил А.П. Новиков // Исторический архив. 2007. № 4. С. 4–28.

[11] Русский еженедельник в Бельгии. 1939. 10 марта.

[12] Русский еженедельник в Бельгии. 1939. 10 янв.

[13] *Михалев Н.М.* Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды (1920–30-е годы). Автореф. дисс. … к. филол.н. – М., 2009. URL: http://old.mediascope.ru/node/476 (Дата обращения: 12.10.2012.)

[14] *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – М., 1990; *Агабеков Г.С.* ГПУ. Записки чекиста. – Берлин, 1930; *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – Берлин, 1931 и др.

[15] *Троцкий Л.Д.* Преданная революция: Что такое СССР и куда он идет? URL: http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotl001.htm (Дата обращения: 12.11.2012.)

[16] *Овсянников А.А.* Леворадикальная эмиграция о судьбах России (работы 1920–1930-х годов) // История и историки. 2003. Историографический вестник / отв. ред. член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. – М., 2003. С. 59–94.

[17] Цит. по: *Щетинов Ю.А.* Режим личной власти Сталина. К истории формирования // Режим личной власти Сталина. К истории формирования. – М., 1989. С. 88.

[18] *Семенов К.К.* Берлинский узел РОВСа (1920–1945) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2012. – М., 2012. С. 29–30.

[19] *Михалев Н.М.* Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды (1920–30-е годы). Автореф. дисс. … к. филол.н. – М., 2009. URL: http://old.mediascope.ru/node/476 (дата обращения: 12.10.2012).

[20] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 113.

[21] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 140.

[22] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 102.

[23] *Михалев Н.М.* Журналистика русского зарубежья и становление советской контрпропаганды (1920–30-е годы). Автореф. дисс. … к.филол. н. – М., 2009. URL: http://old.mediascope.ru/node/476 (дата обращения: 12.10.2012).

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. – М., 2008. С. 331.

[27] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. G(1)-10.

[28] *Соколов М.В.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР. – М., 2011. С. 434.

[29] *Кьосева Ц.* Русская военно-политическая эмиграция в Болгарии // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. С. 42.

[30] Цит. по: Миграции и туризм в России. – М., 2007. С. 189.

[31] *Кьосева Ц.* Разведка советского полпредства в Софии среди русских эмигрантов 1934–1939 гг. // Нансеновские чтения 2008. – СПб., 2009. С. 167–170.

[32] *Кьосева Ц.* Разведка советского полпредства в Софии среди русских эмигрантов 1934–1939 гг. // Нансеновские чтения 2008. – СПб., 2009. С. 166.

[33] Там же.

[34] Там же. С. 167. Ц. Кьосева ссылается на исследование Л. Ревякиной.

[35] Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов / сост., авт. предисл. и ввод. ст. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов. 2-е изд., доп. – М., 1987. С. 68–69.

[36] Хотя и в середине 1920-х гг. генеральный консул в Париже О.Х. Ауссем, курировавший на начальном этапе Союз, формулировал задачу узко: «о возможном содействии консульства в деле разложения этой эмиграции». Цит. по: *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции. Союз возвращения на Родину (20-е гг.) // Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.). – СПб., 1995. С. 101.

[37] Там же.

[38] В Уставе говорилось: «Каждый сознательный возвращенец должен всемерно подготовить себя к советскому гражданству, к советской работе, к тому новому культурному миру, который носит название СССР. Он должен проделать над собой большую работу, чтобы превратиться из белого беженца в советского человека». Цит. по: *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции. Союз возвращения на Родину (20-е гг.) // Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.). – СПб., 1995. С. 101.

[39] *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции. Союз возвращения на Родину (20-е гг.). С. 100–101.

[40] Справка об организациях, стоящих на советской платформе (1926 г.) // АВПРФ. Ф. 0136. Оп. 8. П. 139. Д. 581. Л. 40.

[41] *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции. Союз возвращения на Родину (20-е гг.). С. 103.

[42] *Бочарова З.С.* Реализация советской политики по репатриации российских граждан в 1920-е гг. // Нансеновские чтения 2008. – СПб., 2009. С. 243.

[43] *Бочарова З.С.* Репатриация россиян из Франции. Союз возвращения на Родину (20-е гг.). С. 104.

[44] Наш союз. – Париж, 1935. № 64–65. С. 2.

[45] Союз возвращения на родину действовал в Болгарии в 1922–1923 гг.

[46] Наш союз. – Париж, 1927. № 20 (51). 12 июня. С. 6.

[47] Цит. по: Миграции и туризм в России. – М., 2007. С. 193.

[48] *Бочарова З.С.* Реализация советской политики по репатриации российских граждан в 1920-е гг. // Нансеновские чтения 2008. – СПб., 2009. С. 247.

[49] Там же. С. 248.

[50] СЗ. 1933. № 34. Ст. 200.

[51] Заявление А.Л. Толстой приведено в книге Ю. Хечинова «Крутые дороги Александры Толстой». (М., 2000). С. 279–280. Копия заявления отложилась в АВПРФ, в фонде Секретариата Крестинского.

[52] Цит. по: *Хечинов Ю.* Крутые дороги Александры Толстой. – М., 2000. С. 280–281.

[53] АВПРФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 6. Д. 18. Л. 29.

[54] АВПРФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 6. Д. 18. Л. 27.

[55] АВПРФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 6. Д. 18. Л. 30–31.

[56] Подробнее см.: *Хечинов Ю.* Крутые дороги Александры Толстой. – М., 2000. С. 293–335.

[57] *Кьосева Ц.* Русские школы в Болгарии (20-е – 40-е годы XX века) // Русское зарубежье в Болгарии: история и современность. – София, 2009. С. 70. Окончательно русские учебные заведения эмигрантов здесь были ликвидированы после 1944 г., когда под советским давлением приостановили для них государственную помощь. Решающую роль сыграло навязанное советскими представителями мнение о том, что эти школы являются рассадникам «русского национализма» // Там же. С. 71.

[58] АВПРФ. Ф. 0100 «б». Оп. 5. П. 106. Д. 27. Л. 132–133. Из записи вместо дневника т. [М.М.] Славуцкого (с 1 по 15 октября 1935 г.).

[59] *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. 2012. № 2 (32). С. 78.

[60] До 1931 г. – верховного комиссариата по делам русских беженцев.

6

МАЯКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИЙСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Если политическая жизнь разъединяла эмиграцию, являлась сферой, куда внедрялись советские спецслужбы и разлагали ее, то культура играла консолидирующую роль. Эмиграция вела трепетную, неустанную работу по созданию институтов и форм сохранения исторической памяти (русских издательств, органов печати, литературы, системы национального образования, театров, музеев, библиотек, архивов, празднованию юбилейных дат). Эти слагаемые составили основу, на которой базировалось здание России Зарубежной. На этой почве создавались столпы, помогавшие выжить, сохранить национальное самосознание и идентичность.

Но и здесь ситуация менялась. Активно поддержанные в первой половине 1920-х гг. рядом правительств стран-реципиентов «русские акции», предусматривавшие помощь лицам, структурам, учебным заведениям, стали сворачиваться. Хотя все попытки политического объединения Зарубежья провалились, неугасимый «светильник национального сознания» продолжал поддерживаться, ибо «связь через родную культуру цементирует нацию не только в пространстве, но и во времени». И важно было показать достижения, продемонстрировать всех «великанов духа», опереться на них, дабы не оторваться от родных корней и не ощутить свое пребывание вне родины бессмысленным.

Интерес ко всему русскому из года в год культивировался в ходе празднования Дней русской культуры (ДРК), начало которым было положено в середине 1920-х гг. Альтернативный ему День Русской Славы, организованный в качестве некоего ответа «правым» лагерем и приходящийся на день памяти

ДЕНЬ
РУССКОЙ
КУЛЬТУРЫ
Парижъ
7 іюня
1931

Святого князя Владимира, крестителя Руси, на 15/28 июля, не получил столь широкого распространения. Праздники ДРК проходили под знаменем имени А.С. Пушкина и в день его рождения. По поручению Исполнительного комитета ДРК Е.Ф. Шмурло не раз готовил список юбилейных дат. Так, В.Ю. Волошина приводит список событий, юбилей которых ученый предлагал отметить в 1929 г.: 75-летие первого представления «Евгения Онегина», 100-летие появления труда Н.М. Карамзина «История государства Российского», 100-летие со дня смерти знаменитого немецкого путешественника и естествоиспытателя барона А.Ф. Гумбольта, составившего описание значительной части азиатской России, 200-летие написания А.Д. Кантемиром первой сатиры «К уму своему», 200-летие открытия Берингова пролива, 200-летие Ф.Г. Волкова, основателя русского театра, 300-летие Симеона Полоцкого, 375-летие возведения собора Василия Блаженного и 450-летие Успенского собора[1].

Историк А.А. Кизеветтер, определяя смысл ДРК, писал: «Мы отлично умеем ссориться и расходиться. Но тяга к духовному единению вопреки этим ссорам и расхождениям живет в наших душах. Дадим же полный простор ее выражению в прекрасный день, именуемый “Днем Русской Культуры”»[2].

Пропаганда ДРК шла активно: репортажи в русской эмигрантской прессе, специальные номера журналов для детей и взрослых, однодневные газеты («Русский день», «День русского просвещения», «Русская культура»), брошюры с описанием праздника, издание текстов речей и докладов, публикация ежегодных отчетов Педагогического Бюро.

«Почитание народных героев» стало одним из способов поддержания национального достоинства[3] русского Зарубежья. Тесно вплелось в культурно-историческую, общественную, образовательную ткань жизни Зарубежья имя М.В. Ломоносова. Духовная связь Пушкина и Ломоносова несомненна. Писавшие о Ломоносове, обратили внимании на конгениальность, с какой поэт оценил истинное значение этой фигуры в истории русской культуры, утверждая, что тот «сам по себе явился первым российским университетом»: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все области просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей.

Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник»[4]. Так же как Ломоносов стоял у истоков русской науки, желал сделать первую Академию и первый университет истинно русскими, так и Пушкин «раскрыл национальные черты русского народа, обнажил его духовный лик», «вдохнул в культурные слои общества сознание своей национальности». Ту же историческую миссию взяла на себя эмиграция: раскрыть национальные особенности, показать русским, что они русские и вместе с тем разъяснить, в чем заключается их русскость[5]. Юбилейные даты, связанные с именем ученого и с Московским университетом, празднование Дней русской культуры (ДРК), научная литература, учебные хрестоматии, литературные антологии, книги для детей, публицистика, рецензии – вот то полотно, на котором блистал образ М.В. Ломоносова.

В связи со 170-летием со дня смерти М.В. Ломоносова Русский свободный университет в Праге и Комитет «День русской культуры» устроили 18 октября 1935 г. торжественное собрание в бывшем дворце До, предоставленном Славянским институтом. Речи были сведены в брошюру и опубликованы[6].

Событием огромного значения стало празднование 175-летия основания Московского университета в 1930 г.[7] За год до того с такой инициативой выступили русские ученые и общественные деятели в Париже и Праге. 23 июня 1929 г. «Последние новости» от имени Общества бывших воспитанников Московского университета в Париже призвали всех, у кого сохранились материалы по истории университета, воспоминания, фотографии и т. п., присылать их на имя секретаря Общества А.С. Крапивина. Общество объединяло «всех бывших воспитанников и преподавателей Московского университета, рассеянных за рубежом». Руководил работой Юбилейный комитет во главе с бывшим профессором Московского университета А.Л. Байковым. Одним из организаторов торжественных мероприятий Зарубежья, посвященных юбилею Московского университета, являлся В.Б. Ельяшевич, который входил в Московское землячество в Париже, участвовал в Татьяниных днях, на годичном собрании Общества бывших воспитанников Московского университета (1931 г.) избран в правление. Он же возглавлял редколлегию юбилейного сборника[8]. Каждый член редакционной коллегии курировал кон-

кретный раздел: об истории университета (А.А. Кизеветтер), о вкладе его в русскую культуру (П.Н. Милюков), воспоминания преподавателей и воспитанников (М.М. Новиков). Хотя и с небольшим опозданием, сборник был опубликован.

Мероприятия по случаю юбилея проходили не только в Париже, но и в Праге, Берлине и других центрах российской эмиграции. Это были заседания, вечера, концерты. В Союзе русских адвокатов состоялся вечер воспоминаний, в Московском землячестве – небольшой концерт. Газеты Зарубежья публиковали доклады, ежедневные отчеты. Лишь в советской прессе празднование не нашло отклика.

Торжество привлекло внимание мировой академической общественности. Профессор Легра от Сорбонны и профессор Ульянов от Лозаннского университета огласили ряд поздравительных адресов, М.М. Федоров зачитал список крупнейших университетов, приславших свои приветствия (Франция: Тулузский, Безансонский университеты, Университет г. Пуатье; ЧСР: Карлов и Немецкий университеты в Праге, Университет г. Брно; Германия: Йенский, Марбургский, Вюртембергский, Лейпцигский университеты; Копенгагенский (Дания), Брюссельский (Бельгия) университеты и другие.

Пожелание Юбилейного комитета к докладчикам подготовить свои выступления «в духе внепартийности и политической сдержанности» и намерение придать празднованию 175-летия Московского университета «академический и соответствующий русскому национальному празднику характер» нарушило выступление П.Н. Милюкова, прозвучавшее в полемичном духе, ибо оратор сконцентрировал внимание на взаимоотношениях русского высшего образования и власти. В то время как В.А. Маклаков, произнесший речь на французском языке, обратился к истории возникновения Московского университета и роли университета в деле просвещения. В целом торжества продемонстрировали авторитет русской науки и платформу для возможного единения.

К концу 1920-х гг. культурным оазисом Российского Зарубежья оставалась Югославия. КСХС приняло эстафету научного и культурного центра Зарубежной России. Исключительным явлением в эмигрантской жизни стало создание в Белграде культурного центра, объединившего под своей крышей учебные, научные и культурно-просветительские учреждения. Им

стал Русский дом им. императора Николая II. Его строительство и открытие (9 апреля 1933 г.) состоялось при посредничестве короля Александра I Карагеоргиевича, сербского патриарха Варнавы, председателя Комитета по делам русской культуры академика А. Белича, сербских и русских благотворительных организаций и частных лиц. Открытие Русского дома состоялось в апреле 1933 г. Смысл его деятельности заключался в сохранении национальной эмигрантской культуры, которая в будущем должна вернуться в Россию. Русский дом стал памятником братства югославского и русского народов. На открытии Дома председатель Государственной комиссии помощи русским беженцам академик А. Белич сказал, что Дом «создан для всех многосторонних отраслей эмигрантской культурной жизни. Оказалось, что русские люди и вне своей поруганной Родины могут еще многое дать старой мировой культуре».

В комфортабельном просторном здании, возведенном по проекту русского архитектора В.Ф. Баумгартена (1879–1962), разместились Русский научный институт, Русская публичная библиотека и архив, Музеи императора Николая II и русской кавалерии, русская начальная школа, мужская и женская русско-сербские гимназии, Русское музыкальное общество, Союз русских художников, издательство «Издательская комиссия», Государственная комиссия по делам русских беженцев, концертно-театральный зал, читальни, выставочные салоны, гимнастический зал, преображавшийся в воскресные дни в домовую церковь.

Хроникеры называли сентябрь 1928 г. «русскими днями в Белграде». Писатели и журналисты съехались сюда сразу после съезда русских ученых. Съезды Русского академического союза и русских писателей на югославской земле в 1928 г. показательны Это был триумф «русских дней» в Белграде. Интеллигенция за рубежом увидела в этом знамение, что россияне собрались с тем, чтобы объявить всему миру, что храм русской культуры разрушен, но не уничтожен, что не утрачена их творческая мощь, энтузиазм, живой дух. В мае 1928 г. здесь был создан Русский культурный комитет, в задачи которого входило «собирание и развитие в Белграде русских научных, литературных и художественных сил». Комитет способствовал проведению IV съезда академических организаций.

Делегаты получили льготный проезд по железной дороге и на городском транспорте, для проживания и проведения заседаний бесплатно предоставлялись общежития и аудитории. Приветствовал участников съезда сербский общественный комитет под руководством епископа Досифея. Е.Ф. Шмурло называл неделю, проведенную в Белграде, давно небывалым праздником русской культуры[9].

Съезд поставил вопрос о необходимости сплочения сил эмиграции. Все прежние попытки в этом направлении заканчивались провалом из-за политических разногласий. В.Г. Коренчевский предложил Союзу русских академических организаций взять на себя дело объединения и создать внепартийное Деловое объединение русских профессиональных и национально-культурных беженских организаций, «где всякая политическая партийность была бы удалена, исключая, конечно, одного, что объединение является эмигрантской, т. е. антибольшевистской организацией»[10]. IV съезд также принял решение о создании библиографии трудов ученых, опубликованных ими за пределами России. Эту задачу поручили только что открытому в Белграде Русскому научному институту.

Во время съезда король Александр пожаловал русским ученым высшие государственные награды – ордена Св. Саввы II и III степеней. Н.О. Лосский удостоился ордена Св. Саввы III степени[11], а после форума остался в Белграде по просьбе Русского научного института, чтобы прочесть курс о чувственной, интеллектуальной и мистической интуиции.

В следующем, 1929 г., съезд Русских академических организаций состоялся в Софии. Н.О. Лосский в своих воспоминаниях отмечает, с каким почтением местное население относилось к русским, потомкам участников войны 1877–1878 гг. Болгарское правительство воспользовалось случаем, чтобы показать участникам съезда русских ученых красоты и достопримечательности страны. Путешествие было организовано частью на автомобилях, частью по железной дороге. Ученые увидели Долину Роз, древнюю болгарскую столицу Тырново, расположенную в очень живописной местности, Рыльский монастырь, проезжали через Шипкинский перевал, посетили Плевну. «В каждом городе устраивался банкет, произносились речи, было живое общение, ярко выражавшее любовь болгарского народа в России и к русским», – писал ученый[12].

Последний V съезд русских академических организаций за границей состоялся 14–21 сентября 1930 г. в Софии под покровительством министерства просвещения Болгарии с участием русских и болгарских ученых. Был сделан шаг к интеграции российских научных деятелей в мировую науку. Но сохранение национального духа, единого научного и культурного пространства оставалось смыслом их существования.

Яркой вспышкой на небосклоне русской культуры стал Первый съезд русских эмигрантских писателей и журналистов. В мае 1928 г. в Белграде начало работу Оргбюро. Инициативу и подготовку проведения всеэмигрантского литературного съезда не случайно взял на себя белградский Союз русских писателей и журналистов[13]. Союз стал «центром здорового национализма, проповедником русской национальной идеи, той идеи, которую отняла у народа большевистская власть одновременно с уничтожением свободного русского слова»[14], т. е. был монархически ориентирован. Как писал И.С. Шмелев, на фоне всей Европы выделялась «одна страна – не из великих держав! – одна христианская страна, была малая Сербия». Дочь И.А. Куприна утверждала, что ориентация на идею славянского единства подвигла короля Александра и югославское правительство поддерживать тех эмигрантов, кто в Королевстве не жил, принять на себя духовное покровительство в отношении русских писателей и журналистов, финансировать проведение съезда.

В сентябрьские дни 1928 г. на вокзал в Белграде стали прибывать литераторы. Они сразу почувствовали местное радушие. Особенно тепло приветствовали И.А. Куприна и Б.К. Зайцева. Городское управление призвало население оказывать особое внимание и предупредительность к «дорогим русским гостям», обеспечило бесплатный проезд в трамвае и автобусах, а министр путей сообщения – по территории всего Королевства. Были вывешены национальные флаги, что подчеркивало торжественность момента. Расселили писателей и журналистов в только что выстроенном на средства короля уютном и комфортабельном студенческом общежитии. А.А. Яблоновский в те дни писал, что приехали они в одиннадцатом часу вечера. Однако вместо отдыха пришлось ехать в ресторан, чтобы не обидеть гостеприимных хозяев, отведать замечательной дунайской стерляди, встретиться с соотечественниками.

25 сентября 1928 г. в 11.00 в актовом зале Белградского университета состоялось открытие съезда русских писателей и журналистов за рубежом, собравшего 111 участников. О значимости каждого из представленных на съезде местных союзов говорит численность делегатов с правом голоса: от Парижа – 39, от Праги – 16, от Берлина – 10, от Белграда – 8, от Варшавы – 5. Аудитория вмещала 1,5 тыс. человек. Пригласительных билетов роздано – 2 тыс., но удовлетворить всех желавших присутствовать на церемонии не удалось. Председательствовал в почетном президиуме старейшина писательского цеха 84-летний В.И. Немирович-Данченко (брат советского режиссера). На торжественном открытии он выступил с докладом «О значении и задачах съезда». Приветственное слово произнесли министр народного просвещения М. Гроль, председатель белградской общины К. Куманудь, председатель Державной комиссии А.И. Белич, епископ Досифей, ученик В. Соловьева, начальник управления по делам российских эмигрантов В.Н. Штрандтман, сербская писательница Богданович и др. В ответ речь произнес А.А. Яблоновский: «Мы все знаем, все чувствуем, что за нашей спиной стоит тень Великой России. …Это нам, русским эмигрантам, выпала на долю страшная задача – говорить за Россию и требовать прав для нашей обездоленной родины. Это нам судьба указала сохранить во всей чистоте великие традиции русской литературы и честные заветы свободного русского слова»[15].

Программа съезда была обширна и многообразна. Было заслушано 17 докладов по 11 темам, большей частью касавшимся организационных основ литературной жизни (с обстоятельным докладом об уровне, объемах и качестве издания русской книги в эмиграции выступил Полонский), а также о деятельности местных организаций[16], положении русской прессы в Париже (К.К. Парчевский), в Подкарпатской Руси (С.А. Фенцик), в Латвии (М.И. Ганфман).

Первым в повестке дня стоял доклад «О положении вопроса защиты авторского права на местах и о практике перепечаток русских авторов»[17] (С.В. Завадский, В.Н. Челищев), далее обсуждались вопросы о правовом положении русских писателей и журналистов за границей (доклад заболевшего П.И. Звездича прочитал А.А. Боголепов), о создании Литературного фонда (подготовленный И.С. Шмелевым, не прибывшим из-за

болезни на съезд, доклад также был зачитан), литературной этике и защите профессиональной чести (С.П. Мельгунов), о положении советской печати и т. д. И.С. Шмелев предлагал объединить все союзы зарубежных русских литераторов и создать общий литературный фонд, в который должен отчисляться определенный процент с заработка всех его участников. Оживленные прения вызвал доклад С.П. Мельгунова, призвавшего к созданию судов чести и третейских судов как органов защиты журналистской этики. Эмигрантские литераторы, декларировавшие в качестве объединяющей их идеи свободу слова и печати, осудили тройной прессинг советской цензуры: партийной, правительственной и «самоцензуры», т. е. самокритики самих писателей.

Съезд совпал с международным конгрессом по защите авторского права (Белград, 27 сентября 1928 г.). Из юристов, представленных в большом числе на писательском съезде, была создана комиссия (Ф.В. Тарановский, М.П. Чубинский, С.В. Завадский, В.Ф. Зеелер, В.Н. Челищев, Н.М. Могилянский, С.И. Варшавский), которая разработала основные положения по защите прав с учетом особого статуса русских писателей-эмигрантов и представила конгрессу. Участники подчеркивали общечеловеческое культурное значение работы русских писателей за границей, а потому призвали защищать права русских авторов независимо от того, чьими подданными они являются, в каком месте живут и где появилось то или иное произведение, не взимать с них, в виде исключения, при спорах крупные денежные залоги и уравнять во всем с авторами той страны, в которой живут[18].

1 октября состоялось закрытие съезда. Последним актом стала отправка приветственных телеграмм отсутствующим по болезни И.С. Шмелеву и П.Б. Струве и телеграммы с пожеланиями выздоровления П.Н. Милюкову. Съезд стал большим событием в жизни Сербии: ему сопутствовали литературные вечера (один из них посвящался 100-летнему юбилею Л.Н. Толстого), встречи с читателями, с сербскими женскими обществами, с русской и югославской студенческой молодежью, приемы на уровне королевского двора. Король Александр принял всех участников съезда 27 сентября, каждый из которых был ему представлен. Прием проходил с концертом К. Дебюсси, С.В. Рахманинова, А.Г. Рубинштейна. Позже со-

стоялась встреча короля Сербии с 14 русскими писателями, награжденными высшими орденами страны Св. Саввы. Орден Св. Саввы 1 ст. получили В.И. Немирович-Данченко и Д.С. Мережковский[19], 2-й ст. – Е.Н. Чириков, И.А. Куприн, З.Н. Гиппиус, Б.К. Зайцев, Е.В. Спекторский, 3-й ст. – А.А. Яблоновский, В.В. Руднев, А.А. Боголепов, Н.М. Могилянский, С.И. Варшавский, С.М. Кельнич, А.И. Ксюнин, 4-й ст. – К. Бельговский, Н.М. Волковысский, Е.А. Жуков. Как писала дочь Куприна, прием был очень теплый. Она же привела рассказ одного из участников: «Как-никак ведь это единственный король в Европе, который просто, по-человечески заинтересовался нашей судьбой, захотел с нами познакомиться, поговорить, посмотреть на нас поближе, позвать к себе чай пить. До этих пор иностранцы – большие и маленькие – говорили с нами только о визах, о нансеновских паспортах, о праве на жительство и о более или менее срочном выселении из пределов…». Приветствуя В.И. Немировича-Данченко, король произнес: «Вы – живая история Сербии. Вы ведь были добровольцем в сербо-турецкую войну?»

На съезде с обстоятельным докладом о Центральной книжной палате (об уровне, объемах и качестве издания русской книги в эмиграции) выступил Полонский, вызвав оживленный обмен мнениями. В результате была единодушно принята резолюция о создании Центрального регистрационного бюро для выходящих за рубежом русских изданий[20].

Белградский съезд русских писателей и журналистов привлек внимание в мире, и в особенности в Советском Союзе, к русской зарубежной литературе как к новому общественному явлению. Советские писатели и поэты, собравшиеся в столице на съезд «красных редакторов», признали значение заграничного съезда (Д. Заславский, Д. Бедный), хотя награждение писателей, их прием у короля вызвали бурю возмущения в Москве. Газета «Правда» посвятила его работе редакционную статью «Русские писатели».

И.С. Шмелев говорил, что «белградский съезд – это величайшее из событий русских за этот десяток лет российского исхода на мировое поприще»[21]. В память о съезде белградский союз русских писателей и журналистов организовал скромный музей.

Съезд объявил о создании Зарубежного союза русских писателей и журналистов, объединившего до 600 членов. Было

постановлено собирать съезды один раз в два года. Выбрали Совет союза (который должен был располагаться в Париже) во главе с председателем – А.А. Яблоновским) и Правление (местом пребывания которого стал Белград, председатель – Ф.В. Тарановский). В резолюции, принятой съездом, говорилось о необходимости охранять неприкосновенность великих духовных ценностей, которые эмиграция вывезла из России, чтобы выполнить почетную обязанность и передать эти ценности грядущей свободной России. Практическим итогом съезда стало создание при Сербской АН особой издательской комиссии, которая стала выпускать ранее не издававшиеся произведения писателей-эмигрантов – И.А. Бунина, И.А. Куприна, Б.К. Зайцева, Д.С. Мережковского, И.С. Шмелева, А.М. Ремизова и др., а также серию «Детская библиотека». Данная акция имела огромное значение в условиях сокращения количества эмигрантских издательств в Западной Европе и в свете того обстоятельства, что на родине в справочно-библиографическом издании Академии художественных наук «Писатели современной эпохи» 1928 г. ни одно из этих имен не было упомянуто[22].

Не была представлена на съезде дальневосточная литературная ветвь. Между тем писательская и публикаторская жизнь здесь не утихала, хотя образование Маньчжурской империи отразилось на русской печати. В годы японской оккупации один за другим стали исчезать очаги и китайской, и маньчжурской, и русской культуры. В 1932–1933 гг. в Харбине неоднократно делались попытки выпускать русские газеты под иностранным, главным образом, англо-американским флагом.

Заметную роль сыграл литературно-художественный иллюстрированный журнал «Рубеж», начавший выходить еще в 1926 г. под редакцией ред. изд. А.С. Циганова[23] и совершенно обновленный в 1928–1929 гг., когда издание его перешло к Е.С. Кауфману. Значение этого журнала в литературной жизни Харбина бесспорно очень велико, т. к. долгое время он был единственным литературным органом, где могли печататься местные русские писатели и поэты, в том числе те, кто входил в литературное объединение «Молодая Чураевка», созданном при Христианском союзе молодых людей. Журнал завоевал прочную читательскую аудиторию не только в пределах

Маньчжурии, но и в других странах русского рассеяния. Этим, вероятно, объясняется тот факт, что делавшиеся в Харбине попытки создать другой чисто литературный журнал успеха не имели[24].

Кроме Харбина русские печатные органы имелись: в Хайларе – «Казачий Клич» под редакцией Н.А. Юдина, выходивший ранее в Харбине при Союзе казаков, и газета «Захинганский Вестник», в Муданьцзяне – газета «На границе» и орган молодежи – журнал «На штурм», в Цзямусы – «Боевой клич». БРЭМ в Мукдене и Дайрене начал выпускать бюллетени «Известия» позже переименованы в «Последние Новости»), где помещались, главным образом, телеграфные сводки. Кроме того, в Мукдене издавался двухнедельный иллюстрированный общественно-политический и военный журнал монархической направленности «Грядущая Россия», в Дайрене издательством ЮМЖД – общественно-политический и литературный журнал «Восточное обозрение»[25].

В Австралии наиболее заметный след в развитии русского печатного дела в 1930-е гг. оставил священник И. Серышев, организовавший первое в Сиднее русское издательство «Ориенто». Он издавал несколько журналов, наиболее значительным из которых был «Путь эмигранта» (1935–1945). Эмиграция стала заметной на пятом континенте тем, что познакомила австралийцев с русской национальной культурой и обогатила австралийскую культурную жизнь. В составе эмигрантов было много талантливых людей: художник, скульптор и педагог Д. Васильев, архитектор В. Гжель, основатели австралийского балета Э. Борованский и К. Буслова, преподаватель Сиднейской консерватории пианист А. Свержинский, обогатившие культуру континента[26].

В Европе в начале 1930-х гг. ряд газет и журналов, за недостатком средств, стали закрываться («Руль», «Воля народа»). Все чаще раздавались голоса о призрачности и обреченности эмигрантского существования.

Встрепенуло эмиграцию, подняло ее дух присуждение Нобелевской премии И.А. Бунину в 1933 г. Писатель стал первым в истории страны лауреатом по литературе[27]. Эмиграция такую высокую оценку расценила как признание приоритета потенциала России Зарубежной перед Россией Советской.

Вопрос о Нобелевской премии по литературе неоднократно будоражил культурную среду Русского Зарубежья, подстеги-

вал творчество, переводы на иностранные, в том числе шведский, языки. Кроме И.А. Бунина, номинировавшегося в 1923, 1930–1933 гг., в числе претендентов на Нобелевскую премию были Д.С. Мережковский (1914, 1915, 1930–1937 гг.), М. Горький (1918, 1923, 1928, 1930 гг.), К.Д. Бальмонт (1923 г.), И.С. Шмелев (1931, 1932 г.).

В заключении Нобелевского комитета 1923 г. произведения И.А. Бунина охарактеризованы как «ограниченные и по количеству, и по идейному содержанию», отмеченные эстетизмом и ничем не замечательные («охотнее всего забываешь то, что читал»). Академики готовы были признать, что автор высоко ценим «несчастными и озлобленными» русскими эмигрантами, хотя «великим писателем он не может быть даже и для них». Напротив, сочинения М. Горького представлялись членам Нобелевского комитета исполненными правды, силы и философской глубины, однако это касается лишь произведений, созданных за двадцать лет до его номинации, что не дает «оснований для того, чтобы отметить его» наградой. Премию 1923 г. присудили крупнейшему поэту XX столетия ирландцу Уильяму Батлеру Йейтсу[28].

После «тщательного рассмотрения» творчества И.А. Бунина в 1930 г. А. Карлгрен решительно заявил, что тот «поднимается на уровень, недостижимый ни для кого из русских писателей», а многие страницы его «великолепной прозы» принадлежат «к самым лучшим страницам русской литературы». И вслед за А. Карлгреном члены Нобелевского комитета сочли произведения И.А. Бунина заслужившими «право на высокую оценку», а в «чрезвычайно значительном труде писателя» – «Жизни Арсеньева» – увидели один из «шедевров русской литературы». Академики, с сожалением указав на тот факт, что И.А. Бунин упомянут в номинации только как один из нескольких кандидатов, заметили, что готовы вернуться к рассмотрению писателя как возможного единоличного лауреата при условии, что его автобиографический роман будет завершен и переведен «на более распространенные языки». А премия 1930 г. досталась американцу Синклеру Льюису.

Спустя год[29] А. Карлгрен, оценил творчество И.А. Бунина так: «Я едва ли знаю в русской литературе что-либо более потрясающее». Нобелевский комитет «с живейшей заинтересованностью» склонялся к присуждению премии «последнему

выдающемуся мастеру русской прозы, продолжающему великую традицию», «блестящему и оригинальному стилисту», «лирику и мыслителю», пафос творчества которого «проистекает из неиссякаемой любви к русской земле». Но, тем не менее, не обнаружил в произведениях писателя аналитической глубины и всечеловеческой масштабности. Совершенно неожиданно ее присудили вопреки всем установленным правилам скончавшемуся летом этого года многолетнему секретарю Шведской академии поэту Эрику Акселю Карлфельдту[30].

В заключении Нобелевского комитета 1932 г. о творчестве И.А. Бунина признавалось, что для «широкого европейского читателя творчество Бунина навсегда останется закрытой книгой. <…> Его искусство слишком утонченное, слишком артистически рафинированное, его тона и краски слишком мягкие, чтобы привлечь к себе внимание на мировой выставке в конкуренции с более грубыми и сильными голосами и более яркими красками. Возможно также, что его произведения слишком малы, чтобы не быть заставленными большими полотнами». Голоса экспертов разделились. «Разжиженность» чересчур лирической бунинской прозы, «излишняя словесная расточительность» его расхваленного стиля позволили вынести окончательно решение в пользу Джона Голсуорси.

Единства не было и в следующем году, но, по мнению Т. Марченко, «следование “великим традициям русской повествовательной прозы”, отмеченное академиками, стало для Бунина пропуском к заветной цели»[31].

В начале ноября 1933 г. «Последние новости» получили телеграмму из Копенгагена с запросом «одного профессора, члена Нобелевского комитета, об адресе и подданстве И.А. Бунина». Из чего «Алданов заключил с новым убеждением, что премия присуждена Бунину», – так писал М.В. Вишняк В.В. Рудневу 5 ноября 1933 г. И далее: «Он [М.А. Алданов] уже рассчитывает, кого Бунин – и “министр его души” Ильюша [Фондаминский] – облагодетельствует: Зайцева, Куприна, Союз журналистов… (может быть и нам отдаст те 2½ тыс., что мы, по предложению И. [Фондаминского], «авансировали» на издание стихов Бунина?!..) / Я решительно отрицаю возможность получения премии Буниным»[32].

Но в пятницу, 10 ноября 1933 г., газеты всего мира оповестили о принятом накануне решении Шведской академии. Выбор

И.А. Бунин

И.А. Бунина многим показался небезупречным. Шведские газеты левой ориентации возмущенно доказывали, что М. Горький имеет гораздо больше заслуг перед русской и мировой литературой, а слава его несоизмерима со слабой известностью И.А. Бунина, которого за рубежом знали лишь собратья по перу и редкие ценители[33].

Всемирное признание великого писателя контрастировало с эмигрантской бесправностью. И.А. Бунин писал в своих воспоминаниях, что до поездки в Швецию для получения Нобелевской премии никуда не выезжал из Франции 13 лет, «лишь один раз ездил в Англию»: «Это для меня, без конца ездившего когда-то по всему миру, было одно из самых больших лишений»[34].

Соперники И.А. Бунина, претендовавшие на Нобелевскую премию, искренне поздравили более удачливого из них. Лишь Д.С. Мережковский, продолжавший номинироваться до 1937 г., не смог смириться.

После Нобелевских торжеств в Стокгольме Бунины и Г. Кузнецова провели последнюю декаду декабря в Дрездене по дороге из Швеции во Францию. 24 декабря 1933 г. И.А. Бунин нанес визит Ф.А. Степуну (во время которого они перешли на «ты») в знак благодарности за поддержку и популяризацию писателя в Германии, за содействие в увеличении спроса на его книги[35]. 30 декабря 1933 г. в берлинском Шубертзале состоялся торжественный вечер в честь И.А. Бунина, на котором выступили Ф.А. Степун с речью о Бунине-прозаике, В.В. Набоков – о Бунине-поэте. Ф.А. Степун сравнил И.А. Бунина с морским кораблем, вошедшим в устье реки, всколыхнувшим и взволновавшим «все дремавшее на ее мирной поверхности»[36]. В Париже «кавардак» (по словам Г. Кузнецовой) длился около двух недель.

10 ноября 1933 г. В.В. Набоков писал лауреату: «Дорогой Иван Алексеевич, я очень счастлив, что Вы ее получили! Тут нынче только об этом и толкуют, поздравляют при встречах друг друга как с праздником, – чудное праздничное волнение, – и полное удовлетворение (коего мы столь долго были лишены, что почти от него отвыкли) двух чувств, – гордости и справедливости»[37].

О роли литературы в жизни русского мира говорит и беспрецедентно широко отмеченный юбилей – 100-летие памяти

Пушкина в 1937 г. Культурная акция прошла в 42 странах, 231-м городе мира. Еще в конце февраля 1935 г. в Париже был образован Центральный Пушкинский комитет[38] под председательством В.А. Маклакова. В президиум комитета вошли И.А. Бунин, П.Н. Милюков, М.М. Федоров, Г.Л. Лозинский (секретарь). При поддержке парижского комитета для подготовки пушкинского юбилея в разных странах к февралю 1937 г. действовало 166 местных комитетов. Из Парижа им высылались примерные программы, литературные материалы, партитуры опер, ноты романсов.

С.М. Лифарь в заметке «Третий праздник Пушкина» в 1937 г. писал в связи со столетней годовщиной смерти Поэта: «Советская Россия давно готовится к этому дню и, несомненно, что чествование Пушкина примет там грандиозные размеры… Готовится к великому пушкинскому дню и зарубежная Россия. В ее распоряжении нет тех богатых средств и материалов, которыми располагает Советская Россия… Но кое-что есть. Есть живое чувство Пушкина и живая любовь к нему… Важно не то, сколько русских представителей входит в Пушкинский комитет, важно, что в нем находится 9 французских академиков; важно, что Пушкинское чествование устраивается Сорбонной, что выставку организует Bibliothèque Nationale, что три европейские академии чествуют величайшего русского гения, что французская Opèra дает оперы на пушкинские сюжеты, что радиостанции во многих странах передают во все концы мира праздник Пушкина»[39].

Изменившиеся по сравнению с 1920-ми гг. условия (распад общественно-политической жизни, закрытие газет и журналов, недостаток средств) сказались на подготовке к празднованию. Комитеты по празднованию пушкинского юбилея взяли на себя также подготовку ДРК, организацию выставок и издание книг и брошюр. В Париже под редакцией Н.К. Кульмана было издано полное собрание сочинений Пушкина, которое продавалось по особо низкой цене и разошлось в очень большом количестве по всему Зарубежью. Под редакцией М.Л. Гофмана вышел специальный однотомник Пушкина, «безупречный по тексту и изящный по внешности». Л.И. Львов выпустил «Парижские отклики на смерть Пушкина». Местные комитеты к юбилею также издали много литературы. В помещении Пушкинского комитета целый шкаф был заполнен изданиями, посвященными юбилею.

ПУШКИНЪ

1837 1937

Содержаніе:

Одноденная газета „ПУШКИНЪ"

Пушкинский комитет подготовил специальную газету «Пушкин. 1837–1937» на двенадцати страницах с публикацией статей, посвященных поэту: И.А. Бунина, Б.К. Зайцева, М.А. Алданова, И.С. Шмелева, М.А. Осоргина, А.М. Ремизова, Н.А. Тэффи, Н.Н. Берберовой, К.Д. Бальмонта, М.И. Цветаевой, П.Б. Струве, С.Л. Франка, В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова и др.

Редактором этого выпуска был проф. Н.К. Кульман. «Наша газета, – писал он, – дань преклонения перед Пушкиным. На страницах ее сошлись свободно и легко люди разных взглядов, стремлений, убеждений: имя Пушкина покорило всех. Приняли в ней участие и иностранцы. На Пушкине наше национальное сплетается с мировым…». Подчеркнул Н.К. Кульман и нравственно-политическое значение чествования Пушкина: «Пушкин – символ высшей, духовной свободы, и восславление ее всем его творческим подвигом может иметь огромное значение в наш жестокий век, не сравнимый по жестокости с тем, в котором он жил». В газете находим ряд выдающихся статей, нисколько не устаревших и по сей день: «Растущий

и живой Пушкин» П.Б. Струве (перепечатана в его сборнике «Дух и слово»); «Пушкин и духовный путь России» С.Л. Франка; тонкие заметки Г.Л. Лозинского об отголосках «Евгения Онегина» в «Мертвых душах»; слово И.С. Шмелева, сравнившего Пушкина со священными книгами: «Есть у народов, – писал он, – книги священного откровения. В годины поражений народы черпали силы у них. Сердце нам говорит, что есть у нас наше откровение – Пушкин». В журнале «Иллюстрированная Россия», одним из членов редакционного комитета которого являлся писатель, появилась его заметка «Вещий»: «Если бы нас спросили, о самом главном, – "чего хотите?" – вся Россия сказала бы: "себя, самостоянья своего!", "Самостоянье" – Пушкина слово. Россия не может изменить завету: сама положила его себе – Пушкиным: / Два чувства дивно близки нам – в них обретает сердце пищу – любовь к родному пепелищу. Любовь к отеческим гробам. / Этот завет – основы национальной жизни»[40].

Одновременно независимо от Пушкинского комитета правая газета «Возрождение» выпустила специальный пушкинский номер, опубликовав своих постоянных авторов: Б.К. Зайцева, И.С. Шмелева, Д.С. Мережковского, В.Ф. Ходасевича, И.И. Тхоржевского.

Резонанс вызвала выставка «А.С. Пушкин и его время», организованная в Париже, по инициативе С.М. Лифаря. В ее основу легла Дягилевская коллекция. Прекрасную афишу выставки нарисовал известный французский писатель Жан Кокто. На открытии 16 марта присутствовали дипломаты, литераторы, министры. Здесь демонстрировались подлинные рукописи, личная печать Пушкина, пистолеты Дантеса, привезенные для дуэли, картины, мебель, фарфор пушкинских времен, 11 писем Натальи Николаевны к мужу (которые в 1989 г. вернулись в Россию). Некоторые предметы, принадлежавшие поэту, С.М. Лифарь приобрел у его внучки, Е.А. Пушкиной-Розенмайер, жившей некоторое время в Южной Африке у родственников мужа.

Отзывы о выставке были восторженные. А.Н. Яхонтов писал С.М. Лифарю: «Действительно совершено чудо. …Должен сказать, что давно не испытывал и не надеялся испытать в подневольном изгнании такого полного русского культурного наслаждения, которое я испытал из изучения каталога и при-

ложенных снимков. / Под горячим первым впечатлением берусь за перо, чтобы принести Вам низкий поклон за достойное величие памяти Великого Поэта». Сделанное С.М. Лифарем автор письма назвал подвигом «воссоздания из пыли того неизмеримого по своей ценности объединяющего духовного мира, которым, в нашем разобщенном и разрозненном заграничном быту является для русских людей Пушкин»[41].

Пушкинский комитет организовал чествование устроителя выставки С.М. Лифаря. Глава Общества друзей русской книги П.Н. Апостол 18 апреля 1937 г. выступил с речью, отметив, в частности, удивительную широту в выборе жанра.

18 февраля состоялось чествование Пушкина представителями африканской общины Парижа. Среди них был известный гвианский поэт, один из основателей негритюда, Леон Дама. М.И. Цветаева выступила с собственными переводами стихов Пушкина на французский язык. Прошли торжественные собрания в Белграде, Праге, Париже, Варшаве, Софии. Широко отмечался пушкинский юбилей в США: в Нью-Йорке, Филадельфии, Питсбурге, Бостоне, Сан-Франциско, Лос-Анджелесе и других городах.

Активно готовилось к пушкинским дням Объединение бывших воспитанников императорского Александровского лицея. В 1937 г. в Париже было возрождено лицейское Пушкинское общество, существовавшее с 1899 г. в Санкт-Петербурге. Начали свою деятельность музейно-историческая комиссия, затем музейно-архивный фонд. 15 марта 1937 г. состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный Царскому Селу. На вечере выступали А.И. Куприн, П.Н. Милюков, М.А. Осуп. Стихи читали Н.Н. Берберова, А.П. Ладинский и другие.

В Маньчжурии при БРЭМе действовал Юбилейный Пушкинский комитет, выпустивший под редакцией профессора К.И. Зайцева ряд изданий, в том числе роскошный альбом «Пушкин и его время», Юбилейный сборник избранных произведений поэта, а также два тома антологий исторических стихотворений. Русское общество в Шанхае решило не только широко отметить день памяти поэта, но и установить ему памятник на территории французской концессии, где проживало много русских. Был учрежден специальный Комитет, куда вошли не только наиболее уважаемые в среде эмиграции люди, но и представители китайской, английской и французской

интеллигенции, почитающие великого русского поэта. Его деятельность оказалась более успешной, чем Комитета по сооружению памятника А.С. Пушкину в Париже, которая закончилась фиаско и идея осталась неосуществленной.

В конце января 1937 г. в Шанхае начались юбилейные торжества, посвященные А.С. Пушкину. Торжества открыл Генеральный консул французской концессии, в тот же день состоялся концерт во французском клубе. В Свято-Николаевском соборе в Шанхае был проведен торжественный молебен за упокой души погибшего поэта. В эти и последующие дни состоялось несколько литературных и музыкальных пушкинских вечеров.

Утром 11 февраля 1937 г. состоялось торжественное открытие памятника Пушкину. Этому событию предшествовал конкурс творческих работ. В результате создание памятника поручили творческой группе под руководством скульптора М.Н. Павловского. Были собраны необходимые для установки памятника средства, а сам проект и работу над скульптурой русские художники и архитекторы провели бесплатно, считая своим долгом таким образом внести собственную лепту в увековечение памяти поэта.

На церемонии присутствовал Генконсул Франции в Шанхае, руководство Управления французской концессии, русская эмигрантская и французская общественность, представители Китайской армии и Шанхайской милиции.

При большом скоплении народа взору присутствующих открылась высокая стела, на которой был установлен бронзовый бюст поэта и высечена надпись на русском, китайском и французском языках: «1837–1937, Пушкин – в сотую годовщину смерти». Лицо поэта было обращено на север, в сторону далекой родины. По обеим сторонам памятника в парадной форме стоял почетный караул из предпринимателей-эмигрантов и офицеров бывшей русской армии, что придавало церемонии открытия особую торжественность и блеск. Тогда же епископ Шанхайский Иоанн сказал проникновенные слова о необходимости сохранения собственного языка и культуры вдали от России, о большом значении пушкинского наследия для каждого русского человека и для всех просвещенных людей мира. Впоследствии архитектурный ансамбль памятника и прилегающей площади, получившей имя Пушкина, стал

Памятник А.С. Пушкину в Шанхае. 1937 г.

популярным местом отдыха многочисленной эмигрантской и китайской публики, и его стали называть «уголком поэта».

Устоявший во время бомбежек памятник в одну из ноябрьских ночей 1944 г. был снесен японцами, а бронзовый бюст поэта отправлен на переплавку для военных целей[42].

Огромную компенсаторную роль в сохранении книжных традиций сыграло Общество друзей русской книги в Париже (ОДРК)[43]. Председателями общества были избраны В.А. Верещагин, затем П.П. Гронский, с 1931 г. – П.Н. Апостол, членами правления – И.Я. Билибин, В.П. Катенев, Ж. Порше и А.П. Струве. Членами общества состояли известные писатели и поэты, журналисты и художники, артисты и музыканты: А.Н. Бенуа, Б.Г. Унбегаун, М.А. Алданов, А.Ф. Изюмов, Б.К. Зайцев, С.М. Лифарь, М.А. Осоргин и другие. В 1932 г. в обществе насчитывалось более ста членов.

С первых же шагов своей деятельности общество поставило себе одной из задач устройство выставок в целях ознакомления иностранцев с русским книжным искусством. В связи с этим общество приняло на себя устройство книжного отдела

выставки русского искусства, состоявшейся в мае–июне 1928 г. в Брюсселе. Выставка прошла в рамках праздничной программы по случаю торжественного открытия Дворца изящных искусств – первого в Европе культурного центра многоцелевого назначения, объединившего музыку, театр, кино и пластические виды искусства. Открытие Дворца на многие годы опередило строительство аналогичных культурных центров в Европе. А выставка старого и нового русского искусства стала яркой демонстрацией искусства русской эмиграции межвоенного периода.

Организаторы получили поддержку известных деятелей эмиграции – великой княгини Марии Павловны, княгини М. Васильчиковой (Ессен-Дармштадт), президента Общества «Икона» В.П. Рябушинского, председателя ОДРК П.Н. Апостола. По словам искусствоведа С.К. Маковского, «русский отдел был организован на частные средства нескольких бельгийцев, любящих прежнюю Россию» (Анри Ле Бёф – глава ассоциации «Дворец изящных искусств» и Пьер Ботье – хранитель Королевского музея изящных искусств Бельгии, инициатор организации выставки «Мир искусства» 1923 г. в Брюсселе[44]). Но душою стала В.С. Нарышкина (урожденная Витте), и ближайший ее сотрудник И.И. Жарновский. Ботье заручился поддержкой послов Бельгии в Париже и Лондоне, чтобы «в особо трудных случаях с коллекционерами» прибегнуть к их посредничеству. Тем самым подчеркивалось значение русской выставки для предстоящих празднований.

Правление ОДРК приняло предложение и для его осуществления выбрало особую комиссию в составе П.Н. Апостола, М.В. Добужинского и С.К. Маковского, которая сформировала русский подотдел графики и иллюстрированной книги. В Национальной библиотеке Франции, в частных собраниях и у издателей нашлись книги, иллюстрированные русскими художниками и изданные в России и за границей за последние сорок лет. В итоге среди экспонатов выставки книжной графики были представлены работы русских художников А. Алексеева, Ю. Анненкова, А. Бенуа, И. Билибина, Д. Бушена, М. Врубеля, Н. Гончаровой, Б. Григорьева, М. Добужинского, Н. Исцеленнова, Б. Кустодиева, С. Судейкина, В. Шухаева, А. Яковлева и других.

Истинным украшением программы открытия Дворца искусств стал «грандиознейший спектакль», напомнивший С. Лифарю Версаль 1925 г.[45], Русского балета С.П. Дягилева, устроенный в зале скульптуры, оформленном по проекту М.В. Добужинского[46]. Спектакли были показаны также в Королевской опере – в театре де ля Монне (где, как писал С.П. Дягилев, «произошел позорный грандиозный провал»[47]), в Антверпене, Льеже и др.

Театру отводилось особое место. Расчет организаторов на экспонирование театральных эскизов оказался верным, поскольку Европа познакомилась с современным русским искусством, прежде всего, благодаря спектаклям Русского балета С.П. Дягилева.

Выставка «Старое и новое русское искусство» покорила зрителей не только «декорациями Бакста и Бенуа к спектаклям Шаляпина, Нижинского и Дягилева, произведениями из западных музеев и частных коллекций, но также ретроспективой икон и древнерусского искусства до Екатерины Великой, <…> творчеством в изгнании группы “Мир искусства” от ее основателей Бенуа, Билибина, Сомова, Добужинского до модных сейчас в Париже представителей последнего поколения вместе с А. Яковлевым, Шухаевым, Григорьевым, Гончаровой, Ханой Орловой и Анненковым»[48].

Экспонаты отдела древнерусского искусства – иконы XV–XVII вв. московской, новгородской, псковской и ярославской школ, золотая и серебряная церковная утварь, древние рукописные книги, резные деревянные и медные кресты, реликвии – всего более ста наименований были предоставлены парижским торговым домом «A la vieille Russie». Особенно ценным экспонатом было «Реймское евангелие» – рукописное евангелие из Сокровищницы Реймского собора, принадлежавшее дочери Ярослава Мудрого и супруге короля Франции Генриха I Анне Ярославне, которая привезла его в Париж в 1051 г. Начиная с Филиппа I, в день коронации на этом евангелии присягали все короли Франции.

В экспозицию отдела искусства XVIII–XIX вв. вошли жемчужины русского искусства – полотна Ф. Рокотова, Д. Левицкого, В. Боровиковского, К. Брюллова, П. Федотова, акварели Г. Гагарина (все принадлежали частным лицам Бельгии и Франции), автопортрет О. Кипренского из галереи Уффици

(Флоренция), а также портреты русских царей и знати, исполненные иностранными художниками. Это портреты Екатерины I и императрицы Елизаветы Петровны работы Л. Каравакка, портрет императрицы Екатерины II кисти Ж.-Б. Лампи (все из частных коллекций). С. Маковский с сожалением отмечал: «Впечатление получилось бы полное, но есть пробел <…> лет в тридцать-сорок, – ни академики, ни передвижники второй половины прошлого века не представлены вовсе. Объяснение простое: за границей не найти хороших холстов Перова, Крамского, Саврасова, Поленова, Ге, Сурикова, Репина и т. д.»[49]. Русская аристократия в изгнании и богатые коллекционеры решились отправить на выставку все самое ценное, что у них было.

Экспозицию отдела современного искусства составили произведения свыше шестидесяти художников. Десять из них жили в советской России[50]; географию остальных участников «русской выставки» можно рассматривать как срез эмигрантского рассеяния: Бельгия (2), Германия (1), Италия (1), Эстония (1), США (4) и Франция (34 из 37 художников жили в Париже, что составляло 82 % от общего числа участников).

Усилия организаторов выставки были отмечены критикой. В течение двух месяцев, пока длилась выставка, о ней регулярно писали почти двадцать бельгийских газет и журналов, напечатавших свыше сорока рецензий, в которых русская экспозиция была признана самой интересной. Учитывая неподдельный интерес к выставке американских критиков, можно считать, что ее масштаб и значение перешагнули границы Европы.

Успех выставки признавали и ее участники. «Я не преувеличиваю, это событие для нас, эмиграции. Успех выставки, действительно большой, здесь как бы совпадает с победой более общей, с зарубежным торжеством всей художественной нашей культуры <…>. Устроителям выставки удалось показать иностранцам нечто весьма значительное – не только группу художников, а вообще традицию русского художества от Петра Великого и даже, в известной мере, традицию допетровскую, иконописную», – писал С.К. Маковский[51]. К.А. Сомов писал американской знакомой 8 июня 1928 г.: «Как я вижу, Вам рассказали о нашем успехе в Брюсселе. Он, действительно, был и, к тому же, достаточно большим как в моральном,

так и в финансовом отношении. Будучи причастен к нему, я поправил свое финансовое положение»[52]. Отметим, что письмо отправлено за три недели до закрытия выставки, когда продажи еще продолжались.

Более восьмидесяти произведений современного искусства приобрели с выставки бельгийцы. Они в основном пополнили частные коллекции, но три работы – картина Г.И. Шилтяна «Обнаженная», мраморная скульптура А.М. Гюрджяна «Сиамская кошка» и деревянная скульптура Д. Стеллецкого «Всадник» вошли в государственные собрания Бельгии. Произведения русских художников-эмигрантов не только вошли в государственные и частные собрания Европы, но и обогатили мировой художественный рынок.

Таким образом, брюссельская «Выставка старого и нового русского искусства» 1928 г. подвела своеобразный итог истории искусства русской эмиграции. Ее комплектование позволило узнать о важной части национального достояния, оказавшегося за пределами России в государственных и частных собраниях.

Соприкосновение с искусством Западной Европы, а в некоторых случаях и процесс ассимиляции, способствовали развитию русского искусства в условиях эмиграции. Именно в Брюсселе, по оценке искусствоведа А. Толстого, прошла передача творческой эстафеты одного поколения русских художников другому[53]. Исследователь художественного наследия русской эмиграции в Брюсселе Н.А. Авдюшева-Лекомт пришла к выводу, что совместная работа по организации выставки дала возможность эмигрантам из разных стран объединить усилия во имя решения общей задачи, получить удовлетворение от ее блестящей реализации и почувствовать гордость за свою родину, за ее культурное наследие, частью которого являлось и их творчество. Такие моменты в жизни изгнанников случались нечасто. П.П. Муратов позднее писал: «…может, еще более странным было видеть хорошо знакомые русские лица в залах брюссельского Дворца изящных искусств, чем произведения русского искусства здесь. Вопреки самим себе, мы перенеслись на 15 лет назад, в Россию. И, скорее, в Петербург, чем в Москву. <…> В залах, заполненных нашим художественным наследием, мы чувствовали себя более у себя дома, как нигде заграницей, и это благодаря волшебству общих усилий»[54].

Деятельность Общества друзей русской книги не ограничивалась участием в выставках. Так, оно издавало «Временник», на страницах которого публиковались результаты научных изысканий, сообщения о работе различных конференций, о выставках и новых находках, хроника деятельности общества, воспоминания и прочее. Бессменными редакторами издания были коллеги и друзья П.Н. Апостола – Г.Л. Лозинский и Я.Б. Полонский, страстные библиофилы и подвижники русской культуры.

Председатель ОДРК П.Н. Апостол популяризировал русскую книгу, выступая со своими библиографическими исследованиями на открытых собраниях общества, привлекавшими множество публики. 26 мая 1934 г. П.Н. Апостол выступил с сообщением «Об отделе “Rossika” Петербургской публичной библиотеки». В 1935 г. он участвовал в организации книжного отдела на выставке русского искусства в Лондоне, где была представлена история русского книгопечатания: с книг петровских времен до 1840-х гг. 4 мая 1936 г. – с докладом «Кто изобрел книгопечатание: Гутенберг или Костер?». Темой для последнего послужили вызвавшие в Германии бурю негодования исследования Г. Цедлера, являющиеся результатом двадцатилетней работы автора, приписавшего первенство изобретения голландцу Костеру. 31 января 1938 г. на очередном заседании ОДРК был заслушан блестящий доклад председателя «Альбомы рисунков участников похода 1812 г.». Члены общества были желанными гостями на важнейших форумах российской эмиграции, так или иначе связанных с тематикой развития российской культуры в эмиграции.

Средоточиями исторического и культурного наследия русского мира, которое было вывезено из России и создано вне родины, оставались музеи (к концу 1930-х гг., по неполным данным, 14) и архивы (10). Собирательная деятельность приобрела широкий размах, чему способствовало, в том числе, осознание необходимости прочного обоснования в зарубежье. Кроме Русского заграничного исторического архива (РЗИА), созданного при содействии чехословацкого правительства в 1923 г. добавился ряд новых.

Для России были спасены от гибели документы огромной исторической ценности. Прежде всего в Прагу передавали свои архивы тысячи русских эмигрантов. С окончанием рус-

ской акции, когда многие эмигрантские учреждения и организации в ЧСР вынуждены были прекратить свое существование, РЗИА не был ликвидирован и перешел в ведение МИД страны, сохранив свое название, функции и состав сотрудников из числа русских эмигрантов. Общее руководство, надзор и контроль за управлением архивом были возложены на уполномоченного министерства иностранных дел, профессора Карлова университета, слависта, д-ра Я. Славика. Государственное содержание архива в определенной степени укрепило его экономическую базу.

В силу разных причин произошли кадровые изменения. После смерти в 1933 г. проф. А.А. Кизеветтера, который возглавлял Научный совет РЗИА и Ученую комиссию, его сменили соответственно проф. С.В. Завадский и проф. А.В. Флоровский. В 1935 г. на пост руководителя Научного совета был избран проф. А.Н. Фатеев. Управляющим РЗИА стал В.Г. Архангельский, сменивший В.Я. Гуревича, занимавший эту должность до 1928 г. МИД стал настаивать на уменьшении автономности архива. В частности, потребовал передачи ему права решать вопросы о допуске исследователей к работе в фондах РЗИА, настаивал на признании официальным языком работы архива – чешского. Видимо, свою роль сыграл факт установления дипломатических отношений между ЧСР и СССР в 1934 г. Однако члены Совета, опираясь на поддержку Я. Славика, отстояли научную самостоятельность архива.

К 1936 г. РЗИА состоял из 4-х отделов: архив документов, архив газет, книжно-журнальный и автономно существовавший в рамках РЗИА Донской казачий исторический архив, вывезенный в 1919 г. из Новочеркасска по распоряжению донского атамана А.П. Богаевского в связи с эвакуацией Донской армии и включенный на хранение на особых условиях[55]. В середине 1930-х гг., когда положение русских эмигрантов в ряде стран ухудшилось, увеличился приток личных документов.

С целью сохранения исторических документов и материалов, создаваемых эмиграцией, РЗИА практиковал поездки членов Ученого совета архива в европейские страны. Так, в 1929 г. Н.И. Астров посетил Париж, в 1930 г. проф. Е.Ф. Шмурло – Югославию, В.А. Мякотин – Болгарию, Ф.С. Мансветов – Америку и Н.И. Астров – вновь Францию. В 1929 г. Н.И. Астров, возвратившись в Прагу, сделал доклад на заседании

Ученого совета РЗИА. Он доложил, что во время пребывания в Париже вступил в переговоры с целым рядом лиц как частных, так и состоящих во главе русских эмигрантских учреждений и организаций, обнаружил наличие во Франции и Бельгии большого количества документов, представляющих интерес для архива. С сожалением он сообщил, что, если бы поездка в Париж состоялась ранее, то удалось удержать многих лиц от передачи весьма ценных документов в Америку, ибо «генерал Головин, представитель Стэнфордского университета, весьма сильно опустошил архивные фонды не только Франции, но и других стран Европы»[56].

С помощью генерала Н.Н. Головина, являвшегося в конце 1920-х гг. председателем Белградского комитета по увековечению памяти главнокомандующего Русской армией П.Н. Врангеля, документы генерала (свыше 100 внушительных по объему томов документов, переписки и прочих материалов) были проданы в Стэнфорский университет (США). Свои действия он аргументировал распоряжением владельца. Озабоченность архивистов была продиктована осознанием того, что передача документов за океан могла затруднить или сделать практически невозможным доступ к ним. И.В. Гессен в письме А.Ф. Изюмову, долгое время возглавлявшему рукописный отдел РЗИА, в 1936 г., писал: «И без того уже часть ценных документов ушла в Калифорнию, и для меня это тем чувствительней, что я приступил ко 2-му тому воспоминаний»[57].

Несмотря на сложности, РЗИА активизировал работу с держателями документов. В 1938 г. число представителей архива составило 45 человек[58]. За 15 лет работы, по состоянию на 1 января 1939 г. в составе архива хранилось 3072 тыс. листов архивных документов, 50403 книг, 114504 журнала, 812954 газет, в Донском казачьем архиве – 661652 листа. На приобретение документов было потрачено 9357 тыс. крон. Из них в 1937 г. – 71577 крон, в 1936 – 71288, в 1935 – 56178. Сокращалось и число исследователей, посещавших архив: 1936 г. – 127, 1937 г. – 92, 1938 г. – 76[59].

После оккупации фашистской Германией Судетской области осенью 1938 г. в результате Мюнхенских соглашений правовое и материальное положение архива и сотрудников ухудшилось. Было принято решение передать архив министерству внутренних дел ЧСР. Я. Славик, руководитель РЗИА,

направил в Президиум Славянского университета меморандум с протестом, аргументируя тем, что включение архива в структуру МВД нанесет ущерб собирательской деятельности, и подчеркнул, что РЗИА стал научным институтом, который по своему характеру существенно отличается от архива МВД. И делал вывод, что в случае передачи архива в структуру МВД будет уничтожен «институт.., обладающий огромной притягательной силой для… исследователей»[60]. Но это был единственный путь спасения архива.

Собирание, хранение, изучение и экспонирование «плодов творческой работы и памятников жизни и истории русской эмиграции»[61] стало задачей Русского культурно-исторического музея (РКИМ), открытого в 1935 г. в Праге. Инициатором создания музейного собрания выступил В.Ф. Булгаков, который и являлся его директором. К середине 1930-х гг. эмиграция накопила свой культурно-исторический материал, требующий обобщения, подведения итогов, способный проиллюстрировать ее жизнь и творчество. Учитывая, что за пределами России оказались значительные интеллектуальные и культурные силы, эмигрантский опыт мог стать просто бесценным. Музей задумывался как своеобразная летопись жизни и быта эмиграции, но постепенно пришло осознание, что он должен отразить и многовековую историю России. Поэтому музей, первоначально названный Музей русской эмиграции был переименован в Русский культурно-исторический музей.

Создавался он при Русском Свободном университете. В лице его ректора М.М. Новикова В.Ф. Булгаков нашел своего единомышленника. Статус музея был определен на совещаниях инициативной группы: он носил временный характер, и в будущем его коллекции предполагалось перенести в Россию после изменения ее политического строя.

Свою лепту в создание материально-финансовой базы вновь создававшегося музея внесли меценат, канцлер Шамаль, который из средств Канцелярии президента Чехословакии выделил 3 тыс. крон, Пражский Художественно-промышленный музей предоставивший свои старые шкафы и витрины[62], К. Бартонь-Добенин, крупный промышленник, владелец огромного замка, расположенного в нескольких километрах от Праги в Збраславе, предложил часть из 200 комнат под фонды РКИМ. Тем временем В.Ф. Булгаков отправился по Европе

с целью сбора материалов для музея. Ему удалось (как за деньги, так и бесплатно) добыть ряд интересных экспонатов[63].

Он собрал предметы и материалы, относившиеся к истории жизни, творчеству и быту русской эмиграции (знамена, ордена, медали, оружие, иконы, костюмы, портреты, картины, скульптуры, реликвии, связанные с жизнью и деятельностью известных русских писателей, ученых, художников, артистов; рукописи художественных, научных, музыкальных произведений, плакаты, афиши, чертежи изобретений и др.). Выдающиеся техники – Г.Г. Кривошеин и И.И. Сикорский – прислали свои чертежи; от М. Шагала, Л. Германовой, С. Лифаря поступили портреты, костюмы, предметы театрального реквизита; кто-то пожертвовал чашку, из которой пил Л. Толстой, бокал с гербом Лермонтовых, коллекцию старинных миниатюр и камней. Впоследствии к музею примкнуло особое отделение, созданное пражским объединением русских архитекторов, где сконцентрировались многочисленные проекты и фотографии зданий, возведенных за границей нашими соотечественниками. Экспонаты передавались в виде дара, на временное хранение или на время их экспонирования. Комплектование осуществлялось через представителей музея в различных странах.

29 сентября 1935 г. состоялось его торжественное открытие. С речами выступили ректор Русского Свободного университета М.М. Новиков и В.Ф. Булгаков. К. Бартонь-Добенину был вручен диплом почетного члена музея в знак признания его заслуг в деле развития музея.

По положению, управление музеем осуществлялось музейной комиссией при Русском свободном университете, избираемой Советом профессоров университета сроком на 2 года. Непосредственное руководство осуществлял директор, назначаемый Советом профессоров. Музей осуществлял свою деятельность на частные пожертвования. Частично – из средств, выделенных Русским свободным университетом. Имели место единовременные субсидии правительства ЧСР, за вход в музей взималась плата.

Структура музея включала в себя отделения: художественное (к началу 1940-х гг. собрано более 300 картин выдающихся русских художников), архитектурное (проекты, чертежи, рисунки, фото зданий русских архитекторов), театральное (эскизы

декораций, рисунки костюмов, плакаты, афиши, портреты артистов и т. д.), научно-литературное (портреты писателей, поэтов и ученых, их автографы, рукописи произведений), историческое, культурно-историческое, отделение русской старины (старинные портреты, миниатюры, ордена, медали, монеты, посуда, костюмы и т. д.), архив. Со временем расширялся круг адресатов музея, стремящихся помочь ему. Основная масса материалов была собрана в Европе и лишь небольшая их часть касалась восточной ветви эмиграции. Главной задачей библиотеки являлся сбор печатных изданий о литературном и научном творчестве представителей русской культуры и науки, книг русских писателей, изданных за границей, черновиков рукописей художественных произведений.

Постепенно росло число посетителей музея. Так, за первые три года с его экспонатами смогли познакомиться около 5 тыс. человек*, а за один 1943 г. – 2500[64]. Выставочная деятельность музея из-за нехватки организационных сил не получила распространения. В 1936 г. было проведено две выставки: одна посвящена И.Е. Репину, другая – В.И. Немировичу-Данченко.

После оккупации Чехословакии немецкими войсками директор музея В.Ф. Булгаков был арестован (22 июня 1941 г.), т. к. имел советский паспорт[65]. Кроме того, чешское управление текстильной промышленности требовало освободить часть помещений, где располагались коллекции музея. В 1944 г. РКИМ был закрыт. В 1945 г. часть музейных коллекций была отправлена в Москву в составе РЗИА. В дальнейшем его фонды вошли в состав различных московских музеев и архивов.

Руководству РЗИА и РКИМ, по заключению Л.И. Петрушевой, так и не удалось до конца ликвидировать параллелизм в своей работе, но общим и главным в деятельности этих учреждений, созданных усилиями русского мира, было то, что они собирали свои бесценные коллекции для России, с условием обязательной передачи их на родину после установления демократического строя. Владельцы архивов и музейных экспонатов имели возможность на более выгодных материальных условиях продать их в другие архивы и музеи, созданные в ряде стран для собирания документов по истории России и российской эмиграции, но в этом случае эти архивы, эти музеи никогда не попали бы на родину. Это обстоятельство стало ре-

шающим при выборе места хранения архивных материалов и музейных экспонатов в пользу Русского заграничного исторического архива и Русского культурно-исторического музея в Праге[66].

По мере расширения дипломатических связей СССР эмиграция старалась передавать свои реликвии для хранения в страны, дистанцировавшиеся от Советов. Так, после прихода к власти во Франции в 1936 г. Народного фронта, некоторые военные организации в Париже, опасаясь за сохранность своих архивов, переслали их в Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе. Бельгийский король Альберт I (1909–1934), «король-солдат», благосклонно и с уважением относился к русским военным – союзникам в Первой мировой войне. «Русский еженедельник в Бельгии», говоря об изгнанничестве, подметил, что, хотя в «эмигрантском государстве» нет формальной власти и управления, но «наша связанность с Белым Движением, наш язык, наша Церковь, наша Династия и главное, конечно, наша неистребимая любовь к Родине – связывают всех нас никак не слабее формальных уз». Из 700–800 тыс. апатридов («нансенистов») на Бельгию в 1939 г. приходилось около 8000 (а по некоторым данным – до 16000). В одном Брюсселе – до 2,5 тыс. человек, и его, шутя, называли «Бельгийским уездом Европейской губернии Российской Эмигрантской Империи»[67].

Начало коллекции архивных документов русской военной эмиграции в Королевском музее армии и военной истории положило создание отдела музея, посвященного Первой мировой войне. Далее была передана на хранение большая коллекция архива Лейб-гвардии ЕИВ Казачьего полка, архив Улан ЕИВ и коллекция почетного члена музея лейб-казаков генерала Д.И. Ознобишина. Во второй половине 1930-х гг. ценные вещественные и письменные реликвии Королевский музей получил от ряда полковых объединений, в том числе союза офицеров Императорского Русского Флота. Объединение бывших воспитанников императорского Александровского лицея также приняло решение передать в этот музей свой обширный архив. В музее отложились и документы архива редакции газеты «Часовой».

В 1939 г. 4 июня состоялось открытие новой витрины в русском отделе Королевского музея, в которой хранились

предметы, знаки отличия, ордена и мундиры времени царствования Николая II, Лейб-гвардии Уланского ЕИВ государыни императрицы Александры Федоровны полка. На открытие, благодаря приглашению главного хранителя Музея Леконта, собрались многочисленные представители бельгийского военного мира и русские эмигранты. К хранящимся в Музее реликвиям и сувенирам присоединились новые предметы улан императрицы благодаря сбору и заботам генерала Р.В. Споре[68].

Таким образом, воссозданная в Зарубежье параллельная Россия пыталась сохранить свои корни, найти основу для единения, ориентиры национального самосознания и пути самосохранения. Традиционные ценности помогли не раствориться в европейской культуре, остаться самостоятельным ручейком в инокультурном потоке жизни. Только культура, духовный труд уберегал эмиграцию от окончательного распада. Имена А.С. Пушкина, М.В. Ломоносова и других светочей русской культуры по существу стали основой идеологии (в широком смысле слова) эмиграции, средством ее культурного единения и духовного выживания.

Не менее важной задачей оставалась необходимость сохранить русскость в тех детях и молодых людях, рождение или становление которых проходило вне родной почвы, не допустить их растворения в инородной среде.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск, 2010. С. 197–198.

[2] День русской культуры. Краткий отчет о праздновании в 1928 году / сост. Н.А. Цуриков. – Прага, 1929. С. 15–16.

[3] М.В. Ломоносов. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти / ред. М.М. Новиков. – Прага, 1936. С. 3.

[4] Цит. по: *Новиков М.М.* Великаны российского естествознания // М.В. Ломоносов. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти С. 20.

[5] День русской культуры. Издание Харбинского комитета помощи русским беженцам. – Харбин, 1931. С. 10.

[6] М.В. Ломоносов. Речи, произнесенные на собрании в память 170-летия со дня его смерти.

[7] Подробнее см.: *Гутнов Д.А.* Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. История. Сер. 8. 2004. № 3. С. 88–101.

[8] Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник / под ред. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М.М. Новикова. – Париж, 1930.

[9] *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск, 2010. С. 160.

[10] Цит. по: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». – Омск, 2010. С. 161.

[11] Последние новости. 1928. 29 сент.

[12] *Лосский Н.О.* Воспоминания. – СПб., 1994. С. 272.

[13] Союз активно откликался на события в русской эмиграции: приветствовал И.С. Шмелева с 60-летием, направил поздравление И.А. Бунину по поводу получения Нобелевской премии и т. п.

[14] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935. С. 6.

[15] Русские дни в Белграде // Возрождение. – Париж, 1928. 1 окт.

[16] От берлинского Союза – Н.М. Волковысский, варшавского – С.М. Кельнич, парижского – В.Ф. Зеелер, белградского – А.И. Ксюнин, пражского – Н.М. Могилянский.

[17] Проблема нарушения авторских прав являлась для И.С. Шмелева не просто актуальной, но болезненной. В 1928 г. до него дошли сведения о том, что, нарушая его авторские права, в СССР сняли фильм по «Человеку из ресторана». Шмелев возмущенно выступил в печати. Его поддержали П. Пильский, К. Бальмонт. См. подробнее: *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. – М., 2007. С. 238–239.

[18] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935.С. 67.

[19] В.Н. Бунина 7 октября в дневнике записала: «Были вчера у Мережковских. Оба сияют и довольны. Вероятно, денег привезли больше, чем ожидали. Ордена красивые. И Д.С. все повторял, что кроме него такой орден только еще у одного сербского писателя, а про Немировича и не упомянул» // Устами Буниных. Дневники. В 3 т. Т. 2. – Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 183–184.

[20] Последние новости. – Париж, 1928. 4 окт.

[21] На страже России. 1925–1935. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. – Белград, 1935. С. 62.

[22] *Солнцева Н.М.* Иван Шмелев. Жизнь и творчество. – М., 2007. С. 240.

[23] С августа 1926 г. по август 1945 г. вышло 862 номера журнала «Рубеж». За время своего существования он сменил несколько редакторов (Н.Д. Шилов, М.Ц. Спургот, Е.С. Кауфман, М.С. Рокотов Л.П. Ефимов). См. сайт журнала «Рубеж»: http://rubej.info/

[24] *Кузнецова Т.В.* Русская издательская практика в Маньчжурии (первая половина XX в.) // Вопросы регионального книговедения. Сб. науч. тр.

молодых ученых. – Новосибирск, 1996. С. 31–58. URL: http://be.convdocs.org/docs/index-94290.htm

[25] Там же.

[26] *Каневская Г.И.* История русской иммиграции в Австралии (конец XIX – вторая половина 80-х гг. XX в. Автореф. дис. … д.и.н. – СПб., 2008. С. 24. URL: http://www.dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-istoriya/a488.php

[27] Выдвижение кандидатуры Льва Толстого (с 1902 по 1905 г.) не увенчалось успехом. Всего писатели из России / СССР удостаивались Нобелевской премии шесть раз. Подробнее см.: *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). – Кельн, 2007. URL: http://books.google.ru/books?id=VqWMhaewsQYC&pg=

[28] *Марченко Т.* Избрание и не. Русские писатели и Нобелевская премия 1914–1937 // Независимая газета, Ex Libris. 2000. 11 мая; то же: http://www.noblit.ru/node/2597

[29] В 1931 г. кандидатом на Нобелевскую премию стал также И.С. Шмелев. Его выдвинул Томас Манн, потрясенный книгой «Солнце мертвых». Писатель номинировался и в следующем, 1932 г., заручившись рекомендацией знаменитого голландского слависта Н. Ван-Вейка. Подробно см.: *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). – Кельн, 2007. С. 252–290. URL: http://books.google.ru/books?id=VqWMhaewsQYC&pg=

[30] В ноябре 1931 г. Ф.А. Степун писал И.А. Бунину: «Когда пришло известие, что премию получил никому неизвестный поэт, я впал в большую печаль. Сразу же стал думать, что бы можно было предпринять, чтобы добиться премии для Вас. Говорил на эту тему с некоей Брандстрем, дочерью шведского посла при царском дворе. Она хорошо знает Нобеля и многих Северных людей. Обещала сделать, что может. В частности, познакомить меня с Нобелем, если он будет в Дрездене или Берлине» // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. – М., 2002. С. 97–98.

[31] *Марченко Т.* Избрание и не. Русские писатели и Нобелевская премия 1914–1937 // Независимая газета, Ex Libris. 2000. 11 мая; то же: http://www.noblit.ru/node/2597

[32] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. В 4 т. – М., 2011. Т. 1. С. 736.

[33] Там же.

[34] *Бунин И.А.* Воспоминания. – Париж, 1950. С. 263–264.

[35] С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. – М., 2002. С. 86.

[36] Там же. С. 104.

[37] Там же. С. 199.

[38] Помимо членов президиума в Центральный Пушкинский комитет входили еще 60 рядовых членов.

[39] Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). – М., 2000. Т. 2. С. 65–66.

[40] *Шмелев И.С.* Вещий // Иллюстрированная Россия. Пушкинский номер 1837–1937. 1937. № 7 (613). 6 февр.

[41] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XVI (2)-3.

[42] *Черникова Л.* История одного памятника. URL: http://www.russianshanghai.com/articles/post25 (12.04.2012).

[43] См.: *Телицын В.Л.* П.Н. Апостол и «Общество друзей русской книги в Париже» // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). URL: http://www.nivestnik.ru/2001_1/7.shtml (04.04.2012)

[44] Благодаря инициативе П. Ботье картина А.Е. Яковлева «Обнаженная» поступила в Королевский музей изящных искусств в Брюсселе. Подробнее см.: *Авдюшева-Лекомт Н.* Александр Яковлев в Бельгии // Зарубежная Россия. 1917–1945. Кн. 3. – СПб., 2004. С. 354–360.

[45] *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. – М., 1994. С. 405.

[46] Письмо М.В. Добужинского Ф.Ф. Нотгафту от 28 мая 1928 г. // Сергей Дягилев и русское искусство: / авт.-сост. И.С. Зильберштейн, В.А. Самков. В 2 т. – М., 1982. Т. 2. С. 207–208.

[47] *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. – М., 1994. С. 405.

[48] Цит. по: *Авдюшева-Лекомт Н.А.* О выставке русского искусства в Брюсселе 1928 года // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52. С. 241–261. http://www.artrz.ru/download/1804816170/1805172601/1

[49] Цит. по: *Алексинская Т.* Выставка русского искусства в Брюсселе // Возрождение. Т. 76. – Париж, 1958. С. 55–56.

[50] К. Богаевский, Г. Верейский, А. Головин, В. Конашевич, А. Кравченко, Е. Лансере, Д. Митрохин, А. Остроумова-Лебедева, К. Петров-Водкин, К. Юон.

[51] Цит. по: *Алексинская Т.* Выставка русского искусства в Брюсселе. С. 55.

[52] *Авдюшева-Лекомт Н.А.* О выставке русского искусства в Брюсселе 1928 года // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52. С. 241–261. http://www.artrz.ru/download/1804816170/1805172601/1. Автор ссылается на: Письма К.А. Сомова к К.М. Животовской (1925–1938) / подг. текстов, вступ. ст. Т.С. Царьковой, коммент. и биогр. справка Е.П. Яковлевой, пер. с англ. Е.А. Тереховой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. – СПб., 2006. С. 482.

[53] *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции. – М., 2005. С. 161.

[54] *Авдюшева-Лекомт Н.А.* О выставке русского искусства в Брюсселе 1928 года // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2007. № 52. С. 241–261. http://www.artrz.ru/download/1804816170/1805172601/1

[55] См.: *Петрушева Л.И.* «Русская акция» правительства Чехословакии и эмиграция из России // URL: http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml; *Серковская Л.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.): историко-архивоведческое исследование. Автореф. дисс. … к.и.н. – М., 2011 URL: http://dissovet.rggu.ru/announcements.html?id=1843380 (10.10.2012).

[56] Цит. по: *Павлова Т.Ф.* Русский заграничный исторический архив в Праге и генерал Н.Н. Головин. // Россика в США: Сборник статей (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 7). – М., 2001. С. 292. URL: http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187335 (20.11.2012)

[57] Там же. С. 93–95.

[58] *Петрушева Л.И.* Русский заграничный исторический архив в Праге. 1938–1945 гг. // Нансеновские чтения 2009. – СПб., 2010. С. 323.

[59] Там же. С. 315–316. Американские культурно-благотворительные организации предлагали летом 1939 г. за приобретение РЗИА 1 млн долларов.

[60] Цит. по: *Серковская Л.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге (1923–1945 гг.): историко-архивоведческое исследование. Автореф. дисс. … к.и.н. – М., 2011 URL: http://dissovet.rggu.ru/announcements.html?id=1843380 (10.10.2012).

[61] Цит. по: *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. – М., 1993. С. 14.

[62] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. – Нью-Йорк, 1952. С. 356.

[63] Подробнее см.: *Булгаков В.Ф.* Встречи с прошлым. – Л., 1969.

[64] *Докашева Е.С.* Русский культурно-исторический музей в Праге. С. 63. *6 тыс. по данным кн. «Русское искусство за рубежом» / сост. Булгаков и Юпатов. – Прага–Рига, 1938. С. 25.

[65] После освобождения Праги В.Ф. Булгаков работал учителем истории в советской средней школе в Праге. В 1948 г. вернулся в СССР, работал хранителем Музея-усадьбы Л.Н. Толстого в Ясной Поляне.

[66] *Петрушева Л.И.* «Русская акция» правительства Чехословакии и эмиграция из России // URL: http://www.rusarchives.ru/evants/exhibitions/minsk_p.shtml

[67] Русский еженедельник в Бельгии. 1939. 25 августа.

[68] См.: *Белова Е.И., Бочарова З.С., Седова Е.Е.* Путеводитель по русскому отделу Королевского музея армии и военной истории в Брюсселе. – СПб., 2012. С. 11–12.

7

МИР ДЕТСТВА ЗАРУБЕЖЬЯ

В докладе совещательного комитета частных организаций при Лиге Наций говорилось, что к 1931 г. в Западной Европе находилось 78 тыс. русских и армянских детей-беженцев моложе 14 лет и 30 тыс. в возрасте от 14 лет до 21 года. А из 90 тыс. русских детей 69 тыс. нуждались в помощи[1]. К изначальному числу детей необходимо прибавить родившихся в эмиграции. Однако рождаемость в русской диаспоре была ниже, чем у местного населения. Скажем, в Югославии в 1929 г. на 106 браков приходилось лишь 82 ребенка, т. е. в среднем на одну семью – 0,77; в 1930–0,95, в 1931–0,87, в 1932–0,84 ребенка[2]. Это примерно в 2 раза меньше, чем показатели местного населения. Не случайно освобождавшиеся вакансии в учебных заведениях после их окончания детьми «первого набора» не заполнялись в полной мере русскими детьми, рожденными в стране (примерно 300 в год). Кроме того, ввиду перехода в сербское подданство, многие родители отдавали своих чад в местные школы. Постепенно младшие классы переставали существовать[3]. Более того, посещение местной школы обходилось родителям либо бесплатно, либо за незначительную плату. В то время как русские школы (преимущественно к 1930-м гг. – частные) вынуждены были брать значительную сумму за обучение. К концу 1920-х гг. эмиграция заговорила о нарастающем кризисе русской школы, который осложнялся истощением русских средств и прекращением иностранной помощи.

Между тем самая незащищенная часть диаспоры – дети и подростки – требовала особой заботы. Как отмечали сами педагоги, эмиграция способствовала оформлению определенного образа учащегося, которого отличала практичность, ма-

териалистичность: «Молодежь не хочет пропустить того, что дает жизнь. Это стремление приводит к утилитаризму… Молодые требуют быстрого оправдания жизненных своих желаний… Лишение Родины вызывает в психике какой-то провал. Родина для детей становится сказкой. Никаким воображением и рассказами нельзя заменить Родины; не восстановить ее даже в живых, ярких образах. В результате у наших детей некоторая незаконченность, бесформенность, раздвоенность души. Чужая культура воспринимается как нечто чужое, а своей культурно-бытовой стихии нет»[4]. Поэтому педагог, психолог В.В. Зеньковский считал, что «русские школы, оставаясь учебными заведениями, в большей степени должны быть институтами воспитания, насыщающими духовную и моральную природу воспитанников всем тем глубоким и ценным, что заключено в русской культуре»[5]. Но чем дольше длилось пребывание на чужбине, тем сложнее было сохранить русский дух в молодежной среде.

«Психологию бездомности, сознание своей беспочвенности, оторванности»[6], т. е. «беженскую психологию», сложившуюся у детей и юношества, до конца не удалось преодолеть. А.П. Дехтерев, воспитатель знаменитой Шуменской гимназии в Болгарии и один из участников педагогического съезда, состоявшегося в мае 1929 г. в Софии говорил, что «дети, преодолевшие гражданскую войну и осилившие эмиграцию, – вне прошлого. У них иная психика, иные нервы, иные понятия об отношениях. По-моему, у них даже состав крови другой»[7]. В.В. Зеньковский еще в 1925 г., анализируя детские сочинения о родине, отмечал: «…детская душа в наши дни напоминает полуразрушенный дом, в котором уцелело только несколько жилых помещений, – а все остальное разрушено, измято, сломано, исковеркано. <…> Душа их, конечно, безостановочно лечит самое себя, но наш долг – всячески помогать им в этом, ибо справиться с тем тяжким бременем, с тем ядом, который отравил детскую душу, им самим не легко. <…> Во имя детей, во имя будущего нашей Родины, мы должны найти в себе силы для решения этой нелегкой задачи и помочь детям»[8].

Поэтому учительство проявляло исключительную самоотверженность. По словам А.П. Дехтерева: «…Здесь не служба, но служение детям, служение национальному русскому делу»[9]. Педагогическая общественность обращалась к русским людям

быть ответственными «за судьбу всех русских детей за границей», чтобы они не «перестали существовать как русские, безвозвратно растворившись в иностранной среде»[10]. Но дети эмигрантов не могли существовать изолированно, и влияние инокультурного и иноязычного окружения все активнее проникало в их жизнь. Обучавшийся в Шуменской гимназии Г. Газданов так определил мироощущение русских эмигрантов: «Мы живем, окруженные иностранцами»[11].

Забота о подрастающем поколении наиболее интенсивная в 1920-х гг., к 1930-м гг. значительно сократилась. Систематическая работа велась только во Франции, Эстонии, Польше и Болгарии, помощь отдельным детям осуществлялась в Германии, Финляндии, Латвии[12]. РЗГК за восемь лет своего существования к концу 1920-х гг. больше половины общей суммы затраченных денег отдал на школьно-просветительские нужды – 1 709 162 доллара (58,1 %). Причем удельный вес этих затрат с каждым годом возрастал – с 20 % в 1921 г. до 88,19 % в 1929 г. Но, если в 1927 г. Земгор поддерживал 80 культурно-просветительских учреждений и 4 тыс. детей, в 1929 только 55 (16 детских садов, 8 начальных школ, 17 средних школ, 4 приюта и 10 интернатов) и 3 тыс. детей на попечении. К 1930 г. под его патронатом среднее образование получили 2,2 тыс. чел., почти половина которых (800 человек) поступили в высшие учебные заведения, часть из них стали стипендиатами Земгора[13]. К 1937 г. число детей, обучавшихся в 1920–1930-е гг. в школах РЗГК, составляло 6 тыс. человек. Треть из них содержалась в приютах и интернатах.

Новую форму привлечения иностранных средств апробировали в начале 1930 г. во время поездки председателя Земгора А.И. Коновалова по США. В его распоряжении было несколько сот фотокарточек русских детей с данными об их жизни и нуждах. В результате 128 человек из Эстонии, Латвии, Финляндии, Германии, Франции, Польши были обеспечены на год обучением либо содержанием в интернате, либо летними колониями, лечением и пр.[14]

Сокращалось финансирование русских школ там, где они прежде регулярно получали дотации в 1920-е гг. В ЧСР с 1935/1936 учебного года на основе существовавших двух русских гимназий в Праге и в Моравской Тржебове была создана Объединенная русская гимназия в Праге. В связи с этим по

окончании 1934/1935 учебного года прошло сокращение штата сотрудников[15]. В мае 1934 г. А.Л. Бем писал В.В. Рудневу, что в Праге «всякая педагогическая работа заглохла», и только «иногда собирается Педагогический кружок С.И. Гессена (который, кстати, осенью покидает Прагу и переезжает в Варшаву)»[16]. В 1934 г. была закрыта русская гимназия в Шумене (Болгария).

К финансированию школьного дела пытались привлечь средства особого фонда Лиги Наций, который формировался за счет беженских средств – сборов с нансеновских паспортов, нансеновских марок. К К.Н. Гулькевичу, представлявшему российскую эмиграцию в соответствующих учреждениях этого международного органа, неоднократно обращались с просьбой поддержать ходатайства местных эмигрантских организаций. Так, Б.Н. Гревениц просил представителя совета послов «поддержать перед проф. М. Губером ходатайство Особого комитета по делам русских в Финляндии об отпуске средств на поддержку русских школ, находящихся более чем в критическом положении». Он писал: «Как Вам, конечно, известно, Земгор прекратил свою работу на просветительном поприще в Финляндии, причем на наступающий год (1932 г. – *З.Б.*) испросил субсидию из средств Лиги Наций почему-то только для Териокского реального училища…»[17]. Несмотря на неудачную попытку 1931 г., через год последовало еще одно обращение Особого комитета в Международное бюро имени Нансена для «получения нехватающих средств на содержание Выборгского русского лицея[18] и интерната при гимназии Св. Алексия в Ликола (Выборгская губерния)»[19].

Отсутствие стабильного и достаточного финансирования при решении детского вопроса заставляло искать новые пути поддержки молодого поколения. Например, с истощением кредита на призрение 3 тыс. детей в Болгарии представитель Лиги Наций в Софии Коллинс требовал, чтобы Союз городов отправил учеников старших классов гимназий на работы, детей же младшего возраста разместил во Франции по крестьянским семьям. Это требование Коллинса вызывало естественную тревогу за участь детей, за школьное дело в Болгарии. Такой вариант порождал опасность превращения младших воспитанников русских гимназий в батраков французских крестьян. Представитель Земского союза в Болгарии в письме

представителю совета бывших российских послов при Лиге Наций К.Н. Гулькевичу 29 июля 1922 г. предостерегал, что, если не будут отпущены средства, учебные заведения придется закрыть, а большую часть детей вернуть в Константинополь к родителям: «Думаю, что такая перспектива едва ли отвечает пожеланиям Лиги Наций, которая только и повторяет требование о разгрузке Константинополя. …просьба изложить обстоятельства этого дела непосредственно Нансену и предпринять перед ним усиленные настояния в том смысле, чтобы вопрос о судьбе упомянутых детей был разрешен в направлении более отвечающем их духовному развитию и воспитанию»[20]. Ф. Нансен действительно был обеспокоен тем, что могла быть «потеряна драгоценная интеллигенция для строительства России и не только для своей страны, но и для цивилизации»[21].

Определенный финансовый ресурс создавался в ходе проведения Дня русского ребенка, инициированного в 1928 г. Педагогическим бюро по делам средней и низшей русской школы за границей. Курировал проведение акции Центральный комитет (ЦК) Дня русского ребенка, куда вошли представители Педагогического бюро по делам средней и низшей школы, Земгора, Всероссийского союза городов, Союза русских академических организаций. Решалась триединая задача: воспитание, пропаганда, сбор денежных средств для нужд детских эмигрантских учреждений. При ЦК существовал Центральный фонд, куда поступали собранные средства. Его председателем избрали князя П.Д. Долгорукова, а членами в разное время состояли Н.А. Цуриков, А.В. Жекулина, А.Л. Бем и др. Помимо центрального действовали местные комитеты по проведению мероприятий по празднованию Дня русского ребенка, сохраняя полную автономность, с учетом особенностей положения в отдельных странах. Отчисления в Центральный фонд составляли 10 % от собранной суммы[22].

Впервые День русского ребенка праздновался 25 марта 1929 г. в 12 странах Европы (Бельгия, Болгария, Италия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Югославия, Финляндия, Франция, ЧСР, Эстония), с 1930 г. присоединились Харбин (Китай) и США[23]. В Нью-Йорке Общество попечения о русских детях работало еще с 1926 г., а к середине 1930-х гг. его отделения распространились по всей стране[24]. Наиболее значительные

суммы денег собирали крупные русские колонии в ЧСР, Болгарии, Югославии, США, Харбина. Лишь Франция проводила мероприятие недостаточно масштабно. А.Л. Бем 14 февраля 1936 г. писал из Праги В.В. Рудневу: «Дорогой Вадим Викторович, пишу Вам по просьбе кн. Петра Дмитриевича Долгорукого, который, как Вы знаете, тяжело заболел. Дело в том, что на этих днях будет от имени Комитета "Дня русского ребенка" разослано, как всегда, обращение об обустройстве повсеместно сбора на русских эмигрантских детей. Такое обращение будет направлено и в "Последние новости". Но так как Париж "Дня русского ребенка" не устраивает, то могут возникнуть сомнения, следует ли печатать обращение. Мы очень просим Вас обратить внимание "Последних новостей" на общее принципиальное значение этого объявления, которое обыкновенно дает толчок устройству сборов в разных местах русского рассеяния вне Франции. Конечно, если бы Париж мог к этому дню присоединить и свои сборы на помощь детям, было бы очень хорошо. Но нам важно, чтобы наше обращение появилось в наиболее читаемой эмигрантской газете. Очень Вас просим оказать возможное влияние в этом направлении»[25].

Исключение составила Ницца, где Комитет Дня русского ребенка зарекомендовал себя столь хорошо, что уже в 1931 г. был преобразован в Общество помощи русским детям во главе с графиней Е.В. Уваровой[26]. Созданный по инициативе членов Комитета детский сад для русских детей способствовал тому, что уже через год язык становился родным даже для тех, кто не говорил по-русски. Столь же успешно работали курсы для детей, посещавших французские школы. В то же время в Копенгагене ограничивались лишь обходом с копилкой православных церквей, русских библиотек, детских домов. В Бейруте деньги собирали в единственном православном храме. В Швеции не было условий для проведения этих мероприятий. А.А. Рубец, выпускник Александровского императорского лицея, а теперь священник, писал П.Д. Долгорукову, что из-за незначительной численности эмиграции (130–160 человек) русская жизнь в стране практически замерла, а церковь посещали лишь 5–10 человек в день[27].

В США и Харбине появились специальные издания. Сборник «День русского ребенка» выходил в Сан-Франциско (1934–1955) под редакцией русского педагога Н.В. Борзова

и являлся ежегодным изданием ко «Дню святой Пасхи». История журнала начинается момента, когда Общество помощи детям русской эмиграции стало проводить в первое воскресенье после Пасхи благотворительные мероприятия, названные Днем русского ребенка. С 1934 г. к этому Дню был приурочен выпуск одноименного ежегодника, все средства от продажи которого шли на поддержку обездоленных русских детей, разбросанных по всему миру. Первые номера выходили тиражом в 250 экземпляров и объемом в 30–80 страниц, впоследствии тираж был доведен до 1000 экземпляров, а объем составлял около 300 страниц большого формата. Здесь помещались биографии знаменитых русских людей, отделы религиозный, патриотический, литературно-педагогический и юношеско-детский[28]. На обложке журнала был помещен рисунок Г.А. Ильина, изображавший трех русских детей-сирот. Журнал сыграл большую роль в сборе средств на материальную поддержку нуждавшихся детей. Но главное – это реализация задачи противостояния денационализации подрастающего поколения, приобщение детей к русской культуре и, тем самым, – к оставленной родине, пробуждение у детей на чужбине чувства «внутреннего единения и братства». В одной из редакционных статей провозглашалось: «Наш журнал ставит своей задачей показывать прелесть своего родного, национального, религиозного»[29].

После начала Второй мировой войны на одном из заседаний ЦК Дня русского ребенка было принято решение о продолжении работы до тех пор, «пока настойчивые попытки найти эмигрантскую организацию, которая согласилась бы принять на себя обязанности Комитета и его название, не увенчались успехом»[30]. В 1940 г. координация международного празднования Дня русского ребенка была передана в США[31].

Организаторы праздника взаимодействовали с детскими и юношескими внешкольными организациями – «Русский скаут», «Витязь», «Национальная организация русских разведчиков», «Русский Сокол», «Юный доброволец» и др. Так, основанная в 1929 г. в Париже полковником П.Н. Богдановичем и имевшая свои отделения в других странах Европы и Маньчжурии «Национальная организация русских разведчиков» действовала под девизом: «Помни Россию», а ее члены, как сказано в уставе, должны «знать и любить прошлое своей

страны, ее необозримое пространство, ее язык, литературу»[32]. «Юные добровольцы» выдвинули лозунг «Не посрамим земли русской». Правление «Русского скаута» информировало ЦК Дня русского ребенка, что «учитывая опасность денационализации русских детей и юношества, особенно тех из них, кто в силу современных условий жизни очутился вдали от русских центров и кому мало доступно русское слово и нужен русский друг, организация создает в ряде стран – Финляндии, Польше, Греции, Бельгии, Италии и др. свои отделения “одиночных скаутов”»[33].

Детские и юношеские организации скаутов, витязей, соколов, разведчиков стали важным адаптационным инструментом и площадкой для патриотического воспитания в Зарубежье. Учитывая, что русская школа в 1930-е гг. умирала, внешкольные мероприятия, роль семьи приобретали особое значение в реализации попыток сохранить национальное самосознание детей и молодежи. П.Е. Ковалевский в своей знаменитой книге «Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)» наиболее значительными из многочисленных русских юношеских организаций называет Национальную организацию русских скаутов за границей, юношеский и детский отделы (с 1926/1927 гг.) Русского студенческого христианского движения (РСХД), Национальную организацию витязей (НОВ) и Соколов, «которые хотя и были спортивной организацией и числили в своих рядах много взрослых, вели работу также и с молодежью»[34]. Главный девиз сокольства – «В мышцах – сила, в сердце – отвага, в мыслях – Родина!»[35]. Организация витязей была основана Н.Ф. Федоровым в 1934 г. Ее девизом стал «За Русь, за веру!»

Ежегодно скауты, витязи, отделы РСХД, устраивали лагеря, через которые прошло несколько тысяч русских детей и подростков, усваивавших национальную образовательную программу, Закон Божий. «Если школы могли дать русским детям познания в русском языке, в истории и географии России, – писал П.Е. Ковалевский, – то только, когда при них были пансионы или интернаты, дети проводили внешкольные часы в русской обстановке. В лагерях, наоборот, в течение месяца, а иногда и двух, молодежь попадала в особенно благоприятные условия, так как там устраивались кроме занятий

походы и экскурсии, требовалось говорить между собою по-русски, подготавливались “костры” и спектакли и почти в каждом лагере была церковная палатка, а во многих лагерях, кроме педагогического персонала, жил священник»[36].

Свою роль в освещении деятельности, в выработке программ и идеологии сыграли издания – «Русский сокол в Болгарии», «Русский сокол во Франции», «Пути русского сокольства» и др. И.В. Упадышева считает, что именно ориентированные на детей и подростков печатные (или рукописные) издания, сохранили «ярко выраженный патриотический настрой», в то время как остальные к 1930-м гг. постепенно его утрачивали[37].

С конца 1920-х гг. для РСХД задача спасения русской нации с каждым годом становилась все более существенной. Молодежи импонировала практическая, культурная сторона деятельности организации, которая выражалась в борьбе с «денационализацией». Это было, в первую очередь, связано с опасением, что вдали от Родины, в условиях жесткой борьбы за существование, у подрастающего поколения разовьется западный практицизм и они потеряют религиозное и национальное своеобразие русского духовного типа. Во избежание национального обезличивания в программы занятий кружков РСХД вводилось всестороннее изучение русской культуры и истории. Такое общение помогало молодым чувствовать себя на чужбине русскими[38]. В.В. Зеньковский отмечал в 1929 г., что «Движение характеризуется глубоким чувством *найденности почвы*, найденности основополагающего принципа, который должен образовать исходный пункт в построении идеологии»[39].

Расходясь в методах работы, русский молодежный мир становился спаянным единым целым в Дни русской культуры для юношества и детей, которые стали устраиваться в Париже, начиная с 1931 г. и завершились 21 мая 1939 г. Первый праздник, устроенный по инициативе Е.П. Ковалевского и старосты Соколов В.А. Петрова, был посвящен пяти годовщинам: императору Александру II, Ф.М. Достоевскому, Н.С. Лескову, М.П. Мусоргскому, Н.И. Пирогову. Второй (1933 г.) – Волге, третий – Н.В. Гоголю, четвертый – Неизвестному поэту – русскому народному творчеству, пятый – юноше-поэту М.Ю. Лермонтову, шестой – юноше-поэту А.С. Пушкину, седьмой – теме «Родина-мать», восьмой – «Мечу на страже русской культу-

ры»[40]. В последнем принимали участие свыше 1 тыс. участников и 4 тыс. зрителей. По решению почетного жюри под председательством Б.К. Зайцева участникам был присужден переходный Пушкинский кубок и другие награды. В «Памятке о Днях русской культуры для юношества и детей» говорилось: «Распространено убеждение, что русская молодежь не интересуется Россией, забывает родной язык и денационализировалась. День русской культуры принес этому утверждению опровержение. <…> каковы бы ни были влияния чужого быта, чужой культуры, русский дух и русский склад мышления не умрет в молодом поколении, и придет момент, когда вся эта молодежь пойдет на служение истинной русской культуре»[41].

Об успехах русской внешкольной работы писал «Русский еженедельник в Бельгии». Так, известный в эмиграции русский детский пансион А.А. Кузьминой-Караваевой поставил ко Дню русской культуры ученический спектакль «Женитьба» Н.В. Гоголя. Ставили спектакль С.М. Власьев и его супруга артистка В.Н. Лирская, которая удостоилась высших похвал «Русского еженедельника в Бельгии». Газета писала: «Изумительно, что молодежь, выросшая в эмиграции, почти незнающая России и во всяком случае непомнящая старую Россию с ее свахами, смотринами, мелкими купцами и чиновниками и т. д., что эта-то молодежь так сумела верно понять дух произведений Гоголя, сумела так верно изобразить его героев… И отрадно, что все говорили по-русски, отлично, без акцента, что, увы, далеко не везде наблюдается теперь в эмиграции»[42].

Активный процесс денационализации заставил изменить с начала 1930-х гг. содержание и интенсивность выхода журналов, ориентированных на детей. К потере национальной самоидентификации прибавился целый комплекс причин как внутреннего, так и внешнего характера. Стала очевидной «тщетность надежд на возвращение в Россию». Кроме того, грянул экономический кризис. Сужение детской аудитории, восприятие русского языка как иностранного, а также неизбежный процесс аккультурации и даже ассимиляции взрослой части изгнанничества – все это влияло на концепции детских изданий. Следствием стало двуязычие (например, обложка журнала «Сверчок» печаталась на русском и французском), появление в различных изданиях материалов «о забавных ситуациях, связанных с постепенной утратой русского языка», исчезнове-

ние детских разделов в крупных журналах (так, «Иллюстрированная Россия» вела с 1924 г. «Страничку для детей», объем которой сократился к концу 1920-х гг., а к концу 1930-х и вовсе прекратила существование, появлялась лишь информация о сокольских съездах, ежегодные отчеты о проведении Дней русского ребенка и т. п.)[43].

Исключительную роль в защите и пропаганде русского языка, литературы, истории, тех дисциплин, которые формируют национальное самосознание, сыграли педагогические журналы «Русская школа за рубежом», «Русская школа», «Бюллетень религиозно-педагогического кабинета», педагогические журналы, издававшиеся в разных городах рассеяния. Однако нарастание кризисных явлений в развитии школьного дела привело к закрытию в 1931–1932 гг. четырех ведущих педагогических журналов, в том числе «Русская школа за рубежом» и «Бюллетень Педагогического бюро». Новых изданий почти не возникало, в первую очередь, по причинам материального характера. Хотя вторая половина 1930-х гг. отличается умеренной стабилизацией деятельности педагогической журналистики, когда за границей выходило по 8–11 периодических изданий. Их стабильность связана с усилением интереса к внешкольному образованию и воспитанию подрастающего поколения, расширением сети внешкольных учреждений (сокольских организаций, воскресно-четверговых и церковно-приходских школ, национальных курсов, народных университетов)[44].

Не случайно только в 1928 г. состоялся Первый съезд по внешкольному образованию за границей (Прага). Анализируя причины нараставшей денационализации детей, П.П. Юренев отметил большую роль перемены подданства родителями, что, как правило, приводило к утрате «чувства своей родины, России, так как родиной для них становится другая страна»[45]. А.Л. Бем также возложил вину на семьи, «которые часто в этом вопросе [в изучении русского языка – *З.Б.*] допускают преступную небрежность»[46]. А.В. Арцишевский привлек внимание к положению русского дела в Болгарии. С 1927 г. наблюдалась тенденция игнорирования русских школ, хотя таковых было достаточно, чтобы охватить всех русских детей. В ряду причин этого явления и, соответственно, денационализации, с которой успешно бороться трудно, и «можно лишь

задержать ее», он назвал смешанные браки и близость русского языка болгарскому. На съезде звучала мысль о том, что только методами внешкольных занятий можно бороться с денационализацией (С.А. Брут)[47].

По этому поводу съезд принял специальную резолюцию «О поддержке внешкольного образования». В ней признавалось первостепенное значение этого вида работы с детьми «в условиях современной русской зарубежной жизни»: «2. Не ставя целью замену образования в семье и школе, внешкольное образование должно, с одной стороны, идти им на помощь, с другой – во многих областях, в частности, в борьбе с денационализацией, выполнять самостоятельную роль. 3. Съезд полагает, что самым совершенным средством духовной помощи русской молодежи является взаимодействие семьи, школы и внешкольных просветительных учреждений. Поэтому съезд призывает русскую семью, школу, общественное мнение и печать к возможно более энергичной поддержке идеи внешкольного образования»[48].

Следует отметить не только проекты объединенных усилий, но и частные инициативы. Т.П. Тетеревлева пишет об одном таком примере – опыте развития авторской книги и иллюстрации. Еще в 1909 г. в Петербурге начала выходить серия «Сказки-картинки» В.В. Каррика. В нее вошли сказки разных народов, которые он пересказал для детей и сам проиллюстрировал. Переселившись после 1917 г. в Норвегию вместе с женой, он писал друзьям, что живет теперь в сказочном Китеж-граде, и сама атмосфера «сказочного города» подталкивает его к продолжению литературной деятельности. В начале 1920-х гг. он подготовил к изданию новые выпуски сказок с собственными иллюстрациями. Тираж был разослан в разные страны Европы. Вскоре к нему начали поступать трогательные письма от русских детей и учителей из Польши, Финляндии, Франции, других стран Европы и мира (даже из Уругвая и Алжира) с благодарностью за «возможность пользоваться русскими сказочками», с просьбой выслать экземпляры книжек от представителей эмигрантских учебных заведений, испытывавших острую нехватку книг, предназначенных для детского чтения.

Вдохновленный успехом сборника сказок, весной 1932 г. В.В. Каррик решил отправиться в поездку с циклом лекций «Жизнь сказки» по странам, где проживало наибольшее число

русских эмигрантов. В организации этого путешествия автору помогали знакомые из разных европейских государств. В течение четырех месяцев он побывал в разных городах Франции и Великобритании, и остался чрезвычайно доволен результатами поездки. Тематика лекций подкупала своей неангажированностью, возвращала слушателей в сказочный мир безвозвратно утраченного русского детства. Весной-летом 1933 г. В.В. Каррик предпринял поездку в Германию и Швейцарию, в 1934 и 1936 г. – по русским колониям Финляндии и стран Балтии[49].

Однако необходимость интеграции в новую среду ярко обнаруживала себя в судьбах детей. Так, Н.О. Лосский в своих «Воспоминаниях» подчеркивал, что старшие сыновья поступили правильно, покинув Прагу для получения высшего образования во Франции, т. к. «в Чехословакии нормальная жизненная карьера была почти невозможна для иностранца»[50]. Даже получив гражданство ЧСР, эмигрант все равно считался русским гражданином второго разряда. Устроиться на работу в ЧСР, особенно на государственную службу, было чрезвычайно трудно.

Средний сын Лосских, Борис, поступил в 1923 г. на архитектурное отделение Чешского политехникума в Праге, в 1927 г. переехал в Париж, закончил высшее образование в Сорбонне, в 1932 г. получил французское гражданство. Старшему Владимиру мешало получить гражданство то обстоятельство, что французы долго не могли понять, каким образом русский родился в Германии. После долгих хлопот, лишь за несколько месяцев до начала войны, в 1939 г., он смог натурализоваться. Н.О. Лосский пишет о неблагоприятных условиях для духовного развития в чешской среде, проникнутой шовинизмом, младшего сына, Андрея. Поэтому было решено «отдать его в школу, в которой преподавание велось бы на одном из мировых языков Западной Европы»[51]. В результате тот получил образование в среде англо-саксонской культуры. Тем не менее, при столкновении с «прогрессивными» чешскими преподавателями Андрей «защищал Россию, к которой в то время питал пылкую любовь»[52]. Родителям удалось привить ребенку уважение к родной стране, знание ее истории, чувство гордости за принадлежность к русской культуре. В Лондонском университете (1935–1938 гг.) он занимался специально историей Европы и России.

Известно, что дети-билингвы значительно лучше, чем моноязычные дети, выполняют разные когнитивные задачи. А люди, которые ощущают себя комфортно более чем в одной культуре, интеллектуально и эмоционально больше удовлетворены жизнью, чем монокультурные. Сыновья Н.О. Лосского действительно заняли значительные позиции каждый в своей научной сфере.

Можно сделать вывод, что в условиях послереволюционной эмиграции сложился особый культурно-исторический тип детства. В 1930-е гг. традиционные социальные институты, способствовавшие социализации молодого поколения, переживали кризис, задачи, выполняемые ими, трансформировались. Выросла роль внешкольной организационной и культурно-просветительной работы. Пространство жизнедеятельности определило новые формы адаптации, социализации, помощи и в целом решения детского вопроса. На первый план все активнее выходил фактор иноязычного окружения, что вело к денационализации, утрате прежних ориентиров.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Закон и Суд. – Рига, 1931. № 17. Ст. 551.

[2] *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. – М., 2005. С. 404.

[3] Бюллетень Российского земско-городского Комитета помощи российским гражданам за границей № 56 15 января 1930 г. – Париж, 1930. С. 3–4.

[4] Русская школа за рубежом: Исторический опыт 20-х годов. Сб. документов / редкол.: Кузьмин М.Н. (отв. ред.) и др.; сост. Владыкина В.А., Красовицкая Т.Ю. – М., 1995. С. 57.

[5] Русская школа за рубежом. – Прага, 1929. Кн. 23. С. 240.

[6] *Зеньковский В.В.* Детская душа в наши дни // Дети эмиграции. Воспоминания. – М., 2001. С. 161. URL: http://rus-sky.com/history/library/vospominania/#_Toc19331747 (02.02.2013)

[7] *Дехтерев А.П.* Школьный год (дневник воспитателя) // Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 25. С. 33.

[8] *Зеньковский В.В.* Детская душа в наши дни // Дети эмиграции. С. 160. Эта статья под несколько другим названием была републикована в США: *Зеньковский В.В.* Детская душа в дни революции и теперь // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1943. № 10. С. 95. URL: http://rus-sky.com/history/library/vospominania/#_Toc19331747 (02.02.2013)

[9] Цит. по: *Петрушева Л.И.* Русская эмигрантская школа в Европе // Славяноведение. 2009. № 1. С. 25.

[10] Цит. по: *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1999. С. 138.

[11] Цит. по: *Родионова Н.А.* «Что пройдет, то будет мило»: трансформация быта Шуменской гимназии в бытие в эпистолярном наследии ее выпускников // Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / сост. П. Буняк. – Белград, 2013. С. 188. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf (02.02.2013)

[12] Русские во Франции. Справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж, 1937. С. 57.

[13] Бюллетень Российского земско-городского Комитета помощи российским гражданам за границей № 55. 15 декабря 1929 г. – Париж, 1929. С. 8.

[14] Бюллетень Российского земско-городского Комитета помощи российским гражданам за границей № 59–60. 15 мая 1930 г. – Париж, 1930. С. 7.

[15] *Обухов Б.Г.* История русского образования в Праге // http://ruschool cz.com/school/sch_clio2.htm (02.02.2013).

[16] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. В 4 т. – М., 2012. Т. 2. С. 222.

[17] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 42. Письмо Б.Н. Гревеница К.Н. Гулькевичу от 1 сентября 1931 г.

[18] Выборгский лицей считался лучшей школой в Финляндии.

[19] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 14. Л. 48. Письмо Б.Н. Гревеница К.Н. Гулькевичу от 23 июня 1932 г.

[20] ГА РФ. Ф. 6094. Оп. 1. Д. 42. Л. 15–15 об.

[21] РГВА. Ф. 720 к. Оп. 1. Д. 105. Л. 143 об.

[22] *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.) // Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М., 1999. С. 143.

[23] Если Л.И. Петрушева, опираясь на архивные данные, пишет, что День русского ребенка был проведен в США в 1930 г. (С. 144), то А.Б. Ручкин указывает на 1932 г. как год начала празднования Дня русского ребенка // *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. С. 393.

[24] *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. С. 378–381.

[25] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. В 4 т. – М., 2012. Т. 2. С. 230.

[26] *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.). С. 143–144.

[27] Там же. С. 144.

[28] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 76–77; *Лисица О.В.* День русского ребенка // Литературная энциклопедия русского Зарубежья 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. – М., 2000. С. 113.

[29] День русского ребенка. Сан-Франциско, 1952. № 19. С. 30.

[30] *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.). С. 148.

[31] *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. – М., 2006. С. 394.

[32] Цит. по: *Петрушева Л.И.* Роль эмигрантских общественных организаций в сохранении национальных культурных традиций. День русского ребенка (конец 1920-х – 1930-е гг.). С. 147.

[33] Там же.

[34] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 66.

[35] Сверчок. 1938. № 8.

[36] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 66.

[37] *Упадышева И.В.* Детские журналы 20-х – 30-х годов в Советской России и русском зарубежье: общие тенденции // Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва, 25–27 марта 2009 года. – М., 2011. С. 132.

[38] *Можаева Л.А.* Русское студенческое христианское движение (1921–30-е гг.) // Новый исторический вестник. 2001. № 1 (3). URL: http://nivestnik.ru/2001_1/25.shtml (02.02.2013)

[39] *Зеньковский В.В.* Очерки идеологии Русского Студенческого Христианского Движения // *Зеньковский В.В.* Собрание сочинений. В 2 т. / сост. О.Т. Ермишин. – М., 2008. Т. 2. С. 246.

[40] *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). – Париж, 1971. С. 74.

[41] Там же. С. 76.

[42] Русский еженедельник в Бельгии. 1939. 16 июня.

[43] *Упадышева И.В.* Детские журналы 20-х – 30-х годов в Советской России и русском зарубежье: общие тенденции. С. 134.

[44] *Седова Е.Е., Тереня Ю.Ю.* Типологические особенности педагогической журналистики Русского Зарубежья (1920–1940-е гг.) // Педагогические традиции и новации в истории педагогической культуры (Мате-

риалы к учебному курсу): учеб. пособие / под ред. Г.Б. Корнетова. – М., 2011. С. 278.

[45] Первый съезд по внешкольному образованию за границей. Прага. 13 июля 1928 года / сост. В.С. Грабовый. – Прага, 1928. С. 19.

[46] Там же.

[47] Там же.

[48] Там же. С. 26.

[49] *Тетеревлева Т.П.* Развитие традиций авторской иллюстрации в детской книге пореволюционного Русского Зарубежья // Художники-иллюстраторы Русского зарубежья и детская литература: Сб. статей / сост. Н.А. Авдюшева-Лекомт, М.Д. Чернышева. – СПб., 2011. [Интернет-издание]. URL: http://www.artrz.ru/download/1805097769/1804856792/10

[50] *Лосский Н.О.* Воспоминания. – СПб., 1994. С. 250.

[51] Там же. С. 252.

[52] Там же. С. 253.

8

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗАРУБЕЖНОЙ РОССИИ

Важнейшим культуро- и нациообразующим фактором в любом социуме выступает язык, поскольку является не только средством общения, но и инструментом, материалом создания культурных ценностей. Концептуальные границы (по А. Геддесу) русского мира 1920–1930-х гг. определялись пределами, где отстаивались традиции, шла работа по сохранению национальной идентичности и отстаиванию русского языка, по культивированию самовоспроизводства. Зарубежье рассматривало родной язык как национальное достояние, которое надо сохранить. Чем острее и болезненнее переживалась утрата родины, тем значительнее и весомее становилось для изгнанников то наследие, которое делало эмиграцию собственно русской. И прежде всего это – «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!» (И.С. Тургенев). Образцом для эмиграции 1920–1930-х гг. была литературная норма конца XIX – начала XX вв.). Для сбережения ее русский мир Зарубежья сделал максимально возможное.

О силе и значении *русского* языка в Зарубежье писали много: «<Русский> язык что сверкающая риза на помутневшем лике иконы, что тавро на взлохмаченной шерсти кровного коня, язык – симфония, язык – иерихонская труба, язык – гром и молния, язык – колыбельная песнь! Язык такой молитвы, какой еще люди не молились; такого вдохновения, какого люди еще не знали»[1]. Филолог-эмигрант П.М. Бицилли подчеркивал, что, с точки зрения морфологии культуры самой важной сферой, которая удовлетворяет двум признакам: наибольшей всеобщности и наибольшей самобытности – является язык. «Есть культуры – и нации – “безындустриальные”, “безмузы-

кальные", безгосударственные, но культур безъязычных нет»[2]. Язык во все времена создает питательную почву для национального самосознания, формирования национальной идентичности. Потому, вторя П.М. Бицилли, Е.В. Спекторский в статье «Судьба русского языка» (1933 г.) писал: «Язык – это проявление души народа, его национальная святыня, его, как выразился Вильгельм Гумбольдт, настоящая родина. Слово "язык" недаром считается синонимом народа: как объяснял Юнгманн, сколько языков, столько и народов»[3]. В.В. Зеньковский отвел определяющее место языку в культуре, подчеркивая, что «язык для нации есть больше чем форма общения – это есть живой носитель национальной традиции, вернейший страж национальной стихии, самый нужный и тонкий инструмент национального творчества»[4].

Условия зарубежья усилили значимость русского слова. Язык оставался едва ли не единственным объединяющим началом для эмигрантов.

Печатное слово для русского Зарубежья сыграло особую роль. Газеты, книги, журналы – все это было не только самым эффективным, но и практически единственным действенным способом сохранения и передачи культурных традиций. Ни личные контакты, ни другие средства коммуникации не могли соперничать с печатным словом в возможности преодоления границ и расстояний. Интеллектуальная культура Слова стала средством объединения, воспитания и влияния на эмиграцию, одним из тех скрепов, которые позволяют говорить о Зарубежье, рассеянном по десяткам стран мира, как феномене внетерриториальной государственности. Периодическая печать создавала единое информационное пространство Зарубежной России. При этом 90 % газетно-журнальных изданий изгнанников выходили на русском языке.

Гипертрофированная значимость печатного слова обозначила и приоритетные сферы интеллектуальной деятельности. Союз ревнителей чистоты русского языка в Югославии призывал русских журналистов, работников повременных зарубежных изданий обратить внимание на правильность и чистоту русского языка во всем, что печатается в газетах и журналах. Русские писатели, публицисты, профессора словесности «своим веским словом» должны были укрепить «в сознании русской общественности необходимость борьбы за язык», указать «лучшие способы этой борьбы»[5].

Деятели русской эмиграции – как ученые филологи, так и патриотически настроенные непрофессионалы – проявляли постоянное, напряженно-эмоциональное, не ослабевающее с годами внимание к состоянию русского языка в «Совдепии».

Борьба за язык для эмиграции началась с противостояния орфографической реформе в Советской России. Несмотря на то, что реформа разрабатывалась еще задолго до революции, и у ее истоков стояли известные лингвисты, в том числе председатель Орфографической подкомиссии при императорской Академии наук А.А. Шахматов[6], то обстоятельство, что ее провели большевистским декретом предопределило отрицательное отношение к ней. Только по этой причине многие в беженской среде, непримиримо относившиеся ко всем без исключения новшествам советской власти, оценили ее как удар по России. В самой же РСФСР/СССР реформу не форсировали, и вплоть до 1929 г. некоторые научные издания, связанные с публикацией старых произведений и документов, а также издания, набор которых начался еще до революции, выходили по старой орфографии (кроме титульного листа и, часто, предисловий).

Не реформированный русский язык оказался главным признаком принадлежности к ушедшей России. Д.П. Голицын-Муравлин в статье «В защиту русского языка» писал: «У нас сохранилось только два достояния: *русская честь* и *русская речь*»[7]. Противники «мануилицы» (по имени министра народного просвещения А.А. Мануйлова, приложившего руку в июне 1917 г. к реформе) отрицали защиту ими прежнего правописания по политическим мотивам. Но у многих в русском рассеянии не было сомнений: орфографическая реформа – это очередное «злостное изобретение большевизма». В письмах друг к другу эмигранты использовали старую орфографию. Однако в послевоенный период активнее входит в обиход иностранный язык. Так, анализ писем бывших лицеистов, написанных в эмиграции, свидетельствует о том, что язык страны-реципиента начинает просачиваться в переписку, и русский перестает быть языком общения этой консервативной среды. Например, письма бывшего лицеиста В.М. Глазенаппа, адресованные А.А. Терне, почти все написаны на французском языке. Одно письмо, от 25 января 1958 г., начинается так: «Мой дорогой Андреич, чтобы не забывать родной язык пишу тебе сегодня по-русски»[8].

Принципиальным противником новой орфографии был И.А. Ильин. Он писал, что в отличие от других языков, «русский язык при старой орфографии победоносно справлялся со своими “омонимами”, вырабатывая для них различные начертания. Но революционное кривописание погубило эту драгоценную языковую работу целых поколений: оно сделало все возможное, чтобы напустить в русский язык как можно больше бессмыслицы и недоразумений. И русский народ не может и не должен мириться со вторжением этого варварского упрощения»[9].

Не иначе как «проклятым правописанием» не называл новую орфографию И.А. Бунин. В «Окаянных днях» он писал: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию»[10]. Писатель отказывался читать даже интересующие его журналы, если они были напечатаны с применением «заборной» орфографии. «Ни один народ не позволял себе такой низости к своему языку», – высказывался И.А. Бунин[11]. М.Л. Слоним раскритиковал подходы к новой орфографии писателя (и не только его), которого назвал «мертвым», потому что он «не двигающийся, застывший и принадлежащий к завершенной главе истории русской литературы». И привел эпизод с опросом литераторов студенческим журналом «Своими путями»: «В прошлом году журнал устроил анкету о современной русской литературе у писателей, живущих за границей. Обратились, конечно, и к Бунину. Но вместо оценки русской литературы получилось письмо, в котором Бунин просил прислать журнал для ознакомления и добавлял: “впрочем, если журнал печатается по новой орфографии, не трудитесь присылать”. Как известно, для Бунина, для Гиппиус, приславшей ответ в том же духе, равно как и для других блюстителей, новая орфография – каинова печать, за которую, как за смертный грех, припекут на том свете ее приверженцев. Не грозил разве несколько лет тому назад некий профессор, бывший в то время в Белграде и писавший книги о христианстве, что в будущей России за новую орфографию станут вешать?»[12]. Время не примирило И.А. Бунина с новой орфографией, мягче его отношение к уже привычному для многих нововведению не стало. После Второй

мировой войны, в 1947 г., И.А. Бунин писал Г.В. Адамовичу: «Россия вместе с союзниками победила Германию: очень рад, но почему вследствие этого я вдруг должен был начать писать, как Михрютка?». На что автор «Одиночества и свободы» ответил: «Я сам предпочитаю орфографию старую, но сейчас это вопрос политический, а не орфографический, и в этом-то все и дело. Если бы я был редактором журнала, и Пушкин прислал бы мне стихи с требованием оставить “ять” и “Ъ”, я бы стихи ему вернул. / Конечно, старая орфография лучше. Но нет никакой надежды ее отстоять и Россию к ней вновь обратить. *Никакой надежды*. Значит, не надо упорствовать на позициях безнадежных, да и не так уж и верных. С орфографией заодно мы можем при таком поведении погубить и многое другое, что нам много дороже»[13].

Роль русского языка в рассеянии хорошо осознавалась эмигрантами. Они стремились сохранить в чистоте как свой собственный русский язык, так и язык следующих поколений, а все новое рассматривалось ими как извращение великого русского языка, наследия XIX в. Но, несмотря на сопротивление, в 1930-е гг. книжная культура эмиграции постепенно отказывалась от буквы «ять». В 1931 г. М.И. Цветаева восторженно писала о детских книжках в Советской России («русская дошкольная книга – лучшая в мире») и заключала: «А с новой орфографией советую примириться, ибо: буква для человека, а не человек для буквы. Особенно если этот человек – ребенок»[14].

Педагогические журналы обсуждали вопрос об использовании старой или новой орфографии. Возникший спор отразился и на школе, т. к. обучение правописанию являлось главной целью занятий по русскому языку. Большинство эмигрантов опасались, что всякого рода модернизация может изменить русское самосознание детей, и пытались сохранить прошлое таким, каким они его помнили. Поэтому относительно долгое время в школах использовалась старая орфография.

Журнал «Русская школа за рубежом» приветствовал изменения, ибо они вели к несомненному упрощению и облегчению правописания, устраняя излишние буквы и привитые русской грамматике чисто искусственным путем формы. Новое правописание, несмотря на кажущуюся преждевременность и непоследовательность некоторых немногих своих правил,

представляло, с точки зрения педагогов, несомненный прогресс по сравнению со старым правописанием. Наиболее убедительные аргументы в пользу введения новой орфографии привел С.О. Карцевский в статье «Новая орфография», опубликованной в журнале «Русская школа за рубежом»[15]. Автор подчеркивал, что новое правописание является академическим, а не политическим явлением. По его мнению, «миллионы детей и миллионы простых людей, которым нет возможности тратить годы и годы на усвоение хитроумных написаний <…>, смогут с меньшими усилиями приобщиться к русской и мировой культуре». Он доказывал, что «новая орфография не затронула ничуть ни одной из важнейших основ русского правописания; русский алфавит, как система, ничуть не пострадал… О “ненаучности” и “безграмотности” новой орфографии говорить могут только люди в этих вещах некомпетентные. Считать реформированное правописание “безобразным”, “неэстетичным” – дело вкуса и привычки»[16].

Специалисты обращали внимание на то, что изменения в языке, во-первых, не стоит связывать исключительно с большевиками и большевистской властью («большевики не вчера родились»), а во-вторых, судьба русского языка в условиях социально-политического катаклизма легко вводится в мировой культурно-исторический контекст.

С.О. Карцевский, и не только он один, доказывал, что расхожие слова о «революции в языке» неуместны, а «языковые изменения последних лет не могут рассматриваться вне связи с предшествующей волной новшеств, восходящей к эпохе около 1905 г., ибо и события наших дней есть только одно из звеньев в цепи социально-политических потрясений, начало которой надо полагать около 1905 года… »[17]. Он приводит массу примеров того, как общественно-политическая борьба, деятельность политических партий, войны и революции повлияли на язык.

Начало изменений со времен Февральской революции вел Е.В. Спекторский: «Она засорила сознание и язык русского народа множеством иностранных слов, заимствованных у западного, преимущественно немецкого, революционного жаргона. Она поощрила местные наречия в ущерб общерусскому языку. И она грубо вмешалась в деликатный филологический вопрос о преобразовании правописания»[18]. Если Февральская

революция сделала первый шаг по подрыву русского языка денационализацией, то Октябрьская дополнила ее интернационализацией. А ее вожди, уровень культуры и образования которых никак не соответствовал должностям, занимаемым ими на разных ступеньках бюрократической лестницы, несут главную ответственность за уродование языка («косноязычный сон ее гнетет» – это из «Молитвы» В.В. Набокова). «Зараза идет сверху, от вождей, от литераторской надуманности, газетного щегольства иностранщиной, от чудовищных в своей безграмотности речей с эстрад и кафедр, и все это мутным потоком мчится, как с горы в дол, на улицы, заливая квартиры, кабинеты начальства, совещательные комнаты, тексты резолюций»[19]. Е.В. Спекторский предполагал даже, что «в будущей России за новую орфографию будут вешать»[20].

Советский язык оставался непонятен «консервативным русским эмигрантам». Ломка жизненного и социального уклада привела к «засорению» его жаргоном, язык оказался пересыпан неологизмами, сквернословием. Даже в советской печати отмечалось, что «русский язык жестоко пострадал за время Революции. Ничто не подверглось у нас такому беспощадному исковерканью, как язык»[21].

Опираясь на исследование Н. Федорова «Советизация иностранного языка» (Буэнос-Айрес, 1952) Н.И. Голубева-Монаткина, исследователь судеб русского языка в современной эмигрантской среде, пишет, что до сих пор «в глазах эмигрантов первой волны язык новой России – это внутренне убогий, надуманный, худосочный, бескровный, лживый, трескучий, пошлый и технически неряшливый советский жаргон, портящий тот язык, на котором говорят эмигранты, и заставляющий их высказывать советизированные мысли»[22].

Особенно болезненно эмигранты переживали лавинообразный поток переименований и сокращений, отмечает В.И. Дурновцев. Многочисленные примеры, приводившиеся в русской зарубежной печати, могли переубедить самого лояльного к новшествам читателя. На первом месте в скорбном перечне языковых потерь была утрата имени «Россия». Этот факт стал трагедией для миллионов русских людей. Его болезненно восприняли писатели, ученые, общественные и политические деятели, решительно расходящиеся друг с другом в пристрастиях и художественных вкусах[23]. Приведенная В.И. Дурнов-

цевым цитата из философа Б.П. Вышеславцева («Парадоксы коммунизма», 1926 г.) ярко иллюстрирует сложившуюся ситуацию: «Русская поэзия, русская музыка, русский язык отказываются вмещать марксизм. Как тут быть? Пришлось изменить язык, переименовать города и даже переименовать Россию»[24]. Герцог Г. Лейхтенбергский в предисловии «от издателя» к книге С.М. и А.М. Волконских писал о печальных изменениях в русском языке: «Он испорчен, засорен, запоганен разными наростами, начиная с словосокращений военного времени и кончая словоблудием большевизма. Его надо лечить, очищать для того, чтобы он вновь стал достойным великого будущего великого Русского народа»[25].

Вместе с тем А.Г. Горнфельд напоминал полемизировавшим с большевиками оппонентам: «Вслушайтесь, например, как обличают новые названия новых учреждений, – разные райпрофобры и политкомы, цектраны и губземотделы и т. д. Слова эти представляются ревнителям истинно русской литературной речи неоспоримо, органически связанными с новым строем. “Это не язык, это большевицкий волапюк, на Западе нет ничего подобного”, – вопят обличители. О старых партийных кличках, как *эсер*, *эсдек*, *кадет*, они, очевидно, забыли. О неотторжимой связи новых названий с новым строем можно судить по тому, что задолго до революции такие цветы капиталистического строя, как угольный и металлический синдикаты, назывались *Продуголь* и *Продамета*, а то самое Ленское золотопромышленное товарищество, на котором разыгралась известная кровавая история, называлось *Лензото*. Были у нас и *Рускабель*, и *Сотим*, и *Вочето*, и *Катопром*, только не столь властные и не столь известные»[26]. Далее он приводил еще ряд сокращений (Осфрум, Главковерх, Ропит и др.), употреблявшихся и официально, и в просторечии, и делал вывод, что это буржуазный строй выдумал себе на потребу такие «сберегатели энергии», «усек длинные названия».

А.Г. Горнфельд указал на давность языкового дискурса: «Среди прочих современных споров о нашем бытии и благоустроении его с новой силой вспыхнули споры о чистоте и правильности языка. Столетие отделяет нас от Шишкова; за это столетие изуродованный карамзинскими новшествами и откровенностью натуральной школы, вторжением иностранщины и простонародной грубости, русский язык дал лучшее

создание русского творчества, русскую литературу; мы прониклись убеждением, что “такой язык не может не быть дан великому народу”. Но сетования и обличения, пререкания и нападки продолжаются. Пуристы то яростно негодуют, то презрительно фыркают; улица, которая ниже их негодования, ежедневно выбрасывает в обиход новые словечки; новаторы, которые выше их презрения, то нарочито кривляются, то глубокомысленно сочиняют небывалые речения. В этом кривлянии много противного. В этом сочинительстве мало внутренней необходимости, но противны и националистическое обличение неизбежных и нужных инородных стихий в языке, и неподвижность мысли, отрицающей новое только потому, что оно новое, и барское презрение к вульгарному языку черни; отвратительна филологическая демагогия, а также педантично-безвкусны бестолковые попытки “обрусить” русский язык»[27].

Сохранение норм литературного языка шло параллельно с постепенным все более широким распространением новой орфографии в издававшихся книгах и журналах. Но смириться смогли не все. Литературно-политический журнал «Возрождение», выходивший в Париже в 1949–1974 гг., перешел на новое правописание только в 1970 г. Протоколы заседания Синода РПЦЗ до сих пор ведутся с использованием дореформенной орфографии.

Вытеснение Церкви из образования и сферы жизнедеятельности в СССР представители русской культуры за рубежом расценивали как трагедию. Они решительно выступили против гонения большевиков на Церковь. И А.Л. Бем, и Вяч. И. Иванов отмечали, что расправа с РПЦ отрицательно сказалась не только на нравственном состоянии народа, но и на образовании и культуре, в том числе культуре языковой. Обмирщение языка, «секуляризация правописания» вызывали резкий протест. А.Л. Бем обосновывал свою позицию в научной статье «Церковь и русский литературный язык»: «Борьба с Церковью в сов[етской] России и насаждение безбожия имело своим следствием оскудение русского языка, подрыв в нем одного из существенных элементов, связанного с наследием вековой греко-болгарской культуры. Это обеднение языка находится в прямой связи с ослаблением Церкви, являвшейся на протяжении вековой истории России носительницей и охранительницей церковной струи русского литературного языка»[28]. Именно

церковнославянской основе русского языка А.Л. Бем приписывал устойчивость и сравнительно малые его изменения на протяжении исторического развития. И пока звучит русская речь, замечал Вяч. И. Иванов, «будут звучать в ней родным, неотъемлемо-присущим ей звуком и когда-то напетые над ее колыбелью далекие слова, как “рождение” и “воскресение”, “власть” и “слава”, “блаженство” и “сладость”, “благодарность” и “надежда”», поэтому в глубинах своих русский язык не может быть обмирщен[29].

Н.И. Голубева-Монаткина отмечает, что те из представителей «первой волны» эмиграции, кто хорошо говорит по-русски, росли преимущественно в русской среде в лоне православной церкви, в семьях, где все родители говорили по-русски. Сохранению русского языка способствовали браки русских с русскими же, а также профессиональные занятия русским языком (преподавательская и/или переводческая работа), деятельность в области Православия. Исследователь специально подчеркивает, что в рассеянии русская речь просуществовала до наших дней во многом благодаря деятельности православных церковных приходов и тем усилиям, которые эмигранты самого первого поколения отдали созданию целой сети русских учебных заведений вне России, организаций детей и молодежи («Витязи», «Сокола», скаутское движение, «Разведчики»…)[30].

Выводы филолога подтверждаются рядом мемуаров. Так, Н.О. Лосский писал: «Нам, русским, вследствие своеобразия наших духовных интересов, очень трудно долго жить в среде чужой культуры без общения с русскими»[31]. И эту среду находили, прежде всего, в пределах Церкви.

В то же время многие представители русского мира отчетливо понимали, что реально существующие проблемы бытования русского языка на родине не могут заслонить очевидного – язык живет и развивается, потому что сохраняется его живой источник – русский народ. Россия продолжает говорить по-русски. Ни «казенные слова-погремушки», «ни тарабарское наречие», на котором говорят и пишут представители власти, не в силах уничтожить выдающиеся природные свойства и качества языка. Русская классика по-прежнему окружена читательской любовью и привязанностью. Наконец, в Советской России появляются произведения писателей, продолжающие и развивающие великие традиции отечественной литературы.

Перспективы же литературного процесса за пределами родины оставались туманны. Чтобы стать известным (в том числе, чтобы претендовать на получение Нобелевской премии) необходимо было выходить на мировую арену, иметь переводы на иностранные языки.

Предметом особой заботы Русского зарубежья была судьба русского языка в связи с пребыванием его носителей в иноязычной среде. К «большевицкой порче языка» присоединилась «порча эмигрантская» (Е.В. Спекторский). Хотя образцом для правильного русского языка была классика XIX в., деятели зарубежной русской культуры констатировали неизбежный процесс изменения русской речи и письменного русского языка. С одной стороны, сохранялись особенности старого языка, с другой – в обиходе употреблялись те изменения, которые характеризуют длительное функционирование русского языка в иноязычном окружении. Со временем оторванность от страны основного бытования языка и погружение в иноязычную среду трансформировали тот язык, который изгнанники вывезли из России. Изменения, происходившие в русском языке и эмигрантской речи под влиянием иностранного окружения, отчасти свидетельствовали об эволюции национального самосознания.

Чтобы изменить сложившееся положение дел, попытаться переломить ситуацию, в 1925 г. в Королевстве сербов, хорватов, словенцев, в Белграде, был создан Союз ревнителей чистоты русского языка. Он развернул широкую работу по созданию подобных союзов в других городах, пытался привлечь к борьбе за язык печать, писателей и журналистов, издавал брошюры, листовки, воззвания с призывами сохранения русского языка, устраивал собрания, посвященные русской литературе. Однако усилия оказались во многом тщетными и не нашли отклика у других многочисленных объединений, хотя они именовали себя национальными. Вопрос охраны русского языка, его чистоты и культивирования оказывался на периферии деятельности таких организаций. Правление Союза ревнителей чистоты русского языка в Югославии в 1930 г. заявило, что «русский язык среди рассеянных на чужбине русских людей явно находится в опасности»[32]. Председатель Союза Е. Елачич с горечью вопрошал: «Неужели же все еще надо доказывать, что человек, с трудом, с грубыми ошибками гово-

рящий на каком-то полурусском, полуиностранном языке, уже наполовину перестал быть русским, что русский ребенок, не научившийся правильно говорить, писать и думать по-русски, уже утрачен для русской культуры, что надо же делать что-то, чтобы бороться с этим ужасающим калечением русского языка, которое наблюдается, хотя и по-разному, и за рубежом, и на родине»[33].

Свои размышления о русском языке посвятили молодежи в Зарубежье братья С.М. и А.М. Волконские, издав при содействии герцога Г. Лейхтенбергского книгу «В защиту русского языка» в 1928 г. Герцог Г. Лейхтенбергский определял ее значение как «путеводную нить» для тех, кто утрачивает чистоту языка, чьи дети «учатся в иностранных школах, не хотят и часто просто не умеют говорить и писать настоящим Русским языком».

С.М. Волконский считал, что «самое духовное из наследий нашей Родины» – русский язык – находится в опасности. А также показал, как Слово влияет на мыслительный процесс, как оно может свидетельствовать о ясности мышления и способствовать ему, т. к. язык – орудие, коим мышление высказывается, но оно же и определяет правильность и полноту мышления. С.М. Волконский проанализировал ошибки в ударениях, искажения слов, ходячие выражения, дежурные, иностранные слова, с горечью констатируя, что «по-видимому, любовь к своему языку не сидит в русском человеке».

Фиксируя начальную стадию разрушения некоторых грамматических особенностей русского языка и заимствования из местных языков, формирование новых гибридных форм, «Возрождение» 2 сентября 1934 г. напечатала «Маленький фельетон. Толковый словарь великорусского языка эмиграции» А. Ренникова (А.М. Селитренникова). Приведем некоторые выдержки: «*Банда* (серб.). Духовая музыка, духовой оркестр. Пойдем шататься (гулять) В Калимегдан, послушаем банду. Мой племянник, юноша вредный (прилежный), ему только девятнадцать годин, а он, представьте, уже участвует в банде. *Бойки* (англ., главным образом – шанхайское). Слуги, прислужники. Примеры: Мой бойка работаете бойко. Встретились наш бой да ваш бой, и завязался бой. Боюкать ребенка – предоставить бою смотреть за младенцем. Например: “Спи, младенец мой прекрасный, боюшки-бою…”. *Булка* (болг.). Молодая женщи-

на. Вы знакомы с этой хорошенькой булкой? Нет, я малко знаком. А я в эту булку давно влюблен и, когда ее не вижу, испытываю сильную грыжу (тоску). О, значит, ваша любовь действительно големая (большая)! *Бок* (фр.). Кружка пива. Не толкайте в бок – опрокинется. Который бок ваш? Хорошо после бока да на боковую. Крепкий человек легко и десять боков выдержать может. *Глумиться* (серб.) Играть на сцене. Моя дочь сделала в Белграде большую карьеру: каждый день глумится над публикой в народном позориште (театре). *Дневник* (рус.). Шофер, ездящий днем. Мой муж дневник. Удобно сыну, когда отец дневник: каждое утро отвозит мальчика в школу. Тот дневник на хорошем счету, который не получает отметок у ажана. *Зафатигетъ* (фр.). Устать, замотаться. Ах, как я зафатигела от беготни по сольдам! У ливрезки фатигеют ноги, у бродезки руки. Береги себя, Андрей, не фатигей! Новое метье да новое ученье – опять мученье да фатигенье. *Киссатъ* (англ.). Целовать. Май дир, Пелагея Петровна, крепко киссаю вас, пишите почаще. А как ваши чильдренята (дети)? Кисните их от меня. Обратите внимание на вашу дочь: она вчера вечером с кем-то киссалась за корнером (за углом). Киснуть кого-нибудь в фейс – поцеловать в лицо. *Кутюр* (фр.). Рукоделие. Кутюрный дом – дом, в котором кто-нибудь умеет кое-как шить и потому принимает заказы. Кутюрное ремесло – уменье показать заказчице, что платье правильно сшито. Каждый мезон де кутюр имеет в работе свой аллюр. Плохи те кутюрьерки, которые не умеют снять мерки. С отчаяния каждая женщина может кутюрнуть, но не надолго. Окутюриться – обзавестись бездоходным мезон де кутюр. Прокутюриться – разориться. Почему эта дама не кутюряет? Увы, она уже перекутюрилась. *Мародироватъ* (фр.). Блуждать с пустым такси по улицам и искать пассажиров. Всю неделю я мародировал, но все же долгов не ликвидировал. Плох тот шофер, который не мародер. Хорошо мароднуть, да флик не велит. И в мародировании нужна мера: иначе возрастет депанс на эссанс. *Сиковать* (англ.) – болеть, чувствовать нездоровье. Как живется твоему дедушке в Лондоне? Ничего, но, к сожалению, он часто сикует. А бабушка? Бабушка тоже недавно что-то засиковала. *Сюжет* (фр.). Подданный какой-либо страны. Это правда, что ты стал французским сюжетом? Да, я французский сюжет уже около двух лет. Рассказ с сюжетом – произведение,

в котором описывается русский человек, принявший иностранное подданство. Беженец без сюжета – бесподданный. Отсюжетиться – устроиться прочно в данной стране».

А.Л. Толстая в романе «Предрассветный туман» приводит сюжет из жизни своего героя, свидетельствующий об утрате эмигрантами элементов языка, использовании некой смеси русского и местного. «Он также, как большинство русских в Америке, – пишет она “от автора”, – русифицировал американские слова: партия вместо вечеринки, блок – вместо квартала, магазин – вместо журнала»[34].

Среда общения, взаимоотношения эмигрантов и страны-реципиента также определяли судьбу языка. Надо отметить, что местная среда подчас тормозила растворение русского мира и, более того, способствовала его самоизоляции. В Чехословакии эмигранты очень редко отдавали детей в местные школы, поскольку не видели смысла в глубоком изучении чешского языка. Как ни странно, близость славянских языков не вела к сближению русских беженцев с местным населением. В ряде воспоминаний чувствуется пренебрежительное отношение к чешскому языку и культуре, которая старшее поколение эмигрантов не интересовала. Приводилась масса курьезных случаев, связанных с неправильным толкованием чешских слов, одинаково звучащих по-русски, но имеющих иной смысл. Историк С.Г. Пушкарев даже составил «Словарь чешско-русских недоразумений». Безусловно, такое отношение оскорбляло чехов и не способствовало взаимопониманию.

Консервации языка способствовало стремление не допустить денационализации. Реализации этой задачи пытались добиться в организации деятельности русских школ, созданием среды общения вне школы. Славянские страны своим особым отношением к русской эмиграции давали возможность эти задачи осуществить. Наименьшие шансы сохранить русский мир имелись в США. Немногочисленность, разобщенность, правительственные целевые установки на интеграцию «общим уделом здешних русских» делали перспективу стать «увы, стопроцентными американцами»[35].

На Первом съезде по внешкольному образованию за границей в 1928 г. П.П. Юренев делал доклад «О русском языке в эмиграции». Он обратил внимание на факторы, содействовавшие появлению эмигрантского русского языка, упрощению

слов, вульгаризации понятий. В программе его выступления также были обозначены следующие вопросы: «развитие жизни и развитие языка», «защита языка – наша обязанность»[36].

Ключевым в спорах о судьбе русского мира, особенно подрастающего поколения, стало слово «денационализация».

«Группа по борьбе с денационализацией русской молодежи» призвала спасти русских детей от пресловутой «денационализации» и предложила развернутую программу деятельности, включавшую, в частности, издание русских учебников и пособий, географических карт России, картин русских художников. Речь также шла о привлечении кинематографа.

Новые учебники и методики преподавания русского языка должны были учитывать, что этот язык дети изучали как иностранный. Отсюда – рекомендации о добровольности посещения дополнительных занятий (и в этом случае обязательно аккуратном), о мерах, способствовавших бы росту заинтересованности детей[37].

Группа «Родина и родная речь» (И.П. Демидов, К.Б. Зайцев, В.В. Зеньковский, В.В. Руднев, И.И. Фондаминский) через газету «Россия и славянство» 24 октября 1931 г. обратилась ко всему Зарубежью: «Мы все – от первого до последнего, – родившиеся в России, выросшие и духовно сложившиеся там, должны обеспечить нашим детям за рубежом возможность обучиться русской грамоте, русской истории, географии, вероучению и т. д.».

Языковая культура нуждалась в защите не только профессионалов, но и всех деятельных людей. Н.О. Лосский в своих воспоминаниях писал о радости общения с С.В. Завадским, который на юридическом факультете Русского университета в Праге был профессором гражданского права. Отмечая его замечательные теоретические и практические знания в области юриспруденции, философ писал о страстном увлечении Сергея Владиславовича исследованием русского языка: «В этой области у него было много оригинальных наблюдений и соображений. Им было основано в Праге общество для изучения русского языка. Его знания в области русской и иностранной литератур были изумительны. Особенно любил С.В. древнюю греческую литературу и греческий язык. …Завадский много мог еще дать для русской культуры, если бы не тяжелая болезнь сердца, которая свела его в могилу»[38]. С.В. Завадскому была даже поручена подготовка учебника по русскому языку.

В прениях на Первом съезде по внешкольному образованию за границей П.П. Юренев заявил, что «в вопросе денационализации большую роль играет перемена подданства родителями», что затрудняет «борьбу с потерей детьми чувства своей родины, России, так как родиной для них становится другая страна». А.В. Жекулина призвала бороться за «возможно большее распространение русских детских садов», введение русского языка для русских детей в иностранных школах. Проф. Д.М. Одинец высказал сомнения в отношении эффективности преподавания русского языка в школе при одном уроке в неделю и изучении его в качестве второго или третьего иностранного. «Единственное средство, – заявил он, – окружить детей русской средой». А.Л. Бем также скептически оценил идею о расширении сети детских садов, «т. к. они охватывают сравнительно небольшой процент детей», предложил модернизировать методику преподавания. Возложил вину за утрату языка на преподавателей и семью. Лишь Е.П. Ковалевский заявил, что «дополнительные занятия по русскому языку при продолжительности курсов выполняют свою роль достаточно удовлетворительно»[39]. В результате обсуждения вопроса съезд принял резолюцию «О борьбе с денационализацией» и признал «первой заботой» в деле «охраны подрастающего поколения от забвения родной культуры» «борьбу за чистоту русской речи»[40].

Исследования Н.И. Голубевой-Монаткиной подтверждают, что культивировать русский язык в семье было не всегда просто. Учась во французском лицее, анкетируемые нередко переставали говорить по-русски, забывали этот язык, но позже обычно в силу различных обстоятельств вновь начинали им заниматься, иногда специально изучали русский во французских учебных заведениях, русской гимназии в Париже, участвовали в деятельности русских детских и молодежных организаций.

Дети малообразованных русских эмигрантов «первой волны», если они стремились говорить по-русски, овладевали литературным языком в приходских школах, на курсах русских предметов средних учебных заведений стран рассеяния и просто в общении, либо вовсе не говорили по-русски. К утрате языка вели смешанные браки (хотя они в среде русской эмиграции не приветствовались, рассматривались как националь-

ное предательство и потому не были распространены). Об этом явлении говорилось на съездах по внешкольному образованию в конце 1920-х – в 1930-е гг., такой вывод сделан в исследованиях Н.И. Голубевой-Монаткиной. В смешанных браках именно жены чаще бывали не русскоговорящими, что обычно негативно отражалось на знании русского языка у ребенка, и иногда даже русский мужчина, находившийся в семье и на работе вне русской среды, забывал язык своей родины (в особенности, в том случае, когда по тем или иным причинам он не ходил в православную церковь и не участвовал в жизни русскоговорящего прихода). Н.И. Голубева-Монаткина выявила особенно большую роль языка матери, а также степень знания языка от уровня образования родителей, от сознательных усилий самого информанта и/или его родителей по овладению русским языком, от наличия русскоязычной среды в месте проживания информанта, от его принадлежности к православию, от того, каким по счету ребенком был он в родительской семье. Основным же фактором является поколенный статус, то есть его принадлежность к определенному поколению потомков Русского Зарубежья.

Со временем возможностей говорить по-русски у детей и молодежи становилось все меньше, постепенно уходили из жизни представители старшего поколения, теряли значение прежние центры русской эмиграции.

Более всего педагогов и всех обеспокоенных судьбой будущего русского мира тяготило горестное «национально-культурное безразличие массовой зарубежной среды»[41].

Культурно-исторический феномен Русского Зарубежья существовал благодаря тому, что у покинувших Россию была установка на возвращение в родную страну, на временность своего пребывания вне ее. Стратегией адаптации в новых жизненных обстоятельствах была избрана та, которую в современной кросс-культурной психологии принято называть сепаратизмом, или сегрегацией, т. е. отказ эмигрантского меньшинства от культуры принимающего общества и сохранение своих ценностей. Со временем эта стратегия замещалась у части русского мира интеграцией, когда его представители идентифицировали себя как со старой, так и с новой культурой[42].

Установка на возвращение в Россию предопределила постоянную и разнообразную по формам и методам борьбу Рус-

ского Зарубежья за сохранение национального самосознания, одним из самых очевидных проявлений которого является осознание своей этнической и, соответственно, языковой принадлежности. В этой борьбе культура в целом и ее языковые аспекты, в частности, имели первостепенное значение.

Многое разъединяло русскую интеллигенцию на чужбине. Но в одном она была единодушна: тревоге за судьбу тех, кто заменит старое поколение. Борьба за русский язык, за чистоту русского языка, против денационализации объединило все слои эмиграции. Под натиском времени и в силу «погружения» носителей русского языка в иноязычную среду язык переставал быть для массы эмигрантов доминирующим средством общения, хотя оставался инструментом создания культурных ценностей при сохранении литературной нормы России конца XIX – начала XX в., фактором, объединявшим русский мир.

«Судьба всякого народа связана с судьбою его языка», – писал Е.В. Спекторский. Утрата языка свидетельствовала об угасании феномена России Зарубежной.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «В краю чужом…». Зарубежная Россия и Пушкин / сост., вст. ст. и коммент. М.Д. Филин. – М., 1998. С. 189.

[2] *Бицилли П.М.* Нация и язык // Современные записки. 1929. № 40. С. 403.

[3] Цит. по: Русский язык в Зарубежной России. – М., 2007. С. 305.

[4] *Зеньковский В.В.* Православие и русская культура // *Зеньковский В.В.* Собрание сочинений. Т. 2. – М., 2008. С. 99.

[5] Цит. по: Русский язык в Зарубежной России. – М., 2007. С. 198.

[6] В письме к Р.О. Якобсону от 1 февраля 1921 г. Н.С. Трубецкой писал: «По-моему, покойный Шахматов большой грех на душу взял, что освятил своим авторитетом новую орфографию». Цит. по: Реформа алфавита 1917 года // http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1121118

[7] Русский язык в Зарубежной России. С. 191.

[8] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV. G(1)-10.

[9] *Ильин И.А.* О русском правописании // Русский язык в Зарубежной России. – М., 2007. С. 57.

[10] *Бунин И.А.* Окаянные дни // Избранное / сост. и вступ. очерк А.Н. Архангельского. – М., 1991. С. 131.

[11] Цит. по: *Дурновцев В.* Предисловие // Русский язык в Зарубежной России. С. 12.

[12] *Слоним М.* Литературные отклики. Бунин-критик. Антон Крайний и Зинаида Гиппиус. О «Верстах» [№ 1] // Воля России. 1926. № 8/9. С. 87–88.

[13] Цит. по: *Дурновцев В.* Предисловие // Русский язык в Зарубежной России. С. 12.

[14] Цит. по: Там же.

[15] *Карцевский С.И.* Новая орфография // Русская школа за рубежом. 1923. № 1. С. 2–7.

[16] Там же. С. 4.

[17] *Карцевский С.И.* Язык, война и революция // Русский язык в Зарубежной России. С. 123.

[18] *Спекторский Е.В.* Судьба русского языка // Там же. С. 306.

[19] Там же. С. 312.

[20] *Спекторский Е.В.* Словенская книга о Боге // Путь. 1935. № 46. С. 32.

[21] *Фесенко Т. и А.* Русский язык при советах // Русский язык в Зарубежной России. С. 392–393.

[22] *Голубева-Монаткина Н.И.* О языковой культуре и национальной самоидентификации русских эмигрантов первой «волны» в конце XX века // Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / сост. П. Буняк. – Белград, 2013. С. 378. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf

[23] *Дурновцев В.* Предисловие // Русский язык в Зарубежной России. С. 15.

[24] Там же.

[25] *Волконский С.М., Волконский А.М.* В защиту русского языка. – Берлин, 1928. С. 3.

[26] *Горнфельд А.Г.* Новые словечки и старые слова (Речь на съезде преподавателей русского языка и словесности в Петербурге 5 сентября 1921 г.) // Русский язык в Зарубежной России. С. 427.

[27] Там же. С. 423.

[28] *Бем А.Л.* Церковь и русский литературный язык // Русский язык в Зарубежной России. С. 112.

[29] *Иванов Вяч. И.* Наш язык // Русский язык в Зарубежной России. С. 422.

[30] *Голубева-Монаткина Н.И.* О языковой культуре и национальной самоидентификации русских эмигрантов. С. 378–379. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf

[31] *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. – СПб., 1994. С. 288.

[32] Цит. по: Русский язык в Зарубежной России. – М., 2007. С. 198.

[33] Там же. С. 199–200.

[34] Неизвестная Александра Толстая. – М., 2001. С. 95.

[35] Королевский музей армии и военной истории Бельгии. Фонд Объединения бывших воспитанников императорского Александровского лицея. XV I-10. Н.С. Полушкин – А.Н. Яхонтову, 18 октября 1935 г.

[36] Первый съезд по внешкольному образованию за границей. Прага. 13 июля 1928 года / сост. В.С. Грабовый. – Прага, 1928. С. 15.

[37] Первый съезд по внешкольному образованию за границей. Прага. 13 июля 1928 года / сост. В.С. Грабовый. – Прага, 1928. С. 18.

[38] *Лосский Н.О.* Воспоминания. Жизнь и философский путь. – СПб., 1994. С. 256–257.

[39] Первый съезд по внешкольному образованию за границей. С. 19.

[40] Первый съезд по внешкольному образованию за границей. С. 26.

[41] Россия и славянство. 1931. 24 окт.

[42] *Голубева-Монаткина Н.И.* О языковой культуре и национальной самоидентификации русских эмигрантов. С. 378. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Эмиграция численно составляет такую ничтожную часть России (едва ли больше 2 %), а все же у нее есть свой лик России, свой русский опыт, свои страдания, своя Голгофа», – отмечал В.В. Зеньковский[1]. Как бы развивая эту мысль, значительно позже, уже в 1961 г., Г.В. Адамович в книге «Вклад русской эмиграции в мировую культуру» писал: «Мы вправе сказать, что в истории еще не было явления, схожего с русской послеоктябрьской эмиграцией. …историческая единственность, историческая исключительность русской эмиграции – вне сомнений»[2]. Однако существо российского Зарубежья, своеобразного феномена отечественной истории, расцвет которого пришелся на 1920-е гг., стало размываться, скудеть, трансформироваться, сохраняя, вместе с тем, свою незаурядность.

Уникальность этого явления связана с длительностью пребывания и сохранением при этом национального русского менталитета. Эмиграция «первой волны» не только стремилась не утратить духовной связи с родной почвой, но и активно изучала события, происходившие на родине, делала научные и политические прогнозы, анализируя место страны в мировом пространстве и делая вывод о собственной исключительной исторической миссии. Возможность складывания и длительного существования русского Зарубежья обуславливалась способностью сохранить себя как обособленное целое, что не исключало необходимости приспосабливаться к иноязычной, иноэтнической обстановке и даже органично (правда, не всегда) врастать в нее. В 1930-е гг. число граждан странреципиентов увеличивалось не только за счет естественного прироста, но и благодаря натурализации русских. Незаметно русское Зарубежье растворялось.

К концу 1930-х гг. организационная работа пришла в упадок. К этому вела, с одной стороны, утрата мотивации сохранения прежней России, осознание невозможности вернуться на родину, где стабилизировался советский режим. С другой сто-

роны, СССР, занявший позицию нетерпимости по отношению к соотечественникам, добивался от иностранных правительств свертывания помощи российским эмигрантам, вытеснению их с политической арены, из государственного и международного пространства. Русские благотворительные и общественные организации исчерпали материальные средства и возможности. Внутренние средства для воспроизводства России № 2 в значительной степени оскудели. В связи с чем резко усилились тенденции к интеграции. Притязания внетерриториальной России оказались завышенными, объективная ситуация, возможности и реалии стран рассеяния не могли бесконечно способствовать ее самовоспроизводству. Адаптивные механизмы, формировавшиеся изгнанниками за рубежом, призваны были обеспечить усвоение традиционных российских ценностей, сохранить национальную идентичность, чтобы с этим богатством возвратиться на родину. Избранная стратегия способствовала изоляции от внешней инонациональной среды, замкнутости и в конечном итоге оказалась неадекватной реалиям, тормозила социализацию (которая шла по национальному пути), включение в социальные связи окружающего внешнего мира и пр.

Не случайно П.Б. Струве в речи «И.А. Бунин», произнесенной в Белграде 20 ноября 1933 г. по случаю чествования писателя, связал Зарубежье с Россией грядущей: «…так называемая русская эмиграция, один из величайших в мировой истории “исходов”, абсолютно очень большой и качественно весьма высокостоящей части населения,…эта русская “эмиграция” есть – по воле истории – представительница и выразительница не только старой России, но и грядущей, не только прошлого, но и будущего России. Ибо Россия либо распадется, либо возродится как Россия Национальная и Свободная. А идею Национальной и Свободной России несет с собою, хранит и блюдет та группа ее населения, которая не желая терпеть безграничного и постыдного коммунистического гнета, боролась против него и временно отступила на чужие земли, и потому на ходячем политическом и газетном языке и именуется – “эмиграцией”»[3].

По Д.С. Мережковскому, эмиграция – это не только путь с Родины, изгнание, но и возвращение, путь на родину: «Наша эмиграция – наш путь в Россию. Emigrare значит “выселяться”. Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы

из бывшей России в будущую»[4]. Истинное возвращение возможно было только на почве культуры.

Более того, благодаря русской эмиграции началось культурное распространение России. Попытки создать «Золотую книгу эмиграции» в конце 1930-х гг. – это последняя надежда удержать уходящую Зарубежную Россию, зафиксировать ее след в истории – в истории эмиграции и истории Отечества, продемонстрировать творческие достижения, раскрыть феномен существования русского мира как плода социальной катастрофы.

Зарубежная Россия реализовала «идею временного замещения русской жизни жизнью в русской культуре»[5].

Напряженная сосредоточенность, прежде всего, на всем исключительно национально специфическом обуславливалась контекстом доминирования местной культуры. Страх денационализации заставлял отказаться от освоения чужой культуры во имя спасения своей. На тенденцию «отгородиться, обособиться, сосредоточиться в своем кругу, упрямо отворачиваясь от соблазнов иностранной жизни» обратила внимание деятель русской культуры Ю.Л. Сазонова. Самоизоляция казалась многим патриотической обязанностью. Отгороженность от чужой жизни, замкнутость в собственном кругу создавали «опасность некоей провинциальной психологии». Между тем на деле нет непримиримости между национальным самосознанием и принятием иностранной жизни. «Чтобы хранить и развивать русский язык, нет надобности отказываться от знания языков иностранных. Чтобы ценить русскую культуру, нет основания пренебрегать культурой европейской. Напротив, чем внимательнее, чем полнее будем мы вглядываться в окружающую нас жизнь, чем больше будет у нас с ней внутренних связей и чем старательнее будем мы изучать культурные ценности приютивших нас стран, тем вернее и плодотворнее становится наше служение культуре русской. Нерушимость мыслей о России не исключает внимания к той стране, где мы находимся»[6].

Создававшиеся и часто успешно действовавшие многочисленные национальные и международные организации, заботившиеся о русском Зарубежье и не имевшие политической окраски, не получили развития также потому, что не имели должной моральной и другой поддержки исторической родины.

В свою очередь, и в эмиграции доминировали силы, не желавшие идти на сближение с Советской Россией. Одни эмигрантские организации были скомпрометированы в глазах эмигрантов участием ОГПУ, другие – участием в антисоветской деятельности. Это приводило к самоизоляции отдельных групп россиян, отрицательно повлияло на возможность помощи соотечественникам со стороны метрополии.

«Оглядываясь на годы вольного зарубежья» В.В. Набоков писал: «…я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге, среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам, доводилось физически существовать. Туземцы эти были как прозрачные, плоские фигуры из целлофана, и хотя мы пользовались их постройками, изобретениями, огородами, виноградниками, местами увеселения и т. д., между ними и нами не было и подобия тех человеческих отношений, которые у большинства эмигрантов были между собой. Но, увы, призрачные нации, сквозь которые мы и русские музы беспечно скользили, вдруг отвратительно содрогались и отвердевали; студень превращался в бетон и ясно показывал нам, кто собственно бесплотный пленник и кто жирный хан. Наша безнадежная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда приходилось добывать или продлевать какую-нибудь дурацкую визу, какую-нибудь шутовскую карт д`идантите (Удостоверение личности), ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников. Бледно-зеленый несчастный нансенский паспорт был хуже волчьего билета; переезд из одной страны в другую был сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками. Английские, немецкие, французские власти где-то, в мутной глубине своих гланд, хранили интересную идейку, что, как бы, дескать, плоха ни была исходная страна (в данном случае, советская Россия), всякий беглец из своей страны должен априори считаться презренным и подозрительным, ибо он существует вне какой-либо национальной администрации»[7].

Но этот замкнутый, обособленный мир постепенно разрушался. Русские изгнанники даже потеряли пресловутую моно-

полию на нансеновские паспорта. Как отмечал П.П. Юренев, посетив Прагу в начале 1930 г., русский быт, воспоминания, уклад еще по инерции сохранялись, но все больше затягивала «новая жизнь: днем служба в обществе чешских коллег, вечером – кафе для холостых, домашний уют для женатых со всей обстановкой собственной квартиры, с детской коляской и семейными заботами. …они не перестают быть, может быть, русскими, но перестают быть русскими беженцами»[8]. Тем самым быт эмигрантов переставал ориентироваться на воспроизводство привычных русских образцов, а все более и более определялся местными национальными культурами и традициями, что предопределяло постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляцию значительной части русских беженцев населением тех стран, где они проживали.

П.П. Юренев отмечал характерные изменения, которые произошли с эмиграцией в Праге к 1930-м гг.: «исчезли огромные общежития, в которых помещались тысячи русских студентов, съехавшихся отовсюду в Золотую Прагу, опустели шумевшие русской жизнью пражские пригороды, постепенно сливается с городской толпой беженская масса и постепенно ломанная русско-чешская речь заменяется хорошим чешским языком, к несчастью, нередко за счет языка русского». Эмигранты уходили от центров русской жизни, «связавшись с местным обществом в деловом и общественном отношении», в большей или меньшей степени порывали с русской колонией, «особенно те, которые женились на чешских или словацких девушках». Постепенный распад эмигрантского единства и ассимиляция значительной части русских беженцев в странах проживания были предопределены[9].

Вопреки всему Зарубежье стремилось сохранить историческую память, «видимые знаки прошлого» («места памяти») в качестве доказательства своего собственного существования. Как завещание, произнес заключительные слова своего доклада «Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов» Г.Н. Пио-Ульский: «Гордитесь, что вы русские, гордитесь Великим Отечеством, гордитесь этой чудной культурной страной и не берите примера с тех наших соотечественников, которые, усвоив хорошо местный язык, стараются забыть, что они – русские. Эти люди не достойны своего Отечества. Кличка “русский” – кличка почетная, и к ней с вполне

оправданным уважением должны относиться не только славянские народы, но и иноземцы…»[10].

Русского Зарубежья не стало, но остался русский мир. Как у И.А. Бунина: «Россию, наше русское естество, мы унесли с собой, и где бы мы ни были, мы не можем не чувствовать ее»[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Зеньковский В.В.* Религиозное движение среди русской молодежи в эмиграции // *Зеньковский В.В.* Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2. С. 128.

[2] *Адамович Г.* Вклад русской эмиграции в мировую культуру // *Адамович Г.* Одиночество и свобода / сост., автор предисл. и прим. В. Крейд. – М., 1994. С. 143.

[3] *Струве П.Б.* Дух и Слово. Сб. статей. – Париж, 1981. С. 306.

[4] *Мережковский Д.С.* Наш путь в Россию // Вестник РХД. 2006. № 191. С. 244.

[5] *Филин М.* От составителя // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937). – М., 2000. Т. 1. С. 7.

[6] *Сазонова Ю.Л.* Денационализация // Русский язык в Зарубежной России. – М., 2007. С. 183–186.

[7] *Набоков В.В.* Другие берега. URL: http://www.fidel-kastro.ru/nabokov/berega.htm (04.04.2012)

[8] Бюллетень № 56 Российского Земско-Городского комитета. С. 11.

[9] ГА РФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 57. Л. 29.

[10] *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. – Белград, 1939. С. 60. Доклад был прочитан в 1938 г. в Союзе русских инженеров в Белграде и опубликован уже после смерти Пио-Ульского. URL: http://ricolor.org/rz/statii/rzr/2/

[11] *Седых А.* Далекие, близкие. – М., 1995. С. 206.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Библиографические пособия

1. «А пришлось в разлуке жить года…»: российское зарубежье в Финляндии между двумя войнами: материалы к биобиблиографии, 1987–2002. – СПб.: Сударыня, 2003. – 288 с.

2. *Алексеев А.Д.* Литература Русского Зарубежья: книги, 1917–1940 / А.Д. Алексеев. – СПб.: Наука, 1993. – 200 с.

3. Библиография русской зарубежной литературы 1918–1968 / сост. Л.А. Фостер. – Бостон, 1970. – 1374 с.

4. География зарубежной архивной россики: аннотированный указатель публикаций из отечественных журналов и продолжающихся изданий (2005–2010 гг.) / [авт. – сост.: В.Л. Гентшке, И.В. Сабенникова, А.С. Ловцов]. – М.: Линор, 2012. – 87 с.

5. *Грановская Л.М.* Русская эмиграция о русском языке: Аннотированный библиографический указатель (1918–1992) / Российская академия наук. – М.: АЗЪ, 1993. – 98 с.

6. Изучение литературы русской эмиграции за рубежом (1920–1990-е гг.): аннотир. библиография (монографии, сборники статей, библиографические и справочные издания) / отв. ред. Т.Н. Белова. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 96 с.

7. Книги русского зарубежья в собрании Российской государственной библиотеки: библиог. указ. – СПб.: Пашков дом, 1997. – 312 с.

8. Постников С.П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. (1918–1945): Библиография: Из каталога библиотеки РЗИА. – В 2 т. – Нью-Йорк: Norman Ross Publishing, 1993. – 660 с.

9. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: аннотир. указ. книг, журн. и газ. публикаций, изданных за рубежом в 1917–1991 гг. – М.: РОССПЭН, 2003. – Т. 1. – 672 с.; 2004. – Т. 2. – 696 с.; Т. 3. – 640 с.

10. Русская печать в Эстонии, 1918–1940: биобиблиогр. и справ. материалы к изучению культ. жизни рус. эмиграции: в 2 Вып. / сост. О.С. Фигурнова; Рос. акад. наук, Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького. – М.: ИМЛИ-Наследие, 1998. – 464 с.

11. Русская эмиграция в славянских странах Югославия, Чехия, Болгария…: Книги и материалы из фондов «Славянской библиотеки»: каталог выставки / сост. С.И. Щеглов; Краснояр. краевое обществ. объединение фонд «Славянский дом». – Красноярск: Славянский Дом, 1997. – 27 с.

12. Русская эмиграция: журналы и сборники на рус. яз., 1920–1980: сводный указ. ст. / ред. Т.А. Осоргина, Т.Л. Гладкова. – Париж: Institut D'Etudes Slaves, 1988. – 661 с.

13. Русские писатели эмиграции: Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии, церковной истории и православной культуре: 1921–1972 / сост. Н.М. Зернов. – Boston: G.K. Hall & Co., 1973. – 181 с.

14. Русское зарубежье, 1917–1994: каталог изданий из фондов Архива Русского Зарубежья / сост. и предисл. Толстых Г.А. – Вып. 1. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1992. — 205 с.; Вып. 2. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2002. –- 239 с.

15. Русское зарубежье: Каталог изданий, поступивших в Российскую национальную библиотеку в 1931–1993 гг. / сост. Т.И. Адрианова и др. – СПб.: Изд-во РНБ, 1997. – Вып. 1. – 240 с.

16. Сводный каталог периодических и продолжающихся изданий Русского зарубежья в библиотеках Москвы (1917–1996 гг.) / сост. А.И. Бардеева, Э.А. Брянкина, В.П. Шумова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 464 с.

17. Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1992 гг.) / сост. Э. Алексеева и др. – СПб.: Российская национальная библиотека, 1993; – 142 с.; – 2-е изд., испр. и доп.: Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917–1995 гг.) / сост. Г.В. Михеева и др. – СПб.: РНБ, 1996. – 200 с.

18. *Талалай М.* Русская эмиграция в Италии: краткий библиогр. обзор / М. Талалай // Факты и версии. Историко-культурологический альманах. Исследования и материалы. – СПб.: ИМИСП, 2002. – Кн. III: Русское зарубежье: политика, экономика, культура. – С. 127–132.

19. *Тюнин М.С.* Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в Харбине на русском и других европейских языках: В 2 вып. – Харбин, 1927–1936. – Вып. 1: По 1-ое января 1927 г. – Харбин: изд. Общества изучения Маньчжурского края, 1927. – 41 с. Вып. 2: С 1-го января 1927 г. по 31-ое декабря 1935 г. – Харбин: изд. Экономического бюро харбинского управления государственной железной дороги, 1936. – 36 с.

20. Указатель периодических изданий эмиграции из России и СССР за 1919–1952 гг. / – Мюнхен: Институт по изучению истории и культуры СССР, 1953. – 165 с. – (Исследования и материалы. 6).

21. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке. – Владивосток: ДВГУ, 2000. – 204 с.

22. *Hellman B., Kjellberg J.* Suomen verajankylisen kirjallisunden bibliografia, 1813–1972 = Библиография русской литературы, изданной в Финляндии: 1813–1972. – Хельсинки, 1988. – 96 с. – (Publications of the Helsinki University Library. 52).

23. *Howells D.L.L.* Russian émigré serials 1855–1990 in Oxford libraries: Materials for a union catalogue. – Oxford: Meeuws, 1990. –X, 43 p.

24. *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920–1945. = *Качаки И.Н.* Библиография русских беженцев в Королевстве С.Х.С. (Югославии): 1920–1945. – Arnhem: Proteus & Hygieia BV, 1991. – 352 p.; – 2-е изд., доп: Качаки Јован. Руске избеглице у Краљевини СХС – Југославији. Библиографија радова 1920–1944. – Београд: Изд. Универзитетске библиотеке «Светозар Марковић» и Књижаре «Жагор», 2003. – 452 с., илл.

25. *Kulikowski Mark.* Russian Émigré Bibliography: Another Look // Solanus. New Series. 2000. № 14. P. 58–67.

26. *Kulikowski Mark.* The Bibliography of Russian Émigré Publications since 1917: An Update // Solanus. New Series. 1995. № 9. P. 15–23.

27. *Lee Paul.* Bibliography of Russian Émigré Publications. – Washington: Propaganda Library, 1954.

28. L'émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques en langue russe. 1855–1940 / Établie par T. Ossorguine-Bakounine. = Русская эмиграция в Европе. Сводный каталог периодических изданий 1855–1940 / сост. Т.А. Осоргина-Бакунина. – Paris: Institut d'Etudes Slaves, 1976. – 342 p. – (Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves. Tome XL/1); – Deuxième édition, revue et complétée: Paris, Institut d'Etudes Slaves, 1990. – 354 p.

29. *Lukšić Irena.* Popis periodičnih izdanja ruske emigracije u Jugoslaviji 1920–1945 // Književna smotra. Zagreb, 1987. Br. 65–66.

30. *Maichel K.* Soviet and Russian newspapers at the Hoover institution: A catalog / Hoover institution of war, revolution and peace. – Stanford, 1966. – X, 225 p. – (Hoover institution bibliographical series; 24)

31. Military Periodicals in the André Savine Collection: A Bibliographic Description / By Nicolae Harsanyi. – Chapel Hill, North Carolina, 2004. – 38 p.

32. Russian Émigré Literature: A Bibliography of Titles Held by the University of California, Berkeley, Library / Comp. by Allan Urbanic. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1993. – 329 p.

II. Справочные материалы

1. *Грезин И.И.* Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. – М.: Старая Басманная, 2009. – 566 с.

2. *Косик В.И.* Русское церковное зарубежье: XX век в биографиях духовенства от Америки до Японии. Материалы к словарю-справочнику / В.И. Косик. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2008. – 408 с.: илл.

3. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи, 1917–1997: в 6 т. – М.: Пашков дом, 1999–2007.

4. *Нивьер А.* Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и Центральной Европе: 1920–1995: Биографический справочник. – М.: Париж: Русский Путь; YMCA-Press, 2007. – 573 с.

5. Перечень фондов Государственного архива Российской Федерации и научно-справочный аппарат к документам архива / сост. А.В. Добровская, Т.Н. Котлова (отв. сост.), О.Н. Копылова и др.; ред. М.В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 1998. – 650 с. (Государственный архив Российкой Федерации. Путеводитель: в 6 т.)

6. Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник. – М.: Парад, 2011. – 716 с.

7. Российское зарубежье во Франции, 1919–2000: Биографический словарь. Т. 1–3. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.

8. Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике 1918–1938. Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике. – Прага: Euroslavica, 1995. – 131 с.

9. Русская эмиграция в документах Архива Югославии и Государственного архива Российской Федерации (1920–1939): выставка. (Москва, 29 января – 21 февраля 2003 г.). – М.: Белград: Янус;, 2003. – 79 с.

10. Русские в Болгарии: юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии, 1877–2007. – Пловдив: ВИОН, 2010. – 434 с.

11. Русские во Франции: справочник / под ред. В.Ф. Зеелера. – Париж: С.М. Сарач, 1937. – 86 с.

12. Русский заграничный исторический архив в Праге – документация. Каталог собраний документов, хранящихся в пражской Славянской библиотеке и в Государственном архиве Российской Федерации / сост. Л. Бабка, А. Копршивова, Л. Петрушева. – Прага: Славянская библиотека, 2011. – 566 с.

13. Русское зарубежье. Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – М.: Эксмо; Paris: YMCA-Press, 1993–1997. – Т. 1–4.

14. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь / под общ. ред. В.В. Шелохаева. – М.: РОССПЭН, 1996. – 742 с.

15. *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: (материалы к истории Белого движения) / Н. Рутыч. – М.: Regnum: Рос.архив, 1997. – 235 с.

16. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. – Владивосток: ДВУ, 2000. – 358 с.

17. *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. – Владивосток: ДВУ, 2002. – 360 с.

18. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940. Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. – Т. 1–4. – М.; Paris: ЭКСМО; YMCA-Press, 1995–1997. – Т. 2. – 659 с.; Т. 3. – 619 с.

19. Художники русского зарубежья: Биографический словарь / *Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я.* – СПб.: Нотабене, 2000. – 716 с.

20. Chronik russischen Lebens in Deutschland. 1918–1941 / Hrsg. von Schlögel K. – Berlin: Akademie Verlag, 1999. – 671 s.

21. Harbin Russian imprints: Bibliography as history, 1898–1961. Materials for a definite bibliography / Edited and introduced by Olga Bakich. – New York: Norman Ross Publishing, 2002. – XX, 584 p.

22. Historique de la Presse Périodique de l'émigration Socialiste Russe: 1917–1937 / By B.I. Nikolaevsky // Bulletin of the International Institute for Social History. 1938. – Vol. 1. – P. 5–17.

23. Kronika kulturního, vědeckého a společenského života ruské emigrace v Československé republice. Díl.I–II. 1919–1939 / Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике. Т. I–II. 1919–1939 / под общ. ред. Л. Белошевской. – Прага: Славянский институт АН ЧР, 2000–2001. – Т. 2. – 639 с.

24. *Kasack W.* Lexikon der russischen Literatur des 20/ Jahrhunderts. – Munchen, 1992; – русск. пер.: Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин. – London: Overseas Publications Interchange, 1988. – 922 с.; 2-е, доп. изд.: Казак В. Лексикон русской литературы XX века / пер. с нем. Е. Варгафтик и И. Бурихин / ред. М. Зоркая. – М.: РИК «Культура», 1996. – 492 с.

25. Prace ruske, ukrajinske a beloruske emigrace vydane v Ceskoslovensku, 1918–1945 = Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. (Библиография с биографическими данными об авторах). Том I.Ч. 1–3. / Bibliogr. zprac. Zdeňka Rachůnkova a Michaela Řeháková. – Praha: Národní knihovna České republiky, 1996. – XVIII, 1427 с.; Ч. 1. – XVIII, 1–424 с.; Ч. 2. – 425–850 с.; Ч. 3. – 851–1472 с.

III. Периодическая печать

1. Вестник Маньчжурии. – Харбин
№ 2–3. –1928.
№ 2–3. –1932.
№ 1–3. –1933.

2. Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей. – Париж.
№ 55. – 1929. 15.XII.
№ 56. – 1930. 15.I.
№ 57/58. – 1930. 15.III.
№ 59/60. – 1930. 15.V.
№ 61/62. – 1930. 15.VII.

3. Вестник Маньчжурии. – Харбин/
№ 2–3. – 1928.
№ 2–3. – 1932.
№ 1–3. -–1933.

4. Возрождение: орган русской национальной мысли / под ред. П. Струве. – Лондон;Париж, 1925–1940.

5. Воля России: журнал политики и культуры / ред. В.И. Лебедев, М.Л. Слоним, В.В. Сухомлин. – Прага.

№ 1–12. – 1928.
№ 1–12. – 1929.
№ 1–12. – 1930.
№ 1–12. – 1931.
№ 1–6. – 1932.

6. Дни: ежедневная газета / ред. А.Ф. Керенский. – Париж, 1928–1933.
7. Жизнь и суд: еженед. ил. журн. для всех. – Париж, 1930. – № 1–12.
8. Закон и суд: вестник Рус. юрид. о-ва. – Рига, 1929–1938. Факс. изд. – Рига, 2000. – Т. 1–8. – 1961 с.

Т. 1. – 1929–1930. – № 1–16.
Т. 2. – 1931–1932. – № 17–30.
Т. 3. – 1933. № 1 (31) – 10 (40).
Т. 4. – 1934. № 1 (41) – № 10 (50).
Т. 5. – 1935. – № 1 (51) – 10 (60).
Т. 6. – 1936. – № 1 (61) – 10 (70).
Т. 7. – 1937. – № 1 (71) – 10 (80).
Т. 8. – 1938. – № 1 (81) – 10 (90).

9. Известия Юридического факультета. – Харбин.

Т. 5. – 1928. – 371 с.
Т. 6. – 1928. – 397 с.
Т. 7. – 1929. – 477 с.
Т. 9. Юбилейный, 192–1930. – 1931. – 361 с.
Т. 10. 1933. – 378 с.

10. Наш Союз: еженед. обществ. – полит. и лит. – худож. журн.: орган обществ. организаций граждан СССР во Франции / ред. С.С. Лукьянов. – Париж.

№ 55–61. – 1934.
№ 62–71. – 1935.
№ 3/4 (87/88, 5 (89) – 1937.

11. Последние новости: ежедн. газ. – Париж, 1928–1940.
12. Руль: ежедн. газ. – Берлин, 1928–1930.
13. Русский экономический сборник / изд. Экон. кабинета при культ.-просвет. отд. Земгора; под ред. С.Н. Прокоповича. – Прага: Пламя.

№ 12. – 1928.

14. Современные записки: ежемес. обществ. – полит. и лит. журн. / ред кол.: Н.Д. Авксентьев, И.И. Бунаков, М.В. Вишняк, А.И. Гуковский, В.В. Руднев. – Париж.

№ 34–37. – 1928.
№ 38–40. – 1929.
№ 41–43. – 1930.
№ 44–47. – 1931.
№ 48–52. – 1932.
№ 51–53. – 1933.
№ 54–56. – 1934.
№ 57–59. – 1935.
№ 60–62. – 1936.

№ 63–65. – 1937.
№ 66–67. – 1938.

15. Социалистический Вестник: орган Заграничной делегации РСДРП / осн. Л. Мартовым. – Нью-Йорк.
№ 167–190. – 1928.
№ 191–214. – 1929.
№ 215–238. – 1930.
№ 239–261. – 1931.
№ 262–285. – 1932.
№ 286–309. – 1933.
№ 310–332. – 1934.
№ 333–356. – 1935.
№ 357–380. – 1936.
№ 381–404. – 1937.
№ 405–428. – 1938.

IV. Документальные публикации

1. «Без денег не советую никому ехать сюда». Письма русских эмигрантов-колонистов из Парагвая. 1934–1935 гг. / публ. М.Н. Мосейкиной // Исторический архив. – 2005. – № 5. – С. 37–52.

2. Внешняя политика СССР, 1917–1944: сб. док. / сост. А.С. Тисминец, отв. ред. С.А. Лозовский; ред. и авт. прим. Б.Е. Штейн. – М.: б/и, 1944. – Т. II: 1921–1924. – 980 с. (Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б). ДСП).

3. Великая Маньчжурская Империя: К десятилетнему юбилею 1932–1942 – Харбин: Кио-Ва-Кай, 1942. – 477 с.

4. *Вздорнов Г.И.* Общество «Икона» в Париже: в 2-х т. / Г.И. Вздорнов, З.Е. Залесская, О.В. Лелекова. М.; Париж: Прогресс–Традиция, 2002. – 600 с.; – 288 с.

5. Главнокомандующий Русской армией генерал барон П.Н. Врангель. К десятилетию его кончины 12/25 апр. 1938 г.: Сб. ст. / под ред. А. фон Лампе. – Берлин: Медный всадник, 1938. – 239 с.

6. «Глухая провинция русской эмиграции». Пореволюционное русское зарубежье на Севере Европы в переписке эмигрантов. 1931–1937 гг. / публ. Т.П. Тетеревлевой // Исторический архив. – 2005. – № 1. – С. 23–55.

7. «Давайте попробуем установить некоторое взаимопонимание». Переписка Н.В. Устрялова с П.П. Сувчинским. 1926–1930 гг. / публ. В.К. Романовский // Исторический архив. – 2011. – № 4–5.

8. Дети русской эмиграции: книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники: сборник материалов. – М.: Терра, 1997. – 496 с.

9. Документы внешней политики СССР. – М.: Госполитиздат, 1958–1965. – Т. 2–10.

10. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) / сост. З. Сладек и Л. Белошевская. – Прага: Slovan. úst. AV ČR: Euroslavica, 1998. – 440 с.

11. Документы по истории Российского Зарубежья из Коллекции баронессы Марии Врангель Гуверовского архива США / публ. А.В. Квакина // Вестник архивиста. – 2004. – № 1 (79). – С. 263–295; – № 2 (80). – С. 291–314; № 3–4 (81–82). – С 272–286; № 5 (83). – С. 311–325.

12. «Жму Вашу руку, дорогой товарищ». Переписка Максима Горького и Иосифа Сталина / публикация, подгот. текста, вст. и комментарии Т. Дубинской-Джалиловой и А. Чернева // Новый мир. – 1997. – № 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1997/9/stalin.html#top

13. Записки русского исторического общества в Праге. – Прага: Чешская Нарва, 1937. Кн. III. –347 с.

14. *Ильин И.А., Шмелев И.С.* Переписка двух Иванов (1927–1934) / сост. и предисл. Ю.Т. Лисица. – М.: Рус. кн., 2000. – 553 с.

15. *Ильин И.А., Шмелев И.С.* Переписка двух Иванов (1935–1946) / сост. и предисл. Ю.Т. Лисица. – М.: Рус. кн., 2000. – 576 с.

16. К истории «евразийства»: М. Горький и П.П. Сувчинский. / публ. Джона Мальмстада // Диаспора: Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 327–347.

17. «Крайне неприятные ограничения, установленные в Германии для нансеновских паспортов». Письмо С.Д. Боткина В.А. Маклакову. 1934 г. / публ., коммент. З.С. Бочарова // Исторический архив. – 2005. – № 5. – С. 53–64.

18. Меньшевики в эмиграции. Протоколы Заграничной Делегации РСДРП. 1922–1951 гг.: в 2 ч. / отв. ред. А. Либих и А. Ненароков; отв. сост. А. Ненароков. – М.: РОССПЭН, 2010. – Ч. 1. – 836 с.; Ч. 2. – 526 с.

19. Меньшевистский процесс 1931 года: Сб. док.: В 2-х кн. / сост., авт. ввод. ст. Литвин А.Л.; сост.: Виноградов В.К. и др. – М.: РОССПЭН, 1999. – Кн. 1. – 638 с.; Кн. 2. – 486 с.

20. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. – М.: РОССПЭН, 2012. – 1111 с.

21. Никитин В. Свидетельские показания в деле о русской эмиграции. (Книга беженского житья) / публ. М.Ю. Сорокиной // Диаспора: Новые материалы. – Париж; СПб., 2001. – Т. 1. – С. 587–644.

22. Отчет Объединения русских адвокатов во Франции за 1932-й год (с 1 февраля 1932 г. по 1 февраля 1933 г.). – Вып. 6. – Париж, 1933. – 47 с.

23. Отчет Объединения русских адвокатов во Франции за 1934 год (с 1 февраля 1934 г. по 1 января 1935 г.). – Париж, 1935. – 51 с.

24. «Отъезд Скитальца в СССР из Харбина имел бы известное политическое значение…»: разрыв писателя С.Г. Скитальца (Петрова) с эмиграцией и возвращение на Родину в 1934 г. / публ. подготовила М.В. Кротова // Исторический архив. – 2013. – № 1. – С. 62–71.

25. Петр Сувчинский и его время / ред. – сост. Бретаницкая А.М. – М.: Композитор, 1999. – 456 с.

26. «Повелитель тысячи ведомств, которые в России всевластны». В.М. Чернов о И.В. Сталине / публ. подготовил А.П. Новиков // Исторический архив. – 2007. – № 4. – С. 4–28.

27. Политическая история русской эмиграции, 1920–1940 гг.: документы и материалы: учебное пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М.: Владос, 1999. – 776 с.

28. Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии 1905 – сер. 1930-х гг.: в 6 т. / отв. ред. В.В. Шелохаев. – М.: РОССПЭН, 1996–1999. – Т. 4–6.

29. *Родзаевский К.В*. Отчет о моей 20-летней антисоветской деятельности / К.В. Родзаевский // Кентавр. 1993. – № 4. – С. 93–114.

30. Российская эмиграция в Маньчжурии: Военно-политическая деятельность (1920–1945 гг.): сб. док. / сост. Е.Н. Чернолуцкая. – Южно-Сахалинск, 1994. – 198 с.

31. Русская адвокатура в Германии: Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920–1930). – Берлин, 1930. – 127 с.

32. Русская военная эмиграция 20–40-х годов: док. и материалы / Ит-т воен. истории М-ва обороны РФ и др.; сост.: Басик И. И, (отв. сост.) и др.; пер. фр. док. – В. Карпов. – М.: Гея, 1998–2013. – Т. 1–6.

33. Русская культура в изгнании: Европа / авт. – сост. А. Корляков. – Париж: ИМКА-пресс, 2012. – 719 с. (Русская эмиграция в фотографиях, 1917–1947).

34. Русская молодежь в высшей школе за границей: деятельность Центрального комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей (1922/1923–1931/1932 уч. гг.). – Париж: б/и, 1933. – 62 с.

35. «Русская эмиграция… совершенно не объединена ничем общим»: («белые» и «красные» о российском зарубежье: новые документы) / подгот. публ. А.В. Квакина // Источник. – 2003. – № 5. – С. 36–52.

36. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы). Сборник документов и материалов / сост., публикация, введение, примеч., биографич. комментарий, именной указ. З.С. Бочарова. – М.: РОССПЭН, 2004. – 400 с.

37. Русский Берлин (20-е гг. XX в.): сборник / сост., предисл. и персоналии В.В. Сорокиной. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. – 368 с.

38. Русский дом им. императора Николая II в Белграде: Открытие 9 апреля 1933 г. – Белград, 1933. – 45 с.

39. Русский мир и Россия: модели и факторы единства и разъединения в XX в.: Хрестоматия. База данных / сост.: Антошин А.В., Бордюгов Г.А., Бочарова З.С., Касаев А., Мосейкина М.Н. – М.: Фонд «Русский мир». 2009 //http://russkiymir.ru/russkiymir/ru/analytics/research/news0005.html (сайт фонда «Русский мир»)

40. Русский Париж / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаковой. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.

41. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – 824 с.

42. Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР, издаваемое Управлением Делами СНК СССР. – М.: б/и, 1928–1938.

43. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. – В 4 т. – М.: НЛО, 2011–2013.

44. *Светана-Толстая С.В.* Неизвестная Александра Толстая. – М.: Икар, 2001. – 166 с.

45. Харбинский комитет помощи русским беженцам, 1923–1938. Отчет о деятельности. – Харбин: б/и, 1938. – 73 с.

46. Харбинский комитет помощи русским беженцам. Отчет Харбинского комитета помощи русским беженцам о его деятельности в Северной Маньчжурии (Китай) за 1930 год, заслушанный и утвержденный Общим собранием комитета 29 марта 1931 г. – Харбин: б/и, 1931. – 32 с.

47. *Simpson J.H.* The Refugee Problem – Report of a Survey. London-New York-Toronto, 1939.

48. Société des nations. Haut-Commissariat pour les réfugiés. Documents préparatiores et procèsverbaux de la Conférence intergouvernementale pour le statut juridique des réfugiés 28–30 juin 1928. Arrangement et accord du 30 juin 1928. – Geneve, 1930. – 24 p.

V. Мемуары

1. *Александровский Б.Н.* Из пережитого в чужих краях: воспоминания и думы бывшего эмигранта / Б.Н. Александровский. – М.: Мысль, 1969. – 374 с.

2. *Андреев Н.Е.* То, что вспоминается: из семейных воспоминаний Николая Ефремовича Андреева (1908–1982) / Н.Е. Андреев; ред. Е.Н. Андреева, Д.Г. Андреев. – Таллинн: Авенариус, 1996. – Т. 1. – 335 с.; – Т. 2. – 319 с.

3. *Арнштам А.М.* Воспоминания / пер. с фр. М.Ю. Германа. – СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2010. – 164 с.

4. *Бунин И.А.* Воспоминания. – Париж: Возрождение, 1950. –273 с.

5. *Вишняк М.* Годы эмиграции / М. Вишняк. – Стэнфорд, 1970. – 412 с.

6. *Гессен В.И.* В борьбе за жизнь (записки эмигранта): Петербург – Берлин – Париж – Нью-Йорк / В.И. Гессен. – Нью-Йорк, 1974. – 189 с.

7. *Гессен И.В.* Годы изгнания / И.В. Гессен. – Париж: Ymca-Press, 1979. – 268 с.

8. *Гуль Р.* Я унес Россию: Антология эмиграции / Р. Гуль. – Т. 1–3. – М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, 2001.

9. *Евлогий, митр.* Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной / митрополит Евлогий. – М.: Моск. рабочий, 1994. – 621 с.

10. *Еленевская И.* Воспоминания / И. Еленевская. – Стокгольм: б. и., 1968. – 214 с.

11. *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти. Воспоминания / прот. В. Зеньковский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1995. – 237 с.

12. *Игнатьев А.А.* Моя миссия в Париже / П.А. Игнатьев; послесл. В.А. Авдеев. – М.: Гея итэрум, 1999. – 334 с. (Рассекреченные жизни).

13. *Ильина Н.* Дороги и судьбы / Н. Ильина. – М.: Сов. Россия, 1988. – 592 с.

14. *Красноусов Е.М.* Шанхайский русский полк, 1927–1945 гг. / Е.М. Красноусов. – Сан-Франциско: Глобус, 1984. – 367 с.

15. *Куприн А.И.* Голос оттуда: 1919–1934: Рассказы. Очерки. Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты. Некрологи. Заметки / сост. вступ. ст., примеч. О.С. Фигурновой. – М.: Согласие, 1999. – 736 с.

16. *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым / Сергей Лифарь. – М.: АРТ, 1994. – 477 с.

17. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом / Ю.И. Лодыженский. – М.: Айрис, 2007. – 576 с.

18. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь / предисл. и примеч. Б.Н. Лосского; вступ. ст. О.Т. Ермишина. – М.: Викмо-М / Русский путь, 2008. – 400 с.; СПб.: СПбУ, 1994. – 360 с.

19. *Любимов Л.Д.* На чужбине / Л.Д. Любимов. – М.: Сов. писатель, 1963. – 414 с.

20. *Маклаков В.А.* Из воспоминаний / В.А. Маклаков. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 410 с.

21. *Мейснер Д.И.* Миражи и действительность: записки эмигранта / Д.И. Мейснер. – М.: Мысль, 1966. – 302 с.

22. *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники / С.П. Мельгунов. – М.: Индрик, 2003. – 527 с.

23. *Набоков В.В.* Другие берега / Владимир Набоков. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – 265 с.

24. *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память: мемуары / князь Александр Ратиев; сост. Г. Рупчева, Л. Любенова, Ц. Кьосева, Н. Дачева. – София: Изд-во Софийс. Ун-та им. Св. Климента Охридского, 1999. – 681 с.

25. Русские в Латвии. Сб. «Дня русской культуры». – Рига, 1933–1934. Ч. 1–2.

26. *Савич Н.В.* После исхода. Парижский дневник, 1921–1923 / Н.В. Савич. – М.: Рус. путь, 2008. – 568 с.

27. *Сорокин П.* Дальняя дорога / П. Сорокин. – М.: Московский рабочий, 1992. – 302 с.

28. *Старк Г.К.* Моя жизнь: (воспоминания контр-адмирала) / Г.К. Старк. – СПб.: Центральный военно-морской музей, 1998. – 131 с.

29. *Тихонова Н.* Девушка в синем. – М.: АРТ, 1992. – 366 с.

30. Чему свидетели мы были… Переписка бывших царских дипломатов. 1934–1940. В 2 кн. – М.: Гея, 1998. – 561 с.; – 622 с.

31. *Шавельский Г.*, протпресв. Воспоминания. – В 2 т. – М.: Крутицкое подворье, 1996. – 416 с.

32. *Шаляпин Ф.И.* Страницы из моей жизни: Повести. – М.:Книжная палата, 1990. – 464 с.

33. *Ширинская А.А.* Бизерта. Последняя стоянка: воспоминания / А.А. Ширинская. – М.: Рус. путь, 1999. – 244 с.

34. *Шостаковский П.* Путь к правде / Павел Шостаковский. – Минск: Государственное издательство БССР, 1960. – 356 с.

VI. Публикации деятелей русского зарубежья

1. *Адамович Г.В.* Одиночество и свобода / Г.В. Адамович. – М.: Республика, 1996. – 447 с.

2. *Бердяев Н.А.* Самопознание: опыт философской автобиографии. – М.: Правда, 1990–530 с.

3. «В краю чужом…». Зарубежная Россия и Пушкин: статьи, очерки, речи / сост., вст. ст. и коммент. М.Д. Филин. – М.: Русский мир; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. – 495 с.

4. *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение / Владимир Варшавский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1956. – 387 с.; М.: ДРЗ:Рус. путь, 2010. – 544 с.

5. *Гиппиус З.Н.* Наше прямое дело / З.Н. Гиппиус. – Париж, 1930. – 54 с.

6. *Гиппиус З.Н.* Что делать русской эмиграции / З.Н. Гиппиус, К.Р. Кочаровский. – Париж: Родник, 1930. – 36 с.

7. *Дмитриевский С.В.* Судьба России: (Письма к друзьям) / Дмитриевский С.В. – Берлин: Стрела, 1930. – 315 с.

8. *Жиганов В.Д.* Русские в Шанхае: альбом / подгот. изд. и предисл. В.П. Леонова и Ю.В. Шестакова; вступ. ст. Н.П. Рождественской. – СПб.: БАН; Альфарет, 2008. – 300 с.

9. *Каратеев М.Д.* По следам конквистадоров: история группы русских колонистов в тропических лесах Парагвая. – М.: Моск. информ. – изд. фирма «Мир и культура», 1991. – 240 с.

10. *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970) / П.Е. Ковалевский. – Париж, 1971. – 347 с.; Доп. Вып. – Париж, 1973. – 147 с. (Collection Etudes ruggeg; Vol. 5).

11. *Ковалевский П.Е.* Наши достижения: роль русской эмиграции в мировой науке. – Вып. 1. – Мюнхен: Изд-во Центрального объединения политических эмигрантов из СССР, 1960. – 56 с.

12. *Ковалевский П.Е.* Русские ученые за рубежом (итоги русской науки за, рубежом за 35 лет 1920–1955) // Возрождение. – Париж, 1955. – № 44. – С. 7–28; 1956. – № 56. – С. 121–127.

13. *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. – М.: Айрис-пресс, 2007. – 576 с.

14. *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921–1937 / Н.Е. Марков. – М.: Москва, 2002. – 528 с.

15. Меньшевики: От революций 1917 года до Второй мировой войны / Далин Д., Деннике Ю., Ланде Л., Сапир Б., Волин С.; сост-ред. Л. Хеймсон. – М.: Собрание, 2009. – 552 с.

16. Меньшевики после Октябрьской революции. Сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / ред-сост. Ю.Г. Фельштинский. – Benson (Vermont): Chalidze Publications, 1990. – 292 с.

17. *Милюков П.Н.* Россия на переломе. – Т. 1–2. – Париж: б/и, 1927.

18. Московский университет. 1755–1930: Юбилейный сборник. Изд. Париж. и Праж. Комитетов по ознаменованию 175-летия Моск. ун-та / под ред. В.Б. Ельяшевича, А.А. Кизеветтера и М.М. Новикова. – Париж: Современные записки, 1930. – 467 с.

19. «Наш спор с Вами решит жизнь!». Письма М.Л. Винавера к Е.П. Пешковой и Е.Д. Кусковой. 1923–1936. – М.: Восточная книга, 2009. – 336 с.

20. *Николаев К.Н.* Правовое положение Православной церкви народа русского в рассеянии сущего / К.Н. Николаев. – Новый Сад, 1934. – 187 с.

21. О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: Наука, 1990. – 528 с.

22. *Окунцов И.К.* Русская эмиграция в Северной и Южной Америке / И.К. Окунцов. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.

23. *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину. Очерки Южной Америки / К.К. Парчевский. – Париж: Les ed. Reunis, 1936. – 304 с.

24. *Парчевский К.К.* По русским углам. Цикл очерков о русской эмиграции во Франции между первой и второй мировыми войнами / К.К. Парчевский; авт. вступ. ст. С.А. Беляев, Б.М. Парчевская. – М.: ИВИ РАН, 2002. – 220 с.

25. *Пилкин А.П.* Парагвай. Краткий очерк. – Париж: Инициативная группа "Станицы им. ген. Беляева", 1934. – 32 с.

26. *Пио-Ульский Г.Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. – Белград. – 1939. – 61 с.

27. *Поремский В.Д.* Стратегия антибольшевистской эмиграции: избранные статьи 1934–1997. – М.: Посев, 1998. – 286 с.

28. Почему мы вернулись на Родину: Свидетельства реэмигрантов / сост., авт. предисл. и ввод ст. А.П. Осадчая, А.Л. Афанасьев, Ю.К. Баранов; изд. 2-е, доп. – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.

29. *Родзаевский, К.В.* Русский путь / К.В. Родзаевский. Харбин: Наш путь, 1939. – 93 с.

30. Русские в Латвии. Сб. «Дня русской культуры» / коллект. автор., предисл. В. Преображенского – Рига: Издание Комитета по устройству «Дня Русской Культуры» в Риге, 1933–1934. – 128 с..

31. Русские в Шанхае. – Шанхай, 1936. – 87 с.

32. Русский язык в зарубежной России. – М.: Русский мир, 2007. – 480 с.

33. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка, 1919–1951: в 3 т. – М.: РОССПЭН, 2001–2002.

34. *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании / Г.П. Струве. – Париж: YMCA-Press, 1984. – 426 с.

35. *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). – М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2004. – 872 с.

36. *Таубер Л.Я.* Лига наций и юридический статут русских беженцев / Л.Я. Таубер. – Белград, 1933. – 38 с.

37. Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937) / сост., предисл. М.Д. Филин. – М.: Эллис Лак, 2000. – В 2 кн.

VII. Исследования

1. *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае. Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.) / Н.Е. Аблова. – М.: Русская панорама, 2005. – 431 с.

2. *Аблажей Н.Н.* С востока на восток. Российская эмиграция в Китае / Н.Н. Аблажей. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. – 300 с.

3. *Авдюшева-Лекомт Н.А.* О выставке русского искусства в Брюсселе в 1928 году / Н.А. Авдюшева-Лекомт // Известия Уральского государственного университета. – Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. – Екатеринбург, 2007. – № 52. – С. 241–261.

4. *Александров С.А.* Возникновение зарубежной России / С.А. Александров. – М.: АИРО-XX, 2003. – 56 с.

5. *Алексеев М.* Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929) / М. Алексеев. – М.: Кучково поле, 2010. – 608 с.

6. *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев: (по документам Архива Югославии) / Е.В. Алексеева // Отечественные архивы. – 1995. – № 6. – С. 20–26.

7. *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов, словенцев, 1920–1941 годы / Е.В. Алексеева // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 32–40.

8. *Антоненко Н.В.* Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск: Изд-во Мичуринского гос. аграрного ун-та, 2007. – 204 с.

9. *Антоненко Н.В.* Н.Д. Тальберг и его «чаемая монархия» в России / Н.В. Антоненко // Новый исторический вестник. – 2010. № 1 (23). – С. 107–115.

10. *Антоненко Н.В.* Эмигрантские концепции и проекты переустройства России (20–30-е гг. XX в.). – Мичуринск: МичГАУ, 2011. – 307 с.

11. *Антощенко А.В.* «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). – Петрозаводск: Ред. – изд. отд-ние Карел. науч. центра РАН, 2003. – 392 с.

12. *Антропов О.К.* Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921–1939 гг.) / О.К. Антропов. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. – 326 с.

13. *Арсеньев А.Б.* Новый Сад – «новый остров» Петербурга / А.Б. Арсеньев // Берега. Информ. – аналит. сб. о рус. зарубежье. – 2005. – Вып. 4. – С. 4–11.

14. *Арсеньев А.Б.* У излучины Дуная / А.Б. Арсеньев. – Харьков, 1999. – 423 с.

15. Архитектурное наследие русского зарубежья. Вторая половина XIX – первая половина XX в. / под ред. С.С. Левошко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. – 428 с.

16. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае. (1920–50-е гг.) / Е.Е. Аурилене. – Хабаровск: Частная коллекция, 2008. – 268 с.

17. *Аурилене Е.Е.* Русские в Маньчжоу-Ди-Го: «Эмигрантское правительство» / Е.Е. Аурилене, И.В. Потапова. – Хабаровск: б/и, 2004. – 128 с.

18. *Аурилене Е.Е.* Русские в Маньчжоу-Го: «свои» и «чужие» / Е. Аурилене, М. Кротова // Родина. – 2012. – № 12. С. 137–140; 2013. – № 2. – С. 138–141.

19. *Афанасьев А.Л.* Полынь в чужих полях / А.Л. Афанасьев. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 285 с.

20. *Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) / П.Н. Базанов. – СПб.: СПбГУКИ, 2004. – 430 с.; – 2-е изд., испр. и дополн.: СПб.: СПбГУКИ, 2008. – 468 с.

21. *Балакшин П.П.* Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке / Петр Балакшин. – Сан-Франциско; Париж; Нью-Йорк: Сириус, 1958. – Т. 1. – 430 с.; 1959. – Т. 2. – 375 с.

22. *Батожок И.А.* К вопросу о типологии российской эмиграции в Китае / И.А. Батожок // Российская культура глазами молодых ученых. – Вып. 4. – Ч. 1. – СПб.: СПбГУКИ, 1995. – С. 158–165.

23. *Батожок И.А.* Русские в Китае. Поиск документов в архивах КНР / И.А. Батожок // Отечественные архивы. – 1996. – № 1. – С. 41–43.

24. *Батожок И.А.* Русские из Китая в Калифорнии (1920–1957). К вопросу о культурной специфике группы / И.А. Батожок // Культура на пороге III тысячелетия. – СПб.: СПбГУКИ, 1996. – С. 198–205.

25. *Башмакова Н.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917–1939 / Н. Башмакова, М. Лайонен // Studia Slavica Finlandensia. – Helsinki, 1990. – Т. 7. – С. 1–100.

26. *Бегидов А.М.* Российская военная эмиграция в 1920–30-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б., Пивовар Е.И. – Нальчик: Эль-ФА, 1998. – 198 с.

27. *Бегидов А.М.* Военно-учебные заведения Зарубежной России. 1920–30-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. – Нальчик: Эль-ФА, 1999. – 254 с.

28. *Беляева А.В.* Из истории Русской Православной церкви во Франции / А.В. Беляева // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2003. – Вып. 5. – С. 275–287.

29. *Беляков В.В.* По следам «Пересвета». Россияне в Египте / В.В. Беляков. – Каир: б/и, 1994. – 232 с.

30. *Беляков В.В.* Приютила Африка Жар-птицу. Россияне в Египте / В.В. Беляков. – М.: Классика плюс, 2000. – 253 с.

31. *Беляков В.В.* Российский некрополь в Египте / ИСАА при МГУ, АГИ. – М.: Гуманитарий, 2001. – 55 с.

32. *Беляков В.В.* Русский Египет / В.В. Беляков. – М.: Вече, 2008. – 335 с.

33. *Бирман М.А.* Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–30-х годов / М.А. Бирман, А.Н. Горяинов // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 173–193.

34. *Бирюкова К.В.* Социальная адаптация российских студентов-эмигрантов в Центральной и Восточной Европе в 1920–1940 гг. / К.В. Бирюкова. – СПб.: Алетейя, 2012. – 136 с.

35. *Бойко Ю.В.* Региональные аспекты адаптации российских эмигрантов к условиям жизни во Франции (1900–1930-е гг.) / Ю.В. Бойко // Исторический источник: Человек и пространство. – М., 1997. – С. 235–237.

36. *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х гг. / В.Г. Бортневский. – СПб.: Изд-во С-Петерб.ун-та, 1996. – 167 с.

37. *Бочарова З.С.* Практический романтик «переломной эпохи» (П.П. Сувчинский как явление в отечественной культуре // Проблемы истории Русского зарубежья. – Вып. 2. – М.: Наука, 2008. – С. 192–218.

38. *Бочарова З.С.* «…не принявший иного подданства.» Проблемы социально-правовой адаптации российской эмиграции в 1920–1930-е годы. – СПб.: Нестор, 2005. – 251 с.

39. *Бочарова З.С.* «Польское правительство не безразлично к судьбе русских эмигрантов»: к истории российской эмиграции в Польше в 1920-е гг. // Духовность. Научный журнал. – Сергиев Посад, 2010. – № 1. – С. 124–155.

40. *Бочарова З.С.* Российское зарубежье 1920–1930-х гг. как феномен отечественной истории / З.С. Бочарова. – М.: АИРО XXI, 2011. – 304 с.

41. *Брук А.С.* Миграционные процессы в России и СССР / А.С. Брук, В.М. Кабузан. – Вып. 1. – М., 1991. – 29 с.

42. *Брюнон Ж.* Иностранный легион, 1831–1955 / Жан Брюнон, Жорж Маню. – М.: Эксмо 2003. – 523 с.

43. *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков (О политической деятельности В.А. Маклакова) / О. Будницкий // Отечественная история. – 1999. – № 2. – С. 12–26; № 3. – С. 64–81.

44. *Бутков В.* Русская эмиграция в Болгарии / В. Бутков // Новый журнал=New Rev. N-Y., 1997. – Кн. 206. – С. 288–294.

45. Бялата емиграция в България. Материали от научна кнференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. – София: ИК ГУТЕНБЕРГ, 2001. – 456 с.

46. В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – первая половина XX в.): сб. / РАН Ин-т славяноведения. Отв. ред Т.А. Покивайлова. – М.:Индрик, 2009. – 246 с.

47. *Ван Чжичен.* История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. – М.: Русский путь, 2008. – 576 с.

48. *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции в Европе в 20–30-е гг. (Основные центры, направления и проблемы **…** – М.: Памятники исторической мысли, 1997. – 350 с.

49. *Вандалковская М.Г.* Традиции русской общественной мысли в историко-философском наследии Н.А. Бердяева // История и историки: Историографический вестник. 2003. – М., 2003. – С. 141–168.

50. *Вандалковская М.Г.* Либерально-консервативная мысль эмиграции: сущность и особенности (20–30-е годы XX в.) // История и историки: Историографический вестник. 2004. – М., 2005. – С. 158–185.

51. *Вандалковская М.Г.* Эмигрантские прогнозы постбольшевистского преобразования России (30-е годы XX века) // История и историки: Историографический вестник. 2006. – М., 2007. – С. 172–183.

52. Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. – М.: ИРИ РАН, 2009. – 432 с.

53. *Вздорнов Г.И.* Общество «Икона» в Париже: в 2-х т. / Г.И. Вздорнов, З.Е. Залесская, О.В. Лелекова. М.; Париж, 2002. – Т. 1. – 600 с.

54. *Вздорнов Г.И.* Общество «Икона» в Париже: в 2-х т. / Г.И. Вздорнов, З.Е. Залесская, О.В. Лелекова. – М.; Париж: Прогресс–Традиция, 2002. – Т. 2. – 288 с.

55. *Волков С.В.* Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога / С.В. Волков. – М., 2002. – 568 с.

56. *Волков С.* Трагедия русского офицерства / С.В. Волков. – М.: Центрполиграф, 2002. – 509 с.

57. *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Ом.гос.ун-т, 2010. – 219 с.

58. *Воробьев А.* Русская Бельгия: Путевые заметки с отступлениями / А. Воробьев. – Орел, б/г. – 15 с.

59. *Галич Ж.В.* Русская политическая эмиграция и большевистские дискуссии середины – второй половины 1920-х гг. / Ж.В. Галич // Русская эмиграция во Франции (1850-е – 1950-е гг.). – СПб.: Минерва, 1995. – С. 89–96.

60. *Ганин В.В.* Система подготовки юридических кадров в СССР и российском зарубежье. 1917-середина 1980-х гг. / В.В. Ганин. – М., 2001. – 234 с.

61. *Гачева А.Г.* Философский контекст русской литературы 1920–1930-х гг. / Гачева А.Г., Казина О.А., Семенова С.Г. – М.: ИМЛМ РАН, 2003. – 400 с.

62. *Генис В.* Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документ. исслед. / Владимир Генис. – В 2 кн. – Кн. 1. – М.: б/и, 2009. – 704 с.; Кн. 2. – М.: б/и, 2012. – 816 с.

63. *Генис В.Л.* Невозвращенцы 1920-х- начала 1930-х годов / В.Л. Генис // Вопросы истории. – 2000. – № 1. – С. 46–82.

64. *Говердовская Л.Ф.* Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л.Ф. Говердовская. – М.: Институт Дальнего Востока, 2004. – 189 с.

65. Годы. Люди. Судьбы. История российской эмиграции в Китае: Материалы международ. науч. конф., посвящ. 100-летию г. Харбина и КВЖД. Москва, 19–-20- мая 1998 г. / Рос. АН. Ин-т рос. истории. – М.: ИРИ РАН, 1998. – 213 с.

66. *Голдин В.И.* Русская эмиграция в Норвегии. 1918–1940 / В.И. Голдин, Т.П. Тетеревлева, Н.Н. Цветнов // Страх и ожидания. Россия и Норвегия в XX веке / под ред. В.И. Голдина, Й.П. Нильсена. – Архангельск: ПГУ, 1997. – С. 103–124.

67. *Голотик С.И.* Российское общество Красного Креста (1917–30-е годы) / Голотик С.И., Ипполитов С.С. // Новый исторический вестник. – М., 2001. –- № 2 (4). – С. 237–250.

68. *Голубева-Монаткина Н.И.* Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде: Уч. пособие. – М.: МГЛУ, 1999. – 142 с.

69. *Горелик Б.* Русская диаспора Южной Африки. Ассимиляция или адаптация? / Б. Горелик // Азия и Африка сегодня. – 2004. – № 5. – С. 57–61.

70. *Горкавенко Н.Л.* Российская интеллигенция в изгнании. Маньчжурия, 1917–1946 гг. / Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. – Владивосток: ДВУ, 2002. – 156 с.

71. *Горяинов А.Н.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. – 1994. – № 4. – С. 23–33.

72. *Горяинов А.Н.* Учебные заведения русской эмиграции в Болгарии // Славянский альманах-1997. – М., 1998. – С. 182–195.

73. *Горячкин Г.В.* Последний царский генконсул в Египте // Азия и Африка сегодня. – 2001. – № 5. – С. 60–63.

74. *Горячкин Г.В.* Русская поликлиника в Каире: (о судьбах русской эмиграции в 20–30-х гг. XX в.) // Азия и Африка сегодня. – 1998. – № 11. – С. 75–77.

75. *Горячкин Г.В.* Русская эмиграция в Египте и Тунисе. (1920–1939 гг.) / Горячкин Г.В., Гриценко Т.Г., Фомин О.И. – М.: Гуманитарий, 2000. – 219 с.

76. *Грезин И.И.* Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. – М.: Старая Басманная, 2009. – 566 с.

77. *Григорьева Н.В.* Путешествие в русскую Финляндию: Очерк истории и культуры. – СПб.: Норма, 2002. – 160 с.

78. *Гришунькина М.Г.* Профессиональные корпорации юристов в российском зарубежье. 1920–1930-е гг. / М.Г. Гришунькина. – М.: МАКС-Пресс, 2004. – 60 с.

79. *Гришунькина М.Г.* Российская адвокатура в эмиграции в 1920–1930-е гг. / М.Г. Гришунькина. – М.: МАКС-Пресс, 2005. – 50 с.

80. Гусев К.В. В.М. Чернов. Штрихи к политическому портрету. – М.:РОССПЭН, 1999. – 208с.

81. *Гутнов Д.А.* Празднование 175-летия со дня основания Московского университета в Париже 24–26 января 1930 г. // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2004. – № 3. – С. 88–101.

82. *Даскалов Д.* Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии / Д. Даскалов // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 84–97.

83. Дом в изгнании. Очерки о русской эмиграции в Чехословакии 1918–1945. – Прага: RT+RS SERVIS, 2008. – 512 с.

84. *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – 216 с.

85. *Дубинина Н.И.* Об особенностях дальневосточной ветви российской эмиграции (на материалах Харбинского комитета помощи русским беженцам) / Н.И. Дубинина, Ю.Н. Ципкин // Отечественная история. – 1996. – № 1. – С. 70–84.

86. *Евсеева Е.Н.* Объединение русских студенческих эмигрантских организаций (1920–1934) // Е.Н. Евсеева // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 243–247.

87. Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2012. – М.: ДРЗ, 2012. – 664 с.

88. *Емельянов Ю.Н.* Монархическая идея и монархические организации русской эмиграции (1920-е – середина 1930-х годов) // История и историки. – М.: ИРИ РАН, 2003. – С. 108- 141.

89. *Емельянов Ю.Н.* История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы) – М: Русская панорама, 2008. – 494 с.

90. *Ерофеев Н.Д.* Уход с политической арены эсеров // Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 343–364.

91. *Ершов В.Ф.* Российская военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. (организации, идеология, экстремизм) / В.Ф. Ершов. – М.: МГУсервиса, 2000. – 294 с.

92. *Ершов В.Ф.* Студенческий мир Зарубежной России (1920–1940-е гг.) / В.Ф. Ершов // Российское студенчество: условия жизни и быта (XVIII–XXI века). Всероссийская научная конференция. Сб. науч. ст. – М.: МГУсервиса, 2004. – С. 183–192.

93. *Ершов В.Ф.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920–1930-х годов / Ершов В.Ф., Курамина Н.В. // Исторические записки. – 2004. – № 7 (125). – С. 198–222.

94. *Заварзин Г.А.* Гетерофобия и транснационализм (Мысли о евразийстве) // Проблемы истории Русского зарубежья. – Вып. 2. – М.: Наука, 2008. – С. 218–234.

95. *Замойски Я.Е.* Русская Православная Церковь. 1928–1938. По материалам польских заграничных служб // Новая и новейшая история. – 1998. – № 1. – С. 46–63.

96. Зарубежная архивная Россика. Итоги и перспективы выявления и возвращения. – М.: б/и., 2001. – 254 с.

97. Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. / отв. ред. В.Ю. Черняев. – СПб.: Лики культуры, 2000. – 445 с.

98. Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. / отв. ред. В.Ю. Черняев. – СПб.: Лики культуры, 2003. – 512 с.

99. *Зимина В.Д.* Интеллигенция российского зарубежья 1920–30-х гг.: новые споры о старом // Новый исторический вестник. – 2001 № 1(3). – С. 62–72.

100. *Владыкина В.А.* И в изгнании учить любви к Родине / В.А. Владыкина // Педагогика. – 1995. – № 3. – С. 58–51.

101. *Иванов В.П.* Российская эмиграция на Дальнем Востоке в 1920–1945 гг.: формирование, деятельность, институциональные основы / В.П. Иванов. – М.: МГОУ, 2003. – 160 с.

102. Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья: Сб. ст. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. – 648 с.

103. *Илов М.* Русские в Польше (1919–1939) / М. Илов // Новый журнал. – N. Y., 1990. – Кн. 179.

104. *Ионцев В.А.* Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. Окороков. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.

105. *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. – М.: Наука, 1977. – 320 с.

106. *Иоффе Г.З.* В.А. Маклаков: вместо подчинения одним надо искать равновесие / Г.З. Иоффе, С.В. Кулешов // Кентавр. – 1993. – № 6. – С. 61–71.

107. *Ипполитов С.С.* Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М.: Ипполитов, 2004. – 376 с.

108. *Ипполитов С.С.* Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центры зарубежной России 1920-х – 1930-х гг. / С.С. Ипполитов, В.М. Недбаевский, Ю.И. Руденцова. – М.: РГГУ, 1999. – 208 с.

109. *Исаков С.Г.* Русские в Эстонии: 1914–1940: Историко-культурный очерк / С.Г. Исаков. – Тарту, 1996. – 400 с.

110. История и историки. 2003. Историографический вестник / отв. ред. член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. – М.: Наука, 2003. – 403 с.

111. История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. Сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, 1996. – 174 с.

112. История российского зарубежья. Проблемы историографии (конец XIX–XX в.). Сб. ст. / отв. ред. Ю.А. Поляков. – М.: ИРИ РАН, – 255 с.

113. История русских в Австралии. Т. 1. К 80-летию русских общин в Австралии (1923–2003). – Сидней: Австралиада, 2004. – 297 с.

114. История русских в Австралии. Т. 2. Русский язык в Австралии. – Сидней: Австралиада, 2008. – 272 с.

115. История русских в Австралии. Т. 3. Русская летопись и ее герои. – Сидней: Австралиада, 2010. – 287 с.

116. Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX вв. Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова и Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 191 с.

117. *Йованович М.* Как братья с братьями: Русские беженцы на сербской земле // Родина. – 2001. – № 3. – С. 22.

118. *Кабузан В.М.* Русские в мире. – СПб.: БЛИЦ , 1996. – 351 с.

119. *Казнина О.А.* Русская эмигрантская община в Англии: 1920–1930 гг. // Русский мир. – 2000. – № 1. – С. 81–88.

120. *Казнина О.А.* Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // Россика в США: Сб. статей (Материалы к истории русской политической эмиграции; Вып. 7). – М.: Институт политического и военного анализа, 2001. – С. 161–185.

121. *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие, 1997. – 413 с.

122. *Каневская Г.И.* Культура Австралии и Новой Зеландии: Уч. пособие / Г.И. Каневская. – Владивосток: ДВУ, 2000. – 112 с.

123. *Канищева Н.И.* Организационная структура заграничных групп Конституционно-демократической партии // Проблемы политической и экономической истории России. – М.: РОССПЭН, 1998. – С. 177–215.

124. *Капран И.К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.) / И.К. Капран. – Владивосток: ДВФУ, 2011. – 204 с.

125. *Караулов Ю.Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 5–18.

126. *Карпенко С.* «Руль»: зеркало кадетского Берлина // Новый журнал. Нью-Йорк, 1998. – Кн. 212. – С. 251–267.

127. *Квакин А.В.* Между белыми и красными. Русская интеллигенция 1920–1930-х годов в поисках Третьего Пути / А.В. Квакин. – М.: Центрполиграф, 2006. – 413 с.

128. *Квакин А.В.* История ботинок // Родина. – 2000. – № 8. – С. 62–63.

129. *Квакин А.В.* Общее и особенное в положении российской диаспоры «первой» волны: учебно-методическое пособие. – Тверь: ТГУ, 1992. – 47 с.

130. *Кельман Е.* Советское право за рубежом. – М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1927. – 95 с.

131. *Кесева Ц.* Болгария и русская эмиграция. 1920–1950-е годы / Цветана Кесева. – М.: Рус. зарубежье, Рус. путь, 2008. – 312 с.

132. *Кириенко Ю.К.* Казачество в эмиграции: споры о его судьбах (1921–1945 гг.) // Вопросы истории. – 1996. – № 10.

133. *Ковальчук С.* Судьба журнала «Закон и суд» // Балтийский архив. – Т. 4. – Рига, 1999. – С. 88–103.

134. *Кодзис Б.* Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939:Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. – München:Sagner, 2002. – 320 s.

135. Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. – Париж: б/и, 1978. – 416 с.

136. *Козлитин В.Д.* Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920–1930-е годы) // Славяноведение. – 1996. – № 5. – С. 30–41.

137. *Козлитин В.Д.* Российские учебные заведения в Югославии (1920–1944 гг.) // Педагогика. – 1998. – № 5. – С. 75–80.

138. *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). – Харьков: Книжное рекламное агентство «РА», 1996. – 472 с.

139. *Комин В.В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. – Калинин: КГУ, 1977. – 119 с.

140. *Коновалова О.В.* В.М. Чернов о путях развития России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 394 с.

141. *Кононова М.М.* Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.). – М.: ИВИ РАН, 2004. – 240 с.

142. *Косик В.И.* «Молодая Россия». Вариации на тему национализма в маршах эпохи. – М.: б/и, 2013. – 204 с.

143. *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре Художественное творчество русских на Балканах (конец XIX – начало XXI века). – М.: Инслав, 2010. – 460 с.

144. *Косик В.И.* Вклад русской эмиграции в культуру Югославии / В.И. Косик, В.А. Тесемников // Педагогика. – 1994. – № 5. – С. 31–36.

145. *Косик В.И.* Письмо генерала П.И. Залесского / В.И. Косик // Славяноведение. – 1994. – № 4. – С. 111–113.

146. *Косик В.И.* Русская молодежь в эмиграции / В.И. Косик // Славяноведение. – 2006. – № 3. – С. 62–69.

147. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века) / В.И. Косик. – М.: ПСТГУ, 2000. – 213 с.

148. *Косик В.И.* Русская Югославия: фрагменты истории, 1919–1944 / В.И. Косик // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 20–32.

149. *Косорукова М.*И. Русский язык и национальная культура в системе ценностей русского зарубежья (20–30-е годы XX в.) // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2004. – № 3. – С. 74–87.

150. *Костиков В.* Не будем проклинать изгнанье… Пути и судьбы русской эмиграции. – М.: Вагриус, 2004. – 464 с.

151. *Кочубей О.И., Печерица В.Ф.* Исход и возвращение (Русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). – Владивосток: ДВГУ, 1998. – 225 с.

152. *Крадин Н.* Харбин – русская Атлантида: очерки. – Хабаровск: КГУП «Хабаровскаякраевая типография», 2010. – 368 с.

153. *Кротова М.В.* Русские эмигранты в межвоенной Маньчжурии: манипуляции с гражданством как стратегия выживания // Новый исторический вестник. – 2012. – № 2 (32). – С. 66–83. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/russkie-emigranty-v-mezhvoennoy-manchzhurii-manipulyatsii-s-grazhdanstvom-kak-strategiya-vyzhivaniya

154. *Кублицкая М.А.* Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке // Кадетская перекличка. – 2007. – № 78. – С. 136–180.

155. *Кувшинов В.А.* Кадеты в России и за рубежом (1905–1943 гг.). – М.: Унив. гуманитар. лицей, 1997. – 151 с.

156. *Кудрякова Е.Б.* Российская эмиграция в Великобритании в период между двумя войнами. – М.: ИНИОН, 1995. – 67 с.

157. *Кузнецова Т.В.* Русская издательская практика в Маньчжурии (первая половина XX в.) / Т.В. Кузнецова // Вопросы регионального книговедения: Сб. науч. тр. молодых ученых / ГПНТБ СО РАН – Новоси-

бирск: ГПНТБ СО РАН, 1996. – С. 31–58. URL: http://be.convdocs.org/docs/index-94290.htm

158. Культура Российского Зарубежья / ред. коллегия: Ю.С. Борисов, Ю.В. Бойко, Т.А. Пархоменко. – М.: РИК, 1995. – 219 с.

159. Культурная миссия Российского Зарубежья: История и современность. Сб. ст. / отв. ред. Э.А. Шулепова. – М.: РИК, 1999. – 197 с.

160. Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). – М.: Русский путь, 2002. – 444 с.

161. Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940. – Кн. 1–2. – М.: Наследие, 1994.

162. *Курамина Н.В.* Высшая школа в зарубежной России. 1920–1930-е гг. – М.: МАКС-Пресс, 2003. – 117 с.

163. *Кустова Л.С.* Эмигрантские издания 20–40-х гг. XX в.: образ России // Медиаскоп. 2007. 13 декабря. Вып. 2. http://www.mediascope.ru/node/74

164. *Лазарева С.И.* Проблемы адаптации российской эмиграции в Китае (20-е – середина 40-х годов XX в.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Материалы международной научной конференции. – Владивосток: б/и, 1997.

165. *Лазарева С.И., Сергеев О.И., Горкавенко Н.Л.* Российские женщины в Маньчжурии. Краткие очерки из истории эмиграции. – Владивосток: б/и, 1996. – 94 с.

166. *Левошко С.С.* Русская архитектура в Маньчжурии. Конец XIX – первая половина XX века / С.С. Левошко; Российская академия архитектуры и строительных наук и др.; отв. ред. Н.П. Крадин. – Хабаровск: Частная коллекция, 2003. – 176 с.

167. *Литаврина М.Г.* Русский театральный Париж: 20 лет между войнами. – СПб.: Алетейя, 2003. – 224 с.

168. *Львов К.В.* Маргиналы Русского Зарубежья / К.В. Львов. – М.: Изд-во Ипполитова, 2002. – 112 с.

169. *Львов К.В.* Следствия и судебные процессы по делам русских эмигрантов во Франции в 1920–30-е гг. / К.В. Львов // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 146–162.

170. Люди и судьбы Русского зарубежья. – М.: СТУ, ИВИ РАН, 2011. – 276 с.

171. *Мартынов А.С.* Российские юристы в эмиграции (1920–1930) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции. Имена. Проблемы. Факты. – Вып. 2. – М.: б/и, 2002. – С. 298–324.

172. *Мартынов Б.Ф.* Капитан Касьянов и другие… // Латинская Америка. – 1998. – № 7. – С. 70–76.

173. *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). – Кельн: Böhlau Verlag, 2007. – 635 с. http://books.google.ru/books?id=VqWMhaewsQYC&pg=

174. *Массип М.* Истина – дочь времени. Александр Казем-Бек и русская эмиграция на Западе. – М.: Языки славянской культуры, 2010. – 744 с.

175. Международная конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Ре-

зультаты и перспективы проведенных исследований. Фонды Славянской библиотеки и пражских архивов: Прага, 14–15 августа 1995 г. Сб. докладов. – Ч. 1–2. – Прага: Narodni Knihovna CR, 1995–990 с.

176. Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика. – М.: Классикс Стиль, 2003. – 464 с.

177. Международный симпозиум "Русская эмиграция в сербской и других славянских культурах". Тезисы докладов. (Белград – Ср. Карловцы, 20–22 ноября 1997 г.). – Белград, 1997. – 213 с.

178. *Мейендорф А.В.* Карташев А.В. – Общественный деятель и церковный историк // Вопросы истории. – 1994. – № 1. – С. 169–172.

179. *Мелихов Г.В.* Зарисовки старого Харбина / Г.В. Мелихов // Проблемы Дальнего Востока. – 1990. – № 2–4.

180. *Мелихов Г.В.* Маньчжурия далекая и близкая / Г.В. Мелихов. – М.: Наука, 1991. – 213 с.

181. Мемуары в культуре русского зарубежья. Сб. статей / отв. ред. А. Данилевский. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 288 с.

182. Миграции и туризм в России. – М.: МГУС, 2007. – 432 с.

183. *Минаев В.* Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР. – М.: Воениздат, 1940. – 216 с.

184. Мир детства в русском зарубежье. III Культурологические чтения «Русская эмиграция XX века». Москва, 25–27 марта 2009 года. – М.: ДМЦ, 2011. – 464 с.

185. *Мирова О.А.* Работа юристов-эмигрантов в области коммерческого права (20-е годы) // Новый исторический вестник. – 2001. – № 1. – С. 137–145.

186. *Миронова Е.М.* Российская миссия в Белграде (1919–1940) // Россия в XVIII–XX веках. Страницы истории. – М.: Кн.Дом «Университет», 2000. – С. 216–231.

187. *Митрохин В.А.* Историография и идеография русской эмиграции русской эмиграции первой волны. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – 128 с.

188. *Михалев Н.М.* Контрпропагандистские действия советской власти по внедрению в информационное пространство русской эмиграции в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Серия 1. Журналистика. – 2009. – № 2. – С. 144–151.

189. *Молчанов Л.А.* Газетный мир антибольшевистской России. – М.: Посев, 2001. – 160 с.

190. *Мосейкина М.Н.* Из истории адаптации русской эмиграции в Аргентине в 1920–1930-е гг. / М.Н. Мосейкина // Россия и мировая цивилизация. Материалы международной научно-теоретической конференции. – М.: РУДН, 1996. – С. 43–45.

191. *Мосейкина М.Н.* «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. / М.Н. Мосейкина. – М.: РУДН, 2011. – 384 с.

192. *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1930-х годах / М.Н. Мосейкина // Российская история. – 2010. – № 3. – С. 80–101.

193. *Мосейкина М.Н.* Русские В странах Латинской Америки в 20–30-е гг. XX в.: повседневность колонизации / М.Н. Мосейкина // Вестник РУДН. – Сер.: История России. – 2003. – № 2. – С. 153–166.

194. *Мухачев Ю.В.* Идейно-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. – М.: Мысль, 1982. – 269 с.

195. Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков. Материалы международного научного коллоквиума. Москва, 23–25 сентября 2009 г. – М.: Любавич, 2010. – 289 с.

196. *Мясников В.С.* Русская печать в Китае / В.С. Мясников // И не распалась связь времен…: К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова: [Китаевед: Сб. ст.] / Рос. АН, Ин-т Дальнего Востока; [Редкол.: С.Л. Тихвинский (отв. ред.) и др.]. – М. Наука, 1993. – С. 284–294.

197. На чужих погостах. Некрополь русского зарубежья: [400 кратких очерков Книга-альбом] / авт-сост. Романов А.А. – М.: Эллис Лак 2000, 2003. – 319 с.

198. *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции / Михаил Назаров. – Изд. 2-е, испр. – М.: Родник, 1994. – Т. 1. – 416 с.

199. *Наземцева Е.Н.* Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.) / Е.Н. Наземцева. – Барнаул: Алтай, 2010. – 270 с.

200. Нансеновский чтения 2007. – СПб.: Сударыня, 2008. – 492 с.

201. Нансеновский чтения 2008. – СПб.: Сударыня, 2009. – 468 с.

202. Нансеновский чтения 2009. – СПб.: Северная звезда, 2010. – 490 с.

203. Нансеновский чтения 2010. – СПб.: Северная звезда, 2012. – 387 с.

204. Наука и культура Русского Зарубежья. Сб. науч. трудов СПбГАК. – Т. 146. – СПб.: СПбГАК, 1997. – 309 с.

205. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. Сб. ст. – М.: ИРИ РАН, 2001. – 331 с.

206. *Невалайнен П.* Изгои: российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Пека Невалайнен; сокр. авториз. пер. – СПб.: Журнал Нева, 2003. – 365 с.

207. *Недбаевский, В.М.* Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии: [конец 1920-х – начало 1930-х гг.] / В.М. Недбаевский // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 31–44.

208. *Ненароков А.П.* Последняя эмиграция Павла Аксельрода. – М.: АИРО-XX, 2001. – 168 с.

209. *Ненароков А.П.* Наследие российской социал-демократии // Россия XXI. – 2007. – № 5. – С. 110–141.

210. *Никифоров К.В.* Русский Белград (К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов) / К.В. Никифоров // Славяноведение. – 1992. – № 4. – С. 33–44.

211. *Нитобург Э.Л.* Русские в США: История и судьбы, 1870–1970: Этно-исторический очерк / Э.Л. Нитобург; отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 2005. – 421 с.

212. Общественная мысль Русского зарубежья. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. – М.: РОССПЭН, 2009. – 704 с.

213. *Окороков А.В.* Знаки русской эмиграции (1920–1990). – М.: Любимая книга, 2005. – 174 с.

214. *Окороков А.В.* Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). – М.: Русак, 2002. – 641 с.

215. *Окунцов И.К.* История русской эмиграции в Северной и Южной Америках. – Буэнос-Айрес: Сеятель, 1967. – 486 с.

216. *Онегина С.В.* Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурии. 1930–1940-е гг. / С.В. Онегина // Проблемы Дальнего Востока. – 1996. – № 5. – С. 141–146.

217. *Осовский Е.Г., Сухачева В.А.* Русская школа в анклавах эмиграции (20–40-е гг. XX в.) // Регионология. – Саранск, 1998. – № 1. – С. 89–102.

218. П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной конференции. – М.: РОССПЭН, 2000. – 560 с.

219. *Паклин Н.А.* Русские в Италии. – М.: Современник, 1990. – 285 с.

220. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1992. – 400 с.

221. Периодическая печать российской эмиграции. 1920–2000. Сб. ст. / Российская акад. наук, Ин-т российской истории / под ред. Ю.А. Полякова, О.В. Будницкого. – М.: ИРИ РАН, 2009. – 343 с.

222. *Петрушева Л.И.* Русская эмигрантская школа в Европе / Л.И. Петрушева // Славяноведение. 2009. № 1. С. 25–39.

223. *Печерица В.Ф.* Восточная ветвь русской эмиграции. – Владивосток, 1994. – 276 с.

224. *Пивовар Е.И.* Российское зарубежье. Социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е.И. Пивовар. – М.: РГГУ, 2008. – 545 с.

225. *Пивовар Е.И., Грибенчикова О.А.* Некоторые проблемы истории русского бизнеса в зарубежной России (1920–1930-е гг.) // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Сб. статей / Изд. МГУ, Политехнический музей, МСЭУ. – М.: б/и, 2000. – Вып. 1. – С. 76–89.

226. *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. – 1991. – № 1. – С. 151–161.

227. *Писаревская Я.Л.* Две России в Маньчжурии: социальная адаптация и реэмиграция (20-е – начало 30-х гг.) // Новый исторический вестник. – 2000. – № 2. – С. 52–70.

228. *Подалко П.Э.* Япония в судьбах россиян: очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века / П.Э. Подалко. – М.: Крафт, 2004. – 352 с.

229. *Поздняков В.В.* Советские разведывательные службы и российская эмиграция в Соединенных Штатах. 1918–1945 / В.В. Позняков // Американский ежегодник. 2005 / Ин-т всеобщ. истории РАН; отв. ред. Н.Н. Болховитинов. – М.: Наука, 2007. – С. 218–236.

230. Политические партии России: история и современность. – М.: РОССПЭН, 2000. – 631 с.

231. *Полякова О.Б.* Русское зарубежье и французская культура (вторая половина XIX – первая половина XX века) // Россия и Франция. XVIII–XX века. – Вып. 5. – М.: Наука, 2003. – С. 171–185.

232. *Попов А.В.* Русское зарубежье и архивы. – М.: ИПВА, 1998. – 386 с.

233. *Попов А.В.* Российское православное зарубежье: история и источники. – М.: ИПВА, 2005. – 619 с.

234. *Попов А.Н.* Русский Берлин. – М.: Вече, 2010. – 400 с.

235. *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 550 с.

236. Правовое положение российской эмиграции в 1920–1930-е годы. Сб. науч. трудов / науч. ред. З.С. Бочарова. – СПб.: Сударыня, 2006. – 354 с.

237. Проблемы зарубежной архивной Россики. – М.: Русский мир, 1996. – 240 с.

238. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 2005. – Вып. 1. – 453 с.

239. Проблемы истории Русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. истории. – М.: Наука, 2008. – Вып. 2. – 451 с.

240. *Пронин А.А.* Историография российской эмиграции / А.А. Пронин. – Екатеринбург: Урал. ун-т, 2000. – 183 с.

241. *Пронин А.А.* Российская эмиграция в диссертационных исследованиях 1980–2005 гг.: библиометрический анализ. Екатеринбург: ГОУ ВПО «Рос. гос. проф. – пед. ун-т», 2009. – 360 с.

242. *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919–1939 / Марк Раев. – М.: Пресс-Академия, 1994. – 293 с.

243. *Ратушняк О.В.* Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.): Учеб. пособие. Краснодар: КубГУ, 1997. – 164 с.

244. Режим личной власти Сталина. К истории формирования / под ред. Ю.С. Кукушкина. – М.: Изд Моск.ун-та, 1989. – 162 с.

245. *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. – М.: Academia, 2007. – 520 с.

246. Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Научная конференция. Москва, 13–15 апреля 1993 г. Тезисы докладов. – М.: РГГУ, 1993. – 105 с.

247. Российская диаспора в Африке. 20–50-е годы. Сб. ст. – М.: Восточная литература, 2001. – 198 с.

248. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Новые документы и материалы. Сб. науч. ст. – М.:РИК, 2001. – 228 с.

249. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье. Сб. науч. ст. к 30-летию начала научно-педагогической деятельности профессора кафедры истории Российского государства Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова А.В. Квакина. – М.: РИК, 2005. – 304 с.

250. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения) / под ред. Е.И. Пивовара. – М.: б/и, 1994. – 117 с. (Серия «Новые учеб. пос. по историч. дисциплинам»)

251. Российская эмиграция на Дальнем Востоке. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 184 с.

252. Российская эмиграция: вчера, сегодня, завтра // Кентавр. – 1994. – № 5. – С. 28–49.

253. Российские соотечественники в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Перспективы сотрудничества. Материалы III международной научно-практической конференции. Владивосток, 5–7 сентября 2001 г. – Владивосток: ДВУ, 2003. – 344 с.

254. Российское Зарубежье: история и современность / под ред. А.В. Квакина и др. – М.: РРИК, 1998. – 295 с.

255. Россика в США: Сб. ст. – М.: ИВПИ, 2001. – 446 с. (Материалы к истории русской политической эмиграции. – Вып. 7.)

256. Россия в изгнании. Судьбы российских эмигрантов за рубежом. – М.: ИВИ РАН, 1999. – 458 с.

257. Россия и Италия. Сб. ст. – М.: Наука, 1998. – Вып. 3: XX в. – 373 с.; Вып. 5. – М.: Наука, 2003. – 334 с.

258. Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Сотрудничество на рубеже веков. – Кн. 1–2. – Владивосток: ДВУ, 1997–1999.

259. *Рудницкий А.Ю.* Другая жизнь и берег дальний… Русские в австралийской истории / А.Ю. Рудницкий. – М.: Наука, 1991. – 192 с.

260. *Русев Р.Д.* Литературные газеты и журналы русской эмиграции в Болгарии (1921–1943 годы) // Славяноведение. – 2001. – № 4. – С. 83–90.

261. Русская колония в Тунисе: 1920–2000. Сб. / сост. К.В. Махров. – М.: Русский Путь, 2008. – 520 с.

262. Русская литература в эмиграции: Сб. статей / под ред. Н.П. Полторацкого. – Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур, 1972. – 409 с.

263. Русская эмиграция в борьбе с большевизмом / сост., науч. ред., предис. и коммент. С.В. Волкова. – М.: Центрполиграф, 2005. – 479 с.

264. Русская эмиграция в Европе, 20-е-30-е годы XX века. – М.: ИВИ РАН, 1996. – 268 с.

265. Русская эмиграция в Югославии. – М.: ИНДРИК, 1996. – 350 с.

266. Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.). Сб. науч. ст. – Спб.: Минерва, 1995. – 195 с.

267. Русские без Отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20–40-х годов. – М.: РГГУ, 2000. – 495 с.

268. Русские в Болгарии / коллект. автор, ред.-сост. А.И. Григоров – София: Союз русских инвалидов; Русский фонд милосердия и культуры в Болгарии, 1999. – 175 с.

269. Русские в Болгарии : Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии: 1877–2007 гг. / коллект. автор, сост. Атанасова, Д.С., Казански, Н.Р., Парванов, П.А., Петкова, Г.Т. / вступит. статья Крыстева, Д.И. – Пловдив: ВИОН, 2010. – 435 с.

270. Русские в Германии. Сб. науч. ст. – СПб.: РГПУ, 1995. – 66 с.

271. Русские во Франции. Сб. науч. ст. – СПб.: РГПУ, 1995. – 189 с.

272. Русские в Мексике / под общ. ред. В.И. Морозова. – М.: Фортуна ЭЛ, 2009. – 272 с.

273. Русские в Уругвае. – Монтевидео: б/и, 2009. – 229 с

274. Русские харбинцы в Австралии. Юбилейный выпуск к 100-летию основания города Харбина 1898–1998. КВЖД / приложение к журналу «Австралиада» / ред. Н.А. Мельникова. – № 1, 2. – Сидней, 1999, 2000.

275. Русский исход / отв. ред. Е.М. Миронова. – СПб.: Алетейя, 2004. – 320 с.

276. Русский мир как цивилизационное пространство / под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФРАН, 2011. – 303 с.

277. Русский общевоинский союз: Краткий исторический очерк / сост. И.Б. Иванов. – СПб.: б/и, 1994. – 23 с.

278. Русский Париж. / сост., предисл. и коммент. Т.П. Буслаевой. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.

279. Русский язык зарубежья / РАН, Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова; отв. ред. Красильникова Е.В. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 343 с.

280. Русское еврейство в зарубежье / сост. и изд. М. Пархомовский. – Иерусалим: Russian Jewry Abroad, 1998-. Многотомное изд.

281. Русское зарубежье в Латинской Америке. Сб. ст. – М.: ИЛИ РАН, 1993. – 80 с.

282. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь / под общей ред. В.В. Шелохаева. – М.:РОССПЭН, 1997. – 748 с.

283. Русское зарубежье и славянский мир. Сб. трудов / сост. П. Буняк. – Белград: Славистическое общество Сербии, 2013. – 595 с. URL: http://www.slavistickodrustvo.org.rs/pdf_dokumenti/Russkoe_zarubezhje_2013.pdf

284. Русское национальное меньшинство в Эстонской республике (1918–1940) / под ред. С.Г. Исакова. – Тарту: Крипта; СПб.: Алетейя, 2001. – 446 с.

285. *Ручкин А.Б.* Российское зарубежье 1920-х годов. Проблемы адаптации ученых-эмигрантов на примере Экономического кабинета С.Н. Прокоповича. – М.: б/и., 1999. – 196 с.

286. *Ручкин А.Б.* Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века / А.Б. Ручкин. – М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2006. – 464 с.

287. *Сабенникова И.В.* Правовое положение русской эмиграции в Англии в межвоенный период / И.В. Сабенникова // Русские в Англии. – М.: Рус. путь, 2002. – С. 9–28.

288. *Сабенникова И.В.* Российская эмиграция. (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование / И.В. Сабенникова. – Тверь: Золотая буква, 2002. – 431 с.

289. *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция как социально-культурный феномен / И.В. Сабенникова // Мир России. – 1997. № 3. – С. 155–184.

290. *Сабенникова И.В.* Русская эмиграция межвоенного периода в странах Северной Европы / И.В. Сабенникова // Актуальные проблемы и источники по истории Северных стран и их связей с Северо-западным регионом России. – СПб., 2001. С. 122–128.

291. *Сабенникова И.В.* Русское зарубежье: сравнительно-исторический анализ / И.В. Сабенникова // Источниковедение и компаративный метод в гуманитарном знании – М.:, 1996. – С. 260–263.

292. *Сабенникова И.В.* Социальная и правовая помощь русским эмигрантам первой волны (20–30-е годы) // Российский журнал социальной работы. – 1995. – № 2. – С. 39–47.

293. *Сабенникова И.В.* Томаш Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства / И.В. Сабенникова // Вестник архивиста. – 2000. № 3–4.

294. *Савицкий И.* Прага и Зарубежная Россия. (Очерки по истории русской эмиграции, 1918–1938 гг.). – Прага: IDEG PRAGUE, 2002. – 151 с.

295. *Свириденко Ю.П.* Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. / Ю.П. Свириденко, В.Ф. Ершов. – М.: МГУсервиса, 2000. – 198 с.

296. *Седова Е.Е., Тереня Ю.Ю.* Типологические особенности педагогической журналистики Русского Зарубежья (1920–1940-е гг.) // Педагогические традиции и новации в истории педагогической культуры (Материалы к учебному курсу): учеб. пособие / под ред. Г.Б. Корнетова. – М.: АСОУ, 2011. – С. 273–286.

297. *Селунская В.М.* Проблемы интеграции эмигрантов в российском зарубежье между двумя мировыми войнами в отечественной историографии / В.М. Селунская // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 1998. – № 4. – С. 3–26.

298. *Селунская В.М.* Русская диаспора в Финляндии между двумя мировыми войнами (1919–1939) / В.М. Селунская // Вестник Московского университета. – Сер. 8. История. – 2004. – № 5. – С. 16–32.

299. *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике, 20–30 гг. / Е.П. Серапионова. – М.: ИСБ РАН, 1995. – 196 с.

300. *Серегин А.В.* Высший монархический совет и командование русской армии в европейской эмиграции в 1920-начале 1930-х годов / А.В. Серегин // Отечественная история. – 2007. – № 5. – С. 138–145.

301. *Синдеев А.А.* Берлин 20-х гг. Русская эмиграция и немецкое окружение. К вопросу о взаимодействии культур в миграционной ситуации / А.А. Синдеев // Славянский мир: проблемы изучения. – Тверь, 1998. – С. 109–121.

302. *Сладек З.* Русская эмиграция в Чехословакии: развитие «русской акции» / З. Сладек // Славяноведение. – 1993. – № 4. – С. 28–38.

303. *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов – М.: МГУ, 1991. – 184 с.

304. *Соколов М.В.* Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX века и ОГПУ СССР / Михаил Соколов. – М.: Азбуковник, 2011. – 550 с.

305. *Сонин В.В.* Крах белоэмиграции в Китае. Учеб. пособие. – Владивосток: ДВУ, 1987. – 156 с.

306. *Соничева Н.Е.* На чужом берегу (к истории русской эмиграции в послеоктябрьский период). – М.: Знание, 1991. – 63 с.

307. Социально-экономическая адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX вв.) Сб. ст. / под ред. Ю.А. Полякова, Г.Я. Тарле. – М.: ИРИ РАН, 1999. – 269 с.

308. *Стародубцев Г.С.* Берлинский съезд русских юристов 1922 года и вопросы международной защиты прав эмигрантов // Правозащитник. – 2000. – № 1. – С. 78–97.

309. *Стародубцев Г.С.* Международно-правовая наука российской эмиграции. (1918–1939) / Г.С. Стародубцев. – М.: Книга и бизнес, 2000. – 293 с.

310. *Стефан Дж*. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945 / Дж.Стефан. – М.: Слово, 1992. – 441 с.

311. Страна Синей птицы. Русские в Бельгии / коллект. Автор., общ. ред. Вагеманса Э., под ред. Ронина В.К., / пер., примеч. Ронина В.К. – М.: Наука, 1995. – 377 с.

312. *Стрельцов А.А*. Гимназии русского зарубежья // Образование в современной школе. – 2004. – № 8. – С. 248–264.

313. *Струве Н.А*. Русская эмиграция и Пушкин // Русскій Міръ. – 2001. – № 4.

314. *Суомела Ю.* Зарубежная Россия. Идейно-политические взгляды российской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Юлитта Суомела; авт. перев. с финск. Л.В. Суни. – СПб.: Коло, 2004. – 352 с.

315. *Сысоев Г.* «Лучшее, что имела Россия». О судьбе нашей первой эмиграции в Югославии // Новое время. – 1992. – № 4.

316. *Тарле Г.Я.* Изучение истории адаптации российских эмигрантов // Этот противоречивый XX век: К 80-летию со дня рождения акад. РАН Ю.А. Полякова. – М.: РОССПЭН, 2001. С. 65–77.

317. *Тарле Г.Я.* Источники разработки нормативных документов по истории иммиграции и реэмиграции в Россию. – Ч. 1.: 1917–1921 // Археографический ежегодник за 1996 год. – М.: Наука, 1998. – С. 143–161.

318. *Тарле Г.Я*. Российское зарубежье и Родина. – М.: ИНИОН, 1993. – 98 с.

319. *Таскина Е.* Неизвестный Харбин. – М.: Прометей, 1994. – 178 с.

320. *Тен В.А*. Иммиграционная политика США в XVII–XX вв. Краткий исторический очерк. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 136 с.

321. *Тесемников В.А*. Российская эмиграция в Югославии 1919–1945 // Вопросы истории. – 1988. – № 10. – С. 128–137.

322. *Тетеревлева Т.П.* Культ урные центры и «гнезда» эмиграции XX века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 6. – С. 168–170.

323. *Тетеревлева Т.П.* Российские пореволюционные эмигранты в Норвегии, Швеции и Финляндии: формирование социокультурного пространства Русского Зарубежья на севере Европы / Т.П. Тетеревлева // Баренц журнал. – 2002. – № 2. – С. 27–33.

324. *Тимонин Е.И.* Исторические судьбы русской эмиграции (1920–1945 гг.). – Омск: СибАДИ, 2000. – 300 с.

325. *Толстой А.В.* Художники русской эмиграции / Андрей Толстой. – М.: Искусство XXI века, 2005. – 384 с.

326. *У Нань Линь.* Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае 20–30-х гг. XX века / *У Нань Линь*. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 34 с.

327. *У Нань Линь.* Русская диаспора в Китае 20-х-30-х гг. XX века / *У Нань Линь*. – М.: МАКС Пресс, 2001. – 193 с.

328. *Урицкая Р.Л.* Они любили свою страну… Судьба русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. / Р.Л. Урицкая. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. – 304 с.

329. *Усов В.* Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века / Виктор Усов.

330. *Фейгмане Т.Д.* Русские в довоенной Латвии : На пути к интеграции / Фейгмане Татьяна Дмитриевна, вступит. статья от авт. – Рига: Балтийский русский институт, 2000. – 384 с.

331. *Фельштинский Ю.* К истории нашей закрытости. Законодательные основы иммиграционной и эмиграционной политики / Ю. Фельштинский. – М.: Терра, 1991. – 184 с.

332. *Хечинов Ю.* Крутые дороги Александры Толстой / Юрий Хечинов. – М.: Аграф, 2000. – 512 с.

333. *Хисамутдинов А.А.* Париж и русская эмиграция на Дальнем Востоке. Научная конференция в Париже // Проблемы Дальнего Востока. – 2001. – № 3. – С. 163–167.

334. *Хисамутдинов А.А.* По странам рассеяния: (История российской эмиграции первой волны в Китае, странах АТР и Южной Америке в 1900–1970-е годы. В 2 ч. Владивосток: ВГУЭС, 2000. – 360 с. – 1 ч.; 170 с. – 2 ч.

335. *Хисамутдинов А.А.* Следующая остановка – Китай: Из истории русской эмиграции. Владивосток: ДВГУ, 2003. – 244 с.

336. *Хитрова Е.В.* Культурная адаптация русских эмигрантов во Франции: 20–30-е годы (по мемуарным источникам) // Россия и Франция XVIII–XX в. – М.: Наука, 1998. – Вып. 2. – С. 217–232.

337. *Хитрова Е.В.* Русская диаспора во Франции в период между двумя мировыми войнами // Россия и Франция. XVIII–XX века. – М.: Наука, 2001. – Вып. 4. – С. 257–281.

338. *Худобородов А.Л.* Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: Уч. пособие к спецкурсу. – Челябинск: Факел ЧГПУ, 1997. – 112 с.

339. Художественная культура русского зарубежья 1917–1939. Сб. ст. / отв. ред. Г.И. Вздорнов. – М.: Индрик, 2008. – 480 с.

340. *Цыпин Вл.*, прот. История Русской Церкви: 1917–1997. – М.: Валаамский монастырь, 1997. – 763 с.

341. *Челышев Е.П.* Российская эмиграция: 1920–1930-е годы / Е.П. Челышев. – М.: Граф-Пресс, 2002. – 280 с.

342. *Чернявский Г., Даскалов Д.* Судьбы русской эмиграции в Болгарии // История СССР. – 1961. – № 1. – С. 109–117.

343. *Шатилов А.Б.* Эмигранты из России в Австралии в 20–30-е годы // Славяноведение. – 1997. – № 5. – С. 67–80.

344. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции / Л.К. Шкаренков; изд. 3-е. – М.: Мысль, 1987. –236 с.

345. *Шкаренков Л.К.* Наваждение белых миражей (О судьбах и утраченных иллюзиях русской эмиграции) // Переписка на исторические темы. – М.: Политиздат, 1989. – С. 281–307.

346. *Шкаренков Л.К.* Российское зарубежье: заметки историка / Шкаренков Л.К. // Россия и современный мир. – 1994. – № 1. – С. 89–97.

347. *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на территории СССР). – М.: Крутицкое подворье; Общество любителей церковной истории, 2002. – 521 с.

348. *Шкаровский М.В.* История русской церковной эмиграции / Михаил Шкаровский. – СПб.: Алетейя, 2009. – 359 с.

349. *Шлегель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945) / Карл Шлегель; пер. с нем. Л. Лисюткиной. – М.: НЛО, 2004. – 632 с.

350. *Шлегель К.* Русская эмиграция в Германии. 1918–1941 гг. // Россия и современный мир. – 1995. – № 1. – С. 55–65.

351. *Щупленков О.В.* Адаптационные возможности национальной школы в Русском Зарубежье в 20–30-х годах XX века. – Ессентуки: б/и, 2009. – 159 с.

352. *Щупленков О.В.* Русская община в эмиграции 1920–1930-х годов: национально-культурная миссия / О.В. Щупленков. – Пятигорск: б/и, 2010. – 184 с.

VIII. Исследования на иностранных языках

1. *Balawyder A.* Russian Refugees from Constantinopol and Harbin // Canadian Slavonic Papers. – Monreal. – 1972. – XIV. – № 1.

2. *Bauer J.* Die russische Kolonie in München, 1900–1945. Deutsch-russische Beziehungen im 20. Jahrhundert. – Wiesbaden, 1998.

3. *Bentwich N.* The League of Nations and Pefugees // The British Yearbook of International Law. – London, 1935.

4. *Champcommunal J.* La condition des Russes a l'étrangère et specialement en France. – Paris, 1923. – 78 p.

5. *Chapin-Huntington W. Ch.* The Homesick Million, Russia-out of Russia. – Boston, 1933. – 178 p.

6. *Chyz Y.J., Roucek J.S.* The Russians in the United States // The Slavonic and East European Review. – April, 1939. – V. 17. – № 51.

7. *Cassaro L.* Russi a Milano. Università degli Studi di Milano. Facoltà di Lettere e Filosofia. Anno accademico. 1994–1995.

8. *Cazzola P.* I russi a San Remo tra Ottocento e Novecento. – San Remo, 1990. – 234 p.

9. *Davie M.R.* World Immigration. – N. Y., 1946. – 189 p.

10. *Davis J.* The Russian Immigrant. – N. Y., 1922. – 78 p.

11. Der Grosse Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. – München, 1994. – 448 s.

12. Deutschland und die Russische Revolution, 1917–1924 / München, Zürich, Fink, 1998. – 675 s.

13. *Dodenhoeft B.* «Lasst mich nach Russland heim»: Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. – Frankfurt a. M.: Bern, 1993. – 338 s.

14. *Duncan H.G.* Immigration and Assimilation. – Boston, 1933. – 622 c.

15. *Fields H.* The Refugee in the United States. – N. Y., 1938. – 123 p.

16. *Gordenker L.* Refugees in International Politics. – London, 1987. – 234 p.

17. *Gorman R.F.* Historical Dictionary of refugee and disaster relief organizations. – London, 1994. – 123 p.

18. *Hansen, M.L.* The immigrants in American History. – Cambridge, 1940. – 272 p.

19. *Hansson M.* Fluktningeproblemet og Folkeforbundet. Foredgrag I Nobelinstituttet 7 Januar, 1937. – Oslo, 1937.

20. *Hassel E.J. E.* Russians Refugees in France and the United States Between World Wars. – Philadelphia, 1995. – 215 p.

21. *Hathaway J.* The Evolution of Refugee Status in International Law // International and Comparative Law Quarterly. – 1984. – Vol. 33.

22. *Hobsbawm E.J.* Nations and Nationalism since 1780. Programmer, Myth, Reality. – Cambridge, 1992. – 345 p.

23. *Holborn L.W.* The League of Nations and the Refugee Problem // Annals. – 1939. – Vol. 6. – P. 124–135.

24. I Russi e l'Italia. – Milano, 1995. – 234 p.

25. *Johnston B.V.* Russian-American Social Mobility: an Analysis of the Achievement Syndrome. – California, 1981. – 213 p.

26. *Johnston R.H.* New Mecca, New Babylon. Paris and the Russian Exeiles 1920–1945. – Kingston-Montreal, 1988. – 245 p.

27. Migration – Ethnizität – Konflikt: Systemfragen und Fallstudien. – Bd. 1. – Osnabrück, 1996. – 458 s.

28. The refugees. Information section. – Geneva, 1938. – 78 p.

29. *Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und russische Emigration 1917–1921. – Jena, 1924. – 156 s.

30. *Savitsch M.*D. In Search of Comphtions. – N. Y., 1940–393 p.

31. *Seabrock W.* These Foregners. N. Y., 1938. – 123 p.

32. *Scandurra C.* L'emigrazione russa in Italia: 1917–1940 // Europa orientalis. – 1995. – № 14 (2).

33. *Simpson J.H.* The refugee Problem. Report of a survey by Sir John Hope Simpson. – London, 1939. – 278 s.

34. *Unger Hartmut.* Zwischen Ideologie und Improvisation. – Frankfurt-am-Main, 1996. – 314 s.

35. *Venturi L.* Rivoluzionari russi in Italia 1917–1921. – Milano, 1979. – 145 p.

36. *Volkmann H. – E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919–1929. – Würzburg, 1966. – 254 s.

37. *Walters F.P.* A History of the League of Nations. – London; N-Y., 1967.

38. *Weis P.* The International Status of Refugees and Stateless Persons // Journal du Droit International. – 1956. – № 4.

39. *Williams R. Ch.* Culture in Exile: Russian Emigrés in Germany, 1881–1941. – Ithaca, N.Y., 1972. – 404 p.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Аблажей Н.Н. – 111
Аблова Н.Е. – 111
Абрамов Ф.Ф. – 195
Абрамович Д.А. – 108
Авалов – 74
Авдюшева-Лекомт Н.А. – 234, 245, 263
Авеноль Ж. – 29
Авксентьев Н.Д. – 25, 160, 161
Агабабов – 131
Агабеков, адвокат – 130
Агабеков Г.С. – 104, 205
Адамович Г.В. – 268, 284, 289
Аксельрод П.Б. – 157
Аксенов В.П. – 14
Алданов М. – 222, 226, 230
Александр I Карагеоргиевич – 213, 214, 215, 217, 218
Александр II – 255
Александра Федоровна, императрица – 242
Алексеев А. – 231
Алексеев Н.Н. – 64, 164, 167, 168, 183
Алексий I – 127
Алексинская Т. – 245
Алексинский К.Г. – 55
Альберт I – 241
Анастасий (Грибановский), митрополит – 116, 119, 121, 124, 127
Андрей Александрович, князь – 155
Андрей Андрей Владимирович, великий князь – 155
Андросов В.М. – 142
Анна Ярославна – 232
Анненков Ю. – 231, 232
Антоненко Н.В. – 182
Антониаде – 29
Антоний (Храповицкий), митрополит – 116, 120, 121, 127, 129, 130, 133, 152
Антонов – 29
Антропов О.К. – 182
Апостол П.Н. – 228, 230, 231, 235, 245
Арну – 52
Архангельский А.Н. – 282
Архангельский А.П. – 56
Архангельский В.Г. – 236
Арцишевский А.В. – 257
Астров Н.И. – 31, 88, 89, 111, 236
Аурилене Е.Е. – 111, 112
Ауссем О.Х. – 197, 206
Афанасьев А.Л. – 206
Афинагор, патриарх – 119
Афросимов Г.А. – 154

Б

Бабель И. – 197
Бажанов Б.Г. – 205
Базанов П.Н. – 184
Байдалаков В.М. – 175, 189
Байков А.Л. – 211
Бакст Л.С. – 232
Балашев Б.В. – 79, 80
Бальмонт К.Д. – 221, 226, 243
Баранов Ю.К. – 206
Бармин А.Г. – 104
Бартонь-Добенин К. – 238, 239
Батлер Б.Г. – 20, 29
Баумгартен В.Ф. – 213
Бедный Д. – 218
Белич А. – 213, 216
Белобродский В.А. – 134
Белов В. – 185
Белова Е.И. – 246
Бельговский К. – 218
Беляев И.Т. – 96, 98, 99, 113, 114, 143
Беляев Н.Т. – 97
Бем А.Л. – 250–252, 257, 272, 273, 279, 282
Бенуа А.А. – 137, 139, 141
Бенуа А.Н. – 230–232
Бенуа Г.А. – 114, 143

Берберова Н.Н. – 226, 228
Бердез А. – 52
Бердяев Н.А. – 164
Беседовский Г.З. – 104
Бикнель – 29
Билибин И.Я. – 141, 196, 230–232
Бискупский – 74, 177
Бицилли П.М. – 172, 264, 265, 281
Бобровский С. – 99
Бобчев Н. – 107
Богаевский А.П. – 97, 236
Богаевский К. – 236, 245
Богданович – 216
Богданович П.Н. – 253
Боголепов А.А. – 216, 218
Бойко Ю.В. – 110
Борзов Н.В. – 252
Борис Владимирович, великий князь – 155
Боровановский Э. – 220
Боровиковский В. – 232
Боткин С.Д. – 43, 69, 70, 72, 108, 178
Ботье П. – 231, 245
Бочарова З.С. – 40, 43, 106–108, 110, 114, 206, 207, 246
Брандстрем – 244
Брандт В.А. – 139
Бродский И. – 196
Брут С.А. – 258
Брушвит И.М. – 20
Брюллов К. – 232
Бубнов А.С. – 201
Булгаков В.Ф. – 87, 238–240, 246
Булгаков С.Н. – 172
Бунаков-Фондаминский И.И. – 172, 184
Бунин И.А. – 219–222, 224–226, 243, 244, 267, 268, 282, 285, 289
Бунина В.Н. – 243
Буняк П. – 261, 282
Буслова К. – 220
Бутлеров В. – 99
Бушен Д. – 231

В

Валентинов (Юрьевский) – 158
Ван-Вейк Н. – 244
Варнава, патриарх – 119, 120, 127, 213
Варшавский В. – 169, 184
Варшавский С.И. – 217, 218
Василий Александрович, князь – 155
Васильев Д. – 220
Васильчикова М. – 231
Васса, инокиня – 144, 147
Верейский Г. – 245
Верещагин В.А. – 230
Вернадская-Толь (Толь) Н.В. – 100, 101
Вернадский В.И. – 100, 101, 114
Вернадский Г.В. – 100
Вернер – 29
Вздорнов Г.И. – 140, 147
Викторов Л. – 133
Виллэ – 85
Вильфан – 58
Виталий (Максименко), архимандрит – 135, 144
Виттих К. – 43
Вишневецкий И.Г. – 184
Вишняк М.В. – 162, 222
Владимир Кириллович, великий князь – 153, 155
Владимир, архиепископ – 117
Владыкина В.А. – 260
Власьев С.М. – 256
Войтенко А. – 99
Волков Ф.Г. – 210
Волкова Н. – 147
Волковысский Н.М. – 218, 243
Волконская С.А. – 192
Волконский А.М. – 271, 275, 282
Волконский С.М. – 271, 275, 282
Волошина В.Ю. – 210, 242, 243
Вонсяцкий А. – 176
Врангель П.Н. – 149, 150, 192, 237
Врубель М. – 231
Всеволод Иоаннович, великий князь – 155
Выборов В.И. – 97
Высоколян – 113
Вышеславцев Б.П. – 271

Г

Гавранек Б. – 88
Гавриил Константинович, князь – 155
Гагарин Г. – 232
Газданов Г. – 249
Галлати – 41, 52
Гамов Г.А. – 104
Ганфман М.И. – 216
Гвяздовский – 29
Ге Н. – 233
Геддес А. – 264
Гельфанд Л.Б. – 197, 198

Генемиан – 29
Генис В. – 115
Генрих I – 232
Георгиевский М.А. – 175
Георгий Константинович, князь – 155
Германова Л. – 239
Гершун Б.Л. – 67–69
Гессен И.В. – 43, 67, 237
Гессен С.И. – 250
Гжель В. – 220
Гиппиус З.Н. – 218, 267, 282
Гирс М.Н. – 69
Гитлер А. – 73, 75, 127, 156, 172, 176, 178
Глазенапп В.М. – 266
Глоор – 52
Глубоковский Н.Н. – 133
Гоголь Н.В. – 255, 256
Голицын-Муравлин Д.П. – 266
Головачев М.П. – 134
Головин А. – 245
Головин Н.Н. – 237, 246
Голсуорси Дж. – 222
Голубева-Монаткина Н.И. – 270, 273, 279, 280, 282, 283
Гольдельман С.И. – 205
Гольден – 29
Гольденберг В.В. – 67
Гольденвейзер А.А. – 41, 44, 66, 67, 72, 73
Гондатти – 203
Гончарова Н. – 231, 232
Горазд, епископ – 142
Горлов В.М. – 51
Горнфельд А.Г. – 271, 282
Горцев А.А. – 106
Горький М. – 168, 169, 184, 221, 224
Готро Г. – 78
Гофман М.Л. – 225
Грабар А.Н. – 141
Граббе Г.П. (Ю.П.) – 116, 131, 132
Грабовый В.С. – 263, 283
Гревениц Б.Н. – 41, 47, 48, 105, 106, 250, 261
Григориевич Б. – 145
Григорьев Б. – 231, 232
Грипенберг М. – 47–49
Гроль М. – 216
Гронский П.П. – 40, 230
Грумбах – 38
Губер М. – 28–30, 250
Гулькевич К.Н. – 26, 27, 29–31, 34, 36, 41, 43, 44, 47, 48, 51, 66, 68, 70, 73, 88, 89, 105, 106, 108, 110, 111, 135, 250, 251, 261
Гумбольдт В. – 265
Гумбольт А.Ф. – 210
Гуревич В.Я. – 236
Гурий, митрополит – 131
Гутенберг И. – 235
Гутнов Д.А. – 243
Гюрджян А.М. – 234

Д

Дама Л. – 228
Дан Ф.И. – 104, 156, 157, 186, 204
Дантес Ж. – 227
Дахов Н. – 97
Дашкевич-Горбацкий Н.В. – 59
Дебюсси К. – 217
Делаки – 20
Делянов П.И. – 137
Демидов И.П. – 278
Дехтерев А.П. – 248, 260
Джонсон Т. – 20, 31, 42, 48, 86
Джугашвили – см. Сталин И.В.
Дик Е.Н. – 113
Дикий Г.Н. – 91
Дионисий, митрополит – 136
Дмитриевский С.В. – 104
Дмитрий Александрович, князь – 155
Дмитрий, епископ – 121
Дмитрий, митрополит – 133
Дмитрий Павлович, великий князь – 155
Доброклонский А.П. – 133
Доброхотов А.А. – 92
Добужинский М.В. – 231, 232, 245
Докашева Е.С. – 111, 246
Долгоруков П.Д. – 97, 251, 252
Досифей, епископ – 214, 216
Достоевский Ф.М. – 184, 255
Дубинская-Джалилова Т. – 184
Дурновцев В.И. – 270, 271, 282
Дын-чао – 91
Дягилев С.П. – 232, 245

Е

Евлогий, митрополит – 116–118, 120, 121, 124, 125, 127, 129, 133, 137, 139, 145–147
Егоров А.А. – 97
Егорьев В. – 35
Екатерина I – 233
Екатерина II – 232, 233

Елачич Е. – 274
Елевферий (Богоявленский), митрополит – 117, 119, 125
Ельяшевич В.Б. – 35, 211, 243
Ермишин О.Т. – 262
Ефимов А.А. – 92
Ефимов Л.П. – 243

Ж

Жарновский И.И. – 231
Жекулина А.В. – 251, 279
Животовская К.М. – 245
Жуков Е.А. – 218

З

Завадский С.В. – 216, 217, 236, 278
Зайцев Б.К. – 215, 218, 219, 222, 226, 227, 230, 256, 278
Зайцев К.И. – 228
Залесская З.Е. – 147
Замойски Я.Е. – 145
Заславский Д. – 218
Звездич П.И. – 216
Зеелер В.Ф. – 41, 75, 76, 109, 217, 243, 261
Зензинов В.М. – 160–162
Зеньковский В.В. – 127, 145, 248, 255, 260, 262, 265, 278, 281, 284, 289
Зильберштейн И.С. – 245
Зуев А.В. – 92

И

Иаков, о. – 144
Иванов Вяч. И. – 272, 273, 282
Иванович – 158
Игнатьев А.А. – 172, 196
Извольский П.П. – 137
Изразцов К.Г. – 143
Изюмов А.Ф. – 230, 237
Ильин В.Н. – 168
Ильин Г.А. – 253
Ильин И.А. – 267, 281
Иоанн (Печерский), епископ – 119
Иоанн Богослов – 135
Иоанн Кронштадтский – 141
Иоанн, епископ Шанхайский – 229
Ипатьев В.Н. – 104, 200
Ипполитов С.С. – 109
Исаков С.Г. – 106
Исаченко А.В. – 88
Исцеленнов Н.И. – 139–141, 147, 231

Й

Йейтс У.Б. – 221
Йованович М. – 260

К

Казаков Т. – 182
Казем-Бек А.Л. – 169–172, 184
Каневская Г.И. – 113, 147, 244
Канонников – 113
Кантемир А.Д. – 210
Каравакка Л. – 233
Карамзин Н.М. – 184, 210
Каратеев М.Д. – 114
Карлгрен А. – 221
Карлфельдт Э.А. – 222
Каррик В.В. – 258, 259
Карсавин Л.П. – 167
Карташев А.В. – 137
Карцевский С.О. – 88, 269, 282
Катенев В.П. – 230
Кауфман Е.С. – 219, 243
Кельнич С.М. – 218, 243
Керенский А.Ф. – 152, 159–161, 205
Кёсева Ц. – 107, 108
Кизеветтер А.А. – 210, 212, 236, 243
Кипренский О. – 232
Кирилл Владимирович, великий князь – 150, 152, 153, 155, 170, 180
Кисверк Б.Я. – 97
Киселев А.Ф. – 145
Кичч Ф. – 80
Клузо – 31
Ковалевский Е., о. – 140
Ковалевский Е.П. – 106, 137, 255, 279
Ковалевский П.Е. – 147, 254, 262
Коковцов В.Н. – 25, 79, 136, 137
Кокто Ж. – 227
Коллинс – 250
Коломацкий В. – 142
Колос И. – 144
Конашевич В. – 245
Коновалов А.И. – 249
Конради С. – 99
Коренчевский В.Г. – 214
Корнетов Г.Б. – 263
Коростелев О. – 244, 261
Косик В.И. – 184
Коста-дю-Рельс – 38
Костер Л.Я. – 235
Костючик И.И. – 134
Котельников А.А. – 39

Кочубей А. – 73
Кочубей О.И. – 111, 147
Краац П.А. – 97
Кравченко А. – 245
Крайний А. – 282
Крамской И.Н. – 233
Крапивин А.С. – 211
Краснов Н.П. – 142
Красовицкая Т.Ю. – 260
Крейд В. – 289
Крейн Дж. – 111
Крестинский Н.Н. – 201, 207
Кривошеин Г.Г. – 239
Кривошеин Н. – 99
Крно – 29
Кротова М.В. – 112, 207
Крэнборн – 38
Крючков П.П. – 169
Ксюнин А.И. – 218, 243
Кузнецова Г. – 224, 288
Кузнецова Т.В. – 243
Кузьмин М.Н. – 260
Кузьмина-Караваева А.А. – 256
Кулев Т. – 60
Кульман Г.Г. – 39, 40
Кульман Н.К. – 225, 226
Куманудь К. – 216
Куприн И.А. – 215, 218, 219, 222, 228
Кускова Е.Д. – 34, 89, 111, 157, 172, 288
Кусонский П.А. – 104
Кустодиев Б. – 231
Кутепов А.П. – 192, 194
Кьосева Ц. – 107, 196, 203, 206, 207

Л

Ладинский А.П. – 228
Ламанский В.В. – 92
Лампе А. фон – 74, 104, 192
Лампи Ж.-Б. – 233
Лансере Е. – 245
Лапьеро Х. – 97
Лашкевич Г.Н. – 35, 44
Ле Бёф Анри – 231
Лебедев В.И. – 161, 183, 188, 189
Левицкий Д. – 232
Легра – 212
Лейхтенбергский Г. – 271, 275
Лейхтенбергский С.Н. – 175
Леконт – 242
Лелекова О.В. – 147
Ленин В.И. – 167
Лермонтов М.Ю. – 255
Лесков Н.С. – 255
Лирская В.Н. – 256
Лисица О.В. – 262
Литвинов М.М. – 24, 35, 36
Лифарь С.М. – 225, 227, 228, 230, 232, 239, 245
Лобанова-Ростовская – 64
Лобанов-Ростовский Н.Д. – 64
Лодж – 28
Лодыженский Ю.И. – 149, 182
Лозинский Г.Л. – 225, 227, 235
Ломоносов М.В. – 210, 211, 242
Лосский А.Н. – 259
Лосский Б.Н. – 259
Лосский В.Н. – 259
Лосский Н.О. – 214, 243, 259, 260, 263, 273, 278, 282, 283
Лукомский В.В. – 142
Луначарский А.В. – 200, 201
Лурье А.С. – 167
Львов Л.И. – 225
Льюис С. – 221
Любимов Л. – 184

М

Макаренкова Е.М. – 147
Маклаков В.А. – 25, 30, 36, 42–44, 69, 72, 76, 80, 109, 110, 128, 130, 178, 212, 225, 226
Маковский С.К. – 141, 231, 233
Максимов В. – 139
Малевский-Малевич П.Н. – 167
Мандельштам А.Н. – 40
Манн Т. – 244
Мансветов Ф.С. – 97, 236
Мануйлов А.А. – 266
Маракуев С.В. – 97
Мария Павловна, великая княгиня – 231
Мария Федоровна, императрица – 150
Марков Н.Е. – 150, 152
Марсель Р. – 34, 36
Мартов Ю.О. – 157, 159, 186
Марченко Т. – 222, 244
Масарик А. – 89, 111
Маслов С.С. – 194
Массип М. – 184
Матезиус В. – 88
Махароблидзе Е.И. – 116
Махин Ф.Е. – 188
Меккензи – 29

Мелетий, архиепископ, митрополит – 92, 134, 146
Меллер-Закомельский А.В. – 178
Мельгунов С.П. – 217
Мережковский Д.С. – 218, 219, 221, 224, 227, 285, 289
Мещерская В.К. – 137, 139
Миллер Е.К. – 194, 195
Милюков П.Н. – 74, 89, 148, 159, 179, 182, 212, 217, 225, 226, 228
Минор О.С. – 158–161, 205
Митрофан (Виноградов), о. – 143
Митрохин В.А. – 185
Митрохин Д. – 245
Михалев Н.М. – 190, 193, 205, 206
Могилянский Н.М. – 217, 218, 243
Можаева Л.А. – 262
Мосейкина М.Н. – 113, 114, 147
Муратов П.П. – 141, 234
Мусоргский М.П. – 255
Муссолини Б. – 172, 178
Мякотин В.А. – 236

Н

Набоков В.В. – 75, 109, 115, 224, 270, 287, 289
Набоков В.Д. – 74
Навай Л. – 27, 29, 31, 32
Наземцева Е.Н. – 111
Нансен Ф. – 20, 21, 24, 25, 28, 31, 32, 34–39, 42, 43, 48, 49, 52, 53, 62, 66, 70, 71, 76, 108, 204, 250, 251
Нарышкина В.С. – 231
Невалайнен П. – 105
Недбаевский В.М. – 109, 185
Неклюдова В.В. – 137
Немирович-Данченко В.И. – 216, 218, 240
Ненароков А.П. – 183
Нижинский В. – 232
Никита Александрович, князь – 155
Никифоров В. – 99
Никифоров Н.В. – 134
Никифоров Н.И. – 193
Николаев Д.Д. – 18
Николаева А. – 147
Николай II – 139, 213, 242
Николай Николаевич, великий князь – 150
Нитобург Э.Л. – 102, 114
Нобель А. – 244
Новиков А.П. – 188, 205
Новиков М.М. – 212, 238, 239, 242, 243, 246
Нойрат К. – 178, 179
Нольде Б.Э. – 19, 27, 36, 40, 41
Нотгафт Ф.Ф. – 245

О

Обер Т. – 149, 150, 182
Оболенский В.А. – 97
Обухов Б.Г. – 261
Овсянников А.А. – 205
Одинец Д.М. – 279
Ознобишин Д.И. – 241
Окунев Н.Л. – 141
Орлова Х. – 232
Осав Ж. – 112
Осадчая А.П. – 206
Осоргин М.А. – 104, 226, 230
Остроумова-Лебедева А. – 245
Остроухов П.А. – 100
Осусский – 34, 36
Оцуп М.А. – 228

П

Павлова Т.Ф. – 246
Павловский М.Н. – 229
Пан М. – 76
Панина С.В. – 89, 90, 101, 110, 111
Пантелеимон (Нижник), иеромонах – 144
Парчевский К. – 96, 113, 216
Пахомий, архимандрит – 143
Пашалаян – 29, 31, 41
Пашкина Е.Г. – 184
Педжет Д. – 137
Пельхау-Святозаров А.П. – 177
Перов В.Г. – 233
Петелин И. – 133
Петр I – 233
Петр, митрополит – 121
Петров В.А. – 255
Петров-Водкин К. – 245
Петрункевич А.И. – 100
Петрункевич И.И. – 89
Петрушева Л.И. – 240, 245, 246, 261, 262
Печерица В.Ф. – 111, 147
Пивовар Е.И. – 114, 206
Пиленко А.А. – 40
Пилкин А.П. – 114
Пильский П. – 243

Пио-Ульский Г.Н. – 288, 289
Пирогов Н.И. – 255
Платон, митрополит – 119
Повало-Швейковская – 64
Пограничный Д.А. – 58
Подольский Б.Г. – 200
Поленов В.Д. – 233
Полонский Я.Б. – 235
Полоцкий С. – 210
Полушкин Н.С. – 101, 148, 194, 283
Поляков Ю.А. – 261
Померанцев О.Б. – 189
Поремский В.Д. – 96, 113
Португейс С.О. – 158
Порше Ж. – 230
Постников С.П. – 34, 104, 111, 157–160, 288
Потапова И.В. – 112
Потемкин В.П. – 35, 36, 195
Потресов А.Н. – 157, 183
Прозоров Г. – 125
Прокофьев С. – 184
Пушкарев С.Г. – 277
Пушкин А.С. – 210, 211, 225–229, 242, 255, 268, 281
Пушкина Н.Н. – 227
Пушкина-Розенмайер Е.А. – 227

Р

Райский И.П. – 134
Рамбольд Г. – 34
Раскольников Ф.Ф. – 195, 196
Рафаэль – 29, 31
Рахманинов С.В. – 217
Ревякина Л. – 206
Ремизов А.М. – 219, 226
Ренников А.М. – см. Селитренников
Репин И.Е. – 233, 240
Реффи – 29
Ривлин – 35
Риекки Э. – 47
Риттенберг А. – 67
Рклицкий Н.П. – 116
Роговский – 160
Родзаевский К. – 176
Родионова Н.А. – 261
Розенберг Н.Ф. – 89
Рокотов М.С. – 243
Рокотов Ф. – 232
Роман Петрович, князь – 155
Романелли – 29
Романовский В.К. – 184
Ростислав Александрович, князь – 155
Ростовцев М.И. – 100
Рубец А.А. – 252
Рубинштейн А.Г. – 217
Рубинштейн Я.Л. – 20, 27, 29, 30, 34, 37, 39–41, 43
Руденцова Ю.И. – 109
Руднев В.В. – 161, 218, 222, 250, 252, 278
Рудницкий А.Ю. – 113
Руснак Л.В. – 42
Ручкин А.Б. – 261, 262
Рюкар М. – 85
Рябушинский В.П. – 139, 141, 231
Рябушинский С.П. – 141

С

Сабанин А.В. – 44
Савельев П.Ю. – 183
Савицкий П.Н. – 118, 167, 168, 184
Савич Н.В. – 25
Саврасов А.К. – 233
Савчук – 201
Сазонова Ю.Л. – 286, 289
Самков В.А. – 245
Самойлов Г.И. – 142
Сахаров А.Н. – 205
Сахаров Б. – 140
Сахаров В.Н. – 143
Сахаров Н., протоиерей – 137
Свержинский А. – 220
Свифт – 30
Святополк-Мирский Д.П. – 150, 167, 182
Седова Е.Е. – 246, 262
Седых А. – 289
Селитренников (Ренников) А.М. – 275
Семенов В.Н. – 146
Семенов Г. – 177, 193, 203
Семенов К.К. – 205
Сенкелис – 34
Серапионова Е.П. – 110, 111
Серафим (Лукьянов), епископ – 120
Серафим Саровский – 137, 141
Серафимов Б.С. – 39, 41, 44, 62, 63
Сергий Радонежский – 137, 143
Сергий, митрополит – 117–120
Серковская Л.В. – 246
Серышев И. – 220
Сесиль Р. – 28

Сикорский И.И. – 239
Симпсон Дж. – 96, 105, 114
Сиспанов С. – 99
Скалон Н.Д. – 178
Скобцева М. – 172
Славик Я. – 236, 237
Славуцкий М.М. – 207
Слоним М.Л. – 160, 162, 188, 189, 267, 282
Смирнов И. – 136, 137
Смирнов П.К. – 134
Соколов К.Н. – 63
Соколов М.В. – 195, 206
Солженицын А.И. – 205
Соллогуб А.А. – 145
Солнцева Н.М. – 243
Соловьев В. – 216
Солодовников Б.И. – 97
Солоневич И.Л. – 180, 181, 185
Сомов К.А. – 232, 233, 245
Спекторский Е.В. – 58, 218, 265, 269, 270, 274, 281, 282
Сполдинг Г.Н. – 167
Споре Р.В. – 242
Спургот М.Ц. – 243
Срывалина Е. – 99
Сталин И.В. – 115, 169, 184, 186, 188, 190, 192, 205
Сталинский Е. – 160, 170, 184, 188, 205
Ст-й А. – 43
Станг Ф. – 39
Сташевский В.В. – 142
Стеллецкий Д.С. – 141, 234
Степун Ф.А. – 172, 174, 224, 244
Стоббе – 66–70, 72
Столыпин А.П. – 175
Струве А.П. – 230
Струве Н. – 139, 170
Струве П.Б. – 184, 217, 226, 227, 285, 289
Субботич – 29
Сувчинский П.П. – 164, 166–169, 184
Судейкин С. – 231
Сумароков Е.Н. – 134
Суриков В. – 233
Суханов – 159
Сухомлин В.В. – 159–161, 188, 205

Т

Таборицкий – 74
Тамон, генерал – 91
Тарановский Ф.В. – 217, 219
Тарле Г.Я. – 261
Таубер Л.Я. – 40–42, 107, 110
Тейтель Я.Л. – 20
Телицын В.Л. – 245
Теодорович – 159
Тереня Ю.Ю. – 262
Терехова Е.А. – 245
Терне А.А. – 266
Тетеревлева Т.П. – 258, 263
Тимофеев-Ресовский Н.В. – 104
Титов Ф. – 133
Тихон (Гнатюк), иеромонах – 143
Тихон (Лященко), епископ, архиепископ – 120, 125
Тихон, патриарх – 116
Толмачева Г.И. – 99
Толстая А.Л. – 104, 200–202, 207, 277, 282
Толстой А.В. – 234, 245
Толстой Л.Н. – 184, 200–202, 217, 239, 244, 246
Толь Н.В. – 100, 101
Толь Н.П. – 100
Тома А. – 29, 31
Трофимов К. – 143
Троцкий Л.Д. – 190, 192, 205
Трубецкой М. – 56
Трубецкой Н.С. – 88, 118, 164, 167–169, 183, 281
Туманова Н. – 99
Тургенев И.С. – 264
Тхоржевский И.И. – 227
Тэффи Н.А. – 18, 226

У

Уварова Е.В. – 252
Узунович Н. – 54
Ульянов – 212
Унбегаун Б.Г. – 230
Упадышева И.В. – 255, 262
Урилов И.Х. – 182, 183
Устрялов Н.В. – 91, 92, 167, 184

Ф

Фальковский Е.А. – 31, 66, 68–71, 108
Фатеев А.Н. – 236
Федор Александрович, князь – 155
Федоренко – 193
Федоров М.М. – 137, 212, 225

Федоров Н. – 270
Федоров Н.Ф. – 168, 184, 254
Федоров П.А. – 141
Федотов Г.П. – 172
Федотов П. – 232
Федюкина Е.В. – 132, 146, 147
Фелькерс – 29
Фенцик С.А. – 216
Феофил, митрополит – 121, 124
Фесенко А. – 282
Фесенко Т. – 282
Филарет, архимандрит – 133
Филин М.Д. – 281, 289
Филипп I – 232
Фирлингер – 29
Флейшгауэр У. – 152
Флоровский А.В. – 236
Фолькманс – 29
Фомин И.А. – 64
Фондаминский И.И. – 161, 222, 278
Фотий II – 117, 137
Франк С.Л. – 176, 226, 227
Франко Ф. – 75
Франсуа – 29

Х

Ханссон М. – 34, 37, 71
Хечинов Ю. – 207
Ходасевич В.Ф. – 227
Христофор, о. – 143

Ц

Царькова Т.С. – 245
Цветаева М.И. – 226, 228, 268
Цветнов Н.Н. – 105
Цедлер Г. – 235
Циганов А.С. – 219
Цокун И.Л. – 143
Цуриков Н.А. – 242, 251
Цыпин В. – 145

Ч

Чайльдс Л. – 29
Челищев В.Н. – 216, 217
Чернев А. – 184
Черникова Л. – 245
Чернов В.М. – 97, 160–162, 188, 205
Чернолуцкая Е.Н. – 112
Чернышева М.Д. – 263
Черняев В.Ю. – 50, 106
Чираоло – 29, 30
Чириков Е.Н. – 218
Чистиков А.Н. – 46, 105
Чистяков К. – 185
Чичибабин А.Е. – 104, 200
Чубинский М.П. – 217
Чубыкин И.В – 187, 205
Чхеидзе К.А. – 167

Ш

Шабельский-Борк – 74
Шавельский Г.И. – 64
Шагал М. – 239
Шаляпин Ф.И. – 232
Шамаль – 238
Шарпантье – 52
Шарский Н. – 99
Шауфус – 89
Шахматов А.А. – 266, 281
Шевелев К.В. – 58
Шелохаев В.В. – 183
Шереметев Г. – 139
Шилов Н.Д. – 243
Шилтян Г.И. – 234
Шишков А.С. – 271
Шкаровский М.В. – 146, 147
Шлезингер М. – 66, 70
Шмагайлов Г. – 99, 143
Шмелев И.С. – 215–219, 221, 226, 227, 243, 244
Шмурло Е.Ф. – 210, 214, 236
Шнейдер И.В. – 141, 145
Шруба М. – 244, 261
Штейн Б.Е. – 35, 38
Штрандтман В.Н. – 39, 44, 54–56, 58, 128, 129, 216
Шуменкович – 29
Шухаев В. – 231, 232

Щ

Щавинская Л.Л. – 147
Щербатский А.И. – 66
Щетинов Ю.А. – 205

Э

Эггер К.К. – 56
Эдмонт – 29
Эмерсон Г. – 39, 40

Эпштейн М.С. – 200
Эренбург И. – 197
Эрн Н.Ф. – 143
Эрьзя С. – 99
Эфрон С. – 167

Ю

Юденич Н.Н. – 106
Юдин Н.А. – 220
Юдина М.В. – 184, 220
Юнгманн – 265
Юон К. – 245
Юпатов – 246
Юренев П.П. – 18, 257, 277, 279, 288
Юрьев – 41, 129

Я

Яблоновский А.А. – 215, 216, 218, 219
Ягода Г.Г. – 169
Якобсон Р.О. – 88, 281
Яковлев А. – 231, 232, 245
Яковлева Е.П. – 231, 245
Ярослав Мудрый – 232
Ясинский В.И. – 67
Яхонтов А.Н. – 73, 101, 227, 283

A-S

Alice – см. Масарик
Navailles de – 27
Simpson J.H. – 105

Русский мир в XX веке
в 6-ти томах

Том 1

Мосейкина М.Н. У истоков формирования Русского мира. XIX – начало XX века.

Том 2

Бочарова З.С. Феномен зарубежной России 1920-х годов.

Том 3

Бочарова З.С. Русский мир 1930-х годов: от расцвета к увяданию зарубежной России.

Том 4

Антошин А.В. На фронтах Второй мировой и «холодной» войн: русские эмигранты в 1939 – начале 1950-х гг.

Том 5

Антошин А.В. От Русского Монмартра – к Брайтон-Бич: эволюция Русского мира в 1950-е – начале 1980-х гг.

Том 6

Бордюгов Г.А., Касаев А.Ч. Русский мир и Россия: формирование нового типа отношений. 1986–2000 гг.

Русский мир в XX веке
в 6-ти томах

Научное издание

Зоя Сергеевна БОЧАРОВА

Том 3

РУССКИЙ МИР 1930-х ГОДОВ:
от расцвета к увяданию зарубежной России

Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ISBN 591022240-6

9 785910 222407

Налоговая льгота –
Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры

Научно-исследовательский центр АИРО-XXI
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
www.airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 27.01.2014
Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 21,0
Тираж 1000 экз. Зак.